

**СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

ТЕПЛЯШИН ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ СИСТЕМЫ
(ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ)**

специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук,
профессор Щедрин Н.В.

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ	27
§ 1. Методологические предпосылки исследования европейских пенитенциарных систем	27
§ 2. Метод сравнительного правоведения в науке уголовно-исполнительного права как инструмент исследования европейских пенитенциарных систем	38
ГЛАВА II. РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ	64
§ 1. Ретроспективные основы становления и развития европейских пенитенциарных систем	64
§ 2. Международно-правовые основы формирования европейских пенитенциарных систем	83
ГЛАВА III. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ	100
§ 1. Правовая система как научно-правовая основа типологизации европейских пенитенциарных систем	100
§ 2. Классификация и типологизация европейских пенитенциарных систем	116
ГЛАВА IV. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ	124
§ 1. Англо-ирландский тип европейских пенитенциарных систем	124
§ 2. Восточно-европейский тип пенитенциарных систем	140
§ 3. Германский тип европейских пенитенциарных систем	167
§ 4. Голландский тип европейских пенитенциарных систем	178
§ 5. Иберийский тип европейских пенитенциарных систем	190
§ 6. Прибалтийский тип европейских пенитенциарных систем	201
§ 7. Скандинавский тип европейских пенитенциарных систем	214
§ 8. Славянский тип европейских пенитенциарных систем	226
§ 9. Французский тип европейских пенитенциарных систем	245
§ 10. Южно-европейский тип пенитенциарных систем	254

ГЛАВА V. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИ- ТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ	266
§ 1. Критерии эффективности европейских пенитенциарных систем	266
§ 2. Факторная оценка эффективности европейских пенитенциарных систем	282
ГЛАВА VI. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИ- ТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ С УЧЕТОМ ОПЫТА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ	306
§ 1. Европейские пенологические стратегии	306
§ 2. Формирование современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в условиях опыта функционирования ев- ропейских пенитенциарных систем	315
§ 3. Современное реформирование организационных основ уголов- но-исполнительной системы России в контексте европейского пенитенциарного опыта	344
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	370
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	388
ПРИЛОЖЕНИЯ	480

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Реализация и защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина является одной из важнейших целей современной цивилизации и российского общества, которая определена в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Осужденные составляют достаточно многочисленную категорию лиц, в отношении которых допускается правомерное ограничение их естественных прав. Следовательно, должен существовать эффективный механизм правового регулирования исполнения уголовных наказаний, учитывающий достижения в области охраны прав осужденных. На этом фоне аналитический интерес к исполнению уголовных наказаний в зарубежных странах позволяет выявить как положительные образцы, так и отрицательный опыт во избежание возможных ошибок в отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности. Хотя право государств и отражает национальные и культурные традиции, но декларируемое стремление России продолжать движение по пути социально-экономических и политических реформ требует критического осмысления чужого позитивного опыта и конструктивного подхода к нему. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ закрепляется: «Российская Федерация выступает за укрепление взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами, Европейским союзом, за гармонизацию интеграционных процессов в Европе». Для нашей страны важен опыт борьбы с преступностью в европейских государствах, закрепление по этой линии взаимовыгодных партнерских отношений. Не случайно среди принципов определения содержания инновационной для отечественной правовой науки Модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации выделяет-

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

ся учет современного и исторического опыта исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в зарубежных странах¹.

В условиях проведения реформы отечественной уголовно-исполнительной системы повышается необходимость анализа становления и развития зарубежного опыта правового регулирования обращения с осужденными, который во многом основывается на международных пенитенциарных стандартах и прогрессивном общественном развитии. Вот почему в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года² (далее – Концепция) говорится о совершенствовании деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития, в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025)»³ указывается на повышение гарантий соблюдения прав и законных интересов осужденных в соответствии с международными стандартами.

Вне концептуального, а не описательного исследования практики функционирования пенитенциарных учреждений европейских государств отечественная модель обращения с осужденными рискует остаться во власти стихийных процессов «слепого» заимствования зарубежного опыта без его критического осмысления, сплошных верификаций и экспериментов, что было характерно для периода «романтизма» в науке уголовно-исполнительного права. В настоящее время необходимо говорить о вступлении российской юридической науки в эпоху «реализма», когда успех реформирования и дальнейшего прогрессивного развития уголовно-исполнительной системы России, которая пока находится, в сущности, на

---

¹ См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2017. С. 29-30.

² Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р (в редакции от 23 сентября 2015 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

³ Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025)»: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 года № 2808-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 2 (ч. II). Ст. 413.

распутье, во многом зависит от готовности развивать оправдавшие себя достижения прошлого, обогащая их культурно-правовыми ценностями сегодняшнего дня.

Для целей такого исследования крайне важна разработка научно обоснованной классификации и типологизации европейских пенитенциарных систем, анализа их эффективности, сопоставления закономерностей развития европейских пенитенциарных систем. Однако сделать это возможно только тогда, когда, в частности, будет достигнуто единообразное понимание категории «пенитенциарная система» и критериев её эффективности. При этом недопустимо сопоставлять российскую пенитенциарную систему одновременно со всем массивом европейской, которая обладает существенным разнообразием и известной рафинированностью. Ведь «...нет европейских или международных тюрем вообще, а есть тюрьмы каждой конкретной страны»¹. Изучение своего рода «европейской пенитенциарной карты» создает основу для формирования, наряду с теориями криминологической и уголовно-правовой систем, теории пенитенциарных систем.

Существование знаний, имеющих межкультурное универсальное значение в области исполнения наказаний, развивает научный интерес к сравнительному правоведению, доказывающему, что наука не может развиваться лишь на основе информации, полученной в рамках собственного внутригосударственного права. Компаративистика позволяет объективно оценить достоинства и недостатки отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности и понять перспективы оптимизации российского уголовно-исполнительного права. В связи с этим уместно мнение о том, что проблематика зарубежного уголовно-исполнительного права «должна занимать соответствующее место в тематике докторских и кандидатских диссертаций»².

Таким образом, исследование европейских пенитенциарных систем способствует лучшему пониманию отечественных традиций в этой сфере, правового уклада и перспектив развития национального законодательства. Выделение среди

---

¹ Уткин В.А. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций и смена уголовно-исполнительных парадигм // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1. С. 68.

² Шишканова И.А. Сравнительное правоведение в диссертационных исследованиях (на примере уголовно-исполнительной тематики) // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 76.

европейских пенитенциарных систем славянского компонента демонстрирует наличие исторически сложившихся самобытных особенностей её функционирования, позволяет подчеркнуть интегративные особенности данного типа, определяющие вектор его дальнейшего развития. При этом использование термина «славянский», учитывая в определенном смысле условный его характер, отражает единство национально-географического подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения уголовных наказаний, показывая тем самым эволюционный (а не идеологизированно формационный) характер её развития.

Исследование теоретических аспектов европейских пенитенциарных систем позволяет вскрыть резервы правовых средств регулирования соответствующих общественных отношений, обратиться к перспективам модернизации уголовно-исполнительного законодательства и по-новому взглянуть на правоприменительную практику, сопутствующую реформированию уголовно-исполнительной системы. Изучение научно-теоретических предпосылок и практического содержания эффективности пенитенциарной системы позволяет сформировать комплексное видение механизмов, лежащих в основе изменения социальной направленности уголовного наказания, способствует дальнейшему построению научных парадигм в области карательно-предупредительного и исправительного воздействия государства на преступника.

Степень научной разработанности темы исследования. Устойчивый интерес к методу сравнительного правоведения в пенитенциарной науке, европейскому пенитенциарному опыту проявляется, начиная с исследований в этой сфере известных русских ученых-юристов. Так, к ученым-пенитенциаристам, занимающимся сравнительным правоведением в дореволюционный период, можно отнести В.В. Берви, С.О. Богородского, М.Н. Галкина, С.К. Гогеля, Г. Граднауэра, И.С. Джабадари, Д.А. Дриля, А.А. Жижиленко, И.П. Закревского, П.И. Люблинского, Ф. Малинина, К.Ю. Миттермайера, С.В. Познышева, В.В. Пржевальского, Н.Д. Сергеевского, Н.И. Фалиева, М.П. Чубинского и др. В последующем данный

метод в своих исследованиях применяли такие ученые в области уголовно-исполнительного права, как Л. Альперн, С.В. Боботов, С.Я. Булатов, Е.П. Бурдо, А.Н. Бурцев, А.В. Быков, М.Д. Витина, В.Б. Ворощук, О.Г. Гилязова, Р.Б. Головкин, Д.В. Горбач, А.Я. Гришко, С.И. Гусева, П.В. Голодов, О.Р. Гулина, О.С. Епифанов, Т.Э. Зулфугарзаде, О.А. Иванова, О.В. Игумнова, Е.С. Кананыкина, С.П. Кубанцев, Д.Б. Казанцева, Н.Н. Кутаков, В.Н. Летунов, Ю.П. Мясина, Н.И. Нарышкина, Т.И. Неукратимая, С.Н. Овчинников, В.В. Оксамытный, Н.М. Панарина, Е.П. Радченко, В.И. Селиверстов, А.В. Серебренникова, А.П. Скиба, И.В. Слепцов, Л.Б. Смирнов, Е.А. Тимофеева, Е.А. Тохова, А.Н. Трайнин, Г.А. Туманов, Е.Г. Ширвиндт, А.В. Щербаков, В.Н. Черный и др. Комплексным проблемам становления и развития иностранных пенитенциарных систем посвятили работы З.А. Астемиров, К.К. Кораблин. Подвергалась анализу категория «пенитенциарная система» Е.Н. Балувевым, С.М. Оганесяном, М.О. Турчиной и др. Среди западных правоведов можно выделить исследования таких авторов, как И. Анденес, М. Ансель, И. Анттила, П. Арчер, К. Бард, П. Вежбицкий, Я. Денис, Б.Л.Йоханссон, М. Коски, Н. Кристи, Т. Лаппи-Сеппала, С. Леленталь, Ж. Прадель, П. Торнудд, Й. Укерманн, Р. Уолкер, Д. Фримен, К.Ф. Aas, Н.Р. Abbing, G. Adamson, M.F. Aebi, J.M. Alonso, R. Andrews, A. Ashworth, J. Ashton, A. Baechtold, M. Barnoux, P. Been, D. Boduszek, M. Bosworth, W. Bretschneider, C. Brooker, B.C. Burkhardt, W. Branch-Johnson, W. Bretschneider, J. Casselman, M. Cavadino, G. Cliquennois, R. De Cuyper, M. Dawson, N. Delgrande, J. Dignan, H. Dixon, D.H. Drake, A. Duff, F. Dünkel, S. Easton, B. Elger, D. Garland, T. Gavrielides, D. Gojkovic, S. Grant, M. Grünhut, M. Hall, L. Haney, G.V. Hansen, L. Hennebel, M. Herzog-Evans, K. Holt, P. Hyland, A.C. Ewing, L.W. Fox, M. Fitzgerald, N. Frerich, V. Handtke, J. Heath, R. Hood, J. Howard, S.R. Illescas, A. Jones, E. Katz, A. Krebs, E. Langeland, Z. Lasocik, A. Linde, S. Livingstone, M. MacDonald, J.H. Magnus, J. Martin, M. McAuley, F. McNeill, D. Moran, S. Owen, T. Owen, F. Pakes, J. Pallot, L. Parrott, M. Pettigrew, L. Piacentini, M. Polonsky, J. Pratt, K. Rabe, A.B. Retish, N. Rogge, A. Sanders, D. Scott, A. Senn, M. Schinkel, M. Shevlin, R. Simper, G. Slade, S.

Snacken, H. Stöver, M. Verschelde, B. Volker, R. Walmsley, T. Wangmo, M. Welch, F.H. Wines, A. Worrall, J. Wood, R. Wortley, V. Zahars, M. Stivrenieks.

Современные исследования международных стандартов и правил в сфере обращения с осужденными, их роли в формировании международного пенитенциарного права и влияния на отечественное уголовно-исполнительное законодательство и практику его применения проводились такими учеными, как Н.А. Глебова, А.Я. Гришко, Ф.В. Грушин, О.В. Демидова, А.А. Демичев, А.А. Захаров, С.М. Зубарев, Ю.А. Кашуба, А.А. Коровин, А.А. Малиновский, В.В. Милинчук, В. Первозванский, Е.В. Сенатова, Н.А., Стручков, Ю.В. Трунцевский, И.Б. Ускова, В.А. Уткин, В.И. Хижняк, Н.Б. Хуторская.

Однако до настоящего времени в теории уголовно-исполнительного права остается без концептуального осмысления вопрос о типологизации, факторах и оценке эффективности европейских пенитенциарных систем. Под таким углом зрения не исследовалась проблема влияния международных пенитенциарных стандартов и европейского пенитенциарного опыта на отечественное уголовно-исполнительное законодательство и роль метода сравнительного правоведения в его совершенствовании. Осознание юридической научной общественностью направлений и практической целесообразности классификации и типологизации европейских пенитенциарных систем могло бы стать полезным шагом в направлении повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы и уголовной юстиции.

Объектом исследования являются общественные отношения, в рамках которых функционируют европейские пенитенциарные системы.

Предметом исследования выступили нормы российского и зарубежного законодательства, регламентирующие исполнение уголовных наказаний, правовая доктрина и теории наказания отечественных и европейских авторов, материалы судебной и иной правоприменительной практики, статистические закономерности применения мер предварительного заключения и уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, тенденции функционирования европейских пенитенциарных систем.

Цель диссертационного исследования состоит в установлении современного состояния европейских пенитенциарных систем, их классификации и типологизации, а также оценке эффективности, формулировании на этой основе предложений по оптимизации отечественной уголовно-исполнительной политики и законодательства, развитию организационных основ уголовно-исполнительной системы России.

Достижение указанной цели потребовало постановки и решения следующих **задач исследования:**

- выявить ретроспективные основы становления и дать общую характеристику европейских пенитенциарных систем;
- определить место и роль международных пенитенциарных стандартов в формировании метода сравнительного правоведения в исследовании европейских пенитенциарных систем;
- изучить культурно-правовой феномен правовых систем как основу европейских пенитенциарных систем;
- исследовать теоретические и правоприменительные закономерности функционирования европейских пенитенциарных систем;
- предложить научно обоснованные классы и типы европейских пенитенциарных систем;
- выявить критерии эффективности функционирования европейских пенитенциарных систем;
- дать оценку эффективности функционирования конкретных европейских пенитенциарных систем;
- определить направления развития современной уголовно-исполнительной политики и реформирования организационных основ уголовно-исполнительной системы России в контексте европейского пенитенциарного опыта;
- сформулировать конкретные предложения по совершенствованию отечественного уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения.

Методологической основой исследования выступили современные положения диалектической теории научного познания общественных процессов и явлений, а также правовых систем. Основу исследования составил комплекс таких общенаучных методов познания, как формально-логический, системно-структурный, прогностический. Значительное внимание уделено историческому методу, так как в сочетании с методами формальной логики (анализ, синтез, индукция и дедукция) он позволяет выявлять существенные закономерности развития законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний. В диссертации широко использовался метод абстрагирования, особенно в целях выработки научных понятий и систематизации признаков и особенностей соответствующих правовых явлений.

Среди частнонаучных методов познания использовались лингвистический и статистический методы, а также метод моделирования, полезность которого неоспорима в целях разработки рекомендаций для отечественного законодателя, и методы эмпирического исследования (опрос, анализ документов, наблюдение). Особое внимание уделено методу сравнительного правоведения, обладающему более широким спектром типовых подходов и решений в сравнении с национальными инструментами локального действия. Использование достижений общественных наук (философии, социологии, психологии) и статистики позволило соединить в исследовании методологические и эмпирические результаты, полученные при использовании частнонаучных методов, и в ходе исследования сформулировать основную и рабочие гипотезы, способствующие целенаправленному изучению европейских пенитенциарных систем.

Общеправовой анализ правовых систем отражал фундаментальную направленность исследования и привел к необходимости использования классического подхода к анализу пенитенциарной системы. Инструментальный подход потребовался при проведении сравнительно-правовых исследований. Прикладная направленность исследования обеспечила оценку европейских пенитенциарных систем с позиций конкретной сферы правового регулирования общественных отношений, нормативных предписаний и правоприменительной практики.

Применение указанных методов позволило исследовать рассматриваемую область научных изысканий в максимально возможных взаимосвязях и взаимозависимостях, в ее целостности и всесторонности.

Методика исследования состояла в использовании элементов макросравнения (выявление закономерностей и сопоставление базовых характеристик правовых систем), микросравнения (изучение и сравнение особенностей отдельных типов пенитенциарных систем) и функционального сравнения (практического и законодательского). В качестве приемов сравнительно-правового анализа выступали: контрастирующий, проблемный, текстуальный.

Особенность методики исследования заключается в акценте как на анализе имеющихся законодательских решений и правоприменительной практики, так и на теоретических результатах сравнительно-правового критического исследования европейских пенитенциарных систем.

Исследование европейских пенитенциарных систем основывается на углубленном изучении социально-исторических предпосылок выявления в их структуре славянской пенитенциарной системы.

При поиске критериев и оценке эффективности функционирования европейских пенитенциарных систем использовался факторный подход, в рамках которого применялись SWOT-анализ и PEST-анализ, стандартизация данных и метод главных компонент, а также использовалась компьютерная программа SPSS (бесплатная версия – PSPP) – Статистический пакет для социальных наук. При обосновании методики конкурсного отбора осужденного к условно-досрочному освобождению использовался многокритериальный подход к анализу сложных проблем, в рамках которого применялся психофизический закон Вебера-Фехнера, метод анализа иерархий и мультипликативный метод анализа иерархий. Методологической основой этих подходов выступила теория принятия решений.

Теоретическая основа исследования. Основные выводы диссертационного исследования опираются на классические труды гуманистов, филантропов и реформаторов XVIII–XIX вв. – Ч. Беккария, И. Бентама, Вольтера, Гегеля,

Д. Говарда, И. Канта, М. Мадана, Шарль Луи де Монтескьё, У. Палея, С. Ромильи, Л. Фейербаха, Г.Филанджери.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых по философии права (Н.В. Тищенко, М. Фуко), истории права (Э. Аннерс, Г. Берман, П.Г. Виноградов, Т.И. Демченко, О.И. Мальчук, В.С. Нерсисянц, Дж. Реале, О.Н. Яковлева), общей теории и методологии права (А.И. Бобылев, С.Г. Дзыбова, О.А. Иванюк, А.Ю. Лыков, Е.Г. Лукьянова, А.В. Малько, Р.А. Ромашов, В.Е. Рубаник, А.А. Сафронов, С.О.Сереброва, В.Н. Синюков, О.Д. Третьякова), международному праву (Ш. Бассиуни, В.К. Гаврилов, А.И. Забейворота, Б.И. Нефедов, Е.Ю. Стёпкин, В.А. Толстик, А.Г. Чернявский), юридической компаративистике (К.В. Арановский, Х.Н. Бехруз, С.О. Богдановская, Р. Давид, Н.В. Долженкова, К. Жоффре-Спинози, А.В. Егоров, Ж. Карбонье, А.С. Карцов, Ю.А. Ключкова, В.И. Лафитский, М.Н. Марченко, К. Осакве, И. Сабо, А.Х. Саидов, А.Ю. Саломатин, Ю.А. Тихомиров, О.А. Халабуденко, М. Ван Хук, А.Э. Черноков). Среди специальных и отраслевых юридических дисциплин теоретическую основу исследования составили работы по пенитенциарной психологии (Ю.М. Антонян, Е.В. Багреева, Б.Ф. Водолазский, В.М.Поздняков), криминологии (Л.Л. Ананьин, Л.Ш. Берекашвили, О.Н. Ведерникова, В.В. Городнянская, М.А. Ефимов, В.С. Ишигеев, В.Е. Квашиш, И.М. Клейменов, М.П. Клейменов, В.Н. Кудрявцев, С.Ф.Милюков, И.С. Ной, О.А. Олькова, Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов, В.Д. Филимонов, Т.В. Шипунова, Н.В. Щедрин), уголовному праву (М.В. Бавсун, Г.А. Есаков, А.А. Иванов, А.Г. Кибальник, И.Я. Козаченко, И.Д. Козочкин, А.И. Коробеев, В.А. Мальцев, А.И.Марцев, А.В. Наумов, А.А. Нечепуренко, В.А. Николюк, Л.Г. Овсепян, С.В. Полубинская, Е.Н. Рахманова, Р.А. Ромашов, А.Л. Савенок, А.Н. Тарбагаев, А.В.Усс), уголовно-исполнительному праву (В.И. Алексеев, Е.А. Антонян, С.Л. Бабаян, О.И. Бажанов, Г.П. Байдаков, Е.Т. Байльдинов, Ю.В. Баранов, О.Н. Бирик, А.И. Васильев, Д.Н. Вороненков, Е.М. Гиляров, Ю.В. Голик, В.И. Горобцов, В.Г. Громов, С.О. Данилова, Т.Н. Ёркина, С.И. Захарцев, А.И. Зубков, В.И. Зубкова, В.Д. Исмаилов, М.М. Лапунин, Н.И. Макаренко, В.Б. Малинин, А.В. Маслихин, М.П. Мелентьев, А.С. Михлин, Н.И. Нарышкина, В.С. Овчинский,

Ю.В. Орел, О.Г. Перминов, Л.Ф. Пертли, Н.И. Полищук, В.П. Сальников, М.В. Сальников, В.И. Селиверстов, А.Ф. Сизый, А.А. Синичкин, С.Ю. Скобелин, Л.Б.Смирнов, И.Н. Смирнова, А.А. Телегин, Н.И. Титов, Ю.М. Ткачевский, И.В. Упоров, В.А.Уткин, В.А. Фефелов, О.В. Филимонов, В.Г. Шевелев и др.).

Эмпирическая база исследования формировалась с учетом необходимости выявления европейских пенологических тенденций и закономерностей развития. В эмпирическую базу исследования вошли статистические данные о результатах работы английского омбудсмана по делам тюрем за 1997-2015 гг., результаты проведенного в январе-марте 2018 г. анкетирования сотрудников Главных управлений ФСИН России по Красноярскому и Приморскому краям, Иркутской, Кемеровской, Нижегородской, Новосибирской, Челябинской и Свердловской областям, Управлений ФСИН России по республикам Алтай, Бурятия, Калмыкия, Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Тыва, Алтайскому, Забайкальскому, Краснодарскому и Ставропольскому краям, Брянской, Владимирской, Воронежской, Калининградской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской, Новгородской, Омской, Псковской, Самарской, Саратовской, Томской, Тульской и Тюменской областям, по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, г. Москве. Генеральная совокупность сотрудников в указанных территориальных органах более 100 000 чел., поэтому выборочная совокупность при соблюдении правил выборки должна составлять 400 человек с целью обеспечения должного уровня репрезентативности (таблица В.И. Паниотто) эмпирического исследования. Ошибка может быть в пределах 5 процентов. Таким образом, для повышения точности исследования было проанкетировано 420 сотрудников. Кроме того, проанализировано 398 ходатайств с материалами об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, поступивших в суды г. Красноярска в период с 1 февраля 2007 г. по 25 января 2018 г., 250 определений, вынесенных судами Красноярского края в 2010-2017 гг. об условно-досрочном освобождении.

Для повышения точности эмпирического исследования, кроме опроса, использовался анализ документов (традиционным методом), а именно изучены 62

отчета представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, посетивших в период с 2008 по 2018 гг. с визитом европейские государства, и 7 официальных отчетов Совета Европы по пенитенциарной статистике за 2008-2016 гг., 14 Национальных докладов Государственного департамента США по правам человека, 34 доклада рабочей группы по универсальным периодическим обзорам государств Совета по правам человека ООН, а также ряд отчетов различных международных правозащитных правительственных и неправительственных организаций. Исследованы и обобщены распределенные по государствам-ответчикам жалобы, переданные на рассмотрение судьям Европейского суда по правам человека в 1998-2016 гг. Проанализированы и интерпретированы статистические сведения, фактологические данные и информация, содержащиеся на сайтах 30 международных исследовательских организаций (в частности, Международного Центра тюремных исследований (ICPR)), различных правозащитных межгосударственных правительственных (например, Верховного комиссара по правам человека Совета Европы) и неправительственных (например, «Международная тюремная реформа (PRI)») структур и региональных организаций (например, Ирландского Фонда реформирования пенитенциарной системы (IPRT)), а также информация, размещенная на официальных сайтах тюремных ведомств соответствующих государств.

При подготовке диссертации путем вторичного анализа использовались результаты, полученные другими исследователями при изучении спорных вопросов исполнения уголовных наказаний и европейских моделей обращения с осужденными.

Научная новизна работы состоит в сравнительно-правовом исследовании европейских пенитенциарных систем, во введении в оборот наук уголовного цикла терминов «класс пенитенциарной системы» и «тип пенитенциарной системы». Впервые в науке уголовно-исполнительного права таксономические (классификационные и типологические) закономерности правовых систем спроецированы на сферу исполнения уголовных наказаний, что значительно расширяет научный формат и цивилизационные характеристики данной отрасли права, поз-

воляет извлечь значительные «резервы» и инструменты совершенствования моделей обращения с осужденными и оптимизации уголовно-исполнительного законодательства России.

Таким образом, предпосылкой сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем выступает формирование «европейской пенитенциарной карты». Это позволит получить более полные и четкие представления о характере подходов к исправительному воздействию и пенитенциарному режиму в отдельных типах европейских пенитенциарных систем, понять закономерности их функционирования и определить место российской уголовно-исполнительной системы среди данных типов.

Следовательно, научная новизна работы также заключается в формировании теоретических предпосылок по устранению расхождений между культурно-историческими закономерностями развития отечественного уголовно-исполнительного законодательства и содержанием реформаторских преобразований в уголовно-исполнительной системе России.

Научную новизну диссертационного исследования и концептуальные позиции автора также отражают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Сравнительно-правовое исследование в науке уголовно-исполнительного права представляет собой самостоятельное научное направление, основывающееся на цивилизационных достижениях пенитенциарной практики и выходящее за рамки позитивно-правового содержания самой отрасли права, существующее в двух культурно-правовых континуумах – историческом и современном, включающее нормативный и функциональный подходы к изучению правовой действительности европейских стран в сфере исполнения уголовных наказаний, первый из которых опирается на сопоставление юридических текстов, сходных юридических понятий и категорий, второй – на изучение способов решения в европейском праве проблем, имеющих значение для отечественного права.

2. Анализ состояния и проблем европейской пенологии с позиций сравнительного правоведения позволяет говорить о существовании наряду с «правовой картой» Европы её «пенитенциарной карты», отражающей определенные теоре-

тические и практические подходы к вопросам исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, в отдельных странах и регионах, что отражает научную логику выделения в правовой доктрине криминального цикла наряду с теориями уголовно-правовой и криминологической систем теорию пенитенциарных систем.

3. Европейские пенитенциарные системы включают взаимосвязанную совокупность элементов, обладающих теоретическим, нормативным или эмпирическим характером, возникающих главным образом в связи с исполнением уголовных наказаний в государствах Европы и объединяющих: 1) пенитенциарную доктрину и мировоззрение, отражающее правовую культуру общества; 2) пенитенциарную политику, включающую документы программно-стратегического характера (стратегии, концепции, программы и т.п.); 3) систему учреждений и органов, исполняющих наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества, а также места предварительного (досудебного) заключения; 4) соответствующее законодательство; 5) особенности правоприменительной практики, соответствующие средства и методы достижения поставленных перед данной системой целей и задач.

4. Явление правовых систем выступает основой исследования европейских пенитенциарных систем, поэтому использование типологического обобщения и их классификация позволяют усилить системное представление о «европейской пенитенциарной карте». Метод классификации позволяет обнаружить место каждого элемента системы в определенной группе при четко очерченной границе между классами. Метод типологизации, имеющий дело с нечеткими множествами признаков, позволяет систематизировать пенитенциарные системы на типы, сгруппировав их по одному или нескольким теоретически обоснованным и структурированным критериям (основаниям), связанным с глубинными закономерностями становления и развития пенитенциарных систем. Теоретическая типология европейских пенитенциарных систем, показывая идею охвата всего множества признаков пенитенциарной системы, дает возможность выделения следующих их типов: 1) англо-ирландский; 2) восточно-европейский; 3) германский; 4) голланд-

ский; 5) иберийский; 6) прибалтийский; 7) скандинавский (североевропейский); 8) славянский; 9) французский; 10) южно-европейский.

5. Каждый тип европейской пенитенциарной системы находится в состоянии активной внутренней интеграции относительно решения приоритетных задач обеспечения безопасности и правопорядка. Такая интеграция выступает логичным продолжением реализации общих интересов государств, находящихся в тесных культурно-исторических, политических, социально-экономических и географических отношениях. На этом фоне внешняя интеграция конкретных типов европейских пенитенциарных систем – более слабая и зависит от характера внутритиповой интеграции государств соответствующего типа.

6. Результативность функционирования пенитенциарной системы конкретного государства либо типа европейской пенитенциарной системы может быть показана посредством использования такого критерия, как эффективность функционирования пенитенциарной системы, которая должна оцениваться путем использования нескольких качественно-количественных показателей с применением методики факторного анализа. Индекс эффективности пенитенциарной системы представляет интегральную сумму отобранных показателей (факторов): 1) объем ресурсов, затраченных на содержание пенитенциарной системы; 2) общественное одобрение результатов её функционирования (уровень смертей лиц, отбывающих тюремное заключение); 3) факты неправомерного обращения с осужденными (коэффициент жалоб заключенных в Европейский суд по правам человека); 4) соотношение численности заключенных и населения, проживающего в конкретной стране. По каждому из четырех факторов возможно высчитать коэффициент вклада в формирование обобщенного фактора эффективности пенитенциарной системы. Построенные диаграммы рассеивания позволили с помощью линии тренда с линейными параметрами показать положительную либо отрицательную корреляцию попарно сравниваемых факторов, а именно: 1) в среднем чем выше коэффициент осужденных, изолированных от общества, тем меньше затраты государства на содержание одного заключенного; 2) отсутствует корреляция между уровнем тюремного населения в стране и коэффициентом обоснованных жалоб в

Европейский суд по правам человека; 3) отсутствует взаимовлияние коэффициента тюремного населения в стране и уровня смертей лиц, подвергнутых тюремному содержанию; 4) повышение затрат на содержание одного заключенного соответствует уменьшению их жалоб в Европейский суд по правам человека; 5) отсутствует взаимосвязь между коэффициентом жалоб в Европейский суд по правам человека и уровнем смертей.

7. Факторный анализ относительных обобщенных показателей эффективности пенитенциарных систем конкретных государств демонстрирует: 1) наибольшую или наименьшую эффективность пенитенциарной системы и их типов в рамках соответствующего фактора; 2) наличие закономерных групп (ближайшего друг к другу расположения по обобщенному фактору эффективности) государств, принадлежащих к соответствующему типу; 3) размах крайних значений обобщенных показателей эффективности, который показывает, насколько сильно различаются крайние значения показателей эффективности конкретного типа европейской пенитенциарной системы: минимальный размах отражает высокую степень качественной однородности соответствующего типа пенитенциарной системы; максимальный размах – более низкую степень такой однородности; 4) уровень эффективности типа пенитенциарной системы, где базовым уровнем выступает среднее арифметическое значение обобщенного показателя эффективности типа пенитенциарной системы; 5) роль (степень вклада) каждого из четырех показателей (факторов) в формировании обобщенного показателя (фактора) эффективности по каждой стране.

8. Среди многообразия европейских правовых систем (семей) самостоятельное место занимает славянская правовая семья. При этом российская, в том числе советская, правовая система оказала значительное воздействие на национальные правовые системы многих постсоветских государств. Тесные геополитические, социально-экономические, демографические и культурно-исторические межгосударственные связи России с Беларуссией, Украиной, Молдовой позволяют объединять их в правовую семью «славянского» типа, что, в свою очередь, предопределяет выделение соответствующих правовых систем частного уровня, а

именно славянской пенитенциарной системы, которая имеет технико-юридические и культурно-исторические особенности, отражающие более общие свойства правовой системы соответствующих государств: а) социальная организация, предполагающая в качестве основной хозяйственно-социальной ячейки общину, артель, товарищество и др., а не частнособственническое образование (превалирование «отрядно-колонийской» модели размещения осужденных в местах лишения свободы); б) государство является стержнем и фактически создателем гражданского общества, а не его инструментом (традиционно слабые позиции общественного контроля за условиями содержания осужденных); в) такие институты, как «государство», «общество» и «личность», тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, а не автономны и самостоятельны (отсутствие частных тюрем, формирование криминальной субкультуры в местах отбывания уголовных наказаний).

9. Европейская доктрина уголовных наказаний берет начало с эпохи Просвещения, развитие нравственно-правовых теорий которой обеспечило дальнейший вектор развития пенитенциарных систем. Пенитенциарные правила, положенные в основу международно-правовых актов в сфере обращения с осужденными, базируются на традициях права европейских стран и отражают согласование интересов личности, общества и государства. Однако развитие международного пенитенциарного сотрудничества России в XIX столетии затруднялось отсутствием законодательного закрепления ряда личных и гражданских прав, нестабильностью судебных реформ, незавершенностью отраслевой дифференциации законодательства, а в XX столетии приостанавливалось тоталитарным государственно-политическим режимом, оказавшим регрессирующее влияние на процесс естественного цивилизованного развития России и отчасти снизившим роль ценностей гражданского общества.

10. Сравнительно-правовой анализ европейских пенитенциарных систем позволяет дополнить отечественную уголовно-исполнительную политику рядом принципов: 1) синхронизация действующего уголовно-исполнительного законодательства с правами, свободами и законными интересами осужденного путем их

прямого или косвенного закрепления в уголовно-исполнительных нормах; 2) взаимный учет интересов личности, общества и государства; 3) целесообразность, исключая приоритет каких-либо политических целей и конъюнктурного правового конформизма в процессе использования европейского пенитенциарного опыта; 4) системность, предполагающая четко определенную временную последовательность издания и реализации как материальных, так и процедурных норм в сфере обращения с осужденным; 5) соотносимость юридической силы нормативных и подзаконных правовых норм; 6) согласованность, позволяющая избежать дублирования и противоречий между национальным и международным правом с точки зрения социально-экономических возможностей реализации соответствующих стандартов. В условиях неизбежной модернизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации реализация данных принципов обеспечит должную концептуальность уголовно-исполнительной политики.

11. Влияние интеграции правовых систем усилило сближение классической и социологической школ уголовного права, поэтому наметившийся в конце 70-х годов XX столетия отход европейской уголовно-правовой доктрины от «идеала реабилитации» к концепции «контроля», смена пенитенциарных ожиданий, реанимация классических подходов к сущности и содержанию механизмов воздействия на преступника начинают оказывать постепенное влияние на славянскую пенитенциарную систему. В результате наблюдается процесс перманентного реформирования отечественной уголовно-исполнительной системы, которая, постепенно воспринимая идею индивидуализма в обращении с осужденными как европейскую культурологическую ценность, связана, с одной стороны, с неудавшимися попытками повсеместной трансформации «отрядно-колонийской» в «тюремно-покамерную» модель размещения осужденных, с другой – с постепенным возрастанием полиструктурности и мультирежимности исправительных учреждений.

12. Эффективность уголовно-исполнительной политики зависит от стратегического обоснования принимаемых правовых решений, что позволит научно аргументированно сформировать новую модель исполнения уголовных наказаний. Прогностический аспект уголовно-исполнительной политики России в части реа-

лизации конкретных европейских стандартов и правил, а также определенных моделей обращения с осужденными в уголовно-исполнительном законодательстве России должен включать: 1) научную социально-экономическую экспертизу, а также, по возможности, их общественное обсуждение; 2) построение прогноза эффективности используемых предлагаемых моделей; 3) проведение эксперимента по внедрению зарубежного опыта обращения с осужденными в отечественную практику.

13. Необходимо использовать механизм реализации зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике и законодательстве России, который может включать такие основные элементы, как: 1) основания учета зарубежного пенитенциарного опыта, отражающие формирование такого воздействия; 2) условия успешного использования опыта функционирования зарубежных пенитенциарных систем, что определяет глубину такого воздействия; 3) формы и 4) пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта.

14. Эффективному учету зарубежного пенитенциарного опыта в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики предшествует его оценка, при осуществлении которой принятие большинства решений в сфере уголовно-исполнительной политики и законодательства сопровождается действием как внутренних – в первую очередь социально-экономических факторов, так и внешних – в основном геополитических и культурологических. Научная оценка зарубежного пенитенциарного опыта обуславливает потребность познания сущности соответствующих социально-правовых явлений и процессов. Посредством этого решаются онтологическая, гносеологическая, эвристическая, прогностическая, методологическая, управленческая и практическая задачи такой оценки.

15. В целях повышения эффективности исправительно-предупредительного воздействия необходимо закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве России применяемой в пенитенциарной практике европейских государств индивидуальной программы отбывания лишения свободы. В программе должны отражаться интересы осужденных, которые опосредовать в правовых нормах невозможно, максимально учитываться особенно-

сти личности преступника и предельно персонифицированно закрепляться взаимнообусловленный порядок отбывания наказания, включающий особенности режима, воспитательной и психологической работы, профессиональной подготовки, труда осужденного, его ресоциализацию. В содержании программы важнейшим моментом выступает идея юридической дозволенности, вытекающая из общего смысла исправительного воздействия и воплощающая дозволительное для осужденного лица поведение. Для успешной практической реализации данной программы необходимо использовать методику конкурсного отбора претендентов на условно-досрочное освобождение.

16. Российское уголовно-исполнительное законодательство является значительно формализованным, институты государственно-частного партнерства не развиты. Следовательно, идея частных тюрем, воплощенная в некоторые типы европейских пенитенциарных систем, в настоящее время неприемлема для отечественной уголовно-исполнительной системы, поскольку её реализация сопряжена с рисками возрастания нарушений прав осужденных, для снижения которых необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовного, уголовно-исполнительного и гражданского законодательства. Данная особенность свойственна всем государствам славянского типа пенитенциарной системы.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации выявлены закономерности становления, развития, классификации и типологизации европейских пенитенциарных систем, систематизируются имеющиеся знания об основных тенденциях международного пенитенциарного сотрудничества России, направлениях, масштабах и проблемах соблюдения европейских стандартов в сфере обращения с осужденными, использовании метода сравнительного правоведения в науке уголовно-исполнительного права, обозначаются отдельные направления для дальнейших научных разработок в области правового регулирования исполнения уголовных наказаний.

Кроме того, теоретическая значимость работы определяется положениями, совокупность которых может рассматриваться в качестве принципиально нового

научного направления в области отечественной науки уголовно-исполнительного права. Выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, восполняют многие пробелы в познании европейских пенитенциарных систем и могут служить оптимизации правового регулирования исполнения уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно направлено на оптимизацию реализации уголовно-исполнительной политики России с учетом сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем и выработку на этой основе ряда принципиально новых по содержанию и по обоснованию практических рекомендаций и предложений законодателю, направленных на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения.

Обосновываемые в диссертации положения, выводы и рекомендации могут быть использованы или учтены при оценке и оптимизации реформы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также в правоприменительной деятельности по исполнению уголовных наказаний.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в научной деятельности, законодателем и практическими работниками при разработке и осуществлении государственной уголовно-исполнительной политики, в учебном процессе образовательных организаций при преподавании курса уголовно-исполнительного права и в системе повышения квалификации практических работников. Кроме того, теоретическая модель сравнительного пенитенциарного права может быть положена в основу содержания и структуры одноименного курса, научной, законотворческой и практической деятельности.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей. Диссертация соответствует следующим областям исследований Паспорта специальностей (шифр специальности: 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»): п.п. 2.7. «Уголовно-исполнительная политика. Сравнительное уголовно-исполнительное правоведение», 2.10. «Уголовно-исполнительное право зарубежных стран», 2.11. «Мировые стандарты обращения

с осужденными. Имплементация норм международного права в национальное уголовно-исполнительное законодательство», 2.12. «Эффективность исполнения уголовных наказаний».

Достоверность результатов исследования обеспечена избранной методологией, репрезентативностью эмпирического материала, всесторонним анализом нормативно-правовой базы, актов судебных органов, материалов международных правозащитных организаций, сопоставлением полученных данных с достижениями других российских и зарубежных специалистов в области уголовного и уголовно-исполнительного права, сравнительного правоведения и криминологии, формулировкой выводов и предложений в научных публикациях, в том числе в рецензируемых изданиях, выступлениях на региональных, всероссийских и международных конференциях.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования в виде докладов и сообщений представлялись на 36 международных конференциях (из них в 14 – очное участие), проходивших в Барнауле (2014, 2017 гг.), Москве (2015 г.), Красноярске (2005, 2006, 2007, 2009, 2010, 2012, 2015, 2017, 2018 гг., дважды в 2008 г. и в 2011 г.), Омске (2005, 2006, 2007, 2015, 2017 гг.), Хабаровске (2005, 2016 гг.), Уфе (2005 г.), Великом Новгороде (2006, 2008 гг.), Иркутске (2007 г., дважды в 2010 г.), Екатеринбурге (2007 г.), Тамбове (2011 г.), Перми (2014, 2017, 2018 гг.), Казани (2016 г.), Санкт-Петербурге (2015 г.), Калининграде (2016 г.), Рязани (2012, 2017 гг.), 19 всероссийских конференциях (из них в 10 – очное участие), проходивших в Архангельске (2015 г.), Томске (2005, 2010, 2011, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг.), Улан-Удэ (2005 г.), Тюмени (2006 г.), Кургане (2009 г.), Барнауле (2010 г.), Красноярске (2011 г.), Новокузнецке (2016, 2017 гг.), Новосибирске (2012, 2015, 2016 гг.), Иркутске (2013 г.) и 9 (из них в 4 очное участие) межрегиональных, региональных и межвузовских конференциях и семинарах, проходивших в Красноярске (2004, 2011 гг.), Омске (2006, 2008 г.), Новокузнецке (2006, 2007 г.), Владивостоке (2007 г.), Томске (2008 г.), Тюмени (2008 г.), Новосибирске (2011 г.).

Отдельные положения диссертации использовались в работе Методического совета при Управлении по организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций ГУ ФСИН России по Красноярскому краю, в учебном процессе Юридического института Сибирского федерального университета при проведении занятий со студентами по уголовно-исполнительному праву и магистрантами по авторскому курсу «Основы гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях международного пенитенциарного сотрудничества», использовались в учебном процессе Сибирского юридического института МВД России при проведении занятий с курсантами и студентами по уголовно-исполнительному праву.

Основные положения и выводы диссертации опубликованы в 122 работах, включая 6 монографий (в одной монографии в соавторстве, авторство разделено), 2 учебных пособия, 59 научных статей (в том числе 32 в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России для публикации результатов диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора наук), 55 тезисов и материалов выступлений на научных форумах различных уровней.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, объединяющих двадцать один параграф, заключения, списка использованной литературы и приложений. Структура диссертации отражает поставленные цель и задачи исследования, обусловлена содержанием сформулированных объекта и предмета и используемых методов научного поиска, опирается на степень научной новизны работы.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

§ 1. Методологические предпосылки исследования европейских пенитенциарных систем

Претворяя уголовно-исполнительное исследование европейских пенитенциарных систем важно остановиться на ряде теоретических положений, имеющих базисный теоретико-методологический характер для всей диссертационной работы.

Обращение к пенитенциарной сфере именно европейских стран обусловлено двумя основными причинами, в свою очередь детерминирующими важнейшие тенденции дальнейшего формирования отечественной уголовно-исполнительной системы: 1) известной склонностью российской правовой системы рефлексировать перед западными либерально-демократическими ценностями и 2) основной направленностью Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 года (в редакции от 23 сентября 2015 года), а также Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 года № 2808-р, на совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития. Не случайно учеными отмечается актуальной «задача приведения уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с европейскими принципами и стандартами, поскольку Россия как правопреемник СССР обязалась соблюдать европейские принципы и стандарты по правам человека и обращению с осужденными»¹.

---

¹ Некишев В.Л., Морозов В.М. Концепция национальной безопасности: уголовно-исполнительный аспект // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1. С. 61.

В настоящее время сравнительно-правовому исследованию подвергаются европейские пенитенциарные системы, как правило отдельных стран либо их групп (например, скандинавской), что не способствует их системному восприятию и не в полной степени позволяет реализовывать метод сравнительного правоведения. Как отмечает А.А. Малиновский, сравнительное правоведение представляет собой использование сравнительно-правового метода при исследовании явлений и процессов правовой действительности. Соответственно, сущность сравнительно-правового метода заключается в сопоставлении объектов правовой действительности разных государств в целях выявления сходства или различия между этими объектами и терминами, их обозначающими¹. В связи с чем допустимо европейские пенитенциарные системы рассматривать как комплексный объект правовой действительности, только в рамках которого сравнительно-правовой интерес представляют теория и практика исполнения уголовных наказаний в отдельных государствах.

Важно отталкиваться от постулата о необходимости разграничения сравнительного правоведения как сравнительно-правового исследования и изучения зарубежного права, а также отделения зарубежного опыта от международного. Одностороннее исследование иностранного права не является компаративным (от лат. *comparativus* – сравнительный) исследованием. Соответственно, пенитенциарный опыт отдельного государства независимо от его типичности по отношению к конкретной правовой семье не может быть представлен в качестве международно-правового опыта. При этом можно поддержать позицию Л.Г. Овсепяна о том, что недопустимо «исследовать проблему сквозь призму правопорядка своей страны, другими словами, необходимо абстрагироваться от доктрины, понятий и законодательных конструкций собственного права»². В большей степени такое «абстрагирование» необходимо при рассмотрении европейской пенитенциарной системы как сложного комплексного объекта правовой действительности.

---

¹ См.: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Международные отношения, 2002. С. 3, 4.

² Овсепян Л.Г. Охрана безопасности флоры и фауны по уголовному законодательству Республики Армения и России / отв. ред. А.И. Чучаев. Владимир, 2008. С. 31.

В методологическом смысле существуют значительные возможности сравнительного правоведения в исследовании не только правовых систем отдельных государств, но намного более крупных правовых массивов. Вместе с тем, отмечая ценность сравнительного правоведения, сложно согласиться с мнением А.А. Малиновского: «Российская уголовно-правовая наука не должна быть самодостаточна. Исходя из положения о неравномерности эволюции мировых цивилизаций, можно утверждать, что некоторые государства находятся на ином, нежели Россия, уровне культурно-правового развития. Сравнительное исследование дает возможность выявить и учесть чужие ошибки и достижения при решении вопросов о преступности и наказуемости конкретных деяний...»¹. Как представляется, отечественная наука, в том числе уголовно-правового цикла, только в условиях самодостаточности сможет сдерживать вызовы современности, эффективно оппозиционировать себя в мировом идеологическом пространстве, сохранять и укреплять нравственный стержень, а «любые попытки скопировать внешне привлекательные черты иной культуры и перенести их на свою почву обычно кончаются хаосом и разрушением собственных структур»². Ведь только обладая культурным суверенитетом наука способна занять достойное место в достижениях цивилизации, оставив за собой уникальные черты и способность сохранения накопленного исторического опыта. Как справедливо отмечает И.М. Клейменов вне исторического контекста и при утрате нравственного критерия сравнительно-правовой анализ сделает невозможным познание сущности явлений, происходящих в современном мире и в лучшем случае обеспечит лишь эмпирический уровень исследования³. Также следует поддержать позицию В.И. Лафитского о том, что сравнительное правоведение рассматривается «не только как научное познание, но еще и политическая материя, и инструмент идеологической борьбы. В настоящее время, по сути, ставится задача расчистить правовое пространство, внедрить иные концеп-

---

¹ Малиновский А.А. Указ. соч. С. 4

² Рубаник В.Е. Проблемы сравнительно-правового исследования становления и эволюции российской государственности // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 22.

³ См.: Клейменов И.М. Методология сравнительно-правового исследования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 1. С. 117.

ции. Идет экспансия, интервенция чужеродного права. Поэтому так важно изучать и защищать собственные национальные правовые корни»¹.

Анализ состояния и проблем европейской пенологии с позиций сравнительного правоведения позволяет говорить о существовании наряду с правовой картой Европы её пенитенциарной карты, отражающей теоретические и практические подходы к вопросам исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, в отдельных странах и регионах. Более того, это утверждение отражает научную логику и последовательность выделения в правовой теории криминального цикла соответствующих систем – уголовно-правовых и криминологических систем современного мира. Как представляется, учение о данных системам будет неполным без теории пенитенциарных систем. Как представляется, такое исследование имеет не только методологическую значимость, но и может способствовать оптимизации практически значимых преобразований в российской сфере исполнения уголовных наказаний. В связи с этим тезисом целесообразно обозначить мнение сотрудников исправительных учреждений². Так, на вопрос: «Необходимо ли учитывать в процессе оптимизации отечественной уголовно-исполнительной системы практику функционирования пенитенциарных (исправительных) учреждений европейских государств?» большинство проанкетированных (54 %) ответили утвердительно. Полагают, что в этом нет необходимости 38 %, тогда как остальные затруднились с ответом. Представленные данные в целом свидетельствуют о признании правоприменителем важности учета зарубежного пенитенциарного опыта, причем не столько с точки зрения его внедрения в российское правовое пространство, а сколько для недопущения собственных просчетов в ходе соответствующих преобразований.

---

¹ Сравнительное правоведение: концептуальные подходы // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 142.

² В период с января по март 2018 года по заранее подготовленной анкете было проведено анкетирование 420 сотрудников территориальных органов ФСИН России, расположенных в 38 субъектах Российской Федерации. Результаты анкетирования приводятся в процентном соотношении, цифры округлены до целых единиц. Для удобства восприятия результатов анкетирования в диссертации ответы на вопросы распределены по порядку – от наибольшего процента ответов на вопрос к наименьшему. Обобщенные результаты содержатся в приложении № 1 к диссертации.

Методология компаративистского анализа всегда предполагает обращение к теоретическим аспектам правовых систем (семей), что предопределяет сравнительно-правовой вектор дальнейшего исследования¹. В условиях достаточно внушительного многообразия как фундаментальных, так и более частных подходов к классификации и типологизации правовых систем (семей) непреложным выступает тезис о самобытности, самостоятельности российской (славянской) правовой семьи, которая, как представляется, достойна находится на одной линейке с англо-саксонской (семьей общего права), мусульманской, романо-германской и другими мировыми правовыми системами (семьями).

В полной мере следует согласиться с А.Э. Черноковым, который пишет: «Отрицать существование самобытной правовой системы России бессмысленно. Она сложилась и эволюционировала под влиянием различных факторов, в том числе особенностей исторической судьбы. Сближение же с романо-германским правом является объективным процессом, и относиться к нему нужно взвешенно»². Компаративисты отмечают, что несмотря на отход от казуистического типа права, свойственного семье общего права, объективные культурно-исторические факторы создавали условия для игнорирования нормативных установлений большинством населения и доминирования местных обычаев. Постепенно в России складывается фактически двухуровневая система права: позитивного и «народного». Со временем искусственное «притягивание» российской правовой системы к стандартам романо-германского права, основанного не на праве, а на вере и нравственности, то есть определенной «восточности» отечественной ментальности, привело к порой необдуманной рецепции многих положений англо-саксонской правовой системы³. При этом российская правовая система оказала значительное воздействие на национальные правовые системы многих постсоветских госу-

---

¹ На таких постулатах основываются методологические предпосылки диссертационных исследований уголовно-правового профиля на соискание ученой степени доктора юридических наук (в частности, см.: Козочкин И.Д. Современное состояние и проблемы уголовного права США: автореф. дис... д.ю.н. М.: Российский университет дружбы народов, 2009. С. 3-4, 12; Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис... д.ю.н. М.: Московская государственная юридическая академия, 2007. С.3-4).

² Черноков А.Э. Введение в сравнительное правоведение: учебное пособие. М.: Знание, 2004. С. 100.

³ См.: Черноков А.Э. Указ. соч. С. 100, 102-117.

дарств (особенно Белоруссию, Украину, Молдову), что обусловлено, геополитическими, социально-экономическими, демографическими и культурно-историческими межгосударственными связями. Это обстоятельство позволяет говорить о возможности использования в наименовании российской правовой системы термина «славянский», что, в свою очередь, предопределяет выделение соответствующих правовых систем частного уровня (например, славянской криминологической системы, славянской уголовно-правовой системы, славянской пенитенциарной системы).

При этом корректность использования термина «пенитенциарная система» обусловлена, во первых, подчеркиванием цивилизационного и исторического подхода в исследовании вопросов обращения с заключенными, находящимися в местах лишения свободы, а во вторых, акцентом на систему учреждений, исполняющих уголовные наказания, связанные именно с изоляцией от общества. В этой связи М.П. Мелентьев справедливо отмечает, что «пенитенциарная система – это не система размещения заключенных в тюрьмах, а вся исправительная система, связанная с исполнением наказания в виде лишения свободы, в совокупности со средствами и методами правового воздействия на осужденных лиц, с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений»¹.

Обращаясь к теоретическим основам сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем нельзя обойти вниманием методологические аспекты типологического или иначе таксономического исследования, которому посвящена отдельная глава диссертации. Предварительно можно указать, что типологизация и классификация выступают широко применяемыми междисциплинарными методами научного познания. Применение данных методов направлено на изучение разнородной и дискретно расположенных относительно друг друга массы объектов, что обеспечивает их упорядоченное описание, более глубокое познание и обнаружение функционального единства. Изучение пенитенциарных

---

¹ Мелентьев М.П. Возникновение и развитие пенитенциарной науки: лекция. Рязань: РИПЭ Минюста РФ, 2000. С. 166.

систем предполагает обращение ко всем из перечисленных методов, поскольку разнообразие форм, средств и подходов к исправительному воздействию в пенитенциарной практике государств неизбежно приводит к использованию типологического обобщения и осуществлению процесса классификации изучаемого объекта, результаты которого формируют соответствующую систему.

Решению задач теоретического и эмпирического познания европейских пенитенциарных систем способствует не только метод классификации, позволяющий обнаружить место каждому элементу системы в определенной группе при четко очерченной линии границ между классами, но и типологизации, имеющей дело с нечеткими множествами, не обладающими указанными выше границами. Именно типологизация позволяет систематизировать пенитенциарные системы, сгруппировав их по одному или нескольким теоретически обоснованным и структурированным критериям (основаниям). При этом критерии классификации могут быть случайными, не связанными с глубинными закономерностями становления и развития пенитенциарных систем, тогда как критерии типологии всегда носят сущностный характер, что позволяет не просто проводить группировку, но и выявлять качественные особенности практики обращения с осужденными, а также обращаться к обнаружению степени эффективности отдельных типов пенитенциарных систем.

Выделение и определение по степени эффективности места каждого типа пенитенциарных систем в их общей структуре не может иметь только «технический» характер, но предполагать методологически выверенный подход. Кроме того, скрупулезное описание объектов определенной предметной области не позволяет рассматривать этот процесс как их классификацию, так как «классификацию отличает от самого точного и совершенного описания наличие трех отчетливо обозначенных структурных элементов: множества установленных групп подобных объектов; оснований, по которым объекты объединяются в группы; принципа или закона, согласно которому все группы соединяются, организуются в единую систему»¹.

---

¹ Субботин А.Л. Классификация. М.: ИФ РАН, 2001. С. 28.

Научно обоснованная классификация и типологизация европейских пенитенциарных систем способствует адекватной оценке западных моделей в сфере обращения с осужденными, позволяет формировать и практически претворять новые модели развития российской уголовно-исполнительной системы, основанные не на конъюнктурных политизированных лозунгах, а на жизнеспособных критериях, проверенных временем и отражающих реальные потребности социального развития. При этом любая правовая трансляция, радикально меняющая пенитенциарную систему, обречена на провал, если не усиливает существующие закономерности её культурно-исторического развития, а также профессионализм правоприменителя и социально-экономические условия. Для того, чтобы не допустить простого возврата в прошлое в ходе возможных контрреформ, а учесть собственный исторический опыт в контексте базовых ценностей, накопленных европейской пенитенциарной практикой, важно провести сопоставление закономерностей развития отечественной и европейских пенитенциарных систем. Однако сделать это возможно только тогда, когда будет достигнуто единообразное понимание категории «пенитенциарная система», произведена их дальнейшая группировка и сопоставление. Системный подход к исследованию европейской пенитенциарной практики оправдан с позиций обнаружения ориентира в огромном разнообразии способов, подходов, форм и учений исправительного воздействия на осужденное лицо, что, в свою очередь, отражает специфику права и политики, исторические, культурные, социальные и идеологические основы конкретного общества, особенности менталитета и правосознания граждан государства. Ведь внесистемный подход к сравнительно-правовым исследованиям в науке уголовно-исполнительного права противоречит не только принципам сравнительного правоведения, но и грозит появлению нежизнеспособных институтов, созданных в результате непродуманного заимствования чужеродных элементов из иностранных правовых систем.

Полагаем методологически неверным сопоставлять российскую пенитенциарную систему одновременно со всем массивом европейской, поскольку последняя обладает значительным разнообразием и определенной рафинированностью,

наличием соответствующих «очагов» своего проявления, охватывающих определенные группы государств с их типичными чертами пенитенциарной практики. В силу этого реализация Европейских пенитенциарных правил 1987 года (в редакции Рекомендаций 2006 года), а также Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 года¹ в конкретной стране значительно преломляется под действием её культурно-исторических, идеологических и социально-экономических особенностей.

Исследователи зарубежного пенитенциарного опыта порой допускают существенное заблуждение, пытаясь говорить о некоем его единстве, и, как правило, делают недопустимую с научной точки зрения оговорку об определенных исключениях либо преобладаниях этого опыта. Например, Н.А. Глебова пишет: «Для Российской Федерации передовой зарубежный опыт имеет особое значение... право на существование более гуманной и демократической системы подтверждается практикой ее применения в большинстве европейских стран»². Также недопустимо строить сравнительно-правовые исследования на основе обособления пенитенциарных систем стран Западной Европы³, поскольку, во-первых, отсутствует четкое разграничение западноевропейской части данного континента от остальных частей; во-вторых, даже в странах Западной Европы наблюдается значительный контраст правовых и, следовательно, тюрьмоведческих основ между отдельными государствами (например, между Великобританией и Испанией); в третьих, значительный интерес представляют страны, входящие в Европейский Союз, но географически расположенные на территории Восточной Европы, и подвергнутые переходным трансформациям (в частности, стран, образовавшиеся

---

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы): приняты Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию Организации Объединенных Наций 21 мая 2015 года. URL: http://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_24/resolutions/L6_Rev1/ECN152015_L6Rev1_r_V1503587.pdf.

² Глебова Н.А. Внедрение передового зарубежного опыта и реализация международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России с учетом задач её развития до 2020 г. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 27, 30.

³ В частности, см.: Витина М.Д. Система исполнения наказания в Западной Европе // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 183-186.

после распада Чехословакии), что заслуживает особого внимания как раз со стороны России.

В европейской пенитенциарной действительности отсутствуют универсальные свойства, присущие пенитенциарной системе исключительно каждого государства. Если и есть общие черты, то они носят достаточно «грубый» для целей сравнительно-правового исследования характер. Например, преобладание тюремного режима для пенитенциарных систем европейских стран еще не позволяет выделить конкретный предмет сравнения, поскольку такая модель размещения осужденных имеет свою специфику практически в каждом государстве Европы, что обусловлено историческими особенностями её становления в отдельных странах, наличием особых социально-экономических и других факторов. Следовательно, нецелесообразно проводить сравнительный анализ между усредненной европейской моделью размещения осужденных в пенитенциарных учреждениях и российской. Поскольку данная «усредненная модель» окажется «обезличенной», потерявшей отдельные особенности, которые зачастую имеют решающее значение при обращении с осужденными, она абстрагируется от конкретных культурно-исторических, криминологических и административно-управленческих тенденций. Абсолютно нецелесообразно не только перенимать основные контуры «усредненной модели», но и даже проводить сопоставление. Именно для разрешения этой проблемы предлагается осуществить классификацию и типологизацию европейских пенитенциарных систем, что позволит обнаружить соответствующее место российской пенитенциарной системы в данных группировках и сформировать адекватное представление о закономерностях отечественной пенитенциарной практики. Ведь как справедливо отмечает О.А. Халабуденко «само по себе правоотношение, вне типизированной формы, искомым результатом сравнительно-правового анализа быть не может»¹.

---

¹ Халабуденко О.А. Вопросы методологии сравнительного правоведения: от функционализма к конструкции и деконструкции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4 (41). С. 658.

В методологическом аспекте тип пенитенциарной системы выступает сложной конструкцией, расположенной в таксономическом социальном континууме. Соответствующий тип является особым идеальным объектом, образуемым посредством абстрактного высвечивания одних характеристик пенитенциарной системы, обусловленных заданными критериями типологизации, и нивелирования других. Идеальность типа обеспечивает целесообразность использования многофакторных моделей и тем самым создает основу для широкого применения логико-математических методов и подходов (в частности, факторного анализа эффективности пенитенциарных систем).

В зависимости от содержания критериев (оснований) можно выделить теоретическую, эмпирическую, морфологическую (семантическую), структурную (статическую), культурно-географическую, историческую и иные типологии. Однако важнейшей из них, задающей контуры всего познания объекта, выступает теоретическая типология, направленная на формирование идеальной конструкции и закрепление идей таксономического охвата множества исследуемых признаков объекта. Именно теоретическая типология рассматривает объект в качестве системы с имманентными структурными элементами и является способом создания частных теорий.

Исправительное воздействие построено на типологии соответствующих форм, средств и подходов в пенитенциарной практике государств. Общая характеристика европейской пенитенциарной системы показывает предельную модель гуманитарного обращения с осужденными. Отдельные типы европейской пенитенциарной системы выступают структурными моделями такого обращения. На этом основании европейская пенитенциарная система выступает абстрагированной конструкцией, отражающей своеобразие и логику формирования, трансформации и развития пенитенциарной практики в государствах, расположенных в пределах соответствующего географического пространства.

Следовательно, пенитенциарная система – это идеальный объект социальной реальности. Следовательно, объективация науки уголовно-исполнительного права в части проведения сравнительно-правовых исследований

европейских пенитенциарных систем гарантируется соблюдением применяемой методологии, а именно: выполнение требованиям логики и адекватности обеспечивает объективность исследования идеальных объектов, по сути созданных обществом, и их совместимость с реалиями повседневной действительности, которые неотделимы от ретроспективного анализа европейских пенитенциарных систем.

Таким образом, методологические основы исследования европейских пенитенциарных систем могут быть представлены в виде парадигмы, состоящей из совокупности научно-теоретических категорий, имеющих ценность для познания потребностей и основных направлений совершенствования отечественного пенитенциарного законодательства и практики его применения, методов такого исследования, позволяющих организовать и упорядочить приемы и способы построения искомой модели уголовно-исполнительного законодательства, а также научно-практических способов апробации достигнутых теоретических результатов.

§ 2. Метод сравнительного правоведения

в науке уголовно-исполнительного права как инструмент исследования европейских пенитенциарных систем

Научной основой исследования европейских пенитенциарных систем выступает метод сравнительного правоведения. На рубеже XX–XXI вв. данный метод способствовал процессу взаимопроникновения и взаимообогащения законодательных моделей различных стран мира. При этом интенсивно происходящие в мире интеграционные процессы, рост неподдельного научно-теоретического и прикладного интереса к зарубежному законодательству и правовым системам в целом привели к широкомасштабному внедрению в законотворческую деятельность компаративистских методов исследования правовой материи. Не случайно специалистами указывается на «процессы интеграции в рассматриваемой сфере», и на «возрастание роли и значения

зарубежного опыта исполнения наказаний, повышения уровня взаимопонимания между различными пенитенциарными системами»¹.

Весьма точной видится точка зрения А.Н. Тарбагаева, который считает: «анализируя иностранное уголовное право и сравнивая его с национальным законодательством, исследователь получает своеобразный стереоскопический эффект, позволяющий объективно оценить достоинства и недостатки как отраслей права в целом, так и их отдельных институтов»². Ведь «компаративисты по-прежнему считают своей главной задачей поиски наилучших моделей, которые могут быть использованы в ходе различного рода национального права»³. Таким образом, метод сравнительного правоведения позволяет «высветить» направления эволюционирования конкретной пенитенциарной системы, понять её тенденции и перспективы развития.⁴ Обозначенные аспекты использования метода сравнительного правоведения позволяют говорить о его важной роли в выработке наиболее эффективной пенитенциарной политики государства.

Как было отмечено в предыдущем параграфе диссертационного исследования, предметом сравнительно-правового исследования правовая действительность в сфере исполнения уголовных наказаний. Использование данного метода предполагает обращение к правовой культуре и правовым традициям тех стран, которые включаются в предмет компаративистского исследования.

Использование данного метода предполагает обращение к иностранным правовой культуре и правовым традициям стран, включаемым в предмет компаративистского исследования. Представляется верным мнение А.В.Егорова, указы-

---

1 Первозванский В., Хуторская Н. Реализация европейских стандартов в деятельности исправительных учреждений УИС России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 11. С. 16.

2 Тарбагаев А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части: учебное пособие. Красноярск: Государственный ун-т, 2000. С. 47.

3 Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. с фр. и вступит. статья В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. С. 41.

4 Причем в литературе отмечается и специально-прикладное значение использования метода сравнительного правоведения в решении известных организационно-технических, кадровых и оперативно-тактических аспектов функционирования исправительных учреждений (в частности, см.: Цаплин И.С. Правовые и организационные основы охраны исправительных учреждений Минюста России : автореф. дис. ... к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 15–16; Максимова М.В. Проблемы использования зарубежного опыта по нейтрализации последствий криминального экстремизма органами внутренних дел : автореф. дис. ... к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 19, 22–23).

вающего: «...сравнение является методом, используемым всеми юридическими науками. Сравнительное правоведение – наука более высокого порядка, изучающая не все, а лишь наиболее важные, устойчивые элементы закономерностей функционирования иностранных правообразований»¹.

Содержание метода сравнительного правоведения позволяет говорить о формировании междисциплинарной системы знаний, охватывающих область иностранного пенитенциарного права и направления интерпретации зарубежного опыта исполнения уголовных наказаний. Более того, известный французский пенитенциарный юрист Ж. Прадель относит пенитенциарное право к «новой» ветви уголовного права, а сравнительное уголовное право – к относительно новому направлению в науке уголовного права.² Вместе с тем, анализ зарубежного опыта обращения с осужденными носит в большей степени описательный³, нежели сопоставительно-сравнительный характер, свойственный методу сравнительного правоведения, и поэтому снижает конструктивную пользу проведения таких исследований.

Метод сравнительного правоведения направлен на сравнительно-правовое исследование законодательного и иного нормативного материала, сопоставимости текстов нормативных правовых актов по тождеству разрешаемых вопросов и их соответствию компетенции издающего правотворческого органа, выяснение особенностей правовой регламентации. При сравнительно-правовом исследовании пенитенциарной системы под анализ подпадает не только правовой материал, но и широкий спектр организационно-правовых аспектов её функционирования, включающий правовую доктрину, соответствующую практику, правовые институты. Ведь как справедливо отмечает Х. Бехруз объектом сравнительного правоведения является правовая реальность, включающая все существующие правовые явления, связанные с правовой системой общества, в том числе правовые нормы,

---

1 Егоров А.В. К истории понятия сравнительного правоведения // Государство и право. 2009. № 3. С. 91.

2 См.: Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование : монография / отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. С. 10.

3 В частности, см.: Кораблин К.К., Тимошенко С.А. Пенитенциарные системы зарубежных стран: история и современность: учебное пособие. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2002; Астемиров З.А. Исправительные учреждения в зарубежных странах: учебное пособие. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1972.

правовую культуру, правовую идеологию, правосознание, правовые отношения, правовую практику, правовую психологию, а также новые объекты, вовлекаемые в сферу права¹. Хотя в целом это отражает структурность и комплексность современного предмета сравнительного правоведения, что, безусловно, показывает как сложность проведения сравнительно-правового исследования, так и неоднозначную оценку использования результатов такого исследования. В этом плане вызывают интерес результаты анкетирования сотрудников исправительных учреждений. Так, на вопрос: «Насколько целесообразно применять результаты исследования зарубежного права для оптимизации отечественного уголовно-исполнительного законодательства?» 52 % респондентов указали, что можно считать целесообразным, если это не противоречит отечественным традициям в сфере исполнения уголовных наказаний. При этом, 20 % – посчитали целесообразным применение данного метода в любом случае; нецелесообразным – 18 % респондентов; 10 % респондентов затруднились с ответом.

В рамках обсуждения роли сравнительно-правового исследования в познании европейских пенитенциарных систем можно встретить различные, в том числе диаметрально противоположные мнения. Например, отдельные, как отечественные, так и зарубежные исследователи этой социальной сферы полагают, что пенитенциарная система как таковая вряд ли пригодна для целей противодействия преступности, поскольку сама является источником повышенной опасности и дестабилизации обстановки в обществе, а следовательно, «настало время не просто реорганизации данной системы, а ее деструкции и создания новой модели минимизации социального зла»². В свою очередь известный английский правозащитник Питер Гитченс отмечает: «...парадокс английских тюрем сегодня состоит в том, что их внешняя оболочка скрывает не столь многозначительный секрет. Возможно, правительство заинтересовано в этом. Мы – жертвы или потенциальные жертвы преступности – можем обманывать себя, но до сих пор пенитенциарная система является мрачным оплотом унижения заключенных, которые в полосатых одеждах

---

¹ См.: Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учебник для вузов. М.: ТрансЛит, 2008. С. 17.

² Шипунова Т.В. Аутопойесис пенитенциарной системы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 3 (4). С. 156.

существуют на картошке и выполняют тяжелый физический труд. Между тем ...границы XIX столетия скрывают результаты едва наметившихся положительных тенденций, имевшая место работа не была успешной и по сути осталась лишь только попыткой реформирования тюремной системы»¹. В начале прошлого века известный русский адвокат А.С. Гольденвейзер указывал, что карательная система является не только неудачным «инструментом, требующим той или иной реформы, не лишним только аппаратом в ряду других, а самоубийственным учреждением, одно существование которого исключает, по убеждению Толстого, возможность нравственных основ в общественных отношениях»². Подобные суждения можно встретить среди отечественных исследователей начала XXI столетия. Так, Л.М. Карнозова пишет: «Места лишения свободы изолируют лиц, совершивших преступление, но вряд ли происходящие там процессы можно назвать исправлением. Там вконец разрушаются способности осужденного к социальной адаптации, к жизни в нормальном обществе, атрофируются элементарные социальные навыки, чувство ответственности за себя и близких... оказавшись в тюрьме вместе с другими изгоями, выброшенными из общества, осужденные больше склонны к самооправданию, к осознанию себя в качестве жертвы»³.

Одной из проблем зарубежной пенитенциарной практики выступает постоянный поиск оптимальных вариантов правовых средств исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества, в отношении категории так называемых исправимых преступников и в отношении рецидивистов и лиц, упорно не желающих встать на путь исправления. Здесь находится определенная «скрытая» угроза, заключающаяся в не всегда полезной критике традиционных форм и средств исправления осужденных и закрытии в общем-то перспективных программ обраще-

---

1 Hitchens P. History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England. London: Atlantic Books, 2003. P. 115.

2 Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения»). Издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельности автора. Киев: Тип. Р.К. Лубковского, Б.-Владимирская ул., № 46, 1911. С. 63.

3 Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р. Валент, 2010. С. 251. Об отрицательном влиянии условий отбывания наказания в местах изоляции от общества на осужденного также см.: Водолазский Б.Ф. Психологические особенности личности осужденного. – Омск: Высшая школа МВД СССР, 1982. С. 19-31; Антонян Ю.М. К чему приговаривает суд, когда приговаривает к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 4. С. 4-7.

ния с осужденными. Наиболее остро данная проблема стоит в решении задач исполнения длительного и пожизненного лишения свободы, поскольку для данной категории осужденных свойственна глубокая социальная дезадаптация, при одновременно высокой степени криминализации и общественной опасности их личности. Так, применительно к длительным срокам лишения свободы В.Д. Филимонов отмечает, что для «стадии исправления виновного необходимо, чтобы примерное поведение, честное отношение к труду и обучению осуществлялось в течении продолжительного времени»¹.

Широко распространены мнение и практика, согласно которым в отношении лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, не целесообразно применять весь комплекс средств исправления (например, зачастую происходит отказ, в том числе и в России, от обязательного труда осужденных, получения общего образования). В связи с рассматриваемым вопросом представляется верной позиция С.Ф. Милюкова, который на основе анализа пожизненного лишения свободы в ряде таких стран как Греция, Венгрия, Финляндии указывает и на такой важный недостаток рассматриваемого наказания как его способность делать осужденного преступника «неуязвимым» для уголовной репрессии в случае совершения им новых преступлений (за исключением караемых смертной казнью).²

По мнению венгерского ученого К. Бард, новые меры наказания, появившиеся в конце XX в., призваны не только заменить краткосрочное тюремное заключение и тем самым оградить правонарушителей от его негативных последствий. По её мнению, в последнее десятилетие XX столетия законодатели преследовали более масштабные цели. Признавая тот факт, что традиционные способы борьбы с преступностью малоэффективны, они стремились разработать новые виды санкций, которые должны решать самостоятельные задачи и потому рассчитаны не только на то, чтобы избежать тюремного заключения. Суть наказаний, отбываемых в рамках общества и разработанных в последние десять лет, заключается в

---

¹ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 170-171.

² См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. СПб: СПБИНВЭСЭП, 2000. С. 168.

том, чтобы добиться от правонарушителя выполнения неких требований, которые помогут ему или ей вновь стать нормальным членом общества. Это также означает, что некогда дискредитированные понятия «социальная реабилитации» и «социальная реинтеграции» вновь находят поддержку. Но все эти задачи стремятся решить в рамках общества, а не в тоталитарных условиях тюрьмы. Вводя общественные санкции, законодатели предоставляют судам право выбора тех мер наказания, которые отличаются от традиционных. В результате К. Бард приходит к справедливому выводу о том, что такая уголовно-правовая мера, как probation, – это альтернатива традиционным мерам наказания в целом (например, штрафам), но не обязательно замена (подмена) наказания в виде лишения свободы. Данная мера имеет самостоятельный характер и преследует свои собственные цели.¹

В настоящее время европейские пенитенциарные системы в целом открыты для обогащения их новыми идеями, способными задать дальнейший прогрессивный вектор развития. В связи с этим представляется важным обратиться к идее так называемых «неопределенных» приговоров, безусловно, имеющей радикальный для европейской пенитенциарной системы характер. Однако её критический анализ позволяет выявить скрытые особенности европейских пенитенциарных систем, их правоохранительной практики.

Идея «неопределенных» приговоров («indefinite sentence») впервые была закреплена в 1894 г. в США и являлась сутью американских реформаториев, существующих по подобию эльмирского исправительного заведения для преступников в возрасте до 30 лет (для «молодых» преступников). Данная тюрьма начала функционировать еще в 1877 г. в Эльмире, ее отличительной чертой было содержание в ней лиц, осужденных на неопределенные сроки заключения, то есть до их исправления, факт которого определялся администрацией заведения.²

---

1 Тюрьма и воля. Центр содействия реформе уголовного правосудия. Кароли Бард. Альтернативные меры уголовного наказания. URL: <http://www.prison.org/lib/comments/bard001.htm>.

2 Подр.: Дриль Д.Д. Исправительное заведение (Reformatory) в Конкорде (шт. Массачузетс) // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4 (апрель). С. 249–258; Он же. О применении основных начал принудительного воспитания к взрослым осужденным // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 7 (сентябрь). С. 128–136; Люблинский П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 2. С. 1–36; Он же. Условное

В 1970-х гг. в США была проведена реформа системы неопределенных приговоров, в результате которой суд перешел к практике установления для осужденного общих достаточно широких пределов тюремного заключения (например, от 1 года до 20 лет или от 5 до 50 лет). Решение вопроса об освобождении осужденного решается, как правило, ранее избранного судом сроком Советом по условно-досрочному освобождению. В 1984 г. американским законодателем был принят закон «О реформе системы наказания», явившийся частью действующего по настоящее время «Комплексного закона о контроле над преступностью». Данные нормативные акты последовательно развивали концепцию максимальной индивидуализации наказания, влияния поведения и исправления осужденного на его условно-досрочное освобождение.¹

Необходимо отметить, что рассматриваемая практика широкой индивидуализации наказания отражает особенности американского прецедентного права. Так, одним из современных отличий американской правовой системы от английской состоит в том, что при толковании казуса федеральные суды или суды штатов обращаются непосредственно к тексту Конституции США. Это обстоятельство открыло путь для дальнейшего полностью легитимного формирования американского прецедентного права. Как справедливо отмечает Е.С. Кананькина: «В прецедентном массиве США существует большой диапазон в выборе вариантов судебных решений и большая гибкость в выборе санкций»². Таким образом, почва для концепции неопределенных приговоров была заложена в практике судебных прецедентов, позволяющей значительно расширить фактические пределы уголовного наказания и при этом не попирая роль обвинительного приговора суда. В странах романо-германской системы права рассматриваемая концепция такой основы никогда не имела, поскольку правовой позитивизм привел к формализации не только источников законодательства, но и практики его применения с одно-

---

освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке (окончание) // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 3. С. 1–54.

1 См.: Тохова Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 32.

2 Кананькина Е.С. Правовая система Соединенных Штатов Америки // Международное публичное и частное право. 2009. № 1 (46). С. 42.

временным сдерживанием возможностей судебнo-правового регулирования общественных отношений. Как верно отмечает К.В. Арановский, континентальное право «предлагает юристам комплекс давно принятых аналогов, содержание которых хорошо усвоено. Они введены в практику и окружены удобными атрибутами – теоретически исследованы, включены в законодательство, защищены судом»¹.

В связи с анализом концепции неопределенных приговоров интересно мнение Е.Т. Байльдинова, который, с одной стороны, совершенно справедливо указывает, что лишение свободы на определенный фиксированный срок не всегда, а во многих случаях вообще не эффективно в смысле достижения таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. С другой стороны, достаточно сложно согласиться с его мнением о том, что срок наказания не должен быть фиксированным, а должен определяться объемом подлежащего восстановлению ущерба $2N+C$, то есть восстановление осужденным ущерба в двойном размере: одну часть непосредственно потерпевшему ($1N$), другую – обществу ($1N$), а также компенсировать расходы на его содержание в исправительном учреждении (C). Уголовное наказание должно «длиться до тех пор, пока осужденный своим трудом полностью не восстановит этот ущерб. Очевидно, что если срок наказания не фиксированный, а зависит от количества заработанных осужденным средств на восстановление ущерба, то вряд ли осужденный будет стараться уклониться от трудовой повинности»².

Предложение Е.Т. Байльдинова вызывает критику по причинам методологического и практического характера. Так, европейская пенитенциарная система не может воспринять такую модель эффективности уголовного наказания. Так, труд осужденных, высокая исправительная значимость которого подтверждается как в европейских пенитенциарных стандартах и правилах, так и в практике

---

1 Арановский К.В. В преддверии сравнительного правоведения // Правоведение. 1998. № 2. С. 59.

2 Байльдинов Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 67.

функционирования самих систем, как одно из средств исправления не может быть положен в основу универсального эквивалентного механизма исправимости осужденного при нефиксированном временными границами приговоре. Во-первых, его нельзя будет использовать при осуждении лиц, имеющих инвалидность либо иные заболевания, препятствующие их трудовой деятельности. Во-вторых, определенная категория осужденных в силу своего криминологического статуса, обусловленного так называемой «тюремной субкультурой», намеренно уклоняется от трудовой деятельности, что может привести к пролонгированию времени отбывания наказания и нежелательному увеличению их концентрации в исправительных учреждениях. В-третьих, даже в условиях неоспоримого признания труда как одного из лучших антикриминальных средств далеко не все исправительные учреждения могут предложить осужденным выполнение труда, который бы не только не имел монотонный и психологически угнетающий характер, но и давал возможность приобрести либо повысить профессиональную трудовую квалификацию (особенно это актуально для пенитенциарных систем стран Восточной Европы). Более того, В.Н. Кудрявцев не без основания отмечал, что «перестройка пенитенциарной системы... должна быть ориентирована не на получение экономической выгоды от труда заключенных..., а исключительно на исправление осужденных... соответствовать европейским и мировым стандартам»¹. Также всемирно известный английский пенолог М. Грюнхут отмечал: «работа для заключенных – милость, её отсутствие – жестокое наказание. Принудительный труд может доставлять страдание, но лишение работы еще более тяготит заключенного»². Следовательно, труд осужденных в современных исправительных учреждениях нерентабелен, и поэтому не способен в полной мере компенсировать и тем более «окупить» расходы на содержание заключенных. Таким образом, идея «неопределенных» приговоров, как в её «чистом», так и «смешанном» виде, в настоящее время неприемлема для европейских пенитенциарных систем.

---

1 Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003. С. 342.

2 Grünhut M. Penal Reform. A comparative study. Oxford: At the Clarendon Press, 1948. P. 198.

Как представляется, применительно к отечественно пенитенциарной системе следует конструктивно отнестись к идее постепенного снижения минимальных сроков отбывания наказания, необходимых для предоставления условно-досрочного освобождения. Минимальные сроки могут составлять нижний предел наказания, предусмотренный санкцией соответствующей части уголовно-правовой нормы, за нарушение которой было назначено наказание. Ведь пределы наказания, отраженные в конкретной санкции за совершенное деяние, отражают материальную сущность преступления, показывают его общественную опасность. Минимальные границы наказания демонстрируют тот минимум карательных притязаний государства к преступнику, который достаточен для удовлетворения идеи воздаяния и восстановления социальной справедливости. Более того, расширение возможностей судебного усмотрения с одновременным снижением карательных притязаний к значительной массе лиц, совершивших преступление, продемонстрировано фактом принятия Федерального закона Российской Федерации от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹, которым в 68 санкций уголовно-правовых норм Уголовного кодекса Российской Федерации нижний «порог» лишения свободы снижен до минимально предусмотренного данным видом наказания двухмесячного срока. Думается, что предлагаемая идея о снижении нижнего формального «порога» условно-досрочного освобождения находится в общем русле уголовно-правовой политики государства последних лет. Хотя можно и критически отнестись к данной политике, которая по известным причинам нивелирует идею категоризации преступлений², а по достаточно резонному мнению А.И. Коробеева стирание «нижнего порога наказания в виде лишения свободы в санкциях 68 статей УК РФ в 2011 году привело к тому, что институт «судейского усмотрения» превратился, по сути, в «судебный произвол»³. Ведь такая политика, отражающая взаимодействие уголовной и уголовно-исполнительной политики, должна согласовываться с

---

1 Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 11. Ст. 1495.

2 В частности см.: Кибальник А. К чему приведёт «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. 2011. № 9. С. 22-25.

3 Коробеев А.И. Уголовная политика современной России: состояние перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 249.

последующим карательно-исправительным воздействием на осужденного и, таким образом, демонстрировать эффективность правового воздействия на осужденного, основанного на формально-юридических конструкциях и допустимом правоприменительном усмотрении. Для успешной практической реализации такого предложения необходимо использовать методику конкурсного отбора претендента на условно-досрочное освобождение (см. приложение № 2). При этом исследователями в последнее время делается вывод о следовании судебной практики по пути смягчения мер уголовно-правовой репрессии вне зависимости от тяжести совершаемых преступлений и рамок, устанавливаемых юридическими свойствами самого наказания¹. Должны быть сделаны определенные шаги и в сторону более гибкого подхода в сфере исполнения уголовного наказания. Принципиальным в этом плане видится обозначенная выше трансформация института условно-досрочного освобождения. При этом оценка степени исправления осужденного опирается на достижение пенитенциарной теории в соответствующей области. В частности, Н.И. Макаренко совершенно справедливо отмечает, что программа исправления осужденных к лишению свободы способствует достижению цели исправления осужденных на основе оптимальной организации их жизнедеятельности в условиях исполнения уголовного наказания². Обращает внимание и разработка основ систематизации института исправления осужденных³. В свою очередь А.А. Синичкин аргументировано показывает, что применительно к исправлению осужденных сущностью оценочной деятельности является познание их исправленческих тенденций. Вместе с тем, в комплекс мероприятий по оценке входит также деятельность и по фиксации полученных результатов с помощью системы степеней исправления осужденных. Познание и фиксация направленности личности осужденного не будут логически завершенным процессом, если не определять

---

¹ См.: Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2004. С.103.

² См.: Макаренко Н.И. Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики (уголовно-исполнительный аспект): автореф. дис... к.ю.н. Челябинск: Государственный университет, 2006. С. 8.

³ См.: Исмаилов В.Д. Систематизация института исправления осужденных к лишению свободы // Современное право. 2013. № 1. С. 99-101. Также см.: Дикаева М.С. К вопросам о целях наказания и средствах их достижения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 61-66.

конкретные стимулирующие меры, основанные на результатах проведенной оценки. При этом данный автор считает, что специфика таких критериев оценки, как «поведение осужденного в период отбывания наказания», «отношение осужденного к общественно-полезному труду», «отношение осужденного к обучению» и «отношение осужденного к совершенному им противоправному деянию» заключается в том, что они характеризуют основную часть в структуре направленности личности осужденного. Оценивая поведение осужденного, можно получить информацию о том, как осужденный относится к требованиям администрации исправительного учреждения, касающихся правил отбывания наказания. В свою очередь, эти сведения могут дать информацию о возможной форме поведения человека уже в условиях свободы, а не ее изоляции¹. Данная программа должна носить добровольный характер для осужденных совершеннолетнего возраста и в случае отказа последнего от её заключения не влечь каких-либо негативных последствий. Как справедливо отмечает А.В. Усс, исправительная задача как раз и состоит в том, чтобы привести правонарушителя к подлинной свободе, то есть сделать его способным принимать поведенческие решения со знанием дела².

Вместе с тем, организуемая в настоящее время с осужденным индивидуальная (воспитательная) работа носит фрагментарный характер и направлена на решение отдельных задач в работе с осужденными: психокоррекция, решение социальных задач, связанных с их трудовой адаптацией, либо осуществляется планирование данной работы с отдельными категориями осужденных. Например, согласно Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации № 259 от 30 декабря 2005 года допускается планирование индивидуальной работы с осужденными, состоящими на профилактическом учете³. Дневник индивидуальной воспитательной работы с осужденным в

---

1 См.: Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: автореф. дисс... к.ю.н. Казань, 2003. С. 8-9, 15-20. Также см.: Васильев А.И. О критериях оценки степени исправления и перевоспитания // Исправительно-трудовые учреждения. 1980. № 13. С. 24-26; Макаренко Н.И. Указ. соч. С. 22-25.

2 См.: Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: монография. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1993. С. 229-230.

3 Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 10.

исправительном учреждении не позволяет закрепить целесообразные интересы осужденного и строить работу с осужденным на паритетных началах, тогда как надлежащая работа в этой сфере должна самым непосредственным образом связана с предоставлением осужденному условно-досрочного освобождения.

В современных условиях институт условно-досрочного освобождения имеет очень низкую эффективность и в силу формального единообразного отношения судов к его применению. Однако оставить непоколебимым принцип формального и единообразного соблюдения нормативных установок возможно посредством признания необходимости соблюдения «эталонных» решений суда по вопросам условно-досрочного освобождения. Безусловно, можно ориентироваться например на разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».¹ Однако разъяснения, изложенные в рамках данного постановления, носят максимально обобщенный характер, не содержат четких критериев о признании осужденного досрочно исправившимся и не имеют четко определенной связи с конкретным судебным решением, которое могло бы иметь эталонный характер и отражать ценность естественного типа правопонимания. Так, С.Ю. Скобелин справедливо отмечает: «Пленум Верховного Суда не до конца последователен и нарушает сложившуюся практику условно-досрочного освобождения»². Роль суда в условно-досрочном освобождении сводится к механическому рассмотрению типичных обстоятельств дела и формальному принятию, по сути, заранее известного решения. Справедливости ради важно заметить, что обращение в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, согласно ч. 1 ст. 175 УИК РФ, является правом осужденного (его адвоката либо законного представителя), но такое обращение должно находиться в непосредственной зависимости от выполнения условий персональной (индивидуальной) программы от-

---

1 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7. С. 2–6.

2 Скобелин С.Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2009. № 6. С. 65.

бывания наказания и конкурсного отбора осужденного к условно-досрочному освобождению (см. приложение к диссертации № 2).

В результате исследования 398 ходатайств с материалами об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, поступивших в суды г. Красноярска в период с 1 февраля 2007 г. по 25 января 2018 г. (путем случайной выборки), в 92 материалах (23,1%) были обнаружены отрицательные характеристики осужденного, однако 56 ходатайства из них (14,1 % от общего количества) были удовлетворены судами. При этом только в 142 (35,7 %) постановлениях об условно-досрочном освобождении суд оперировал четырьмя и более критериями досрочного достижения или недостижения целей исправления (как правило, отношение к внутреннему распорядку исправительного учреждения, выплаты по исполнительным листам, отношение к труду, признание вины или раскаяние). В остальных случаях таких критериев менее четырех. Отмечая сложность оценки степени исправления осужденных можно в подтверждение этому привести мнение практических работников. Так, на опрос: «Как вы считаете, приемлемо ли среди осужденных, отбывающих лишение свободы и претендующих на условно-досрочное освобождение, проводить конкурсный отбор, по результатам которого готовить представление в суд на тех осужденных, которые в наибольшей степени достойны быть условно-досрочно освобожденными?» только 34 % ответили утвердительно, тогда как 18 % затруднились с ответом и 48 % ответили отрицательно.

К сожалению, подобная практика достаточно архаична. Так, еще в 1965 году Н.И. Титов обращал на неё внимание, указывая, что число используемых доказательств, которые, по мнению суда, в каждом конкретном случае свидетельствуют об исправлении (перевоспитании) лица, чрезвычайно незначительно. При оценке исправления (перевоспитания) каждого осужденного суд, как правило, приводил всего лишь два-три доказательства: из рассмотренных 500 определений с двумя и менее критериями исправления было вынесено 185 (37 %), с тремя критериями – 249 (49,8 %), с четырьмя – лишь 66 (13,2 %). Из изученных 250 определений, вынесенных судами Красноярского края об условно-досрочном освобождении

дении в 2010-2017 гг., проценты по количеству соответствующих критериев исправления распределились следующим образом: 34 %, 53 %, 10 %, среди 3 % (7 определений) таких критериев исправления было пять.

Также Н.И. Титов отмечал, что перечень критериев, которыми руководствуются суды, чрезвычайно узок: а) добросовестное отношение к труду (492 определения); б) примерное поведение, т. е. строгое соблюдение режима и правил внутреннего распорядка (460 определений); в) участие в общественной жизни (319 определений); г) забота о повышении общеобразовательного и профессионально-технического уровня (66 определений); д) скромное поведение в быту, вежливое отношение к товарищам (24 определения); е) осознание своей вины (10 определений). Суды не использовали таких важных доказательств исправления и перевоспитания, как раскаяние лица в совершенном преступлении, бережное отношение к имуществу, забота о своем духовном и физическом развитии, правильное отношение к своему будущему. Наиболее часто употребляемые в практике критерии (добросовестное отношение к труду, примерное поведение, активное участие в общественной жизни) применяются ко всем без исключения осужденным, независимо от характера преступления, совершенного данным лицом. В результате Н.И. Титовым делается вывод о том, что в практике условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания нет действительно индивидуального подхода к оценке факта исправления (перевоспитания) лица, отсутствует индивидуализация критериев исправления и перевоспитания¹. Как видно подобная практика, по сути, не изменилась до настоящего времени.

Вызывает интерес английский опыт предоставления осужденным условно-досрочного освобождения (parole). Так, с 1 апреля 1968 г. Законом об уголовной юстиции (Criminal Justice Act) 1967 г. в английском уголовном правосудии введены основы современной концепции parole, суть которой в соответствии с этим Законом состоит в том, что в известный момент длительное тюремное заключение для определенной части осужденных становится либо ненадлежащим,

---

¹ См.: Титов Н.И. О критериях исправления и перевоспитания осужденных // Правоведение. 1965. № 4. С. 100-107.

либо излишним средством воздействия в целях достижения должного исправительного эффекта, в силу чего некоторые заключенные, которых нет необходимости продолжать содержать в условиях лишения свободы до истечения всего срока приговора, подвергаются досрочному освобождению.¹ Данный законодательный акт регламентировал предоставление досрочного освобождения для лиц, осужденных к более чем 18 месяцам тюремного заключения, после отбытия ими не менее чем одной третьей либо 12 месяцев срока заключения. Принципиальное же отличие системы parole от ранних форм, нередко представляемых в английской юридической литературе единым термином «remission» (прощение), состоит в том, что досрочное освобождение после 1967 года стало правом осужденного, а не привилегией.

В целом система досрочного освобождения до 10 октября 1992 года, когда вступил в силу Закон об уголовной юстиции 1991 года, характеризовалась тем, что, во-первых, приговор тех лиц, которые попали под досрочное освобождение от отбывания тюремного заключения, фактически считался отбытым и, следовательно, эти лица не подвергались какому-либо специальному посттюремному контролю со стороны государства² и, во-вторых, институт, по существу, работал на снижение количества лиц, содержащихся в тюремном заключении.³

Предпосылками к иному изложению системы досрочного освобождения в Законе об уголовной юстиции 1991 года послужили получившие актуальность в конце 1988 года два ключевых принципа уголовной политики Англии: экономии уголовной репрессии и «реального времени тюремного заключения», послуживших лейтмотивом для активизации реформ в области уголовной

---

1 Fitzgerald M. Sim J. *British Prisons*. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 102.

2 Данный вопрос поднимался на обсуждение задолго до 1991 года. В частности, еще в 1948 году Макс Грюнхут отмечал, что «одна лишь только угроза неминуемого возврата в тюремное заключение [при отсутствии должного поведения досрочно освобожденного лица] недостаточна для достижения результата реабилитации. Как в случае с пробацией условно-отсроченное наказание [к которому он относил и досрочное освобождение] требует дополнительного позитивного вмешательства: персональной опеки и надзора». Далее он замечает, что как в случае с пробацией работа с экс-заключенными должна значить больше чем просто надзор, который в сущности отсутствовал касательно досрочно освобожденных лиц (Grünhut M. *Op. cit.* P. 316).

3 Cavadino M., Dignan J. *The Penal System. An Introduction*. 3rd ed. London: SAGE Publications Ltd, 2013. P. 267.

юстиции и, в частности, вовлекших в действие своих интересов институт досрочного освобождения.

Вопрос о условно-досрочном освобождении решается Комиссией по делам досрочного освобождения (The Parole Board), до недавнего времени функционировавшей в рамках Министерства внутренних дел Великобритании, либо, в особых случаях, предусмотренных, например, Законом о детях и молодежи (Children and Young Persons Act) 1933 года или Законом об уголовной юстиции 1972 года (в отношении ограничено правоспособных заключенных, содержащихся под стражей подростков до 18 лет и некоторых других), непосредственно министр, который, как и в настоящее время, уже имел окончательное слово в решении вопроса о досрочном освобождении.

С 1 июля 1996 года Законом об уголовной юстиции и общественном порядке (Crime Justice and Public Order Act) 1994 года Комиссия по делам досрочного освобождения становится независимым вневедомственным (имеется в виду – вне структуры министерства внутренних дел) исполнительным органом. В настоящее время Комиссия по делам досрочного освобождения состоит более чем из ста членов. В среднем в ней работают 110 человек, в том числе один председатель, два служащих на постоянной основе и 107 – не на постоянной основе (23 судьи, 19 психиатров, 9 офицеров Национальной Службы Пробы, 5 криминологов и 51 независимых представителей общественности). Работа проводится в группах, как правило, по три человека. Имеется несколько типов таких групп, в основу разделения которых положен вид досрочного освобождения: 1) группа, решающая вопросы дискреционного условного досрочного освобождения и в среднем одновременно рассматривающая 24 дела о досрочном освобождении; две подгруппы, занимающиеся вопросами о досрочном освобождении осужденных к пожизненному заключению – 2) мандатная комиссия, имеющая на рассмотрении 16 дел и 3) группа особых вопросов, работающая обычно только с тремя делами; 4) группа, имеющая дело с лицами, осужденными к длительным срокам тюремного заключения; 5) группа, рассматривающая вопросы о возврате осужденного обратно в место отбывания

наказания и работающая в составе только лишь двух членов, причем не являющихся судьями или психиатрами. До 1 июля 1996 года Комиссия состояла более чем из 16 типов групп (иногда их количество доходило до 24). В 1992 году в работе Комиссии были задействованы 45 специалистов и 40 независимых представителей общественности.¹

Комиссией по делам досрочного освобождения в лице указанных групп, перед тем как решить вопрос о досрочном освобождении либо дать соответствующие рекомендации министру (с последующим направлением материалов в суд), устанавливаются следующие вопросы: 1) сущность и обстоятельства преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание; 2) степень того, насколько велик риск совершения лицом нового преступления и, соответственно, насколько высока степень безопасности общества в этом плане; 3) характер поведения заключенного и его прогресс в исправлении; 4) в случае преступлений сексуального и насильственного характера особо устанавливаются обстоятельства, влияющие на повышение риска повторного совершения лицом подобных деяний; 5) условия, которые должны быть положены в основу надзора, и уступки, которые могут быть при этом допущены; 6) длительность надзора; 7) индивидуальный план реабилитирующих мероприятий; 8) а также предлагается встречная программа надзора, которая исходит от офицера Национальной Службы Пробации, предположительно под надзор которого может попасть осужденный. Обратим внимание, что изучение вопроса о тяжести преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание, необходимо лишь для избрания формы и содержания надзора, но не для принятия решения о досрочном освобождении в принципе. Таким образом, при рассмотрении этого вопроса Комиссия руководствуется только критерием отсутствия риска совершения лицом нового преступления безотносительно учета тяжести совершенного деяния, так как по сути данное обстоятельство уже учитывалось судом при назначении

---

¹ См.: Hood R., Shute S. Parole in Transition. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System. Phase One. Establishing the Base-Line. Occasional Paper № 13. Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1994. P. 43–77.

наказания.¹ Эта проблема «double weighting» (двойного учета как тяжести совершенного преступления, так и риска совершить новое), устраненная новой концепцией принимаемого решения о досрочном освобождении, в английском уголовном правосудии была решена в связи с принятием Закона об уголовной юстиции 1991 года²

Рассмотрение ключевых моментов английского института досрочного освобождения показывает, что данный институт, во-первых, компенсирует определенные недостатки уголовной системы правосудия, во-вторых, является одним из немногих «восстановительных институтов», направленных на успешную адаптацию преступника в обществе, и, в-третьих, стимулируя положительные свойства и побуждая осужденное лицо к законопослушному поведению, существенным образом снижает степень его опасности для общества, нежели с порой непредсказуемой и вероятной пролонгацией такого риска после отбытия лицом всего, как правило, длительного срока тюремного заключения.

Как представляется, данный опыт сочетается с задачами российского уголовного правосудия и его необходимо учитывать при совершенствовании отечественных механизмов регулирования уголовно-исполнительных отношений.

Также с позиций метода сравнительного правоведения интерес представляет расширение удельного веса уголовных наказаний, выступающих альтернативой тюремному заключению. Например, в Англии и Уэльсе домашний арест с использованием системы электронного мониторинга как мера наказания, не связанная с изоляцией от общества, исполняется на практике в соответствии с Законом об уголовной юстиции 1991 года, но более широкое применение данный институт нашел с декабря 1999 года³. Развитие в английской юридической науке новых концепций реакции общества и государства на преступление привело к принятию указанного закона, который ввел в действие новую модель наказаний, не связан-

---

1 Подр. см.: Тепляшин П.В. Современное тюремное право Англии : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. С. 77–109.

2 Результаты специальных исследований новых критериев принятия решения о досрочном освобождении показали их высокую эффективность (Hood R., Shute S. *Op. cit.* P. 25–58).

3 Whitfield D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders. London: Waterside Press, 1997. P. 17–27.

ных с изоляцией от общества, в том числе домашний арест. Закон утвердил данные наказания как самодостаточные и более не являющиеся только альтернативными мерами тюремному заключению. Было положено начало развитию концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных и иных программ.¹ В силу этого с организационной точки зрения произошел «толчок» по направлению расширения различных форм взаимодействия между пробационными службами (которые в дальнейшем были трансформированы службы контроля за общественными наказаниями) и иными государственными, общественными и частными структурами². Была произведена переоценка роли офицеров данных служб в деле исправления и реабилитации лиц, осужденных к рассматриваемым наказаниям. С одной стороны, они стали особым «звеном» между судом и осужденным лицом, находящимся в обществе под их надзором. С другой – под влиянием вышеобозначенного закона и Национальных Стандартов организации надзора за преступниками, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества, 1992 года (и их пересмотренного варианта 1995 года) офицеры служб контроля за общественными наказаниями до избрания меры наказания обязаны подготавливать и предоставлять суду отчет с рекомендациями о потенциальной возможности назначения «наказания в обществе», его форме и, если это необходимо, дополнительных условиях.³ Практика предварительного исследования личности обвиняемого (подсудимого) офицерами данных служб и составления своеобразного «досье» на данное лицо известна также американскому правоприменителю и законодательству⁴. В частности, специалистами отмечается, что решение вопроса о применении probation американскими судами невозможно

---

1 Worrall A. *Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice*. London and New York: Longman, 1997. P. 21–33; *The Oxford Handbook of Criminology* / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. 3rd ed. Oxford: University Press, 2002. P. 1158–1159.

² *Handbook of Probation* / edited by L. Gelsthorpe, R. Morgan. Oregon: Willam Publishing, 2007. P. 71, 91, 97-98, 521.

³ Brownlee I. *Community Punishment. A Critical Introduction*. London and New York: Longman, 1998. P. 81; Ashton J. and Wilson D. *What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment*. 2nd ed. Oxford: University Press, 2001. P. 161.

⁴ Canton R. *Probation: working with offender*. New York: Oxon, 2011. P. 19-20, 203-206.

без предварительного изучения личности обвиняемого, так как ни материалы обвинения, ни личное мнение судьи во время процесса не дают достаточной информации для принятия обоснованного решения о назначении probation. «Характер, поведенческие проявления личности зависят не только от нынешнего положения, условий жизни и деятельности, но и от всей прошлой жизни, обуславливающей характер человека... В связи с этим офицерами данных служб до суда могут проводиться предварительные исследования в отношении подозреваемых, когда те арестованы полицией... Офицеры службы probation также исследуют предкриминальную ситуацию и составляют рекомендации к приговору (социальный доклад) для каждого правонарушителя. При этом рекомендации к приговору, перед передачей их в суд, обсуждаются с правонарушителями и их семьями. Офицеры могут привлекаться для дачи разъяснений в суде относительно их рекомендаций. Но социальные доклады передаются в суд только после установления виновности подсудимого»¹. В английском законодательстве домашний арест регламентируется группой правовых актов, важнейшими из которых являются Уголовный закон о нарушении общественного порядка 1998 года и Закон о полномочиях уголовных судов 2000 года. В частности, секции 99 и 100 первого из них указывают на дифференцированное (в зависимости от объема закрепленных обязанностей и продолжительности домашнего ареста) использование системы электронного мониторинга (электронных ярлыков) в отношении лиц, содержащихся под домашним арестом. Применение электронного мониторинга широко используется и в других странах. Например, в Швеции он применяется с 1993 года в качестве специфической формы исполнения наказания в виде лишения свободы. Так, лица, осужденные к лишению свободы на срок до трех лет, имеют право обратиться в одно из местных представительств Службы по лишению свободы и условно-досрочному освобождению от наказания по поводу применением к ним данной меры. При положительном решении запроса осужденного его освобождают от реального отбывания лишения свободы, определяют место дальнейшего проживания осужденного

---

¹ Кубанцев С.П. Применение probation и досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в США // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 128–129.

(как правило это постоянное место жительства осужденного) и его обязанности на оставшийся срок назначенного наказания (в Норвегии уголовное наказание в виде электронного контроля применяется на срок только до 4 месяцев с возможностью на 5 часов в неделю покидать жилое помещение в установленное время¹).

Попытки отечественного законодателя практически применить основы правовой компаративистики реализованы в новой редакции уголовного наказания в виде ограничения свободы², которое широко известно под названием «домашний арест» и фактически является копией «комендантского часа» («curfew»), выступающего одной из форм house arrest – английского правового института. Как справедливо отмечает Л.В.Головко, «мы имеем дело с заимствованием, а не самостоятельным отечественным правовым творчеством»... в развитых странах существует «совершенно иной механизм: государство сначала решает социальные проблемы освобожденного, а затем уже накладывает на него соответствующие обязанности (этим чаще всего занимается специальный судья по исполнению наказания) и следит за их исполнением»³. Как представляется, в России контроль за поведением лиц, освобожденных из мест отбывания лишения свободы, и оказание помощи в их социальной адаптации и ресоциализации должны осуществляться специализированной пробационной службой в рамках института постпенитенциарного контроля (воздействия). Так, В.И. Горобцов под мерами постпенитенциарного воздействия рассматривает уголовно-правовое принуждение, выступающее разновидностью фактически сложившейся в отечественном законодательстве системы мер безопасности⁴, перспективная модель которых отражает от-

---

¹ См.: Багреева Е.Г., Багреева Е.В. О специфике деятельности тюремной системы Норвегии // Российский следователь. 2012. № 11. С. 43.

² Имеется в виду редакция в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 52. Ст. 6453.

³ Головко Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 3. С. 1, 10.

⁴ См.: Горобцов В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики: автореф. дис... д.ю.н. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1995. С. 7, 10-11; Он же. Предмет уголовно-исполнительного права: эволюция, современное состояние, перспективы развития: учебное пособие. Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1998. С. 21.

ход пенологической практики от «идеала реабилитации» к концепции «контроля». Вместе с тем объяснение в скоропостижном заимствовании такого уголовного наказания, как ограничение свободы в его новой редакции, видится в недостатке базовых сведений по сравнительному правоведению, что, однако, не будет рассматриваться подробно, поскольку не является объектом данного диссертационного исследования.

В плане сопоставления ограничения свободы с обязанностями при условном осуждении показателем соответствующий зарубежный опыт. В зарубежных европейских странах рассматриваемый институт именуется как правило пробацией. В семантическом смысле под пробацией следует понимать «испытание»¹. Главная отличительная черта института пробации, который в национальном законодательстве, например Англии, может именоваться иначе – это условное неисполнение наказания (либо наказание, вообще, не назначается, как, например, в Англии и Франции) с назначением специального должностного лица (агента, помощника, уполномоченного и т.п.), который осуществляет контроль за поведением осужденного и выполнением им определенных обязанностей и условий пробации. Как правило, пробация предусматривает соблюдение следующих условий: 1) несвершение новых преступлений; 2) выполнение обязанностей, специально определенных судом в приговоре, в случае соблюдения которых правовыми последствиями пробации является полное освобождение от какого бы то ни было наказания за совершенное преступление и отсутствие судимости как определенных правоограничений, являющихся следствием осуждения за преступление.

Исследователями теории и практики отсрочки лишения свободы в зарубежном уголовном праве отмечается, что постепенно сложились две основные системы условного осуждения, различные с точки зрения юридической техники: 1) англо-американская (англ. «probation»); 2) бельгийско-французская «сурси» (фр. «sursis»). Существенное отличие между ними состоит в том, что

---

¹ McNeill F., Dawson M. Social Solidarity, penal evolution and probation // British Journal of Criminology. 2014. № 54. P. 897-899.

«пробация предполагает отсрочку назначения лишения свободы, тогда как «сурси» заключается в том, что лишение свободы назначается, однако его исполнение откладывается на неопределенный срок».¹ В настоящее время пробация осталась ограниченной в основном системой англо-американского права, «сурси» распространилась на большинство стран с континентальной системой права.

В отношении обязательств, лежащих в основе испытательного срока и налагаемых на преступника при пробации, следует заметить, что в классической (или консервативной) форме осуждение правонарушителя на условное тюремное заключение не предусматривает никаких конкретных обязательств, кроме недопустимости повторного совершения правонарушения. Так, в Венгрии установление надзора со стороны сотрудника службы пробации обязательно только в отношении несовершеннолетних и рецидивистов, в остальных случаях решение данного вопроса отдается на усмотрение суда². Такая «чистая» форма условного тюремного заключения преследует исключительную цель оградить правонарушителя от вредного влияния реального тюремного заключения (в основном краткосрочного). Например, в Италии это вызывает критику со стороны оппонентов простой отсрочки: она не предусматривает общих мер пресечения, воспринимается как своего рода юридическое помилование, что подрывает доверие к системе уголовного правосудия.

Таким образом, налицо возврат к условному тюремному заключению. Так, со времени проведения реформы в 1976 года финское законодательство более не предусматривает других ограничений или условий в отношении поведения правонарушителя. Во многих странах для повышения интенсивности воздействия санкции на правонарушителя в качестве дополнительного наказания налагается штраф.³

---

¹ Пергатая А.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: дис... к. ю. н. Красноярск : Государственный университет, 1999. С. 135-136.

² См.: Гилязова О.Г. К вопросу об альтернативных видах исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 14.

³ Казак Б.Б., Ананьева Е.О., Белая Н.П. и др. Организация воспитательно-профилактической работы с осужденными, отбывающими наказания, не связанные с лишением свободы : учебное пособие /

Изложенный материал показывает возможности реализации метода сравнительного правоведения в науке уголовно-исполнительного права и правоприменительной практики. Однако вышеизложенное отражает частный характер сравнительно-правового исследования и не показывает основных тенденций в пенитенциарной сфере, поэтому требуется обращение к ретроспективным и международно-правовым основам формирования европейских пенитенциарных систем, чему посвящена следующая глава диссертационного исследования.

ГЛАВА II. РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

§ 1. Ретроспективные основы становления и развития европейских пенитенциарных систем

В Европе начиная с конца XVIII столетия зарождается гуманистическое движение, пересмотревшее смысл наказаний, основывающееся на нравственно-правовых теориях, уважении личности преступника и смягчении карательных притязаний государства. Произошел кризис идеи традиционно жестокого и нарочито публичного наказания, начинает формироваться современный облик европейской пенитенциарной системы. Идея воздаяния постепенно трансформировалась и взяла за основу концепцию о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия. Несомненно, высокую роль в формировании и популяризации обозначенного движения сыграли выдающиеся гуманисты конца XVIII – начала XIX вв. – тюремный реформатор Дж.Говард, философы И.Бентам, У.Палей и Ч.Беккария, филантроп С.Ромильи. Представители движения Просвещения были противниками имеющегося состояния уголовного правосудия. Например, Уильям Палей в известной работе «Принципы нравственной и политической философии», изданной в 1785 г., особое внимание обращал на работу органов правосудия по вынесению и исполнению ими наказаний. Ядром правовой мысли Уильяма Палея является утилитаристское учение о нравственности, которое, по сути, представляет собой приложение номинализма английской философии к общественно-этическим отношениям.¹ С этих позиций в наказании он видел, прежде всего, не кару за совершенное преступление («зло»), а предупреждение преступления. Так, рассуждая о «гуманном наказании», ученый указывает, что «надлежащая цель гуманного наказания – это не удовлетворение

---

¹ The Encyclopedia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information – 11th ed. In XXVIII Volumes. Volume XX. Cambridge: University Press, 1911. P. 821.

правосудия, но превенция преступности».¹ С гносеологических позиций следует буквально понимать употребляемый им термин «удовлетворение правосудия», а именно как «воздаяние такой болью, которое соответствует вине преступника, и, соответственно, воле Бога; воздаяние, которое мы привыкли воспринимать как совершенное правосудие – предписывающее и требующее».² При этом требование правосудия карать и наказывать – это не мотив или повод гуманного наказания; а вот вероятность того, что пример уклонения преступника от должного воздаяния поощряет его же или других лиц совершить подобное либо иное преступление уже является единственным соображением, которое дает возможность применять гуманное по своей сути наказание.

Касаясь общих вопросов назначения и исполнения наказания, Палей утверждал, что наказание преследует две цели – исправление и демонстрация. Причем первую цель он считал более практичной, но определенно менее эффективной. В свою очередь, из всех наказаний для достижения цели исправления наиболее испытанным и надежным, по его мнению, являются тюремное заключение нескольких осужденных в одной камере либо одиночное содержание заключенных... «эти меры увеличивают устрашающий эффект наказания; изолируют преступника от общества с себе подобными... и отражают происходящие в поведении осужденного изменения»³.

Палей одним из первых обосновал идею о целесообразности использования физического труда осужденных в целях достижения исправительного эффекта. В частности, он указывал, что антипатия к труду является причиной половины человеческих пороков, она является причиной, которая порождает и усугубляет это зло даже у самой заурядной личности. Следовательно, наказывать следует с учетом такой склонности. На основании этого он дает две «противоположные, но вместе с тем целесообразные рекомендации»: исполнять одиночное заключение в сочетании с тяжелым физическим трудом и одиночное заключение без такового.

---

1 Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. 16th ed. In Two Volumes. Vol. I. London: Printed for R. Faulder, New Bond-Street, 1806. P. 295.

2 Ibid. P. 296.

3 Ibid. P. 320-321.

Когда одиночное заключение первоначально сопряжено с тяжелым физическим трудом, полученный осужденным опыт может служить избранию ему дальнейшего исполнения наказания без изнурительного физического труда.¹ Именно в этот исторический период времени получают теоретическое обоснование европейская философия одиночного тюремного заключения.

В литературе, посвященной изучению истории юридической мысли, труд Уильяма Палея «Принципы нравственной и политической философии» отмечается как одна из наиболее ранних, но вместе с тем прогрессивных работ, оказавшая глубокое влияние на формирование либеральных общественных взглядов в области исполнения наказаний.² Рациональность, справедливость и гуманизм – это то, чем отличался дух реформаторства во взглядах Уильяма Палея.³

Следует резюмировать, что идеи Уильяма Палея оказались доктринальной основой для гармонизации законодательства в области обращения с осужденными и предтечей для выдающихся прогрессивных результатов деятельности пенитенциарных учреждений.

В свое время известный исследователь истории европейского тюремоведения Дж.Хиз отмечал, что именно Палей первым среди его современников обосновывал необходимость дифференциации тяжести наказания в зависимости от степени соучастия лиц в преступлении,⁴ исполнения наказания за преступления, совершенные группой лиц (шайкой), с учетом отдельного тюремного содержания виновных: особенно лидера от подчиненных, исполнителей от иных сообщников.⁵

Важную роль в обосновании должного порядка исполнения уголовных наказаний сыграл Самуил Ромильи, который первоначальные воззрения в области тюремоведения изложил в критическом очерке работы Мартина Мадана (Martin

---

1 Ibid. P. 321-322.

2 Manchester A.H. A Modern Legal History of England and Wales 1750-1950. London: Butterworths, 1980. P. 12, 242.

3 Ibid. P. 242.

4 Heath J. Eighteenth Century Penal Theory. Oxford: University Press, 1963. P. 20.

5 Ibid. P. 297.

Madan) «Размышления о реализации правосудия» («Thoughts o Executive Justice»), вышедшем в свет в 1786 году. Ромильи, видя в причинах преступности прежде всего социальные корни, пороки общества, говорил о том, что адекватное преступлению наказание действует как несомненное средство удержания от его повторного совершения и служит общей превенции. При этом именно одиночное заключение и физический труд, на его взгляд, являлись необходимым средством перевоспитания осужденных.¹

Реформатором провозглашался принцип, в соответствии с которым целью уголовного наказания, согласованной с нравственной природой человека и интересами государства, должно в первую очередь выступать исправление преступника. Для достижения данной цели более приемлемым наказанием признавалось, по его мнению, одиночное тюремное заключение. В связи с этим в 1811 году им было предложено парламенту создать специальную комиссию по изучению тюремного вопроса. Вместе с этим, Ромильи был противником Паноптикона Иеремии Бентама, поскольку ратовал за обширную реформу всей тюремной системы, но не спорадическое строительство отдельных тюремных комплексов. Однако не без его участия в 1816 году был возведен и в 1821 году полностью вступил в действие первый «национальный пенитенциарий» Англии – Милбанк.²

В свою очередь идеи Иеремии Бентама были положены в основу становления классической утилитарной философии наказания и ее ядра – теории устрашения. Так, Бентам дает следующее краткое описание рассматриваемой теории: «Страдание и удовольствие являются важнейшими источниками человеческих поступков. Когда человек осознает или предполагает, что боль будет последствием его поведения, он действует в соответствии с тем, насколько сильна сила страха, препятствующая совершению преступления. Если страх перед совершением преступления будет выше ожидаемого результата от его

---

1 McLynn F. Crime and Punishment in Eighteenth-century England. London and New York: Routledge, 1989. P. 254.

2 Memories of the Life of Sir Samuel Romilly, written by himself; with a selection from his Correspondence / edited by his sons. In Three Volumes. Vol I. 2nd ed. London: John Murray, Albemarle Street., 1840. P. 278.

исполнения, то будет очевидна превентивная роль такой устрашающей силы».¹ Бентам, наполнив теорию соответствующим содержанием (Беккария изложил ее нравственную основу), был также сторонником ее практического воплощения. Гарантом конструктивности теории выступало должное и соразмерное преступлению наказание.

Учение И. Бентама нельзя не сопоставить с идеями Ч. Беккария, который в заслугу законодательной власти, по сути, также ставил общественную пользу. Однако утилитарная философия Ч. Бентама не церемонится с нравственной оценкой властных достижений. Так, по справедливому мнению И.С. Джабадари, человеческое правосудие у Беккария не может быть «воплощением правосудия абсолютного», поэтому итальянский ученый «за общественной пользой не забывал человека, его нравственного я и ставил... границей уголовного закона – закон нравственный».² Сформулированный и описанный «принцип полезности» был положен в основу главных начал назначения наказания, которые имеют актуальное значение и по настоящее время. Бентам обращает внимание на свойства, которые должен иметь комплекс (система) наказаний. К таковым, по мнению утилитариста, следует относить: 1) «изменяемость», то есть комплекс наказаний должен состоять из такого количества наказаний, чтобы адекватно предупреждать все разновидности преступных деяний; 2) «равномерность», означающая обязательное наличие «лестницы» наказаний, позволяющей устанавливать адекватное соотношение между степенью страдания, причиняемого конкретным наказанием (в том числе в зависимости от условий и продолжительности тюремного заключения), и глубиной причиненного вреда от преступления; 3) «соизмеримость», требующая ясной и очевидной разницы в свойствах и тяжести отдельных наказаний; 4) «характерность», указывающая на взаимосвязь и соотносимость конкретного наказания и преступления; 5) каждое наказание комплекса должно иметь особенную и отличную «церемонию», то есть

---

¹Цит. из кн.: Bean P. Punishment. A Philosophical and Criminological Inquiry. Oxford: Martin Robertson, 1981. P. 30.

² Джабадари И.С. Смертная казнь в связи с правом наказания. СПб.: Типография Дома Призрения Малолетних Бедных. Лиг. ул., д. 26, 1896. С. 107.

собственный механизм его исполнения, для того чтобы подчеркнуть внутренние свойства каждого из них; 6) «умеренность», требующая ограничить излишнее и ненужное страдание, то есть «не делать его больше, чем сколько требуется»; 7) «содействие исправлению» («свойство исправительности»), являющееся таким свойством наказания, которое посредством ужесточения условий, увеличением размера и (или) его продолжительности позволило бы вызвать у осужденного «отвращение к преступлению»; 8) «действенность наказания в отнятии способности к преступлению», то есть предупреждение преступлений посредством демонстрации и устрашающего эффекта государственной репрессии; 9) «удобство для воздаяния», заключающееся в исключительно карательной (возмездной) функции наказания, но строго пропорциональной характеру преступления и причиненному им вреду; 10) также Бентам рекомендует соблюдать свойство «популярности», однако оно является второстепенным и зависимым от свойства «характерности», и означаящим «удобство» (допустимость) и одобряемость конкретного наказания для общества. По его мнению, назначение этого свойства «состоит в том, чтобы служить напоминанием законодателю – не вводить без настоящей необходимости никакого способа или доли наказания, к которым бы он заметил сильное отвращение в массе народа»;¹ 11) «отменяемость», то есть возможность освобождения от отбывания наказания вследствие обнаружения, например, невинности осужденного лица². Особенно важно данное свойство, по мнению Бентама, в случаях отбывания лицом тюремного заключения.

Отмеченные идеи реформаторов конца XVIII – начала XIX вв. позволяют сказать, что дух гуманизма эпохи Просвещения проистекал из «старшей и младшей школ». К первой относился Монтескьё, Вольтер и Беккария, которые обрушили критику на теократическое учение о возмездии и одновременно с этим пытались рационализировать теорию устрашения. Главой «младшей школы» был

---

¹ Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (reprint). Oxford: At the Clarendon Press, 1823. P. 168-170. На русском языке см.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 231-241.

² Bentham J. Op. cit, P. 171.

неаполитанец Гаэтано Филанджери, который в отличие от представителей «старшей школы» особое внимание обратил на исправление наказуемого. В одной из главных работ – «Наука законодательства», написанной в 1783 г.,¹ он указывал на то обстоятельство, что наказание должно служить исправлению преступника. Развиваемая им идея о необходимости надзора, включая использование тюремного режима, за преступником послужила основой современной теории профилактики преступлений и предвосхитила кризис «идеи реабилитации» конца 70-х–начала 80-х гг. XX века. Не случайно специалисты, занимающиеся данной проблематикой, справедливо отмечают, что «кризис в системе целей уголовного наказания, который наметился еще в XVIII в., растянулся на XIX и XX столетия»².

При этом Гаэтано Филанджери активно выступал за наказание в виде депортации в качестве реабилитационного метода³, тогда как Ч. Беккария видел в этом наказании простое дистанцирование преступника от правопослушного населения.⁴ В связи с этим В.Н. Додонов совершенно точно отмечает: «с каждым десятилетием все более универсальный характер приобретает вектор уголовно-правового развития, заложенный более двух столетий назад основателями классической школы. Превратившись со временем в неоклассическую школу и восприняв некоторые идеи у социологического направления, учение просветителей XVIII в. и сегодня определяет дух уголовного права, систему его нравственных ориентиров»⁵.

---

¹ Имя и работы этого представителя эпохи Просвещения указываются с несколько различной интерпретацией. Так, в работе Эрика Аннерса – как Филангери, а работа – «Законодательная наука» (Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). М.: Наука, 1996. С. 237–238), в переводах итальянских авторов – Филанджери «Наука законодательства» (Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 3 т. Т. 3. Новое время / пер. С.Мальцевой; науч. ред. Э.Соколова. СПб.: Петрополис, 1996. С. 622–623).

² Марцев А.И., Максимов С.В., Морозов В.И., Нечепуренко А.А. Общее предупреждение преступлений: (Проблемы и перспективы): монография. – Омск: Высшая школа милиции МВД РФ. 1993. С. 15.

³ Также см.: Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С.191 и др.

⁴ См.: Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 120 (напечатана с изданной в 1939 году книги в переводе профессора М.М. Исаева).

⁵ Международное право и национальное законодательство. М.: Ин-т законодательства и сравнит. Правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксимо, 2009. С. 620.

Следовательно, реформа европейской пенитенциарной системы начиналась именно с улучшения условий содержания заключенных, но затем она постепенно перерастала в совершенствование средств исправительного воздействия. Так, усилия известного филантропа и реформатора Джона Говарда изначально были направлены на демонстрацию, по сути, бесчеловечных условий содержания в тюрьмах и иных исправительных учреждениях Европы в XVIII столетии. Его осмотр английских и иных европейских тюрем в течение 1773-1776 гг. показал, что в Англии и странах континентальной Европы фактически отсутствовала организация тюремного управления, должный государственный и общественный контроль за состоянием тюрем, условиями и формой содержания осужденных, повсеместно имела место экономия средств на их содержании, аверсивное отношение духовенства к тюремному вопросу. Затем, на основе этих наблюдений, реформатором обращалось внимание не только на улучшение санитарно-бытовых условий содержания заключенных, но и на разрешение иных проблем устройства тюремной системы, эффективной организации исправительного воздействия на заключенных и улучшение правовых условий их содержания, чему была посвящена третья секция его известного сочинения – «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе, с предварительными замечаниями и описанием некоторых зарубежных тюрем и больниц»¹. В предисловии сам реформатор в качестве лейтмотива написания данной книги делает следующую запись: «Сострадание к страждущим и любовь к своей стране». Также он отмечал: «Я не могу наслаждаться едой и бездельем, если Провидение предоставило мне возможность смягчить страдания страждущих».²

Говардом были достаточно детально разработаны требования, касающиеся не только отдельного и одиночного содержания различных категорий заключенных в зависимости от тяжести совершенного ими деяния, возраста и пола, их обязательного привлечения к общественно полезному труду,

---

¹ Как правило, используется сокращенный вариант работы – «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе».

² Howard J. The State of the Prisons. London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. P. xx.

дисциплинарно-режимных и религиозно-нравственных методов обращения с осужденными и создания соответствующих санитарно-бытовых условий проживания, но и архитектуры (в форме прямоугольника или квадрата), планировки тюремного учреждения (которое, по его мнению, должно быть расположено желательнее близ реки, для того чтобы обеспечить санитарные условия, наличие бань и прачечных для заключенных), а также организации специального контроля за функционированием тюрем посредством инспектора, местного шерифа и мирового судьи.¹ Особое значение уделялось труду и религиозному воспитанию преступников. Так, труд, по мнению реформатора, может быть оплачиваем, причем даже чисто символически, но это необходимо для того, чтобы вселить в заключенного положительное стремление к нравственному образу жизни, улучшить собственное положение (например, посредством приобретения дополнительных продуктов питания) либо хоть как-то поддержать семью. Однако труд следует признать обязательным лишь только для лиц, уже отбывающих наказание, но не для ожидающих суда. Говард настаивал на необходимости при каждой тюрьме иметь небольшую церковь и капеллана, который должен всячески ободрять заключенных, наставлять их на искупление своей вины и переосмысление содеянного.

Именно Говард стал идейным вдохновителем прогрессивной системы исполнения наказания. Он предложил и обосновал критерии классификации осужденных по группам, движение по которым зависело от поведения заключенного в период отбывания наказания. Для исправляющихся предполагалось изменение костюма, улучшение пищевого рациона и помещения, применение различных по своему характеру наград (свидания, более легкий труд etc.). Под исправлением им понималось постоянное усердие в работе и безупречное поведение, которое могло привести и к досрочному освобождению – феномену, который в эпоху Говарда правоведами еще всерьез не рассматривался.

Джона Говарда справедливо называют «отцом науки тюремоведения и главным творцом и в весьма многих отношениях инициатором тюремной

---

¹ Howard J. Op. cit. P. 19-45.

реформы, для которой он указывал гуманные, практичные и плодотворные пути... После Говарда... впервые открылась возможность создать коренную реформу всей системы наказаний, поставив в центре её лишение свободы и устранив те варварские роды наказаний, за отмену которых боролись все лучшие умы XVIII в. Эта заслуга ставит имя Говарда в ряд имен величайших уголовных политиков мира»¹. В этом плане представляются интересными рассуждения известного отечественного юриста и ученого С.К. Гогеля, который указывал, что учение Говарда сводилось к обобщенному изложению следующих требований относительно «рациональной системы мер борьбы с преступностью: 1) главная предупредительная мера против развития преступности – обучение детей бедных родителей ремеслам; 2) отказ от ссылки и широкое применение труда в тюрьмах – знаменитое выражение: «сделайте людей трудолюбивыми и вы сделаете их честными»; 3) применение научного и религиозного образования как средства подготовки арестантов к жизни на воле; 4) отказ от наказаний, лишаящих арестантов надежды на будущее, а вместе с тем подрывающих всякую возможность достигать их исправления – таково, например, пожизненное заключение; 5) досрочное освобождение для трудолюбивых и хорошо учившихся арестантов; 6) возведение тюрем по системе одиночного заключения. Эти положения, впоследствии развитые и дополненные, были положены в основу современной пенитенциарной системы, т.е. системы мер, направленных к исправлению преступников при посредстве особого тюремного режима, дисциплины с её наградами и взысканиями».² Вышеупомянутые и собственные исследования наследия Говарда показывают, что в его учении отсутствует четко разработанная система знаний в области исполнения наказания в виде тюремного заключения, но дана инвективная по характеру и обличающая фактическое положение дел в этой сфере картина, основы зарождающегося тюрьмоведения,

---

1 Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. С. 163–164.

2 Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. Собрание исследований. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. С. 490.

давшие значительный толчок в развитие прогрессивных, цивилизованных и гуманных средств исправления преступников.

Исследователями наследия Джона Говарда, например Альбертом Кребсом, отмечается, что его идеи в части прав и обязанностей осужденных, по сути, положены в основу современных стандартов обращения с заключенными.¹ Пол Корнил указывает, что система предъявляемых Говардом требований к организации режима и условий содержания заключенных в тюремных заведениях фактически полностью отражена в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятыми ООН в 1955 года². В унисон вышесказанному профессор пенологии Эдинбургского университета Дэвид Гарланд (David Garland) замечает: «изучение Джоном Говардом состояния тюрем осуществлялось в порядке благотворительности с целью проведения соответствующих реформ, но его методы были чисто эмпирическими и в его исследовании сделан упор на измерение и систематическое наблюдение как основу для выводов. Исследования, проведенные Д. Говардом в 70-х годах XVIII века, явились первыми эмпирическими пенологическими исследованиями, которые с 30-х годов XIX века стали важным элементом Британской криминологической школы»³. Исследователи наследия Говарда приходят к научно обоснованному выводу, согласно которому он «стал не только реформатором карательной системы, но и идейным вдохновителем нового направления криминологических исследований, характерного для Британии, где социально-правовые проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний являются неотъемлемой частью предмета криминологии в отличие, например, от других стран, где эти проблемы составляют содержание других наук – уголовного права или пенологии, как в странах Западной Европы, или уголовно-исполнительного права, как в России»⁴.

---

1 Krebs A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / Edited by J.C. Freeman. London: Heinemann, 1978. P. 42–43.

2 Cornil P. John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / Edited by H.J. Klare. Oxford: Pergamon Press, 1966. P. 177–183.

3 Цит. по: Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 44.

4 Там же. С. 45. Значительный вклад Говарда в совершенствование не только практики исполнения наказания в виде тюремного заключения и применения средств и методов воздействия, но и

В результате уголовно-правовая доктрина эпохи Просвещения, заключившая в себе теорию рационализованного устрашения (значительно улучшенную гуманитарным наполнением) и секуляризированное учение о возмездии¹, сделав прорыв в нравственно-правовых теориях, стала приматом пенитенциарной практики в Европе XIX в. Указанные обстоятельства послужили основой для движения в сторону тюремной реформы. Как справедливо отмечает А.А.Иванов, «устрашение как цель наказания подвергается осуждению, и в результате многолетних дискуссий формируется качественно новое направление целей наказания – исправление и предупреждение».²

Таким образом, доктрина уголовных наказаний берет начало с эпохи Просвещения, развитие нравственно-правовых теорий которой обеспечило гуманитарный вектор развития европейских пенитенциарных систем.

При этом справедливым будет подход, согласно которому национальная модель пенитенциарной системы отражает основные признаки ее пенитенциарной науки, но вместе с этим (с практической позиции) не равнозначна способу размещения заключенных и буквальному восприятию термина «тюрьма». Так, последний – это «вопрос второстепенный по отношению к вопросу о системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Если способ размещения заключенных в конкретном месте лишения свободы лишь косвенно зависит от экономических и политических факторов, то тюремная система связана с ним теснейшим образом»³. Не случайно в России на протяжении XI-XIX столетий для обозначения места фактического лишения свободы преступника употреблялись различные термины – «тюрьма», «поруб», «темница», «погреб», «острог», «казе-

---

карательной теории был высоко оценен научной общественностью, о чем свидетельствует, в частности, создание в 1921 году в честь великого британца «Говардской лиги за реформу карательной системы» и чуть позже соответствующего периодического издания «Говардский журнал».

1 Учение о возмездии секуляризовал (то есть перевел из разряда теократического в разряд светского) и тем самым придал ему адекватную тому времени идеологическую основу И.Кант в 80-е годы XVIII в. Смысл его идеи заключается в том, что преступление противоречит мировому, установленному метафизикой, состоянию всеобщего равновесия. Поэтому по принципу «переливающихся сосудов» для восстановления равновесия сил в природе последствия преступлений должны быть восполнены возмездием, иначе грех преступления останется на совести людей.

2 Иванов А.А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX веков и формирование личностного подхода в наказании // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 127.

3 Туманов Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюремоведения в капиталистических странах: лекция. М.: Высшая школа МООН РСФСР, 1965. С. 8.

мат», «яма»¹. Следовательно, тюремная система поглощала систему размещения заключенных в местах изоляции от общества, зависела от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включала определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления. Собственно исправление представляет наполнение соответствующей теории наказания, которых всего в мировой уголовно-правовой мысли насчитывается более ста разновидностей, например теория божественного возмездия, теория устрашения, теория психического принуждения Фейербаха, утилитарная теория Бентама, теория диалектического возмездия Гегеля, теория нравственного возмездия Канта, теория общего предостережения Бауера, теории Росси, Бернера и др., сочетающие принципы воздаяния и полезности. При этом исправление, при всем многообразии подходов к определению данного термина, в целом воспринималось как насаждение и укрепление альтруистических, социально полезных мотивов (В.В.Пржевальский)², преобразование преступника в безвредную для правопорядка и общества личность (Gross, Ahrens, Röder), «развитие чувства распознавания добра и зла, предостерегающего от возможных нарушений в будущем» (Steltzer).³ Исходя из анализа перечисленных определений и собственного видения проблемы можно прийти к выводу о наличии нравственной (реформирование духовной сферы преступника, приводящее к сознательной необходимости добропорядочного поведения и уважительного отношения к социально-правовым нормам) и юридической (формирование того понимания, что противоправное поведение крайне невыгодно с позиций неизбежного наступления негативных последствий такого поведения) компонент исправительного воздействия, к повышению эффективности которого стремились во всех европейских пенитен-

---

¹ Подробнее см.: Нарышкина Н.И. К вопросу о трактовке термина «тюрьма» и о видах тюрем, существовавших в России в XI-XIX веках // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2(77). С. 56-59.

² См.: Пржевальский В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание // Сборник правоведения и общественных знаний : труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. Том 6. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. С. 106.

³ См. в кн.: Фалиев Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения. М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. С. 24-25. Также см.: Ewing A.C. The Morality of Punishment with some Suggestions for a General Theory of Ethics / With a Foreword by W.D. Ross. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., 1929. P. 13-72.

циарных системах. Уголовное наказание воспринималось как принудительное правоохранительное средство, заключающееся «во вторжении в сферу правовых благ личности»¹, как нравственно законная мера, необходимая «для осуществления в общежитии (в государстве) всего возможного в данный момент прогресса, как мера психического противодействия деяниям (то есть устраняющая такое состояние психики преступника, которое угрожает повторным возникновением решимости совершить преступление), недопустимых с точки зрения общих интересов граждан»². Из этого определения усматриваются исправительная и политическая цели наказания, формирование которых началось еще с уголовно-правовой доктрины XIX в. При этом ближайшей целью наказания стала общая превенция, которая при возрастании многофункциональности тюремного заключения несколько изменила форму проявления. Общая превенция социально опасных проявлений стала отражать исправительно-воспитательные механизмы воздействия на преступника на каждом условно выделяемом историческом этапе их применения (религиозная обработка осужденных, каторжный труд, прогрессивная классификация осужденных и т.д.). Карательный эффект тюремного заключения воспринимался через призму функционирования данных механизмов, неизбежные дефекты которых и изменяли форму проявления общей превенции. Постепенное выдавливание (как представляется, этот процесс имел вполне волевой и сознательный характер) из пенитенциарной сферы издержек и «перегибов» тюремной практики приводило к поэтапному ослаблению превосходства общей превенции над специальным предупреждением. Данная тенденция осуществлялась на фоне научно обоснованного и криминологически значимого появления различных типов преступников и причин преступного поведения, приводила к настоящему и отчетливому проявлению цели специального предупреждения (в частности, по-

---

1 Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16–18, 1914. С. 62.

2 Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права (Общая часть уголовного права). М.: Изд-е А.А. Карцева, 1912. С. 77, 114–115.

явление борстальских тюремных заведений для несовершеннолетних, института probation, превентивного тюремного заключения).¹

Ретроспективное исследование европейских пенитенциарных систем приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества «как в более суровой, так и в более мягкой форме, сделалось центром существующих карательных систем и до сих пор удерживает это положение»². Данный вывод объясняется высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способного лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника. Так, М.Н. Галкин в свое время указывал на то обстоятельство, что данное наказание «может быть применяемо с самой разнообразною продолжительностью и строгостью, смотря по преступности и развитию каждого, и которое имеет еще то преимущество, что дает наибольшую возможность исправить преступника»³. В свою очередь Н.Д. Сергеевский отмечал преимущество тюремного заключения перед всеми другими видами наказаний в силу его «постепенности» и «делимости», «устранения излишних мучений» и «хорошего влияния на преступника». По мнению ученого, наказание в виде тюремного заключения вполне соответствует положению личности гражданина в современном государстве и современной общественной нравственности, поэтому оно «заслонило собою и смертную казнь, и наказания телесные, и наказания, направляющиеся на честь, и, наконец, все другие формы лишения свободы. Необходимость специальных работ и исследований по вопросу об организации наказания лишением свободы вызвало выделение этой части учения о наказаниях в особую науку, *Тюрьмоведение*, как систему специальных зна-

---

1 Подр. см.: Тепляшин П.В. Становление и развитие теории специального предупреждения (частной превенции) преступности в контексте социально-правовой гармонизации тюремного заключения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 3–4 (2). С. 10–14.

2 Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. С. 429.

3 Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. С. 8–9.

ний о наилучшей организации тюремного лишения свободы»¹. Наука тюрьмоведения все более однозначно приходила к становившемуся непреложным выводу о том, что тюремное заключение в сравнении с иными наказаниями обладает наиболее широким спектром средств исправления, а рациональная организация тюремного дела позволит перевести в ранг исправившихся большую часть преступников. Не случайно известный английский исследователь проблем наказания Лайонел Фокс указывает на то, что впервые функции исправления осужденного были введены в тюрьмах². В результате развития карательной деятельности того или иного государства на философской, социально-этической и правовой основе создавались разнообразные теории наказания и это приводило к формированию специфической отрасли знания – пенологии³. Поэтому тюрьмоведение непреложно выступило универсальной площадкой научных исследований «наказания как средства для борьбы с преступлением... наказания в его внешнем, фактическом применении и его внутреннем, выводимом из фактов, действий»⁴, то есть самостоятельным направлением уголовной политики, получившим теоретическое обоснование и закрепление представителями социологической школы уголовного права, в частности Францем фон Листом.

В процессе становления различных европейских моделей тюремного заключения выработался перечень основных требований к должному функционированию любой пенитенциарной системы то есть, как указывает Мишель Фуко, «семь универсальных максим хорошего «пенитенциарного состояния»:

- 1) реформирование поведения заключенного преступника (исправление);
- 2) распределение заключенных в зависимости от правовой характеристики совершенного деяния;
- 3) изменение характера исправительного

---

1 Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям / предисл. автора. СПб.: Типография Х.Ш. Гельперн, 1890. С.191.

2 Fox L.W. The English Prison and Borstal Systems. London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. P. 24.

3 См.: Ривман Д.В., Смирнов Л.Б. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки // Предпринимательство в России: опыт, проблемы, уроки: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (19 апреля 2001 года). Ч. II. СПб.: Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2001. С. 47; Смирнов Л.Б. Возникновение и развитие пенологии // История государства и права. 2003. № 4. С. 8-10.

4 Пржевальский В.В. Указ. соч. С. 79.

воздействия в зависимости от достигнутых результатов в преобразовании их поведения; 4) воспитание осужденных путем религиозного и педагогического воздействия, общего и профессионального обучения; 5) труд осужденных должен выступать главным средством реформирования и постепенной социализации преступника; 6) контроль тюремного режима со стороны специального персонала; 7) содействие заключенным вплоть до их полной реадaptации¹. При определенной интерпретации данных требований отступление от них не позволяли умалять и дискредитировать наказание в виде тюремного заключения.

Так, на протяжении XIX века «места лишения свободы представлялись чем-то желательным для их обитателей, которые в настоящее время в суровую зиму, по очевидной и крайне опасной несправедливости, становятся предметом зависти для честного, бедного земледельца, прозябающего в своей хижине или даже для честного работника, еле укрывающегося от холода в бедном жилище».² Также по этому поводу Мишель Фуко как нельзя лучше замечает: «Ирония, с какой судья пытается окружить недисциплинированность величием закона, и дерзость, с какой обвиняемый возвращает её в число фундаментальных прав человека, создают показательную сцену для уголовного правосудия».³ Законодательные предписания более страдали не от совокупности преступных посягательств, но в результате несоответствия «духа закона» социальным условиям. Ответная карательная реакция государства, в основе которой лежало наказание с её исправительной сутью, зачастую оказывалась малоэффективной, если не бесполезной, перед лицом тех преступлений, которые совершались, по существу, на почве стремления человека к удовлетворению своих естественных потребностей (пища, кров и т.п.) в силу врожденных свойств человека к борьбе за свое существование. Следовательно, перед наказанием ставилась задача исправления не самого «преступника», но фактически реформирование всего

---

1 См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова / под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 393-396.

2 Ферри Э. Уголовная социология. В 2 ч. – Ч. 2 / пер. Л.В. Гольденвейзера, Г.Я. Зака, Н.А. Зак, О.В. Познышевой, В.П. Поливанова с 5 французского издания 1905 г. / под ред. С.В. Познышева.– М.: Тип. М. Саблина, 1908. С. 373.

3 Фуко М. Указ. соч. С. 427.

общества с его экономическими недостатками и лакунами в процессе цивилизованного развития. Данная ситуация представляла сердцевину проблемы эффективного наказания в XIX столетии.

Становление европейских пенитенциарных систем следует воспринимать с учетом вышеотмеченных особенностей наказания в виде тюремного заключения. Более того, реформаторам и ученым было сложно добиться понимания смысла данного наказания (масштабов, глубины карательного воздействия, продолжительности) как меры средней между смертной казнью и наказаниями, не связанными с изоляцией от общества. По сути, единообразность тюремного заключения за различные по своей степени тяжести и характеру преступления длительное время приводила к представлению о бессмысленной аллегории: «одно единственное лекарство от всех болезней». Данный образ «разбивал» многие, в принципе прогрессивные идеи, препятствовал их воплощению в жизнь. Однако достаточно быстро данное препятствие было преодолено с помощью карательно-исправительного феномена тюремного заключения в совокупности с прогрессивной системой исполнения наказания.¹ В контексте сказанного будет уместно привести слова известного русского ученого-юриста С.В. Познышева, указывающего на тот факт, что «в конце XVIII столетия явственно обозначился переход к новой эпохе в развитии карательной деятельности, к эпохе, отмеченной вымиранием тех карательных мер, которые господствовали в старинных законодательствах. В это время и в литературе, и в общественном мнении возникло новое гуманное течение, настойчиво требовавшее уничтожения некоторых кровавых форм уголовной репрессии, восставшее вообще против жестокости наказаний и проводившее иной уже взгляд на преступление и преступника»².

Отмеченные выше культурологические особенности становления и развития европейских пенитенциарных систем позволяют резюмировать, что к ним следует отнести комплекс взаимосвязанных элементов, обладающих теоретиче-

---

¹ Хотя имеются и противоположные точки зрения. В частности, В.В. Оксамытный указывает на то обстоятельство, что в XIX столетии в частности в Англии в качестве конечной цели наказания в виде тюремного заключения выступало устрашение (см.: Оксамытный В.В. Система уголовных наказаний в Англии. Киев: Наукова думка, 1977. С. 20).

² Познышев С.В. Указ. соч. С. 81.

ским, нормативным или эмпирическим характером, возникающих главным образом в связи исполнением уголовных наказаний в государствах Европы и объединяющих: 1) пенитенциарную доктрину и мировоззрение, отражающее правовую культуру общества; 2) пенитенциарную политику, включающую документы программно-стратегического характера (стратегии, концепции, программы и т.п.); 3) систему учреждений и органов, исполняющие наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества; 4) соответствующее законодательство; 5) особенности правоприменительной практики, соответствующие средства и методы достижения поставленных перед данной системой целей и задач.. Отмеченная характеристика пенитенциарной системы отражает так называемый широкий смысл рассматриваемой категории¹ и, безусловно, не сводится лишь к структуре соответствующих исправительных учреждений. Вместе с тем сложно согласиться с С.М. Оганесяном, который в структуру пенитенциарной системы, например России, включает Федеральную службу судебных приставов². Поскольку аналогичные службы или относительно обособленные от иных правоохранительных органов подразделения существуют практически во всех европейских странах, то этот вопрос представляется важным. Основываясь на традиционно существующей связи «пенитенциария» с исправительным учреждением закрытого типа (начиная с реализации в 1703 году в Риме идей Жана Мабильона об одиночном заключении несовершеннолетних преступников в пенитенциарии и впоследствии ставшей широко известной филадельфийской модели одиночного заключения преступников в пенитенциариях) нецелесообразно отождествлять пенитенциарную систему, обладающей известной спецификой, с органами принудительного исполнения судебных решений.

Относительно отмеченных элементов важно добавить, что пенитенциарная доктрина и мировоззрение имеют как научную основу (обобщенные результаты

---

¹ Об этом см.: Балувев Е.Н. «Пенитенциарная система»: плюрализм подходов к обозначению социально-юридического феномена и средств охраны и защиты законности и правопорядка // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 111-114.

² См.: Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства: историко-теоретический и правовой анализ: автореф. дис... д.ю.н. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. С. 16.

теоретических и практически исследований процесса исполнения уголовного наказания и его результатов), так и социальную основу (особенности представления населения о целесообразности и приемлемости конкретной пенитенциарной практики, имеющей место в конкретном государстве). Таким образом, раскрытие основных элементов пенитенциарной системы дает возможность сформулировать её следующее определение: совокупность функционально обусловленных и структурно взаимосвязанных элементов, определяющих теоретическое обоснование, правовое регулирование и практическую организацию исполнения уголовных наказаний в условиях преимущественной изоляции осужденного от общества.

Исследование европейских пенитенциарных систем невозможно с отрывом от исследования международно-правовых основ в области обращения с осужденными, чему посвящен следующий параграф диссертационного исследования.

§ 2. Международно-правовые основы формирования европейских пенитенциарных систем

Направленность и интенсивность внешнего ценностно-культурологического воздействия в основном оказывается посредством международного права, которое призвано регулировать взаимовыгодное развитие национальных пенитенциарных систем и их группировок (типов). Так, В.А. Фефелов совершенно справедливо отмечал, что для «формирования правового государства Российской Федерации правомерным становится вопрос о приведении норм уголовно-исполнительного права, регулирующего общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний, в соответствие с цивилизованными условиями отбывания наказания осужденными в местах лишения свободы, установленными в международно-правовых актах, и в частности «Стандартных минимальных правилах обращения с заключенными», принятыми ООН в 1955 г. и ратифицированными СССР в 1986 г.»¹. Данные слова остаются актуальными и по настоящее время.

---

¹ Фефелов В.А. Социально-правовая востребованность цивилизации уголовно-исполнительного права Российской Федерации: учебное пособие. Уфа: Высшая школа МВД России, 1993. С. 38.

Влияние международных стандартов на национальное законодательство осуществляется по таким основным направлениям, как целевая ориентация государственной политики в определенной сфере, императивное регулирование посредством соответствующих принципов, рекомендации, допускающие выбор правовых вариантов решений в процессе национального правотворчества. В этой связи приведем в полной мере справедливые слова В.А. Уткина: «На осуществление большого круга принципов, норм и рекомендаций, составляющих международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности, большое влияние оказывает разнообразие правовых систем различных стран, их социальных, политических, экономических и географических условий. Однако фактический уровень, степень их реализации и, что самое главное, – действительное стремление к этому расценивается международным сообществом в качестве важного критерия своего рода «цивилизованности» правовой системы государства»¹. В свою очередь О.Д. Третьякова отмечает, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года выступает «одним из важных факторов конвергенции права России с международным правом и через него – с правом многих других государств, признающих права человека в вопросах регулирования отношений, складывающихся в пенитенциарной системе»².

При этом важно заметить, что «взаимодействие международной и национальных правовых систем охватывает не только право в его нормативном закреплении, правотворческую и правореализационную деятельность международных и внутригосударственных институциональных структур, но и такой важный компонент этих системных конструкций, как правосознание»³. В этом смысле международное и европейское право позволяет удерживать не только позитивистский тип правопонимания, но и демонстрирует ценность естественно-правового содержания права. В частности, А. Ашвёс отмечает, что «единое европейское право обла-

---

¹ Уткин В.А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2. С. 90.

² Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: автореф. дис... д.ю.н. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. С. 37.

³ Гаврилов В. К вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И.Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. С.34.

дает большей юридической силой нежели чем национальное право... Причиной здесь выступает то обстоятельство, что Международный уголовный суд был образован именно для реализации данного права и на основе соблюдения фундаментальных прав человека»¹. В свою очередь А.А. Телегин высказывается о том, что совершенствование государственной политики в сфере исполнения наказания детерминирует проявление закономерности, состоящей «в необходимости максимального отражения международной практики обеспечения законности и прав человека, духа и буквы международных соглашений в процессе исполнения уголовного наказания»².

Способы влияния международно-правовых норм на национальное законодательство можно сгруппировать следующим образом: 1) всеобщие принципы существования мирового сообщества и демократического развития государств (в частности, идея обеспечения прав человека); 2) доктринальное влияние в виде концепций и унифицированных стандартов; 3) функционально-договорные обязательства; 4) прецедентное влияние решений международных судов.³ Данные способы в полной мере приемлемы и для уголовно-исполнительного законодательства, в рамках которого императивы публичных интересов государства неотделимы от необходимости всемерного обеспечения прав и свобод осужденных, соблюдения цивилизованных стандартов обращения с ними, постоянного обращения к судебным механизмам защиты лиц, отбывающих уголовные наказания.

В методологическом смысле исследование концептуальных основ влияния международных пенитенциарных стандартов и правил на формирование и развитие пенитенциарного законодательства предполагает культурно-антропологический анализ международной (европейской) модели обращения с осужденными, пенитенциарного сотрудничества, рецепции соответствующих образцов и правил исполнения уголовных наказаний.

---

1 Ashworth A. Principles of Criminal Law. 3rd ed. New York·Oxford: University Press, 1999. P. 63.

² Телегин А.А. Методологические и организационно-правовые основы науки уголовно-исполнительного права: автореф. дис... д.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 10.

³ Подр. см.: Международное право и национальное законодательство. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксимо, 2009. С.66.

Следует заметить, что международно-правовые ценности преломляются в силу культурологических особенностей правопонимания в конкретном обществе, поэтому содержание международного права и правоприменительная практика реализации международных пенитенциарных стандартов и правил должны находиться в определенной зависимости от ментальных стереотипов поведения (архетипа восприятия права) и правосознания граждан соответствующего общества. При ближайшем рассмотрении данных ментальных стереотипов поведения становится понятно, почему, например, такая европейская культурологическая ценность как индивидуализм в обращении с осужденными далеко не всегда приемлема для отечественной уголовно-исполнительной системы, в основе которой лежит идея коллективного отбывания наказания. Вместе с тем именно подобная культурологическая самобытность и определенное различие архетипов восприятия права приводит к стремлению обнаружить общие черты социально-правового развития, обмену накопленным опытом и, в конечном счете, к правовой интеграции. При этом с практической точки зрения именно интеграция правовых систем исключительно остро ставит проблему создания адекватной правовой основы взаимодействия и сотрудничества национальных пенитенциарных ведомств.

При этом важно подчеркнуть, что пенитенциарные правила, положенные в основу международно-правовых актов в сфере обращения с осужденными, базируются на традициях права стран Западной Европы, поскольку в целом формирование и активное развитие международно-правового взаимодействия с выработкой соответствующих универсальных стандартов происходило между странами, традиционно являющихся представителями западной цивилизации¹. Так, по мнению профессора И.Л.Честнова, «то, что сегодня понимается под правами человека и что закреплено в международно-правовых актах, является исключительно западным явлением, обусловленным господствующими в эпоху модерна обменными отношениями, хотя предпосылки его можно обнаружить в религиозных догма-

---

¹ См.: Стручков Н.А., Бажанов О.И., Ускова И.Б. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне: учебное пособие. Рязань, 1977. С. 5

тах XI–XII вв. и периода реформации, закрепивших в общественном сознании и социальной реальности принципы индивидуализма, формального равенства и активистского, преобразовательного отношения к внешнему миру»¹.

Посредством сравнительного исследования иностранных моделей обращения с осужденными в Европе вырабатывались конкретные рекомендации тюремных конгрессов, первая серия которых связана с проведением международного конгресса во Франкфурте-на-Майне, состоявшемся в 1846 г., вторая – с международным конгрессом в Лондоне, состоявшемся в 1872 г. Обсуждение иностранного пенитенциарного опыта с выработкой рекомендаций, еще пока не имеющих общепризнанного значения и во многом обязательного выполнения, происходило в рамках второй серии вплоть до 1950 г., в котором под эгидой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии состоялся последний тюремный конгресс в Гааге. Однако именно в этот период закладывается информационная основа и предопределяется культурно-гуманистическая направленность норм международного пенитенциарного права, формировалась методика разработки стандартов в области обращения с осужденными.

Россия не оставалась в стороне от данных отношений. Так, на первом конгрессе, состоявшемся в 1872 году, впервые приняли участие русские пенологи. Кроме того, четвертый конгресс состоялся в Петербурге в 1890 году.

На данных конгрессах обсуждались вопросы, связанные не только с функционированием тюремных учреждений и проблемами исполнения соответствующих наказаний, но также вопросы общей профилактики преступности, исследованию подвергались криминологически значимые негативные «фоновые» явления преступности. В частности, на пятом Международном тюремном конгрессе, состоявшемся в 1895 году в Париже, также была подвергнута обсуждению проблема роста алкоголизма и увеличения числа душевнобольных лиц, склонных к совершению общественно опасных деяний. Было рекомендовано ужесточить контроль за оборотом спиртосодержащей

---

¹ Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. С. 124.

продукции и создать специальные заведения (приюты) для содержания подобных лиц.¹ На восьмом конгрессе, проходившем в Будапеште в 1905 году, программа работы четырех секций предполагала обсуждение следующих вопросов (данные вопросы в целях выработки программы работы конгресса в Будапеште были обсуждены на заседании международной пенитенциарной комиссии, проходившей в Берне в августе 1902 года):

I секция. «Уголовное законодательство. Для каких преступлений следует установить штраф в качестве дополнительного наказания? Какие правила должны быть положены в основу при наложении ареста на имущество приговоренного к штрафу и к отбыванию дополнительного тюремного заключения? Каковы составные элементы мошенничества? Должно ли укрывательство краденого рассматриваться, как отдельное преступление или же акт соучастия? Следует ли ввести реформы в институт суда присяжных, основываясь на результатах его?»

II Секция. «Пенитенциарные вопросы. Каковы наилучшие средства к нравственному разделению осужденных заключенных и как они могут быть последствия этого разделения? Можно ли принуждать работать подсудимых и обвиняемых, если они уже раньше были приговорены к лишению свободы? Если нельзя ввести обязательную работу для означенных подсудимых и обвиняемых, то не следует ли зачет предварительного заключения в срок наказания поставить в зависимость от добровольного участия их в работе во время предварительного заключения?» и другие вопросы.

III Секция. «Предупредительные средства. Какие данные имеются в различных странах относительно влияния алкоголизма на преступность? К каким специальным средствам необходимо прибегнуть в отношении всех вообще осужденных в целях борьбы с алкоголизмом? Что имеется для борьбы и лечения туберкулеза. Для предупреждения распространения его в различных тюремных учреждениях? Ограничение вмешательства государства в дело патроната».

---

¹ Подробнее см.: Закревский И.П. Пятый Международный пенитенциарный конгресс // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 10 (октябрь). С. 130-133, 138.

Секция IV. «Вопросы относительно детей и несовершеннолетних. Следует ли государству принимать какие-либо меры попечения над детьми осужденных? Какие меры для сего наиболее целесообразны? Нужно ли устраивать особые учреждения для наблюдения над несовершеннолетними преступниками, порочными детьми или нравственно заброшенными?» и другие вопросы.¹

Последний двенадцатый конгресс из этой серии прошел в Гааге в 1950 году, на котором Международная уголовная и пенитенциарная комиссия, постепенно расширив сферу своих интересов за пределы чисто пенитенциарной проблематики, была упразднена, а ее функции взяла на себя ООН.

Также следует отметить, что международное сотрудничество в области функционирования пенитенциарных систем и обращения с преступниками отчасти осуществлялось в рамках различных межнациональных конгрессов, форумах, симпозиумах. Так, в конце XIX – начале XX вв. широко практиковались международные встречи официального уровня по обсуждению проблем патроната, исследованию проблем унификации уголовного законодательства. Например, на второй конференции по унификации уголовного законодательства, проходившей в Риме в 1928 году, была принята система мер интернациональной защиты и безопасности, включающей, в том числе, рекомендации по длительному тюремному заключению категории так называемых «неисправимых преступников».²

Таким образом, расширение и развитие международных отношений во второй половине XIX века затронуло самые разнообразные стороны правоохранительной деятельности государств. Как справедливо указывает В.А. Чирикин, «...широкое развитие международных отношений во второй половине XIX века, затронувших различные стороны жизни отдельных

---

1 Подробнее см.: Малинин Ф. VIII Международный пенитенциарный конгресс в Будапеште в 1905 году // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9. С. 214-219 (хроника).

2 Трайнин А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / ред. и предисл. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1935. С. 55-57.

государств, не могло не коснуться и правоохранительной деятельности последних, направленных на борьбу с возрастающей преступностью»¹.

Международные стандарты в области обращения с осужденными фактически представляют собой не международные соглашения, а акты международных правительственных организаций. Следовательно, они не нуждаются в ратификации и не обладают обязательной юридической силой. Рассматриваемые стандарты в целом носят рекомендательный характер, что, как правило, отражено в их содержании. Не имея обязательного законного статуса в международном праве, они широко признаны международным сообществом в качестве правил, отражающих фактически существующее положение в наиболее прогрессивных системах обращения с осужденными. Не случайно В.И. Селиверстов одним из принципов определения содержания в научно-теоретической модели Общей части УИК РФ относит принцип «учета в научно-теоретической модели Общей части УИК РФ рекомендаций (деклараций) международных организаций по вопросам исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными»².

В резолюциях как ООН, так и Европейского Совета предусмотрен контроль за реализацией международных стандартов с тем, чтобы сохранить в международном масштабе их высокий авторитет и политический статус. Однако категоричность рассуждений здесь не уместна. Например, тюремная политика Англии и Уэльса не имеет яркой направленности на принятие многих международных обязательств в сфере исполнения уголовных наказаний и реализации стандартов обращения с осужденными. Вместе с тем сложно говорить о низком уровне пенитенциарных технологий и отсутствии традиционно прогрессивных идей в сфере обращения с осужденными в национальных уголовных системах этих стран. Причина такого положения дел проста и видится

---

¹ Чирикин В.А. Международное сотрудничество правоохранительных органов России по борьбе с преступностью (1861–1917 гг.): дис. ... к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 1999. С. 36. Также см.: Нигматуллин Р.В. К вопросу становления международного сотрудничества государств по борьбе с преступностью // История государства и права. 2005. № 8. С. 14–19.

² Селиверстов В.И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 95.

в следующем. Теория, законодательство и тюремная практика Британии исторически являлись общепризнанными эталонами мировых пенитенциарных реалий. Эту страну можно бесспорно назвать «законодательницей моды» в рассматриваемой области, тюремная система и право которой имеет многовековой исторический опыт, получивший мировую известность и признание. Поэтому эта страна неизменно поддерживает собственную уголовную политику и пока не намерена менять ее и пристраиваться к иным стандартам предупреждения преступности.

Необходимость учета европейских и международных пенитенциарных норм и стандартов в решении внутринациональных вопросов правового регулирования пенитенциарных отношений детерминирована появлением такой подотрасли международного уголовного права, как международное пенитенциарное право. В связи с этим необходимо согласиться с И.Я. Козаченко, указывающим на то, что «...имеет место органичная и необходимая разноуровневая ассимиляция двух уголовно-правовых систем, в результате которой они не только не лишаются своей автономной самостоятельности, но и приобретают новые качества, свойства, функции, с помощью которых эти системы выходят (могут выйти) на более высокий уровень международного и внутригосударственного сотрудничества»¹. Соответственно, вызывает критику мнение Б.И. Нефедова о только лишь перспективах возможного появления международного уголовного права, находящегося в стадии формирования². Ведь в специальных исследованиях уже бесспорным является факт существования международного уголовного права, которое за последнее время лишь подвергается определенной трансформации, вызванной процессами

---

1 Козаченко И.Я. Проблемы соотношения предмета национального и международного уголовного права // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского / под ред. Н.М.Кропачева, Б.В.Волженкина. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. С. 175.

2 См.: Нефедов Б.И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований: автореф. дис... д.ю.н. М., 2011. С. 13-14.

глобализации, активизацией международной преступности, политической интеграцией мирового сообщества в субъект глобальной уголовной политики¹.

В свою очередь среди предпосылок образования международного пенитенциарного права Ю.В. Трунцевский отмечает расширение сферы действия международного права, признание приоритета общепризнанных принципов и договорных норм международного права над национальным законодательством, повышение активности государств в стремлении совместного решения пенитенциарных проблем, интеграцию государств в целях соединения усилий в пенитенциарной практике². На фоне такого международного сотрудничества наблюдается повышение роли и значимости для отечественной уголовно-исполнительной системы заложенных в международном пенитенциарном праве принципов. По мнению А. Малиновского, к данным принципам относятся: 1) защита прав осужденных; 2) недопустимости пыток, жестоких и бесчеловечных наказаний; 3) минимизация применения смертной казни или отказ от данного наказания; 4) гуманизм; 5) подконтрольность исправительных учреждений общественным организациям по защите прав осужденных и заключенных.³ Как представляется, данный перечень не является исчерпывающим. В частности, он мог бы быть дополнен принципом повышения исправительного эффекта отдельных наказаний и их системы.

В целом международное пенитенциарное право может быть представлено как «совокупность принципов и норм, регламентирующих правовой статус осужденных, устанавливающих международные стандарты и правила исполнения различных видов наказания, а также регулирующих вопросы международного сотрудничества в пенитенциарной сфере»⁴. При этом отмеченные принципы и нормы имеют особый механизм реализации: первые выражают главную идею своего претворения в жизнь, вторые – их нормативно-правовой характер, а соответственно, их общепризнанность и необходимость соблюдения. Так, В.А. Толстик

1 В частности см.: Кибальник А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: дис... д.ю.н. М., 2003.

2 См.: Трунцевский Ю.В. Международное пенитенциарное право как отрасль международного права // Московский журнал международного права. 1999. № 1. С. 29.

3 Малиновский А. Система международного уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 114.

4 Малиновский А. Указ. соч. С. 114.

под принципами права понимает «исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), лежащие в основе права, выражающие его сущность и определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений... Нормами права становятся только те идеи, которые закреплены в его источниках»¹. Вместе с тем следует учитывать, что принципы и нормы международного пенитенциарного права, имея международно-правовую природу, являются общепризнанными только в случае их признания конкретным государством. Принципы международного пенитенциарного права отражают в первую очередь идеологический компонент правовой системы, включая российскую правовую действительность, тогда как нормы «вплетаются» в систему права, выступая её источником. Данные компоненты тесно взаимосвязаны друг с другом, но их не следует отождествлять либо противопоставлять. Таким образом, гармоничное сочетание принципов и норм образует идейную и нормативную основу взаимоотношений государств в области обращения с осужденными. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Ф.В. Грушина, который полагает, что «фактор правовой глобализации, обуславливающий процессы унификации и гармонизации законодательства, интернационализации правовых норм, их имплементацию в российскую правовую систему, не позволяет культивировать идею ее уникальности...нельзя не отметить тенденцию к уменьшению степени влияния международного права на российскую правовую систему по сравнению с 90-ми годами прошлого века...»².

Среди основных источников международного пенитенциарного права, а следовательно, содержащихся в них принципов и правил, можно выделить Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года³, Европейскую конвенцию о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями 1964 года, Европейские пенитенциарные (тюремные)

---

¹ Толстик В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 70.

² Грушин Ф.В. Правовые факторы формирования уголовно-исполнительной политики и законодательства // Правовая культура. 2017. № 2. С. 51.

³ Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 290-311.

правила, принятые резолюцией Комитета министров Совета Европы в 1973 года (включая их редакции), Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни, одобренные резолюцией Экономического и Социального совета ООН в 1984 года, Процедуры эффективного выполнения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятые ЭКОСОС ООН в 1984 года, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), 1985 года, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года, Основные принципы обращения с заключенными, утвержденные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 года. Ядром данной системы правовых актов долгое время выступали Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 года, получившие международное признание в качестве приемлемой практики в пенитенциарной сфере. В данном документе прямо указано, что он не имеет обязательного статуса в международном праве. Так, ст. 1 Правил декларирует: «Они предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления исправительными заведениями». Фактически на смену данному документу пришли Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 года, которые, как закреплено в Предварительном замечании 1, должны «...вызвать к жизни постоянное стремление к преодолению практических трудностей, стоящих на пути к их осуществлению...».

Первоначально формирование норм международного пенитенциарного права происходило по образцам национальных систем уголовного правосудия. На данном этапе, по существу, происходило лишь накопление фактологического

материала и пенитенциарных образцов, вызывающих соответствующий интерес, но не являющихся правилами. Обмен опытом и выработка общих рекомендаций происходила посредством тюремных конгрессов, первая серия которых связана с проведением международного конгресса во Франкфурте-на-Майне, состоявшемся в 1846 г., вторая – с международным конгрессом в Лондоне, состоявшемся в 1872 г. Обсуждение иностранного пенитенциарного опыта с выработкой рекомендаций, еще пока не имеющих общепризнанного значения и во многом обязательного выполнения, происходило в рамках второй серии вплоть до 1950 г. Проблематика обращения с осужденными и предупреждения преступности развивается в рамках Конгрессов ООН. На первом из них, состоявшемся в 1955 году в Женеве, которые в последующем проводятся раз в пять лет, обсуждаются и принимаются Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, обсуждается статус персонала исправительных учреждений и организация труда заключенных. Работа последующих Конгрессов также связана с весьма обширным спектром вопросов. Например, на втором Конгрессе, прошедшем в 1960 году в Лондоне, обсуждались проблемы краткосрочного лишения свободы, обращения с несовершеннолетними преступниками, подготовки осужденных к освобождению и постпенитенциарной адаптации. На третьем Конгрессе, состоявшемся в 1965 году в Стокгольме, изучались проблемы применения мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества и т.д.¹

В условиях современности объединение усилий в данной сфере происходит не только на межгосударственном официальном уровне, но и уровне соответствующих специализированных ассоциаций (организаций, объединений). В частности, одной из таких организаций выступает Международная организация реформы уголовного права (Penal Reform International), учрежденная в 1989 году по инициативе голландского специалиста Ганса Тулкенса и обладающая статусом консультативного органа при ООН и Совете Европы. Данная организация, сотрудничающая с правительствами различных государств, имеет своих представителей

---

¹ См.: Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 3-е изд., перераб и доп. М.: Юрист, 2004. С. 519-521.

более чем в 80 странах мира, в том числе в России. Основными её задачами является способствование соблюдению прав человека в пенитенциарных учреждениях, обеспечение соответствующих условий содержания заключенных, устранение несправедливости при назначении наказаний, повсеместное ограничение применения смертной казни, расширение использования конструктивных, не связанных с лишением свободы мер воздействия¹.

Появление норм международного пенитенциарного права неизбежно привело к необходимости их достаточно строгого соблюдения в целях поддержания стандартов, аккумулируемых в этой сфере в процессе эволюционного развития гуманистических ценностей и прагматических взглядов. В методологическом ракурсе важность соблюдения норм международного пенитенциарного права объясняется органической включенностью данной подотрасли в международное уголовное право, одним из перспективных направлений развития которой выступает «гармонизация норм о надлежащей правовой процедуре при отправлении международного уголовного правосудия, применяемых как международными судебными органами, так и национальными органами уголовного правосудия»². Однако какими бы ни были подвижными параметры содержания международного пенитенциарного права, необходимо отметить тенденцию консолидированного подхода в повышении его значимости и признании международным научным сообществом. В связи с этим необходимо поддержать мнение В.И. Хижняк о том, что выделение международного пенитенциарного права в качестве отрасли международного права является подтверждением универсальной общечеловеческой значимости, признания прав и свобод гражданина высшей ценностью и будет стимулировать государство в стремлении создать более эффективную систему уважения прав осужденного³.

---

1 См.: Ананьин Л.Л. Тюрьмы и заключенные. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом, 1999-1. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 32-33.

2 Шериф Бассиуни М. Философия и принципы международного уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 104.

3 См.: Хижняк В.И. Реализация международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной политике: автореф. дис... к.ю.н. Ростов-на-Дону: Юридический институт МВД России, 2004. С. 22. Также см.: Упоров И.В. Правовое регулирование естественных прав человека

Как справедливо отмечает В.А.Уткин, международное пенитенциарное право отличается от международного уголовного права по предмету: в первом – это отношения в сфере «обращения» с осужденными, независимо от того, за какое преступление они осуждены, во втором – отношения в области сотрудничества государств в борьбе с международными преступлениями; по методу: в первом он основывается на императивно-диспозитивных началах, во втором – на уголовно-правовом запрете; по принципам: в первом – это, например, идея правосубъектности осужденного, недопустимости пыток и жестокого обращения, ресоциализации, во втором – это, в частности, принцип запрещения агрессивной войны, неотвратимости уголовного наказания за международные преступления.¹

В XIX столетии произошел отход от решения только санитарно-бытовых проблем обращения осужденными. Реформирование тюремной системы и формирование общечеловеческих стандартов обращения с осужденными проводилось в рамках становления и развития прогрессивной системы, разрешения вопросов труда и профессиональной подготовки осужденных, воспитательной и психологической работы с осужденными, общественного воздействия.

Значительное расширение международных пенитенциарных стандартов и правил в XX столетии привело к настоятельной необходимости их скрупулезного исследования на предмет целесообразности и возможности реализации в национальной практике исполнения уголовных наказаний. В этом плане вызывают интерес результаты анкетирования сотрудников исправительных учреждений. Так, на вопрос: «Какие, на ваш взгляд, причины в большей степени препятствуют реализации и снижают качество реализации международных стандартов обращения с осужденными в отечественной практике исполнения уголовных наказаний?» ответы распределились следующим образом (предлагалось выбрать не более чем три предложенных варианта ответов):

в местах лишения свободы: учебное пособие / под ред. М.П. Мелентьева. Рязань: Рязанский институт права и экономики МВД России, 1998. С.25-29.

¹ См.: Уткин В.А. Международное уголовно-исполнительное право: к концепции формирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Ч. 9 / под ред. С.А. Елисеева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 152-153.

1. слабое финансирование, не позволяющее повышать качество жилищно-бытовых, медико-санитарных, организационно-технических, исправительно-воспитательных условий содержания осужденных . . . . .56 %;
2. проблемы применения средств исправления осужденных . . . . . 45 %;
3. несоответствие таких стандартов социально-экономической ситуации в стране, что не позволяет значительно улучшать условия содержания осужденных в исправительных учреждениях . . . . .42 %;
4. содержание большинства осужденных осуществляется в исправительных колониях, поэтому остается высокой вероятностью негативного влияния на них криминальной субкультуры, что не дает возможности реализовать гуманные и демократичные методы обращения с осужденными . . . . . 18 %;
- 5 содержание большинства осужденных осуществляется в исправительных колониях, тогда как международные пенитенциарные стандарты в основном направлены на тюремную модель содержания заключенных . . . . . 16 %;
6. недостатки отечественного законодательства, приводящие к противоречиям с международными пенитенциарными (тюремными) стандартами .13 %;
7. низкий профессионализм сотрудников исправительных учреждений, не способствующий эффективной реализации международных стандартов и правил обращения с осужденными . . . . . 3 %;
8. иное (обобщены ответы, вписанные самими сотрудниками):
  - 8.1. нежелание государства их внедрять в практику исполнения уголовных наказаний . . . . .6 %;
  - 8.2. падение престижа профессиональной уголовно-исполнительной деятельности и низкая заработная плата . . . . . 8 %;
9. затрудняются ответить . . . . . 3 %.

Как справедливо отмечается исследователями: «в настоящее время необходим новый, более осторожный и взвешенный подход к выработке международных договоренностей»¹. Через эту призму важно интерпретировать каждое положение

---

¹ Например, см.: Стёпкин Е.Ю. К вопросу о юридической силе норм международного права в российском праве // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 1(9). С. 33.

международных пенитенциарных стандартов и правил. В частности, некоторые из них носят, по сути, не совместимый с современными отечественными социально-экономическими реалиями характер. Настоятельной потребностью выступает конструктивное расширение форм международного сотрудничества в сфере обращения с осужденными и управления пенитенциарными учреждениями. Формами такого сотрудничества должны являться: выработка стандартов, подготовка договоров и соглашений, исполнение международных стандартов, правил и норм, содействие в имплементации правовых инструментов, контроль за их исполнением.¹

Таким образом, теоретическая оценка роли международных пенитенциарных стандартов в решении известных проблем функционирования пенитенциарных систем демонстрирует приоритет прав человека как универсальной общечеловеческой ценности, позволяет выработать необходимые смысловые ориентиры и закрепить исторически апробированные формы обращения с осужденными.

---

¹ Подробнее о формах такого сотрудничества см.: Милинчук В.В. Проблемы и перспективы совершенствования механизмов имплементации международных инструментов в области предупреждения преступности и борьбы с ней // Государство и право. 2005. № 1. С. 42-46.

ГЛАВА III. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

§ 1. Правовая система как научно-правовая основа типологизации европейских пенитенциарных систем

В основе учения о классификации и типологизации соответствующих явлений и процессов или иначе таксономии естественным образом лежит теория о правовых системах современного мира, которая в определенной степени может быть интерпретировано применительно к пенитенциарной сфере. Так, в концепте развития европейских пенитенциарных систем происходит существенное преобразование самой юридической материи, трансформирующейся в одну из специфических культурно-правовых мегасистем, под которыми традиционно понимаются романо-германское право (сформировавшееся в континентальной Европе), англосаксонское право (сложившееся на основе общего права Англии), религиозное право (утвердившееся по канонам духовно-идеологических доктрин), социалистическое право (появившееся в силу непреложного и всемерного влияния на право социалистической системы).¹ При этом наиболее популярной является классификация правовых систем, предложенная французским ученым Р. Давидом, включающая три правовые семьи (системы) – романо-германскую, общего права и социалистическую². В дальнейшем она была усилена традиционной правовой системой, религиозной правовой системой и славянской правовой семьей³.

---

¹ Однако существует позиция, согласно которой данная классификация правовых систем устарела и утратила функциональность, поскольку наиболее целесообразным выступает цивилизационный подход, позволяющий выделить две основные правовые группы: 1) страны, относящиеся к западной правовой цивилизации, и 2) страны, относящиеся к восточной правовой цивилизации (напр., см.: Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М.Баранова, П.С.Пацуркивского, Г.О.Матюшкина. Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 112–113). Вместе с тем данная позиция представляет предмет отдельного научно-теоретического исследования, не имеет должного уровня изучения и поэтому не в полной мере известна её прикладная роль в совершенствовании права.

² См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Международные отношения, 1997. С. 15-28.

³ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. С. 202-220. Также см.: Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М.:

В специальной юридической литературе их традиционно именуют правовыми семьями либо системами. Как представляется, более правильным будет использование категории «правовая система», поскольку она показывает её системный характер и, соответственно, возможность для структурирования. Однако в сущности допустимо поставить знак равенства между категориями «правовая система» и «правовая семья». Для правовой системы характерна относительно обособленная исторически обусловленная совокупность источников права, модель правосознания, правовой культуры и правового мышления, специфика и значимость юридической практики, а также особенности формирования и роль соответствующих государственно-правовых институтов.

Влияние различных правовых систем на национальное право отдельных стран сложно переоценить, но еще более прогрессивная степень этого влияния оказывается в результате феномена интеграции правовых систем. Так, А.А. Нечепуренко в своем диссертационном исследовании отмечает: «процессы развития цивилизации в области права проявляются, прежде всего, в углублении международного сотрудничества по юридическим вопросам, сближении различных правовых систем»¹.

При познании правовой системы представляет интерес следующее ее определение – «активная составляющая государственно-правовой действительности, институциональной основой которой является исторически сложившаяся система права, концептуально-обусловленная совокупностью основополагающих идей (принципов), направленных на обеспечение позитивной жизнедеятельности и существования членов общества, реализуемых через совокупность правозащитных организаций, правоисследовательских учреждений; законодательных, исполнительных и судебных органов и выполняемых ими функций»². Следует добавить

Зерцало, 2001. С. 251-262; Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1996. 112-140.

¹ Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д.ю.н. Омск: Академия МВД России, 2009. С. 3.

² Сереброва С.О. О необходимости законодательного закрепления дефиниции «правовая система» // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний

к этому определению такое свойство правовой системы как системность и интегративность правовой системы¹. Также можно привести следующее определение правовой системы, основные признаки которой закладываются в более частные правовые явления: «конкретное историческое единство права, юридической практики и правовой идеологии отдельно взятой страны, характеризующаяся единством понимания и реализаций права, системой правового воспитания, согласованностью уровней правового регулирования и системой заложенных взглядов»².

Таким образом, правовая система складывается из следующих главных составляющих правовой действительности: 1) позитивного права, то есть институциональной совокупности правовых норм; 2) правовой идеологии, то есть правосознания граждан; 3) юридической (судебной) практики, то есть правоприменительной деятельности; 4) правовых учреждений и 5) выполняемых ими функций.

В связи с этим важно ответить на вопрос о принадлежности современного российского права к соответствующей правовой системе. По авторитетному мнению К. Осакве, «тенденции развития современного российского права дают все основания полагать, что оно движется в сторону присоединения к германской подгруппе в семье романо-германского права»³.

Романо-германское (континентальное) право отличается следующими важнейшими особенностями, которые в первую очередь контрастируют с атрибутивными свойствами англосаксонской правовой системы. Так, для континентального права свойственно укоренение правовых начал в римском частном праве, которое утверждается на территории практически всей Европы с принятием Кодекса Юстиниана (*Corpus Jurist Civilis*). В результате в континентальной Европе утверждаются идеи римского материального права, его основные принципы, институты, терминология и правовые методы. В рамках настоящего исследования важно под-

---

Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 397.

¹ Также см.: Дзыбова С.Г. Теоретические исследования понятия правовой системы // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 54-56.

² Лыков А.Ю. Мировое государство как будущее международного сообщества: монография. М.: Проспект, 2013. С. 162.

³ Осакве К. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира // Государство и право. 2001. № 4. С. 12.

черкнуть, что право справедливости трактовалось римскими юристами как важный атрибут позитивного права, поэтому если соответствующая норма позитивного права не соответствовала общеправовому свойству справедливости, юридическая сила такой нормы признавалась ничтожной. По сути, данный принцип в несколько ином виде встречается и в доктрине английского права.

В меньшей степени римское право повлияло и на развитие английского права, поскольку достаточно длительное время Англия входила в состав Римской империи, однако вторжение римских легионов на территорию Англии произошло ранее принятия Кодекса Юстиниана и поэтому кульминация правовой интервенции произошла несколькими веками раньше, что в дальнейшем не имело столь значимого влияния на английское обычное право. Вероятно, сказалось и островное положение Англии, препятствующее интенсивному распространению римского права.¹

Также континентальному праву присуща доктринальность, поскольку его построение основывалось на теоретических трудах ученых-цивилистов. Данная особенность также отражает традиции римского права, поэтому континентальное право олицетворяет научную организованность, систематизированность и логичность правовых фикций, тогда как общее право формировалось под влияние решений королевских судов Вестминстера (Glanvil, Coke, Mansfield, Denning). Так, начиная со времен Генриха II установилась идея вмешательства в правосудие через «королевские письма» и практика королевского влияния на другие суды через институт выездных судей или, как указывает В.В.Берви, «странствующих судей».² Таким образом, возникло общее для всей Англии право («Common Law»)³, для которого, в отличие от принципов континентального права, было характерно включение материальных начал большей частью в процессуальную систему уго-

---

¹ Напр., см.: Хатунов С.Ю. Ранняя стадия уголовно-правового регулирования в средневековой Англии // История государства и права. 2003. № 2. С. 58.

² См.: Берви В.В. Очерк судебного управления в Англии // Журнал Министерства юстиции. 1859. № 9 (сентябрь). С. 89–91.

³ См.: Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Т. I. Киев: Университетская Типография, 1862. С. 9–11, 618; Виноградов П.Г. История правоведения. Курс для историков и юристов. Лекции, читанные в Императорском Московском Университете в осеннем семестре 1908/9 года / издание А.Ф.Изюмоа и Н.П. Невзорова. М.: Типо-Литография Ю. Венер, преимн. О. Фальк, Петровка, Рахмановский пер., д. Грачева. 1908. С. 193–194.

ловно-правового механизма¹, отсутствие кодифицированного законодательства, превалирующее значение прецедентов – юридических предписаний, сформулированных судебной практикой на основе «*stare decisis*», и формирование судебного обычного права («*Case Law*»), основанного на конкретных судебных прецедентах, наличие доктринального толкования закона, выступающего в качестве одного из источников права (например, показательное юридическое значение «книги авторитетов»)². В частности, смысл принципа «*stare decisis*» сводился к необходимости судам руководствоваться имеющимися решениями судов (кроме палаты лордов, которая с 1966 г. не связывает себя своими же прежними прецедентными решениями – так называемая *The Practice Statement*³), вынесенным по аналогичным делам, а не законом, который зачастую просто отсутствовал для регулирования конкретных отношений. В результате сформировалась доктрина опоры на предыдущие судебные решения – прецеденты, накапливающиеся сравнительно единообразные решения по индивидуальным случаям, образующие некую общую юридическую норму⁴.

Нельзя не отметить ярко выраженное тяготение романо-германского права к кодифицированности, что имеет как безусловные «плюсы» (повышение доступности гражданина к закону, его ясность и логичность, директивность и поэтому относительная простота в обращении), так и соответствующие «минусы» (коди-

¹ См.: Миттермайер К.Ю. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке / издание Унковского. М.: Типография Грачева и комп., 1864. С. 1–15, 28–52.

² См.: Крылов Б.С. Государственный строй Великобритании. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 25-26; Арчер П. Английская судебная система / пер. с англ. Л.А. Ветвинского / под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 26-30; Кросс Р. Прецедент в английском праве / пер. с англ. Т.В. Апаровой / под общ. ред. Ф.М. Решетникова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 42-110; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 417-419; Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник. М.: Зерцало, 2001. С. 352-407; Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В.А. Туманова. М.: Юристъ, 2003. С. 242-251; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 2003. С. 208-218, 256-265.

³ Martin J. *The English Legal System*. 3rd ed. London: Hodder&Stoughton, 2002. P. 19–19, 23–25.

⁴ См.: Лоуэлль А.Л. Государственный строй Англии. В 2 т. Т. I / пер с англ. М. Языковой; под ред. и с предисл. О. Кокошкина. М.: Издание М. и С. Сашабашниковых, 1915. С. 11-15; Уолкер Р. Английская судебная система / пер. с англ. Т.В. Апаровой; отв. ред. Решетников. М.: Юридическая литература, 1980. С. 24-28, 181-190, 195-196; Ливанцев К.Е. История буржуазного государства и права: учебное пособие. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 63; Богдановская И.Ю. Закон в английском праве / отв. ред. Н.С. Крылова. М.: Наука, 1987. С. 104-121; Боботов С.В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития / отв. ред. А.М. Яковлев. М.: Наука, 1989. С. 16, 123

фицированный закон препятствует естественному развитию права, не охватывает все возможные случаи, требующие правового регулирования, инертен в применении, не основан на конкретных казусах, гипертрофирует роль законодательной власти в его принятии, снижает роль суда в регулировании общественных отношений).

Очевидной особенностью романо-германского права выступает первичность материального права перед процессуальным, поэтому в регулировании общественных отношений основная роль отводилась законодательной власти, но не судебной. Материальное право подразделяется на публичное и частное. В английском праве о таком делении не приходится говорить. Примат английского публичного права над частным, процессуального над материальным объясняется прерогативой *curia regis* в регулировании общественных отношений, в первую очередь государственно-публичного характера, тогда как частноправовые отношения находились в компетенции феодально-местных или иначе так называемых манориальных судов (*manorial courts*).

Высшим источником права в романо-германской правовой системе является законодательство, тогда как судебные решения выступают лишь средством его применения. Имеют место лишь «правовые обыкновения», позволяющие судьям действовать упорядоченно и в какой-то степени унифицированно. Как было отмечено, в системе общего права судебный прецедент имеет силу источника права и превалирует над законом, судебная практика и есть закон для суда – *cursus curiae est lex curiae*. Поэтому для континентальной системы свойственно тотальное господство права в его нормативном понимании, формальное отрицание возможности существования правовых норм вне законодательных актов; правоприменительные прецеденты всего лишь служат материалом, который может учитываться судьей при вынесении конкретного решения. В романо-германской правовой системе правоотношения пронизывают все стороны жизнедеятельности граждан, социально-правовой статус личности имеет жесткую «сцепку» с государственными институтами; для англосаксонской системы – ограничение пределов вмешательства публичных институтов в личную сферу человека и патерналистское от-

ношение государства к гражданам, демонстрация индивидуальной ценности личности и независимости его *capitis deminutio*, её духовных и экономических свобод, избирательность правового регулирования общественных отношений.¹

Можно допустить наличие и иных правовых систем (семей). В частности, как упоминалось ранее следует выделять славянскую правовую семью, имеющую особые технико-юридические и культурно-исторические особенности². В целом приветствуем данную позицию, поскольку выделение славянской правовой семьи безусловно имеет огромное культурное значение для современной России. Для данной правовой семьи свойственны черты, которые, в свою очередь, накладывали свой отпечаток на особенности системы исполнения уголовных наказаний: а) социальная организация, предполагающая в качестве основной хозяйственно-социальной ячейки общину, артель, товарищество и др., а не частнособственническое образование по европейскому образцу³ (как результат – превалирование «отрядно-колониальной» модели размещения осужденных в местах лишения свободы); б) государство является стержнем и фактически создателем гражданского общества, а не инструментом гражданского общества как в западноевропейских странах (как результат – традиционно слабые позиции общественного контроля за условиями содержания осужденных); в) такие институты как «государство», «общество» и «личность» тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга – в отличие от их автономности и самостоятельности в западноевропейской модели (как результат – отсутствие частных тюрем, формирование криминальной субкультуры в местах отбывания уголовных наказаний).

В этой связи актуальным остается в целом неудавшийся опыт создания в России пенитенциарной системы европейского типа в XIX веке. Как отмечает Н.В. Тищенко: «Выдвинутая Локком формула «жизнь, свободы и имущество», составляющая основу либеральных социальных конструкций, в условиях отече-

---

¹ Также см.: Осаке К. Указ. соч. С. 12–16.

² См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. С. 211-220.

³ Не случайно о тюремном заключении в Великом княжестве Литовском упоминается Судебником Казимира IV Ягеллона («Лист») 1468 года, тогда как в России только Судебником 1550 года (в данном случае сравниваются правовые акты, имеющие общегосударственное значение).

ственной действительности оказалась невостребованной. В России уваровская триада «самодержавие, православие, народность» заслонила приоритеты европейского либерализма»¹. Среди факторов, фактически приведших к провалу пенитенциарных реформ в России, данный автор не без основания относит следующие: «1) приоритеты государственной власти в России расходились со стратегическими целями европейской пенитенциарной системы; 2) влияние юридической, правовой культуры носило спорадический характер и было ограничено религиозной православной культурой, которая крайне осторожно относилась к идеям рационализации и индивидуализации; 3) принцип неприкосновенности частной собственности оказался невостребованным в русском обществе ни на уровне законодательной риторики, ни на уровне общественного сознания»². Таким образом, в XIX столетии отсутствовала почва для успешной реализации процедуры и методов западноевропейской пенитенциарной модели, задуманные реформы были противопоставлены типу власти, законодательства, общинности и экономическому укладу российского государства³.

Рассмотрение атрибутивных особенностей правовых систем создает важные предпосылки для последующих выводов относительно методологических основ таксономии европейских пенитенциарных систем. Так, анализ эволюционных изменений основных параметров правовых систем и преобразований самой правовой материи позволяет изложить два тезиса.

В соответствии с первым из них происходит культурно-правовое сближение между отдельными странами и, что наиболее симптоматично, между отдельными правовыми системами. В настоящее время такими процессами охвачены правовые системы романо-германского, англосаксонского и славянского права – в первую очередь европейские правовые системы. В свое время А.В. Наумов отмечает, что «примерно с 70-х гг. нашего века по некоторым, в том числе и очень принципиальным, позициям началось вначале достаточно робкое, а затем и вполне видимое

---

¹ Тищенко Н.В. Представления о пенитенциарной системе и осужденных в отечественной культуре // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 2. С. 24.

² Там же.

³ Подробнее см.: Тищенко Н.В. Указ. соч. С. 24-27.

сближение соответствующих правовых систем»¹. Такими процессами в первую очередь охвачены европейские правовые системы. Декларируя приверженность демократическим ценностям, краеугольным камнем которых выступают права человека, система уголовной юстиции стран, основывающихся на доктрине сильного государства и решительного противодействия криминальной активности, не склонна рефлексировать при решении дилеммы «права человека – безопасность общества и государства». В соответствии с прагматичным подходом эта проблема в основном решается в пользу общественных и государственных интересов, что выражается в «целесообразной законности», когда интересы борьбы с преступностью диктуют положения законодательного акта².

Согласно второму тезису каждая из «сближающихся» правовых систем, обладая высокой социально-исторической развитостью, будет сохранять свою «самобытность», коренные ценности и начала каждой из них будут продолжать иметь органически включенные в правовую материю очертания. В этих изменениях будет оставаться непоколебимой зависимость национальной правовой системы от её культурной идеологии и менталитета народа. Вместе с этим фарватер современного развития отечественного права должен находиться в русле универсальной юридической культуры и правосознания граждан, отражать так называемое «право цивилизованных народов».

Однако указанное «сближение» выступает лишь внешним проявлением соответствующих культурно-правовых процессов, которые, по мнению А.Г.Чернявского, преобразуют правовую материю и её конструктивные особенности и могут быть названы правовой конвергенцией (интеграцией).³ Достаточно аргументировано отмечает Ю.А. Клочкова: «В ходе конвергенции происходит весьма заметная трансформация национального права, модернизация правотворческого и правоприменительного процессов. Конвергенция права – это в полной

---

¹ Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспективы в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 53.

² Клейменов И.М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование) : автореф. дис. ... к.ю.н. Омск: Академия МВД России, 2002. С. 7, 14.

³ См.: Чернявский А.Г. Перспективы интеграции и гармонизации российской и европейской правовых систем // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2003. С. 209.

мере закономерное явление, имеющее место на самых разных исторических этапах, в разных регионах мира, хотя современная глобализация стимулирует конвергенцию права»¹.

Цель правовой конвергенции состоит в обогащении права, её результат – «своеобразная интеграция в праве, при которой соединяются в единые правовые образования, в целостные юридические конструкции, преимущества и достижения различных сфер права, разных систем... такие преимущества и достоинства, которые, казалось бы, отличаются чуть ли не полярной противоположностью, несовместимостью»².

Также можно привести слова И.Я.Козаченко, справедливо считающего, что «любая правовая система, развиваясь даже в самых жестких рамках этнической автономии, обречена на интеграцию с другими, даже с "неродственными" ей правовыми системами»³. Думается, что такой внешней несовместимостью обладают системы англосаксонского и романо-германского права, однако их интеграция как раз способна привести к качественному обогащению права. Кроме того, можно поддержать слова Е.Н. Рахмановой о том, что «в современную эпоху – эпоху постмодерна – было бы большим упрощением найти один для всех случаев механизм сближения правовых систем»⁴.

Явление правовой конвергенции подвергает правовую материю демократических стран некой интеграции, в данных странах появляются известные черты общности публично-правовых институтов, юридической техники и даже правосознания. В связи с этим Б.Свот замечает, что создание Европейского Союза явилось результатом появления нового социального права, генерирующего не только позитивное право, но и достоинства судебного прецедента, а также отличающего-

---

¹ Клочкова Ю.А. Конвергенционные правовые системы как результат современной глобализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4. С. 6.

² Чернявский А.Г. Указ. соч. С. 209.

³ Козаченко И.Я., Койстинена Я. Проблемы сравнительного правоведения в сфере уголовного права России и Финляндии // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 23.

⁴ Рахманова Е.Н. Гармонизация и унификация уголовного законодательства в глобализующемся мире // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 27.

ся широким применением судебных установлений.¹ Указанное обстоятельство позволяет рассматривать эти страны в единой культурной плоскости, примерять к каждой из них интеллектуальную суть права, видеть в правовой конвергенции не техническое лекало правовой материи, но тенденцию к совершенствованию права. Можно привести слова Ю.А. Ключковой, справедливо отмечающей, что «взаимодействие национальных правовых систем в современном мире представляет собой заимствования разными по своей цивилизационной природе государствами правовых институтов, идеалов и образов, в результате которых происходит сближение правовых систем, трансформация традиционных национальных институтов и нивелирование различий между национальными правовыми системами, гармонизация и унификация законодательства»². В рассматриваемом явлении отражаются рациональные начала в совершенствовании права, обнаруживается стремление общественной мысли к конструктивной реализации прогрессивного опыта в области исполнения уголовных наказаний.

Основой правовой конвергенции выступает наличие правовых потребностей (правовых проблем), тогда как её важнейшим условием выступает правило так называемой «презумпции идентичности», согласно которому существующие единые правовые потребности (правовые проблемы) для любой правовой либо национальной системы обеспечиваются (решаются) в какой-то мере единообразно. Наличие подобных потребностей, безусловно, отражает духовно-идеологические, культурно-цивилизационные и социально-экономические особенности правовой системы и конкретных публично-правовых институтов, но в конечном итоге их удовлетворение воплощается в единообразном результате. Так, проблема обращения с осужденными всегда реализуется в исправительном воздействии на них, однако данное воздействие как самостоятельный публично-правовой институт внутренне присуще отражает указанные особенности соответствующей правовой системы.

---

¹ См.: Enforcing European Community Rules: criminal proceedings, administrative procedures and harmonization / edited by C. Harding and B. Swart. Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Dartmouth, 1996. P. 2.

² Ключкова Ю.А. Конвергенционные правовые системы ... С. 6.

Вместе с тем известен антипод правовой конвергенции – явление правового конформизма как стремление к модным и зачастую конъюнктурным преобразованиям в праве. Регрессивность таких преобразований состоит в излишнем «обхаживании» внешне прогрессивных идей правотворческого и правоприменительного характера без учета культурной идеологии и менталитета народа, «слепом» следовании авторитетному либо, наоборот, общему мнению, зачастую иностранного происхождения.

Инструментальной основой правового конформизма выступает рецепция права и правовая имплементация, первая из которых зачастую предполагает импортирование правовых институтов или так называемую трансплантацию права без всемерного учета их «приживаемости» и возможных негативных последствий отторжения правовой материей трансплантированных правовых институтов. Так, А.С.Карцов отмечает: «интенсивное заимствование правовых институтов и норм иностранного происхождения, обусловленное модернизацией, сопровождалось ослаблением и распадом исторически сложившихся социальности, государственности, культуры, а также дальнейшим разрывом между правовыми субкультурами групп, составляющих русское общество»¹. В результате правовой имплементации правовые явления и институты переходят из одной правовой системы в другую в одностороннем порядке без взаимообогащения. Подобные явления являются результатом своеобразного «столкновения» и взаимного проникновения представителей правовых систем, находящихся на различных этапах (уровнях) социального развития. В условиях же универсализации правовых ценностей и стремления к общепризнанному уровню права, базирующегося на гуманитарных ценностях и демократических началах, важно критически переосмысливать явление правового конформизма.

Явление правового конформизма (по сути, однопорядковыми явлениями выступают правовая стандартизация² и правовая унификация¹) преимущественно

---

¹ Карцов А.С. Проблема рецепции в контексте консервативного правопонимания // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. Первый выпуск (№ 12). С. 69.

² См.: Лукьянова Е.Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. 2004. № 7. С. 84–85.

проявляется в гипертрофированном понимании абсолютной ценности прав, свобод и законных интересов человека и гражданина без их надлежащего наполнения, выстраивания научно обоснованного вектора их реализации и создания действенных механизмов обеспечения данных элементов правового статуса. Экстраполируя данное утверждение на отечественную сферу исполнения уголовных наказаний, укажем следующую особенность. В настоящее время уголовно-исполнительная система выступает своеобразной «экспериментальной площадкой» верификации идеи непреклонного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов лиц, отбывающих уголовные наказания. В правоприменительной деятельности реальных шагов за черту апологии указанной идеи не наблюдается. В связи с этим можно привести мнение известного ученого В.М.Сырых о том, что «права личности, которые умиляют российских правоведов-идеалистов, преимущественно остаются не более чем вечерней сказкой для взрослых».² В унисон указанному суждению профессор И.Л.Честнов отмечает: «права человека в нашей стране, как они представлены в Конституции, учебниках, выступлениях официальных лиц (в теоретическом правосознании) – идеологема, имеющая очень мало общего с реальностью, трансформирующаяся в туманную мифологему на уровне обыденного правосознания»³. В результате идея всемерного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов осужденных стала выступать непосредственным содержанием деятельности соответствующих субъектов по исполнению уголовных наказаний, тогда как должна быть скрепляющим компонентом правовой оболочки указанной деятельности. Ведь, как справедливо отмечает В.В.Мальцев, «в рамках уголовно-исполнительных отношений преимущественно осуществляются права и обязанности субъектов уголовно-правовых отношений. Соблюдение указанных прав и обязанностей, как и прав и

---

¹ См.: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 1. С. 20.

² См.: Бобылев А.И., Миннихметов Р.Г. Актуальные теоретические проблемы правовой системы общества // Государство и право. 2004. № 7. С. 110.

³ Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. С. 126.

обязанностей, непосредственно вытекающих из уголовно-исполнительного законодательства, следовательно, во многом является лишь средством реализации уголовной ответственности»¹. При этом сама уголовная ответственность традиционно рассматривается как «основанное на уголовном законе и определяемое совершенным преступлением ухудшение правового статуса лица, заключающееся в лишении или ограничении его прав и свобод, либо другое порицание виновного, выраженные в обвинительном приговоре суда»². Таким образом, произошла неоправданная с методологической точки зрения «подмена понятий» в ущерб собственно исправительной направленности уголовного наказания.

В силу таких рассуждений необходимо провести четкую границу между правовой конвергенцией и правовым конформизмом, поскольку первое явление гармонизирует национальное право и усиливает тенденцию цивилизованного правового развития, гармонически комбинирует национальную и заимствованную правовые традиции без противоречия самобытному социопсихологическому укладу общества, тогда как второе – препятствует процессу эволюционного развития и совершенствования права, создает лишь патетичный образ прогрессивного, но не соответствующего глубинным социокультурным традициям и внутренним потребностям общества права, не имеющего подлинного вкрапления в правовую материю общественной мысли и единства интеллектуального содержания.

Правовая конвергенция имеет две основных сферы проявления – внешнюю, формирующую нормативные преобразования в правовой материи, и внутреннюю, отражающую эталонные преобразования в правовой материи. Характер указанных преобразований станет понятным после раскрытия сфер проявления правовой конвергенции.

Так, первая сфера проявления правовой конвергенции «обволакивает» диалектическое взаимодействие императивных и диспозитивных начал в праве, публично-правовых и частно-правовых юридических конструкций. В действительности

---

¹ Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве : монография. Волгоград: Академия МВД России, 2003. С. 65.

² Там же. С. 52.

сти результаты такого взаимодействия проявляются, с одной стороны, в утверждении важности социального статуса личности и её связи с государством, гарантирующих ролевую значимость каждого индивидуума в общественных отношениях и защиту его прав со стороны соответствующих публичных институтов, с другой – в непреложности индивидуальной ценности личности, её духовных и экономических свобод – сердцевины гражданского общества.

Вторая сфера проявления правовой конвергенции включает процесс формирования аксиологической парадигмы права. Выступая инструментом человеческой культуры, право имеет глубокие эволюционные формы, но еще более – беспредельные цивилизационные ареалы воплощения, поэтому предстоит познать еще более высокую и многогранную ценность права. Ведь, как указывает В. Нерсесянц, «история права как история форм (и норм) свободы показывает, что прогресс свободы в общественных отношениях, их либерализация осуществляется (и вообще в принципе осуществима) как юридизация этих отношений, то есть распространение на эти отношения и их участников принципа формального (правового) равенства. Закон (и другие официально признаваемые формы и источники действующего "позитивного" права) – необходимая в условиях цивилизации форма и средство официально-властного признания, выражения и защиты исторически достигнутой в данном обществе степени прогресса свободы и права в человеческих взаимоотношениях, меры их либерализации и юридизации»¹. На этом основании аксиологическая парадигма права предполагает дальнейшее признание и конструктивное осмысление ценности права, его моделей, конструкций и механизмов, основа которых уже заложена в различных правовых системах. В связи с этим следует подчеркнуть, что совершенствование права, в том числе в рамках национальной правовой системы либо даже отдельного правового института, невозможна без познания его аксиологической основы.

Органическое взаимодействие данных сфер, по сути, отражает постепенное взаимопроникновение закона (нормативного правового акта) и прецедента (казуса,

---

¹ История права: Англия и Россия / рук. авт. кол. В.Нерсесянц, У.Батлер. М.: Прогресс, 1990. С. 6.

закрепленного в судебной практике и выступающего эталоном применения¹). Как отмечается в специальной литературе, «возрастает роль прецедента и в странах романо-германской правовой семьи, доктрина которых ранее отрицала саму возможность существования правовых норм в иной, кроме официального нормативного правового акта или им санкционированного положения, форме»². Вместе с тем известна и тенденция отхода уголовного законодательства стран общего права от прецедента как единственного источника законодательства, которая обнаруживается уже во второй половине XX в.³ В частности, начиная с первой половины 70-х годов прошлого столетия признается устаревшей концепция XVIII в. о судьях как *custos morum*, то есть лишь блюстителях нравственности, в силу чего стало декларироваться признание лишь за парламентом права относить какие-либо деяния к разряду преступных. Безусловно, данный вопрос остается дискуссионным до настоящего времени и его разрешение связано с перспективой принятия, в частности в Англии, кодифицированного уголовного закона.⁴ Вместе с тем Д.Фримен в свое время лоббировал полностью воспринятую к настоящему времени идею «восстановления роли судебной власти» при определении, например, типа исправительного учреждения при назначении наказания, связанного с тюремным заключением, сокращением сроков тюремного заключения или решения вопросов условно-досрочного освобождения от отбывания данного уголовного наказания.⁵

---

¹ Также мы отдаем себе отчет в том, что «судебный прецедент есть отнюдь не нормативно-обязательный источник права, а доктринальный источник идей, откуда англо-американские судьи черпают необходимые им подходы, конструкции, формулировки, занимаясь», поскольку в англосаксонской системе права «нет ничего напоминающего континентальную технику формулирования абстрактных правовых норм» (см.: Головкин Л.В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 9, 12).

² Иванюк О.А. Прецедент: поиск законодательного определения // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М.Баранова, П.С.Пацуркивского, Г.О.Матюшкина. С. 477.

³ В частности, см.: Денис Я. Кодификация английского уголовного права // СССР–Англия: юстиция и сравнительное правоведение : материалы советско-английского симпозиума. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1986. С. 6.

⁴ Денис Я. Указ. соч. С. 9–18.

⁵ См.: Фримен Д. Политика вынесения приговоров в английском праве и практике / Д. Фримен // СССР-Англия: юстиция и сравнительное правоведение: материалы советско-английского симпозиума. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1986. С. 32.

Следовательно, первая сфера аккумулирует формально-нормативный характер преобразований правовой материи, вторая – эталонный, отражающий правовую сущность жизненных ситуаций, требующих соответствующего юридического разрешения. Взаимопроникновение данных сфер возводит юридические конструкции на качественно иной уровень, обогащает интеллектуальное содержание права.

В заключении данного параграфа важно отметить, что учение о правовых системах задает лишь общие таксономические контуры классификации и типологизации пенитенциарных либо уголовно-правовых систем¹, но полностью её не предопределяет. В этой связи следует согласиться с О.Н. Ведерниковой, указывающей на тесную связь уголовно-исполнительного права с криминологией, которая, в свою очередь, «вмонтирована» в правовую систему государства². Этот вывод экстраполируется на пенитенциарную систему, поскольку именно явление правовых систем выступает таксономической основой её исследования. Прикладной аспект данного исследования представлен в следующем параграфе диссертационного исследования.

§ 2. Классификация и типологизация европейских пенитенциарных систем

Выделение классов и типов пенитенциарных систем по различным основаниям позволяет высвечивать не только концептуальные установки государственной пенитенциарной политики, но и социальные представления о целесообразности именно такой организации сферы исполнения уголовных наказаний. Ведь исследуя европейские пенитенциарные системы нельзя не отметить весьма актуальные и вместе с тем критические слова В.В. Лунеева: «Особо доказательной считается «писанная реальность» зарубежного происхождения. Как будто там все идеально. Как будто там нет серьезных криминологических проблем. Как будто в так

---

¹ Подробнее см.: Ведерникова О.Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. № 1. С. 68-76.

² См.: Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. 2002. № 10. С. 34.

называемых цивилизованных странах все одинаково, а не «по-своему»¹. Как представляется, именно классификация и типологизация европейских пенитенциарных систем позволяет лучше понять все их «плюсы» и «минусы», более критичнее обращать внимание на «писанную реальность» функционирования соответствующих исправительных учреждений Европы.

Классификация пенитенциарных систем основывается на критериях, которые связаны с одним из элементов пенитенциарной системы либо производных от них: 1) пенитенциарной доктрины и мировоззрения, отражающего правовую культуру общества; 2) пенитенциарной политики, включающей документы программно-стратегического характера (стратегии, концепции, программы и т.п.); 3) системы учреждений и органов, исполняющие наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества; 4) соответствующего законодательства; 5) особенностей правоприменительной практики, соответствующих средств и методов достижения поставленных перед данной системой целей и задач. Тогда как при типологизации задействованы все из указанных элементов с допустимым преобладанием одного или двух из них. По сути наличие нескольких критериев типологизации пенитенциарных систем обусловлено достаточно сложной природой этого явления как объекта исследования, включающего доктринальный, организационный, законодательный и правоприменительный (практический) компоненты, каждый из которых в свою очередь выступает самостоятельной подсистемой. Ad locum пенитенциарные системы выступают разновидностью сложных социальных систем, поэтому для их типологизации требуется совокупность критериев.

В целях типологизации пенитенциарных систем следует использовать соответствующие методы науки сравнительного правоведения: исторический – для изучения пенитенциарной доктрины, отражающей правовую культуру и правовую политику государства или отдельного региона; функциональный – для оценки особенностей организации деятельности пенитенциарных учреждений и органов; структурный – для изучения соответствующего законодательства (источников

---

¹ Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 12.

права); контекстно-правовой – для исследования особенностей правоприменительной практики.

Исследование и обоснование соответствующих типов пенитенциарных систем тесно связано с выстраиванием соответствующего методологического обоснования выделения рассматриваемого вида преступности, что ранее в диссертации уже было рассмотрено. Таким образом, обусловленность выделения типа пенитенциарной системы сопряжено с методологическими аспектами таксономии как общенаучной теории группировок. Область таксономических знаний способствует преодолению существующих недостатков юридического формализма, поскольку наука уголовно-исполнительного права в её доктринальном смысле ограничивается лишь охватом имеющегося в реальной действительности правового и фактологического материала. Однако в настоящее время отсутствует теоретическая «спайка» доктринальной систематизации с практическими и правоприменительными задачами исследования зарубежного пенитенциарного опыта, его интерпретации и дальнейшего конструктивного использования в отечественной сфере исполнения уголовных наказаний, что может быть восполнено с построением различного рода таксономий. Ведь квинтэссенция юридического формализма препятствует реализации идей детерминизма и всеобщей обусловленности явлений и процессов окружающей действительности.

Принцип подобных группировок задан логикой социального назначения каждой пенитенциарной системы. При этом, методологической основой презюмируемых группировок пенитенциарных систем выступает их оценка с системных позиций, поскольку внесистемный подход к сравнительному исследованию в науке уголовно-исполнительного права не только противоречит отмеченным выше методам сравнительного правоведения, но и способен привести к появлению мертворожденных идей и безуспешных попыток их юридической трансплантации. Следовательно, необходимо иметь адекватные представления о пенитенциарной карте Европы, определять сущность современного уголовно-исполнительного права в условиях российской действительности и перипетиях мирового развития. Сделать такую задачу достижимой способна типологизация

именно европейских пенитенциарных систем, что объясняется приматом западной доктрины прав человека в отечественной правотворческой и правоприменительной деятельности.

Также подчеркнем, что важное значение для классификации и типологизации пенитенциарных систем имеет географический ареал их расположения, отражающий специфические объединяющие особенности теории, законодательства и практики обращения с осужденными, характерные для стран определенного региона, в свою очередь обусловленные общими исторически сложившимися воззрениями на причины и меры противодействия преступности. Данные воззрения отличаются от общеевропейских, но не являются национально-особенными, поскольку свойственны, как правило, нескольким странам одновременно. Ведь как отмечает Ю.А. Тихомиров: «"семейный" принцип анализа правовых систем ведет к появлению разных группировок с учетом построения законодательства по отраслям и институтам»¹.

Классификация европейских пенитенциарных систем на основании, например, такого критерия, как форма размещения и содержания осужденных в местах изоляции от общества, позволяет выделить следующие классы: 1) государства, использующие «келейно-покамерную» модель размещения осужденных, и 2) страны, в которых сочетаются «келейно-покамерная» и «колониально-отрядная» модели размещения осужденных. В зависимости от организации управления пенитенциарной системой можно выделить классы государств, в которых данная система подведомственна: 1) Министерству юстиции (превалирующий класс); 2) Министерству внутренних дел (Испания, Белоруссия); 3) объединенному органу, выполняющему функции одновременно двух указанных министерств (Мальта, Норвегия и Швейцария); 4) является независимым государственным органом, подотчетным главе правительства (Государственная пенитенциарная служба Украины, которая лишь координируется Министерством юстиции)².

---

¹ Тихомиров Ю.А. Динамика правовых систем в условиях интеграции государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4. С. 706.

² См.: Турчина М.О. Пенитенциарные системы: сравнительный анализ организационно-правовых форм. Позиция международных организаций. Пенитенциарная система, управляемая министерством юстиции URL: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Pravo/72831.doc.htm; Багреева Е.Г. Об

На основе такого критерия как степень эффективности пенитенциарной системы с определенной долей условности можно выделять: 1) высоко эффективный тип пенитенциарной системы; 2) средне эффективный тип пенитенциарной системы; 3) допустимый тип пенитенциарной системы; 4) кризисный тип пенитенциарной системы. Также с учетом особенностей уголовно политики и социально-экономических потребностей общества допустимо выделять: 1) перманентный тип пенитенциарной системы – с постоянным уровнем достаточной эффективности работы исправительных учреждений; 2) спорадический тип пенитенциарной системы – с проявлениями приемлемой для государства и общества результативностью функционирования исправительных учреждений в определенные исторические периоды; 3) конъюнктурный тип пенитенциарной системы – с оценкой эффективности исходя из текущих задач и конкретной модели уголовной политики.

Типологизация на основе функционально обусловленных и структурно взаимосвязанных элементов, определяющих теоретическое обоснование, правовое регулирование и практическую организацию исполнения уголовных наказаний в условиях преимущественной изоляции осужденного от общества позволяет выделить следующие типы европейских пенитенциарных систем: 1) англо-ирландский; 2) восточно-европейский; 3) германский; 4) голландский; 5) иберийский; 6) прибалтийский; 7) скандинавский (североевропейский); 8) славянский; 9) французский; 10) южно-европейский.

Приведенные в таблице 1 сравнительно-статистические сведения демонстрируют общие типичные (схожие) и отличительные характеристики пенитенциарных систем государств, входящих в соответствующие типы европейских пенитенциарных систем.

Сравнительно-статистические сведения
о типах европейских пенитенциарных систем¹

Тип пенитенциарной системы	Страна	Общее кол-во заключенных	Уровень (на 100 тыс. населения)	Наполняемость, %	Удельный вес лиц в возрасте до 18 лет, %	Удельный вес иностранных лиц, %
Скандинавский	Дания	4091	73	98,6	0,2	26,8
	Исландия	152	47	93,3	0,6	15,8
	Норвегия	3649	72	96	0,1	34
	Финляндия	3134	58	96,9	0,2	14,5
	Швеция	5797	60	86,3	0,2	31,6
<i>Средние показатели</i>			62	94,2	0,3	24,5
Англо-ирландский ²	Англия и Уэльс	85401	149	112,4	0,9	12,7
	Северная Ирландия	1820	99	89,7	0	6,2
	Шотландия	7844	147	96,2	0,8	3,6
<i>Средние показатели</i>			132	99,4	0,6	7,5
Голландский	Нидерланды	12638	75	77	1,5	23,2
	Бельгия	11769	105	122,7	0,7	44,2
	Люксембург	717	131	100,8	0,7	72,2
<i>Средние показатели</i>			104	100,2	1	46,5
Германский	Австрия	8273	98	95,6	1,6	48,6
	Германия	65710	81	86,3	3	27,1
	Лихтенштейн	7	19	35	0	71,4
	Швейцария	7072	87	100,3	0,4	74,3
<i>Средние показатели</i>			71	79,3	1,2	55,3
Французский	Монако	29	79	35,8	10,3	95,1
	Франция	68295	102	118,3	1,2	21,7
<i>Средние показатели</i>			90	77	5,7	58,4
Иберийский	Андорра	49	56	26,4	0	80,6
	Испания	66083	143	88	0	30,5
	Португалия	14445	139	116,3	0,5	7,6

¹ Информация получена на официальном сайте Международного Центра тюремных исследований (International Centre for Prison Studies). URL: <http://www.prisonstudies.org/map/europe>.

² Не учитываются британские коронные владения (бейливики Джерси и Гернси (Нормандские острова), остров Мэн) и заморские территории Великобритании (Гибралтар, Бермуды и др.)

<i>Средние показатели</i>		<i>113</i>	<i>76,9</i>	<i>0,2</i>	<i>39,6</i>	
Южно-европейский	Италия	54252	90	110,1	0,7	32
	Кипр	930	108	140,1	0,6	52,9
	Мальта	566	134	133,6	1,1	38,4
	Сан Марино	0	0	0	0	0
<i>Средние показатели¹</i>		<i>111</i>	<i>127,9</i>	<i>0,8</i>	<i>41,1</i>	
Восточно-европейский	Албания	5201	181	99,3	2	1,5
	Болгария	10006	138	94,1	0,8	2
	Босния и Герцеговина	1883	80	102,1	0,2	2,6
	Венгрия	18239	184	144,9	2,8	3,5
	Греция	13147	120	136,5	4,7	63,2
	Косово	1695	93	84,8	2,2	5,4
	Македония	3021	147	131,9	0,8	2,7
	Польша	78403	203	91	0,4	0,7
	Румыния	31878	160	110,2	1,1	0,8
	Сербия	1003	75	72,4	1,2	2,9
	Словакия	10207	188	90,3	1,3	1,9
	Словения	1526	74	118	0,6	10
	Хорватия	4741	108	125,7	1,6	5,8
	Черногория	1068	171	97,1	0,3	11,4
Чехия	17826	169	86,8	0,6	8,8	
<i>Средние показатели</i>		<i>139,4</i>	<i>105,7</i>	<i>1,4</i>	<i>7,6</i>	
Прибалтийская	Латвия	5280	264	76,8	1,1	1,3
	Литва	9509	322	103,5	1,2	1,2
	Эстония	3075	235	92	1	38,1
<i>Средние показатели</i>		<i>274</i>	<i>90,8</i>	<i>1,1</i>	<i>13,5</i>	
Славянский	Белоруссия	31700	335	96,8	0,7	3,1
	Молдавия	6666	187	85	0,1	1,6
	Россия	675400	470	83,6	0,3	4,2
	Украина	96064	213	120,4	0,6	1,7
<i>Средние показатели</i>		<i>301</i>	<i>96,5</i>	<i>0,4</i>	<i>2,6</i>	

В следующей главе диссертационного исследования будет представлена содержательная уголовно-исполнительная характеристика выделенных типов европейских пенитенциарных систем, которая отражает значительный плюрализм в подходах исправительного воздействия, функционирование конкретных типов пенитенциарных систем в границах «неоклассического» и социологического

¹ Без учета показателей по Сан Марино.

направлений противодействия преступности и обуславливает закономерный исследовательский интерес к современным тенденциям их развития.

ГЛАВА IV. СРАНИВТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

§ 1. Англо-ирландский тип европейских пенитенциарных систем

Англо-ирландский тип пенитенциарной системы (Ирландия и самоуправляющиеся территории Великобритании – Англия и Уэльс, Северная Ирландия, Шотландия) тесно связан с правовой системой Общего права, оказавшей существенное влияние на развитие права этих стран, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний. В определенной степени особенностью данного типа выступает «акцентирование на мерах предупреждения, безопасности, ресоциализации и социальной реабилитации лиц, совершивших преступление»¹ и комбинирование этих мер (например, высшей мерой наказания выступает пожизненное заключение, но с высокой долей возможности по сути условного освобождения), а также качественно налаженная работа попечительского, парламентского и волонтерского надзора за исполнением уголовных наказаний. В указанных выше странах спектр исправительных учреждений, собственно как и наказаний, качественно отличных друг от друга, не столь велик. Основным видом исправительного учреждения до сих пор остается тюрьма, поэтому традиционно их деятельности до сих пор корреспондирует тюремное право (Prison Law)².

Органы управления пенитенциарными учреждениями имеют «смешанную» подведомственность. Тюремная служба Её Величества подведомственна Министерству юстиции Англии и Уэльса (в сущности – Великобритании), в её ведении находится 123 исправительных учреждений³. Тюремная служба Шотландии как исполнительный орган Министерства внутренних дел руководит функционированием 15 исправительных учреждений⁴. Пенитенциарная служба Северной Ирландии

---

¹ Бурдо Е.П. Наказание по общему праву Англии, Уэльса и США (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис... к.ю.н. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. С. 6.

² См. подробнее: Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2005. С. 11-16.

³ GOV.UK. HM Prison Service. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/hm-prison-service>.

⁴ Тюремная служба Шотландии. Тюрьмы. URL: <http://www.sps.gov.uk/Corporate/Prisons/Prisons.aspx>.

дии является исполнительным органом Департамента юстиции и осуществляет руководство функционированием трех исправительных учреждений¹. Тюремная служба Ирландии подведомственна Министерству юстиции и равенства, ей подконтрольно 14 исправительных учреждений².

Англо-ирландский тип обладает достаточно высоким коэффициентом заключенных, находящимся на отметке в 132 осужденных, нормативно предусмотренной наполняемостью исправительных учреждений (99,4 %) и невысоким удельным весом заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (7,5 %).

Начиная с 1967 года для данного типа характерно подразделение тюрем на пять видов (супермаксимального уровня безопасности («супермакс»), категории «А» (максимального или иначе высокого уровня безопасности), категории «В» (среднего уровня безопасности), категории «С» (полуоткрытые, или «на полпути к свободе»), категории «D» (открытые)) в зависимости от общественной опасности осужденных и, соответственно, степени угрозы их побега. Данные виды тюрем имеются в Шотландии, Англии и Уэльсе (также предусмотрено деление на центральные и региональные или местные тюрьмы), а также Республике Ирландия (за исключением тюрем «супермакс»). В Северной Ирландии существует только полуоткрытая тюрьма с блоком среднего уровня безопасности, тюрьма высокого уровня безопасности, а также центр-тюрьма для несовершеннолетних преступников и лиц женского пола (открытого и полуоткрытого видов).

Среди основных правовых актов Шотландии, регулирующих исполнение тюремного заключения, следует отметить Правила тюрем и учреждений для молодых преступников 2011 года. Северной Ирландии – Закон об управлении Северной Ирландией 1973 года (фактически находится на стадии отмены), Закон о тюрьмах 1953 года³, Правила тюрем и центра для несовершеннолетних преступников 1995 года, Приказ от 31 марта 2010 года № 976 об изменении Закона о Се-

---

¹ Департамент юстиции Северной Ирландии. URL: <https://www.justice-ni.gov.uk/topics/prisons>.

² Тюремная служба Ирландии. URL: <http://www.irishprisons.ie>.

³ Legislation.gov.uk. Prison Act (Northern Ireland) 1953. URL: <http://www.legislation.gov.uk/apni/1953/18>.

верной Ирландии 1998 года. Ирландии – Конституцию 1937 года, Законы о тюрьмах 2007 и 2015 года, Тюремные правила 2007 года. Англии и Уэльса – Закон о тюрьмах 1952 года, Закон об уголовной юстиции 2003 года, Тюремные правила 1999 года. В Законе об уголовной юстиции 2003 года провозглашаются следующие цели и принципы исполнения наказаний – справедливое воздаяние преступнику, снижение и сдерживание преступности (в том числе путем устрашения), защита общества от вреда, причиняемого преступлением, исправление и реабилитация преступника как средства защиты общества, возмещение преступником вреда, причиненного потерпевшему. Вместе с тем ряд ученых указывает на определенный диссонанс между провозглашаемыми идеями и фактическим состоянием правоохранительной деятельности, тюремной безопасностью и эффективностью исправительного воздействия. Например, значительную популярность приобретает возникшая на фоне высокого роста тюремного населения в США политика снижения тюремного населения и минимизации исправительных учреждений (соответствующий термин «*decarceration*» ввел в научный оборот Scull в 1977 году), согласно которой идея устрашения неприемлема в условиях разряжения плотности содержания заключенных и расширения удельного веса наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Данная политика «направлена не только на усиление безопасности и психологического благополучия преступников, но и на повышение общественной безопасности»¹ и в определенной степени в условиях стартовавшей в Соединенном Королевстве тюремной реформы (о чем будет указано далее) приобретает особую актуальность для повышения эффективности функционирования пенитенциарной системы англо-ирландского типа. Более того, Скот Грант отмечает необходимость «противостояния влиянию карательного дискурса» в английской уголовной политике². Ряд других авторов на основе концепции ретрибутивизма Энтони Даффа³ фактически демонстрируют несостоятельность существующей пенитенциарной политики и её расхождение с

---

¹ Garland B., Hogan N., Wodahl E., Hass A., Stohr M.K., Lambert E. Decarceration and its possible effects on inmates, staff, and communities // *Punishment & Society*. 2014. Vol. 16(4). P. 458.

² Grant S. Constructing the durable penal agent: tracing the development of habitus within English probation officers and Scottish criminal justice social workers // *British Journal of Criminology*. 2016. № 56. P. 764.

³ Duff A., Garland D. *Punishment: a socio-legal reader*. Oxford: Oxford University Press, 1994.

нормативными правоустановлениями¹. В свою очередь Сьюзан Истен отмечает, что наблюдается негативное отношение и даже враждебность британского общества по отношению к заключенным, а «масштабы тюремного населения и озабоченность общественности преступностью, а также сокращение государственных расходов в условиях нынешнего экономического спада могут повлиять на качество тюремного режима в Великобритании»².

Широко используется прогрессивная система отбывания наказания. Так, пункт 17 Правил тюрем и учреждений для молодых преступников Шотландии 2011 года предусматривает три уровня надзора за заключенными – высокий, средний и низкий. Согласно подпункта 1 пункта 19 переход осужденного с высокого уровня надзора на средний и со среднего на низкий возможен по истечении не менее чем 6 месяцев содержания на соответственном уровне при отсутствии предупреждений со стороны администрации. Обратное движение возможно в случае не менее трех дисциплинарных предупреждений либо после применения более строго дисциплинарного наказания (например, заключение в одиночную камеру на срок до трех дней). В соответствии с подпунктом 2 пункта 19 первоначальное избрание уровня зависит от серьезности преступления, за совершение которого заключенный был осужден, наличия судимостей, любых просроченных платежей, продолжительности времени предварительного заключения и его поведения в этот период, а также от иных критериев, которыми посчитает необходимым руководствоваться начальник тюрьмы. Однако при поступлении осужденного в тюрьму поместить его по общему правилу допустимо только на средний либо низкий уровень надзора³. В исправительных учреждениях Англии и Уэльса предусмотрено 4 уровня – пониженный, базовый, стандартный и улучшенный.

Даже в условиях применения пожизненного тюремного заключения в обращении с заключенными культивируется идея собственного формирования пози-

---

¹ Schinkel M. Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners // *Punishment & Society*. 2014. Vol. 16(5). P. 679-594.

² Easton S. Protecting Prisoners: The Impact of International Human Rights Law on the Treatment of Prisoners in the United Kingdom // *The Prison Journal*. 2013. № 93(4). P. 484.

³ Scottish Prison Service. The Prisons and Young Offenders Institutions (SCOTLAND) Rules 2011. URL: <http://www.sps.gov.uk/Corporate/Information/PrisonRulesandDirections.aspx>.

тивных качеств. Так, в североирландских Правилах тюрем и центра для несовершеннолетних преступников 1995 года среди основных принципов в пункте «б» части 2 закрепляется, что «обращение с заключенными должны быть такими, чтобы поддерживать их чувство собственного достоинства, здоровья и благополучия, поощрять их развивать чувство личной ответственности»; в пункте «е»: «каждый заключенный рассматривается в индивидуальном порядке и в случае необходимости имеет возможность внести свой вклад в принятии решений о том, как он проводит свое время, находясь в тюрьме»¹.

На фоне того обстоятельства, что государства, охватываемые англо-ирландским пенитенциарным типом, являются светскими, можно отметить достаточно сильно развитую в работе тюрем практику использования религиозного просвещения и духовного воспитания в качестве средства исправления осужденных. Не случайно представитель Англии и Уэльса входит в Совет директоров основанной в 1976 году Международной Ассоциации тюремного служения (PFI)². Например, согласно п. 1 ст. 14 (1) Тюремных правил 1999 года, тюремный капеллан обязан провести беседу с каждым осужденным как поступившим в исправительное учреждение, так и освобождаемым. В соответствии со ст. 14 (2) капеллан обязан ежедневно общаться с заключенными, принадлежащими Англиканской церкви, особенно если они больны или ограничены администрацией в передвижении. На основании ст. 14 (3) в обязанность капеллана входит посещение заключенных, исповедующих иную религию или принадлежащих к другой религиозной конфессии, с согласия последних³.

В Англии и Уэльсе в соответствии с Тюремными правилами 1952 года (действовали до момента вступления в силу Тюремных правил 1999 года) образованы функционирующие и по настоящее время Ревизионно-контролирующие Комиссии (или иначе Комиссии посетителей – Board of Visitors). Данные Комиссии

---

¹ Department of Justice. Northern Ireland Prison Service: Prison rules. The Prison and Young Offenders Centre Rules (Northern Ireland) 1995 amended. URL: <https://www.justice-ni.gov.uk/publications/northern-ireland-prison-service-prison-rules>.

² Prison Fellowship International. Leadership. URL: <https://pfi.org/who-we-are/leadership/>.

³ Legislationline. United Kingdom Prison Service (in progress). The Prison Rules (1999). URL: <http://legislationline.org/en/topics/country/53/topic/13>.

(вневедомственный контролирующий орган) прикреплены почти к каждой тюрьме, состоят приблизительно из 15 членов и выполняют две основные функции: 1) инспектирование и контроль условий содержания заключенных и 2) рассмотрение их жалоб. Комиссии тесно взаимодействуют с Тюремными инспекциями (ведомственный контролирующий орган), образованными в 1982 году, являющимися составной частью Службы и осуществляющими «контроль эффективности и корректности деятельности тюрем»¹, а также группой комиссионеров из числа парламентариев, основной задачей которых является независимое расследование отдельных жалоб лиц, находящихся в тюремном заключении либо проходящих процедуру, о наиболее серьезных нарушениях их прав².

В Отчете Тюремной службы Ирландии за 2015 год отмечаются успехи по реализации трехлетнего (2012-2015 гг.) Стратегического плана пенитенциарного развития, а также указывается, что заключенные находятся в уязвимом положении, поэтому они должны иметь надежный доступ к эффективной медицинской помощи и подаче любых жалоб и обращений открытым, прозрачным и независимым способом, возможность постоянного общения с родственниками и друзьями³.

Обращает внимание достаточно энергичная работа пенитенциарных учреждений по применению такого средства исправления осужденных как получение ими образования. Однако проверка качества образовательных услуг, проведенных в 24 английских тюрьмах Фондом реформирования пенитенциарной системы в 2013 году, показала, что в 15 исправительных учреждениях такая работа оценивается ниже среднего уровня. Причем в Англии и Уэльсе начиная с 1993 года используется конкурсная основа рекрутирования педагогов из колледжей и университетов для работы в образовательной сфере исправительных учреждений. Специально для активизации такой работы в 2003 году был образован фонд «Образо-

---

¹ Richardson G. Law, Process and Custody: Prisoners and Patients. London: Weidenfeld and Nicolson, 1993. P. 72-74, 79-82, 100, 129, 160-162; Livingstone S., Owen T. Prison Law: Text and Materials (reprint). Oxford : Clarendon Press, 1995. P. 30-40.

² Подробнее см.: Тепляшин П.В. Современное тюремное право Англии: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. С. 55-57.

³ Irish Prison Service. Annual Report 2015. URL: http://www.irishprisons.ie/wp-content/uploads/documents_pdf/12232-Irish-Prison-Service-AnnualReport2015-v7-2.pdf.

вание и профессиональное обучение правонарушителей» (OLASS), с 2012 года внедряется система предоставления заключенным кредита для оплаты образовательных услуг по третьему (колледж) уровню. При этом часть или вся сумма кредита осужденному может быть списана за счет вышеуказанного фонда при условии достигнутых высоких результатов в обучении. Как отмечает Д. Чернявски такая модель мотивации к обучению, хоть и является достаточно накладной для налогоплательщиков, безусловно, способствует снижению рецидивной преступности, но она не имеет положительного эффекта, поскольку существует проблема разных способностей осужденных, что может быть вызвано потреблением до осуждения наркотиков или установлением алкогольной зависимости, перемещения заключенных из одной тюрьмы в другую, недостаточно хорошие условия для проведения занятий и высокая плотность тюремного населения¹.

Нельзя обойти вниманием значительные достижения британской пенологии в области обращения с отдельными категориями осужденных. Например, как отмечают В. Хандке и Т. Ванмо принятые Тюремные стандарты Макмилиана (MAPS)² позволяют оказывать высококачественную паллиативную медицинскую помощь и хоспис-услуги престарелым и неизлечимо больным заключенным³. В некоторых тюрьмах Англии и Уэльса относительно недавно были созданы группы из медицинских работников, сотрудников пенитенциарных учреждений и пожилых заключенных, которые на основе специально разработанного Плана обучения престарелых заключенных возможностям здравоохранения и социального обеспечения (OHSCAP) реализуют программы, позволяющие престарелым осужденным приобретать навыки и умения по самоуходу, соблюдению мер безопасности, использованию доступных способов социального обеспечения и здравоохранения

---

¹ Czerniawski G. A race to the bottom – prison education and the English and Welsh policy context // *Journal of Education Policy*. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 205-207.

² Scottish Partnership for Palliative Care. A vision for the future of Palliative and End of Life Care. URL: <https://www.palliativecarescotland.org.uk/content/publications/Adrienne-Betteley-and-Diana-Hekerem-presentation.pdf>.

³ Handtke V., Wangmo T. Ageing Prisoners' Views on Death and Dying: Contemplating End-of-Life in Prison // *Bioethical Inquiry*. 2014. V. 11. P. 374.

как в период отбывания тюремного заключения, так и после освобождения¹. Можно утверждать, что данные программы являются частью более общей стратегии «сострадательного освобождения», активным разработчиком которой выступает Дэвид Гарланд².

Начиная с 70-х годов XIX века в английской пенологии наметился кризис реальных механизмов профилактики рецидива преступлений, упадок устоявшихся либеральных подходов к преступлению и пенального прагматизма, рабочим звеном которого была стратегия «бифуркации» – проведения четкой границы в методах исправления и карательного воздействия между менее и более опасными для общества преступниками³, привели к появлению доктринальной концепции «ничего не работает» («nothing works»), то есть отрицанию эффективности мер «обращения» с осужденными и даже стремлению продемонстрировать их полную несостоятельность⁴. В последующем научные и правительственные круги Британии осуществляли поиск новых средств исправления осужденных в их приемлемом сочетании с требованиями общества⁵. Так, в настоящее время существенную роль занимают индивидуальные программы обращения с осужденными, в основу которых положена значительная дискретность поведения заключенных и задачи их ресоциализации. В исправительных заведениях, обеспечивающих условия, содействующие исправлению преступников, ставится задача убедить осужденных в необходимости применения к ним исправительных программ (так называемых программ «обращения»), заставить осознать полезность применяемых мер для самих заключенных и добиться их помощи в реализации проводимой после отбытия наказания реабилитационной деятельности. Например, Арианна Силвестри указывает, что в шотландских тюрьмах после поступления осужденного в исправи-

---

¹ Walsh E., Forsyth K., Senior J., O'Hara K., Shaw J. Undertaking action research in prison: Developing the Older prisoner Health and Social Care Assessment and Plan // *Action Research*. 2014. V. 12(2). P. 136-147.

² Handtke V., Bretschneider W., Elger B., Wangmo T. The collision of care and punishment: Ageing prisoners' view on compassionate release // *Punishment & Society*. 2017. Vol. 19 (1). P. 5-22.

³ Brownlee I. *Community Punishment. A Critical Introduction*. London and New York: Longman, 1998. P. 12-13, 18, 75-76, 86, 186; *Controlling Crime* / edited by E. McLaughlin and J. Muncie. 2nd ed. London · Thousand Oaks · New Delhi: SAGE Publications; The Open University, 2001. P. 278.

⁴ Cavadino M., Dignan J. *The Penal System. An Introduction*. 3rd ed. London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. P. 9-30.

⁵ Подробнее см.: Тепляшин П.В. *Исполнение уголовных наказаний в зарубежных странах: учебное пособие*. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. С. 81-82.

тельное учреждение собирается информация о его конкретных потребностях и пожеланиях относительно работы и образования. На основании этой информации готовится индивидуальная программа деятельности, включающая характер работы и профессиональной деятельности, получение образования и консультирование осужденного, которую утверждает начальник тюрьмы в «целями улучшения перспектив успешного переселения заключенного в общество». Согласно данной программы заключенные в Шотландии обязаны выполнять соответствующие мероприятия до 40 часов в неделю (минимальное количество часов не установлено), при условии отсутствия противопоказаний по состоянию здоровья или иным основаниям¹.

Важно обратить внимание на начало новой реформы пенитенциарной системы, старт которой был дан 18 мая 2016 года на открытии очередной сессии британского парламента, где королева Великобритании Елизавета II, выступив с тронной речью, отметила необходимость проведения «самой масштабной со времен викторианской Англии тюремной реформы». Основными пунктами реформирования являются: 1) существенное расширение возможностей для заключенных получать образование, а также для отдельных категорий осужденных предоставление возможности работать за пределами исправительного учреждения и отбывать часть наказания вне тюрьмы; 2) принятие закона о реформе тюрем и судов; 3) предоставление руководству некоторых крупных тюрем значительной свободы в управлении исправительным учреждением (в части бюджетных освоений, регулирования вопросов посещения родственников и близких лиц, определения режима и порядка реабилитации заключенных); 4) закрытие старых пенитенциарных заведений и строительство новых, максимально приспособленных для привлечения заключенных к труду². В развитие данной реформы Лорд-канцлер и Государственный секретарь по вопросам юстиции Элизабет Трасс 4 ноября 2016 года сообщила о том, что за последние пять лет в тюрьмах значительно увеличи-

---

¹ Silvestri A. Prison conditions in United Kingdom. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionintheUK.pdf>.

² The Telegraph. News. Queen's Speech: the key points. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/05/18/what-to-expect-from-the-queens-speech>.

лись показатели насилия и членовредительства, а именно в течение 12 месяцев до июня 2016 года произошло около 6000 нападений на сотрудников исправительных учреждений и 105 случаев суицидов осужденных. Эти и другие проблемы потребовали проведение радикального реформирования тюремной системы в течение 2017-2020 гг. – «Prison Safety and Reform», перед которой должны ставиться две основных задачи – безопасность и реабилитация. Для того, что бы за каждым осужденным по принципу «один-к-одному» закрепить соответствующего сотрудника тюрьмы к концу 2018 года штат исправительных учреждений должен пополниться еще 2500 офицерами. Также будет неукоснительно соблюдаться политика «нулевой терпимости» («zero tolerance»), согласно которой любое нападение на сотрудника исправительного учреждения будет рассматриваться как тяжкое преступление. Тесное взаимодействие с Национальным агентством по преступности (National Crime Agency) и полицией позволит улучшить профилактику преступлений, совершаемых в тюрьмах. При этом чиновник отметила, что расширение полномочий начальников шести исправительных учреждений уже принесли свои результаты. Было указано на важность усиления контрольно-надзорных функций Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, Тюремных инспекций, Комиссий посетителей, рекомендации которых должны неукоснительно соблюдаться администрациями исправительных учреждений. Для решения проблем строительства новых тюрем будет выделено 1,3 млрд. фунтов стерлингов, а также разработана специальная пятилетняя программа закрытия старых тюрем¹.

На фоне реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года опыт проведения, ресурсное и правовое обеспечение, проблемы и результаты британской тюремной реформы безусловно вызывают значительный научно-практический интерес.

Относительно так называемых частных тюрем необходимо отметить, что в Шотландии имеется две тюрьмы, которые управляются таким оператором частно-

---

¹ GOV.UK. HM Prison Service. Oral statement to Parliament. Prison reform. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prison-reform>.

го сектора как Serco. В Англии и Уэльсе еще в 1992 году при участии ведущей в этой сфере мировой компании G4S была открыта частная тюрьма Вулдс (в 2013 году она передана в государственный сектор). В настоящее время насчитывается четырнадцать частных тюрем (одна из них находится в ведении Тюремной службы Её Величества), в том числе крупнейшая в Европе женская тюрьма Бронсфилд (Bronzefield)¹. Кроме компании G4S (пять тюрем²) основными частными операторами выступает Sodexo Justice Services (пять тюрем³) и Serco (четыре тюрьмы⁴). В Северной Ирландии и Республике Ирландия частные тюрьмы отсутствуют.

Однако симптоматичен тот факт, что введенная в эксплуатацию в 2012 году крупнейшая английская частная тюрьма Оквуд (HMP Oakwood⁵), управляемая компанией G4S, по результатам проверки в июле 2013 года получила нарекания со стороны главного инспектора британских тюрем Ника Хардвика (Nick Hardwick), который установил распространенные факты насилия между осужденными и жесткие силовые методы усмирения заключенных персоналом. Тюрьма была признана самым «наркотически зависимым» пенитенциарным заведением, в котором «наркотики достать легче, чем кусок мыла, что бы помыться в душе». В докладе инспектора указывается, что каждый пятый заключенный употребляет наркотики, каждый седьмой стал наркозависимым именно в этой тюрьме. Причем незаконное поступление достаточно широкого перечня наркотиков осуществляется как с помощью сотрудников медицинской службы учреждения, так и по иным каналам.⁶ Наверное не случайно Великобритания достаточно часто становится объектом исследований относительно инъекционного потребления наркотиков, в том числе в тюрьмах, а также корреляционных связей между масштабами их по-

---

¹ См.: Щербенко Л.Р. Тюрьмы в Англии // Наука и практика. 2011. № 3(48). С. 215-216; Андреященко Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI-XX вв.: историко-юридическое исследование: дис... к.ю.н. Екатеринбург. 2006. С. 117-118.

² G4S United Kingdom. Custodial and detention services. URL: <http://www.g4s.uk.com/en-GB/What%20we%20do/Services/Care%20and%20justice%20services/Custodial%20Services/>.

³ Sodexo. Quality of life services. Prisons in our portfolio. URL: <http://uk.sodexo.com/home/services/on-site-services/justice-services/prisons-in-our-portfolio.html>.

⁴ Serco Grope plc. Custodial Services. URL: <https://www.serco.com/markets/homeaffairs/custodial>.

⁵ HMP Oakwood. URL: <http://hmpoakwood.co.uk/>.

⁶ Леклерк Б. Наркотюрьма // Преступление и наказание. 2014. № 2. С. 64-65.

требления и степенью распространенности вируса гепатита С¹ и других заболеваний² среди тюремного населения.

В специально проведенном исследовании Джоусе Алонсо и Рис Эндриус отмечают, что в Англии и Уэльсе управляемые частными компаниями исправительные учреждения имеют преимущества перед государственными в части условий содержания заключенного, тогда как последние характеризуются более высоким порядком и состоянием безопасности осужденных. К такому выводу позволила прийти специально разработанная методика учета различных факторов (размер тюремных зданий, контингент заключенных, степень наполняемости тюрем) и задач исправительного учреждения (гуманное обращение, реабилитация осужденных, минимизация побегов и насильственных инцидентов)³. В свою очередь Брэтт Бахардт и Алиша Джонс указывают, что количество судебных вмешательств в деятельность исправительных учреждений в связи с нарушением прав осужденных находится в очень слабой корреляции с приватизацией тюрем. Далее они указывают, что в настоящее время частные операторы также имеют все шансы на организацию эффективной деятельности исправительных учреждений и смягчение вышеуказанных судебных притязаний⁴.

Однако на фоне имеющейся положительной информации о рентабельности и сокращении бюджетного финансирования нельзя не согласиться с резонным мнением А.В. Быкова о том, что «не следует забывать о главных приоритетах в подходе к этому вопросу – безоговорочных гарантиях безусловного качественного выполнения исправительного элемента наказания»⁵.

---

¹ Palmateer N.E., Hutchinson S.J., Innes H. et. al. Review and meta-analysis of the association between self-reported sharing of needles/syringes and hepatitis C virus prevalence and incidence among people who inject drugs in Europe // *International Journal of Drug Policy*. 2013. V. 24. P. 85-100.

² В частности, см.: Croft M., Mayhew R. Prevalence of chronic non-cancer pain in a UK prison environment // *British Journal of Pain*. 2015. Vol. 9(2). P. 97-106.

³ Alonso J.M., Andrews R. How Privatization Affects Public Service Quality: An Empirical Analysis of Prisons in England and Wales, 1998-2012 // *International Public Management Journal*. 2015. V. 0. No. 0. P. 1, 6-7, 12.

⁴ Burkhardt B.C., Jones A. Judicial Intervention into Prisons: Comparing Private and Public Prisons from 1990 to 2005 // *Justice System Journal*. 2016. V. 37. No. 1. P. 39, 50.

⁵ Быков А.В. Особенности пенитенциарных систем США, ФРГ, Франции, Великобритании // *Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России* / под общ. ред. Р.А. Ромашова. Самара, 2014. С. 34.

Практически во всех отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом данное государство, отмечаются некоторые недостатки в функционировании исправительных учреждений. Например, по итогам посещения тюрьмы Виндмилл Хилл (Windmill Hill Prison) на Гибралтаре в период с 13 по 17 ноября 2014 года было рекомендовано разработать и внедрить соответствующие правила и модель обращения с несовершеннолетними осужденными (на момент визита в тюрьме отбывали наказание два заключенных в возрасте 14 и 17 лет)¹.

Также интересно отметить, что Эон Макленнан-Мюррэй (Eoin McLennan-Murray), уходящий президент Ассоциации тюремных руководителей Англии и Уэльса, заявил о рекордном количестве заключенных и росте насилия в исправительных учреждениях. По его мнению в тюрьмах Англии и Уэльса наблюдается беспрецедентная «ядовитая смесь» роста числа осужденных, хронической нехватки персонала и многочисленных случаев насилия среди заключенных, «большая часть которых заперта в течение дня, ограничена жестким режимом и ничего не делает». За 36 лет работы в пенитенциарной системе он никогда не сталкивался с «такой сложной, жесткой и трудной ситуацией, как сейчас». Причины произошедшего заключаются в снижении на 30% численности тюремного персонала и в жесткой политике правительства².

Вместе с тем сотрудник из университета Дерби Марк Петтигрю указывает на отсутствие определенного взаимопонимания между сложившейся практикой Европейского Суда по правам человека и положениями английского уголовного законодательства, что приняло наиболее острую форму в деле «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (Vinter and Others v. United Kingdom³). В этом деле трое заключенных (Дуглас Винтер, Джереми Бэмбер, и Питер Мур), отбыва-

---

¹ Report to the Government of the United Kingdom on the visit to Gibraltar carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 17 November 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/gbr/2015-40-inf-eng.pdf>.

² Theguardian. Prison staff shortages approaching tipping point, says top governor. URL: <http://www.theguardian.com/society/2014/oct/14/prison-staff-shortages-governor>.

³ European Court of Human Rights. CASE OF VINTER AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122664>.

ющие пожизненное тюремное заключение за убийство полицейского, в силу отсутствия соответствующих реабилитационных мероприятий отстаивали факт бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращение, что, якобы, нарушает ст. 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года¹. Однако пожизненное наказание по английскому законодательству не предполагает обязательное проведение специальных мероприятий по подготовке осужденного к досрочному освобождению, поскольку такая возможность далеко не всегда может быть реализована².

В отчетах Главного тюремного инспектора Шотландии на фоне высокой положительной оценки условий содержания в исправительных учреждениях и обращения с осужденными всегда указываются отдельные замечания в основном рекомендательного характера. Например, в отчете за 2013-2014 годы рекомендуется размещать разнообразную информацию для заключенных не только на английском языке, поскольку в исправительных учреждениях отбывают наказания не только шотландские подданные, расширить помещения для сушки одежды осужденных³.

В Северной Ирландии наблюдается проблема нарастающей переполненности исправительных учреждений. По мнению Михаила Велча данная проблема была отчасти связана в 1960-1990 годах со значительным ростом политических заключенных, а в последствии «мемориализацией» ряда тюрем, сделавшихся местом паломничества туристов и всех интересующихся историей мест заключения⁴. Так, в официальном отчете Комитета по вопросам правосудия Северной Ирландии от 22 октября 2014 года отмечается тенденция уплотнения тюремного населения, злоупотреблений психотропными веществ, значительного количества осужденных (около 1 тыс.), имеющих расстройство личности либо иные пробле-

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

² Pettigrew M. Whole of Life Tariffs in the Shadow of Europe: Penological Foundations and Political Popularity // *The Howard Journal*. July 2015. V. 54. No 3. P. 293-296.

³ Scottish Government. HM Chief Inspector of Prisons for Scotland Annual Report 2013-2014. URL: <http://www.gov.scot/Resource/0045/00454059.pdf>.

⁴ Welch M. Political imprisonment and the sanctity of death: performing heritage in «Troubled» Ireland // *International Journal of Heritage Studies*. 2016. Vol. 22. No. 9. P. 665-666, 674-676. Также см.: Barton A., Brown A. Show me the prison! The development of prison tourism in the UK // *Crime Media Culture*. 2015. Vol. 11 (3). P. 237-258.

мы со здоровьем в связи с неправильным употреблением медицинских препаратов. Имеют место случаи самоповреждения и суицидов¹. Как отечественными², так и зарубежными³ исследователями отмечается проблема снижения уровня медицинского обслуживания и роста самоубийств осужденных, вызванная начиная с 2005 года в том числе постепенным общим средним увеличением продолжительности сроков тюремного заключения, применительно ко всем странам Великобритании. При этом сотрудник Королевского университета в Белфасте Фил Скра-тон отмечает, что в последнее время в Великобритании можно наблюдать «экспансию» осужденных женщин в тюрьмы, плохие условия содержания в которых «скрыты под внешним лоском, программными заявлениями, глянцевыми брошюрами и виртуальными интернет-турами»⁴.

В отчете СРТ по результатам посещения с 16 по 26 сентября 2014 года Ирландии указывается на чрезмерное и частое использование заместительной наркотерапии, высокий уровень насилия среди заключенных, которое повлекло в 2014 году два летальных исхода, слабая развитость систем здравоохранения и лечения осужденных, страдающих психическими заболеваниями, особенно в тюрьмах Мидленс (Midlands Prison) и Лимерик (Limerick Prison), отсутствие в некоторых камерах отдельных исправительных учреждений санитарных удобств (туалетов)⁵. В Ирландском Фонде реформирования пенитенциарной системы (IPRT) отметили, что это серьезные и справедливые нарекания со стороны СРТ относительно функционирования пенитенциарных учреждений и необходимо «без промедления» приступить к их устранению⁶. Более того, в п. 135.122 Доклада рабочей

¹ Northern Ireland Assembly. Official Report (Hansard). Committee for Justice. URL: <http://www.niassembly.gov.uk/assembly-business/official-report/committee-minutes-of-evidence/session-2014-2015/october-2014/prison-service-reform-and-management-of-drugs-misuse-northern-ireland-prison-service/>.

² Игумнова О.В. Современные тенденции в развитии пенитенциарных систем англоамериканских стран (по материалам американских, британских, канадских, австралийских и ирландских СМИ) // Вестник Кузбасского института. 2014. № 3 (20). С. 40-41.

³ Aebi M.F., Linde A., Delgrande N. Is There a Relationship Between Imprisonment and Crime in Western Europe? // European Journal on Criminal Policy and Research. 2015. Т. 22. P. 427-443.

⁴ Scraton P. Bearing Witness to the 'Pain of Others': Researching Power, Violence and Resistance in a Women's Prison // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. 2016. № 5 (1). P. 16.

⁵ Report to the Government Ireland on the visit to Ireland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 16 to 26 September 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/irl/2015-38-inf-eng.pdf>.

⁶ Irish Penal Reform Trust (IPRT). Why Penal Reform? URL: <http://www.iprt.ie/why-penal-reform>.

группы по универсальному периодическому обзору (рабочая группа утверждена в соответствии с резолюцией 5/1 Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН от 18 июня 2007 года) Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленного в 2016 году в отношении Ирландии, указывается на необходимость «улучшить условия содержания в тюрьмах, в частности устранить их переполненность; беспристрастно расследовать все случаи применения тюремным персоналом пыток и жестокого обращения и предавать виновных суду». В п. 116 представители самой Ирландией отмечают, что «условия содержания в тюрьмах были существенно улучшены, а практика «выносных ведер» в тюремных камерах близится к прекращению»¹.

Таким образом, для англо-ирландского типа характерны особенности, вызванные в первую очередь её охватом правовой системой Общего права, упадком устоявшихся либеральных подходов к преступлению и пенального прагматизма. Для рассматриваемого типа свойственна смешанная подведомственность пенитенциарных органов управления, значительный удельный вес тюрем среди исправительных учреждений, существенное проявление элементов прогрессивной системы исполнения наказания, разноплановое и активное применение средств исправления заключенных и индивидуальных исправительных программ, а также мер ресоциализации осужденных, относительно широкое использование института государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере. Однако, при обладании глубокими историческими традициями и выступая образцами для мировой практики обращения с осужденными, исправительные учреждения англо-ирландского типа европейских пенитенциарных систем имеют замечания и рекомендации относительно их функционирования со стороны контролирующих органов Совета Европы и иных правозащитных организаций.

---

¹ Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Ирландия, 18 июля 2016, A/HRC/33/17. URL: <http://www.refworld.org/docid/57cd6c8d4.html>.

§ 2. Восточно-европейский тип пенитенциарных систем

Восточно-европейский тип пенитенциарной системы (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Греция, Косово, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия) характеризуется поиском сбалансированного подхода к решению дилеммы между обеспечением общественной безопасности и соблюдением доктрины прав человека, а также общим отставанием условий отбывания тюремного заключения (которое в большинстве государств назначается вплоть до пожизненного) от европейских пенитенциарных стандартов и правил. Государства, охватываемые данным типом пенитенциарных систем, традиционно имели достаточно высокий уровень внедрения в общество идей эгалитаризма и социального обеспечения, а также концепции всеобщего благосостояния социалистического типа с незначительным классовым различием.

Органы управления пенитенциарными учреждениями в государствах восточно-европейского типа подведомственны соответствующим Министерствам юстиции (за исключением Венгрии).

В ведении Генерального управления тюрем Албании находится 2 учреждения исполнения уголовных наказаний высокой безопасности, 2 – общей безопасности, 2 – смешанной, 1 – с секцией для несовершеннолетних и секцией для людей, которые считаются сотрудничающими с правосудием согласно Закона 15 марта 2004 года № 9205 «О защите свидетелей и сотрудничающих с правосудием», 2 учреждения выполнения штрафных решений, две тюрьмы для лиц в возрасте от 14 до 18 лет, тюремная больница, тюрьма для содержания престарелых и лиц с психическими отклонениями, 9 тюрем для содержания под стражей (некоторые из которых также выполняют функцию исполнения наказаний)¹. Причем значительный удельный вес содержащихся под стражей (около 40 % от общего тюремного населения страны) вызван активно реализуемой с 2010 года государством политикой «нулевой терпимости» («zero tolerance») к фактам совершения

---

¹ Главное управление тюрем Албании. URL: <http://www.dpbsh.gov.al>.

преступлений, что обуславливает высокую частоту предварительного заключения¹.

Центральному управлению тюрем Болгарии подчинено 42 следственных изолятора и 13 тюрем. Отделы по исполнению уголовных наказаний Боснии и Герцеговины осуществляют управление 8 исправительными учреждениями (включая одну следственную тюрьму) в Федерации Боснии и Герцеговины и 6 (включая одну следственную тюрьму) – в Республике Сербской². Венгерская тюремная служба подведомственна Министерству внутренних дел и осуществляет руководство 31 тюрьмами (в том числе 3 для несовершеннолетних), четырьмя следственными изоляторами, 2 тюремными больницами³. Генеральная дирекция пенитенциарных дел Греции находится в ведении Министерства юстиции, доступности правосудия и прав человека и руководит работой Генеральной дирекцией пенитенциарных дел, которой подчинено 35 учреждений, включая 3 закрытых тюрьмы, 4 сельскохозяйственных тюрьмы, 3 тюрьмы для несовершеннолетних и столько же лечебных учреждений, 22 центра содержания задержанных⁴.

Косовская исправительная служба осуществляет контроль за функционированием исправительных (коррекционных) центров высокого уровня безопасности, для содержания несовершеннолетних (формально включает исправительное образовательное учреждение), для содержания осужденных к непродолжительным срокам наказания (до 2-х лет) низкой степени безопасности, 6 центров содержания под стражей (предназначены также для отбывания лишения свободы, назначенного на срок до 3-х месяцев), одной тюрьмы высшей степени безопасности, тюремного госпиталя и Центра свидетельской защиты⁵.

Управление по исполнению наказаний Македонии организует работу 7 тюрем полуоткрытого типа (четыре из которых также выполняют функции след-

¹ Report to the Albanian Government on the visit to Albania carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 4 to 14 February 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/alb/2016-06-inf-eng.pdf>.

² Отдел по исполнению уголовных наказаний Боснии и Герцеговины. URL: <http://www.fmp.gov.ba>.

³ Венгерская тюремная служба. URL: <http://www.bvop.hu>.

⁴ Министерство юстиции, доступности правосудия и прав человека Греции. Пенитенциарная система. URL: <http://www.ministryofjustice.gr/site/en/PenitentiarybrSystem/PreventionandControlofCrime.aspx>

⁵ Косовская исправительная служба. URL: <http://www.md-ks.net/>.

ственного изолятора), по два – открытого и закрытого типов, две воспитательных колонии для несовершеннолетних преступников¹. Центральный совет Тюремной службы Польши руководит функционированием 70 учреждениями предварительного заключения, 87 тюрем открытого, полуоткрытого и закрытого типов, 14 больниц для осужденных. Национальной администрации пенитенциарных учреждений Румынии подчинено 45 исправительных заведений, включая тюрьмы максимальной безопасности, закрытого режима, полуоткрытого режима, открытого режима и специальные пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних преступников и осужденных женщин, а также тюремные больницы². В Сербии Управление по исполнению уголовных наказаний осуществляет руководство работой центральной тюремной больницы, 27 исправительных учреждений, подразделяющихся на три основных типа: закрытые, полуоткрытые (включая исправительную колонию для несовершеннолетних) и открытые³.

Администрации тюремной и судебной службы Словакии подчинено 6 следственных изоляторов, 11 исправительных учреждений (четыре из которых также выполняют функции содержания под стражей), включая одно для несовершеннолетних, и одна тюрьма-госпиталь⁴. Тюремной администрации Словении – 6 тюрем и один исправительный дом для несовершеннолетних⁵, Хорватии – 23, включая 8 исправительных колоний закрытого, полуоткрытого и открытого типов, включая тюремный госпиталь, 13 тюрем, в которых содержатся арестованные и лица, осужденные на срок менее 6 месяцев лишения свободы, 2 воспитательных колонии⁶.

---

¹ Управление по исполнению наказаний Македонии. Компетенция. URL: http://www.pravda.gov.mk/organizacija_detail3.asp?lang=mak&id=5.

² Управление пенитенциарных учреждений Румынии. Категории исправительных учреждений. URL: <http://www.anp.gov.ro/en/web/anp/acasa>.

³ Управление по исполнению уголовных наказаний Сербии. Учреждения исполнения уголовных наказаний. URL: <http://www.uiks.mpravde.gov.rs/cr/articles/ustanove-za-izvršenje-krivičnih-sankcija/>.

⁴ Пенитенциарная система Словакии. URL: <http://platformarb.com/penitenciarna-slovaquia/>.

⁵ Министерство Правосудия Республики Словения. Тюремная администрация. Органы приведения в исполнение приговоров. URL: http://www.mp.gov.si/si/o_ministrstvu/ursiks_organ_v_sestavu/izvrsevanje_kazenskih_sankcij/.

⁶ Министерство правосудия Хорватии. Тюремная администрация. URL: <https://pravosudje.gov.hr/zatvorski-sustav/6150>.

Государственное управление по исполнению уголовных наказаний Черногории охватывает работу двух тюрем для осужденных к непродолжительным срокам отбывания наказания (как правило не свыше 6 месяцев), одной тюрьмы для осужденных к длительным срокам отбывания наказания (имеет несколько секции различной степени безопасности), одного следственного изолятора, реабилитационного центра заключенных и Центра образования¹. Тюремной службе Чешской Республики подчинено 35 учреждений, включая 24 тюрьмы (общего, строгого и особого режимов с подразделением условий содержания заключенных в каждой на три уровня безопасности), 9 следственных тюрем, 2 исправительных колоний².

Правовой основой исполнения уголовных наказаний в пенитенциарных учреждениях Албании выступают Конституция 1998 года, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, законы «Об исполнении приговоров по уголовным делам», «О правах заключенных и обращении с ними», вступившие в силу в 1998 году, «О правах и лечения лиц, осужденных к лишению свободы и в следственных изоляторах», Общие правила тюрем, действующие с 2009 года³.

Среди основных правовых актов, регламентирующих сферу исполнения пенальных наказаний в Болгарии, следует отметить Конституцию 1991 года, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, Закон об исполнении наказаний и содержании под стражей, Закон против правонарушений несовершеннолетних, постановление № 2 от 22 марта 2010 года «О правилах и условиях оказания медицинской помощи в местах лишения свободы», приказ Министра юстиции № L-6399 от 26 июля 2010 года. В Боснии и Герцеговине – Конституция 1995 года, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы (имеются как общие для всей страны, так и самостоятельные Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской), Закон Боснии и Герцеговины «Об исполнении уголовных наказаний, содержания под стражей и других мерах, которые регулируют основ-

---

¹ Государственное управление по исполнению уголовных наказаний Черногории. URL: <http://www.ziks.me/>.

² Тюремная служба Чешской Республики. Организация и структура. URL: <http://www.vscr.cz/generalni-reditelstvi-19/o-nas/organizacni-struktura-2>

³ Министерство юстиции Албании. Правовые документы. URL: <http://www.drejtesia.gov.al/al/program/shteti-i-se-drejt-es-dhe-demokratizimi-I-shoqerise&usg=ALkJrhvxCs4Y0oHaMpy1hkdSGXecPhKSA>.

ные и наиболее важные права человека», законы «Об исполнении уголовных наказаний» Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, а также Правила подачи петиций, жалоб и других заявлений задержанных и заключенных в учреждениях содержания под стражей, для исполнения уголовных наказаний и других мер в Боснии и Герцеговине от 28 июня 2005 года. В Венгрии – Конституция 2011 года, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, законы «О тюремной организации» 1995 года и «О наказании и его реализации» 2013 года. Греческая система исполнения пенитенциарных наказаний базируется на общих положениях Конституции 1975 года, нормах Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, а также Уголовно-исполнительного кодекса и Закона о тюрьмах 1999 года.

В Косово – Конституция Республики Косово, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Косово, законы «Об исполнении уголовных наказаний», «Об ювенальной юстиции», Правила внутреннего распорядка и проживания в исправительных центрах. В Македонии – Конституция, Закон об исполнении наказаний от 9 января 2006 года, а также Правила для заключенных, содержащихся в исправительных учреждениях 2012 года. В основе исполнения уголовных наказаний в Польше лежат нормы Конституции 1997 года, Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов 1997 года, Закон от 9 апреля 2010 года «О пенитенциарной службе». В Румынии – нормы Конституции 1991 года, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, Закона от 19 июля 2013 года № 254 «Об исполнении приговоров и мер, связанных с лишением свободы судебными органами уголовного судопроизводства», Закона от 4 июля 2006 года № 275 «Об исполнении наказаний и мер, предписанных судом в ходе уголовного разбирательства».

В Сербии основными правовыми актами об исполнении уголовных наказаний в исправительных учреждениях выступают основанные на положениях Конституции 2006 года нормы Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, законов об исполнении уголовных наказаний и об исполнении наказаний в тюрьме,

назначенных за организованные преступления, а также закона об уголовных процедурах Сербии, принятого в 2001 году.

В Словакии – Конституция Словацкой Республики, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, Закон «Об исполнении уголовных наказаний, содержания под стражей и других мер, относительно основных и наиболее важных прав человека», Правила подачи петиций, жалоб и других заявлений задержанных и заключенных в учреждениях для исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей и других мер № 42/05 от 28 июня 2005 года, Правила исправительных учреждений Словацкой Республики. Для Словении – это Конституция Словении, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, Закон «О применении тюремных санкций» 2000 года. В Хорватии – Конституция, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, законы «Об исполнении наказаний в виде тюремного заключения» от 26 ноября 1999 года и «Об исполнении наказаний, наложенных на несовершеннолетних за уголовные преступления и правонарушения» от 28 ноября 2012 года.

В Черногории – Конституция, Уголовный кодекс, законы «Об уголовном процессе» и «Об исполнении уголовных наказаний». Особенностью выступает использование не кодифицированных правовых актов, которые достаточно подробно регламентируют порядок исполнения уголовных наказаний. Например, Закон Черногории «Об исполнении уголовных наказаний» регулирует не только исполнение уголовных наказаний, права и законные интересы осужденных, порядок их условно-досрочного освобождения, но и порядок привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних преступников¹. В Чешской Республике – Конституция 1993 года, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, законы «О тюремной службе и судебной охране Чешской Республики» от 17 ноября 1992 года, «О тюремном заключении» от 30 июня 1999 года и «О ювенальной юстиции» от 25 июня 2003 года.

---

¹ Закон Черногории «Об исполнении уголовных наказаний». URL: <http://www.hrraction.org/wp-content/uploads/Zakon-o-izvršenju-krivicnih-sankcija.pdf>.

Восточно-европейский тип обладает достаточно высоким коэффициентом заключенных (139,4), незначительным превышением нормативно предусмотренной наполняемости исправительных учреждений (105,7 %). Необходимо отметить равно высокий коэффициент заключенных в преобладающем числе национальных пенитенциарных систем данного типа. При этом невысокий коэффициент заключенных в Боснии и Герцеговине (80), Косово (93), Сербии (75), Словении (74) наблюдается при крайне отрицательной динамике роста «тюремного населения» в национальных пенитенциарных системах этих стран. Так, в Боснии и Герцеговине в 1994 году коэффициент заключенных находился на отметке 27, в 2000 году – на отметке 45, в 2003 году – 59, в 2009 году – 70 и в 2013 году – уже 80. В Косово в 2002 году рассматриваемый показатель равнялся 49, в 2005 году – 58, в 2009 году – 61 и в 2013 году уже 93 лиц, отбывающих тюремное заключение. В Сербии в 2001 году данный показатель равнялся 65, в 2003 году – 64, в 2009 году – 69 и в 2013 году – уже 75. В Словении также складывается нелицеприятная ситуация: в 1992 году было зафиксировано 45 лиц, отбывающих тюремное заключение, на 100 тысяч населения данной страны, в 2001 году – 55, в 2007 году – 66 и в 2014 году – уже 74.

В основном данный тип отражает противоречивость идеологии и мировоззрения стран Восточной Европы, в которых наблюдается отсутствие целенаправленной государственной политики в области исполнения уголовных наказаний и слабая степень воздействия научных рекомендаций на пенитенциарную практику. Появление частных тюрем, например в Албании (как совместного с Англией пилотного проекта «Строительство частных тюрем»), Болгарии, Венгрии и Чехии обусловлено не эволюционными процессами развития исправительного законодательства этих стран, а «всецело связано с проблемами государственного финансирования пенитенциарных учреждений»¹. Достаточно активно обсуждается пер-

---

¹ Радченко Е.П. Международный опыт формирования и функционирования систем частных тюрем // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2013. № 2. С. 26; Также см.: Радченко Е.П. Социально-экономические предпосылки формирования государственно-частного партнерства в российской пенитенциарной системе // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. С. 110-112.

спектива частичной тюремной приватизации в Словении за счет государственно-частного партнерства в части содержания жилых помещений осужденных в открытых тюрьмах, обеспечения их питанием, оказания бытовых услуг¹.

Реализация таких проектов закономерно сопряжена с вопросами соблюдения прав осужденных. Так, в Венгрии эксперимент по использованию труда осужденных в так называемой «летней тюрьме» в местечке Надъжифа, где оплачиваемая работа (80 Евро в месяц) была сопряжена с выращиванием и сбором сельскохозяйственных культур на полях фермерского хозяйства, сдаваемого в аренду частным предприятиям, вызвал протест со стороны Хельсинского Комитета, а именно один из его руководителей Балаш Тот отметил: «Основная цель лишения свободы состоит не в том, чтобы извлекать прибыль за счет заключенных. Основная цель, как это и записано в законе, состоит в том, чтобы реинтегрировать людей в общество, а вовсе не использовать их как современных рабов»². Неудавшиеся попытки проектирования и строительства частных тюрем имели место и в Румынии. В частности, Национальная администрация пенитенциарных учреждений еще в 2011 году представила проект исправительного учреждения на 500 мест, согласно которому общие затраты на строительство не должны были превышать 100 000 евро. Здание планировалось построить в течение двух лет, но проект не был реализован³.

Для данного типа характерно минимальное количество иностранных осужденных (в среднем около 2 % от общей массы заключенных без учета Греции⁴, где удельный вес таких осужденных один из самых высоких среди европейских стран (63,2 %), либо 7,6 % с учетом Греции). При этом среди греческих исправительных учреждений отсутствует специализированные тюрьмы для иностранных заключенных и последние плохо информированы о возможности их передачи для даль-

---

¹ Flander B., Meško, G. Penal and Prison Policy on the “Sunny Side of the Alps”: The Swan Song of Slovenian Exceptionalism? // European Journal on Criminal Policy and Research. 2016. January. P. 19.

² Закония. В Венгрии заключенные отправляются на заработки в «летнюю тюрьму». URL: <http://www.zakonia.ru/news/72/80373>.

³ StirilePRO. Prima inchisoare privata din Romania va fi si una mobile. URL: <http://stirileprotv.ro/stiri/actualitate/prima-inchisoare-privata-din-romania-va-fi-si-una-mobila.html>.

⁴ Penal Reform International. URL: <http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2014/02/Information-Brochure-English.pdf>.

нейшего отбывания наказания к себе на родину, а механизм такой передачи достаточно плохо отлажен¹.

Можно отметить достаточно тесные контакты между тюремными ведомствами государств рассматриваемого пенитенциарного типа. В частности, распространены взаимные визиты руководителей и сотрудников соответствующих ведомств Словакии, Чехии, Венгрии, Польши², Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины³. Более того, в силу того обстоятельства, что некоторые страны относительно недавно приобрели государственный суверенитет, то и их тюремные учреждения и органы управления имеют много общих черт (например, Черногории, Косово, Сербии, Словакии, Словении, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии). Также имеет место практика «обмена заключенными». Так, в соответствии с Соглашением между Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) и Албанией об исполнении приговоров в этом государстве могут отбывать тюремное заключение граждане стран, ранее входящих в Югославию (Македонии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории). Более широкий круг государств (Австрия, Босния и Герцеговина, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Испания, Нидерланды, Литва, Латвия, Молдова, Германия, Россия, Румыния, Словакия, Швейцария, Швеция, Украина, Венгрия, Великобритания, Италия), между тюремными ведомствами которых налажено сотрудничество, включен в обязывающее соглашение о международном сотрудничестве Тюремной службы Польши⁴.

Большую роль в налаживании и координации сотрудничества имеет специализированная экспертная группа «Инновационные тюремные системы» (IPS), функционирующая с 2002 года по изучению исправительных процедур, программ

---

¹ Koulouris N.K., Aloskofis W. Prison conditions in Greece. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. URL: http://www.prisonobservatory.org/index.php?option=com_content&view=article&id=14&Itemid=118#FOREIGN_NATIONALS.

² Официальный сайт Администрации тюремной и судебной службы Словакии. Новости. URL: <http://www.zvjs.sk/index.php?news=1300>.

³ Министерство юстиции Черногории. URL: <http://www.pravda.gov.me/biblioteka/pravilnici?pagerIndex=1>.

⁴ Тюремная служба Польши. Европейские партнеры Тюремной службы. URL: <http://www.sw.gov.pl/pl/o-sluzbie-wieziennej/wspolpraca-miedzynarodowa>.

и IT-технологий, внедряемых в пенитенциарные учреждения преимущественно восточных европейских стран и Латинской Америки. Так, при координации IPS подготовлено соглашение о сотрудничестве между пенитенциарными ведомствами Румынии и Болгарии от 26 сентября 2014 года. Данные государства путем обмена передовым опытом обязаны участвовать в совместных мероприятиях по улучшению организации исполнения уголовных наказаний и функционирования исправительных учреждений¹.

Налажено сотрудничество по линии семейной пенитенциарной юстиции. В частности, при участии основанной в 2011 году неполитической и неправительственной организации «Европейская организация тюрем и исправительных учреждений» (EuroPris) 18-19 мая 2016 года в Загребе прошло первое совещание экспертов организации «Дети заключенных в Европе» (COPE)² по семейным отношениям, в котором приняло участие 11 экспертов из Чехии, Хорватии, Ирландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Австрии, Каталонии, Шотландии, Румынии и Словении³. В рамках таких проектов как «Национальная этика научных исследований» (NHREs) и «Этика отношений и поведения» (EABs) с участием данных стран (например, Румынии) проводятся общеевропейские исследования психического здоровья детей, родители которых отбывают наказание в виде тюремного заключения, и соответствующей роли администрации исправительных учреждений⁴.

Представители национальных пенитенциарных систем рассматриваемого типа принимают достаточно активное участие в работе Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (CDAP). Более того, 9-10 июня 2015 года в Бухаресте прошла 20-я Конференция, председателем которой являлся ди-

---

¹ Innovative prison systems. Prison Services from Romania and Bulgaria sign cooperation agreement. URL: <http://www.prisonssystems.eu/index.php/14-english/news/103-prison-services-from-romania-and-bulgaria-sign-cooperation-agreement>.

² Children of Prisoners Europe. URL: <http://childrenofprisoners.eu/>.

³ European Prison Services. URL: <http://www.europris.org/expert-groups/expert-groupsfamily-relations/>.

⁴ Gallagher B., Berman A.H., Bieganski J. et. al. National Human Research Ethics: A Preliminary Comparative Case Study of Germany, Great Britain, Romania, and Sweden // Ethics & Behavior. November 2015. P. 1-21.

ректор Национальной администрации пенитенциарных учреждений Румынии Клаудиу Бежан¹.

Весьма активно происходит сотрудничество с различными международными организациями в области оптимизации применения средств исправления осужденных. В частности, Генеральным управлением тюрем Албании при взаимодействии с такими организациями как «Спасите детей» и ЮНИСЕФ происходит реализация проекта «Поддержка несовершеннолетних из ювенального института Кавая» (Kavaja) по лечению несовершеннолетних преступников, применению программ реабилитации, реинтеграции в общество и предотвращению рецидива. В свою очередь Национальная администрация пенитенциарных учреждений Румынии в сотрудничестве с Национальным фольклорным музеем «Димитрия Густы» («Dimitrie Gusti») и при поддержке образованной в 1998 году Международной исправительной и тюремной ассоциации (ICPA) организовала в Бухаресте национальный фольклорный фестиваль заключенных, который состоялся 9 сентября 2016 года, Программа включала три секции: народная музыка, народные танцы и парад традиционных костюмов. Для населения самими осужденными были представлены традиционные румынские продукты и блюда, изготовленные ими в профессиональных мастерских². Хотя до сих пор можно обнаружить информацию об инертности и даже торможении такого сотрудничества. Например, сотрудники словенского университета в г. Марибор Горазд Мешко и Рок Хацин отмечают: «политики нового демократического режима в Словении уверены в своих знаниях о наказании и отказываются от сотрудничества с экспертами в разработке уголовной политики и законотворчества. В пенологических исследованиях в дополнение к положительному влиянию руководящих принципов международных организаций начали сказываться последствия ретрибутивной идеоло-

---

¹ Council of Europe. Conferences of Directors of Prison and Probation Services. 20th Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services. URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/PRISONS/Conference_20_files/CDPPS_Programme%20E%20Bucharest%2007.04.15.pdf.

² International Corrections and Prisons Association. Romanian National Folklore Festival for Prisoners – 2nd Edition. URL: <http://icpa.ca/romanian-national-folklore-festival-for-prisoners-2nd-edition/>.

гии»¹. Также исследователями отмечается назревшая потребность пересмотра уголовной политики, в первую очередь в части снижения продолжительного лишения свободы, увеличения тюремных площадей и условий содержания осужденных в словенских исправительных учреждениях².

Практически в каждом государстве осуществляется взаимодействие с Хельсинкским Комитетом. Достаточно широко, в первую очередь в Польше, внедряются технологии исправительного воздействия на рецидивистов с применением мер криминальной социальной идентичности (MCSI)³. Причем исправительные учреждения, относящиеся к восточно-европейскому пенитенциарному типу, уже давно стали объектом различных экспериментов в части обращения с особыми категориями осужденных (например, известный эксперимент внедрения методов исправительного и педагогического воздействия на молодых преступников, совершивших преступления с сексуальными девиациями, проведенный в Польше в 1958-1959 годах⁴). Используемые методы обращения сопровождаются процессом гуманизации. Так, специалистами группы «Профессиональное обучение в тюрьме» (VIP) указывается, что вступивший в силу закон Румынии от 4 июля 2006 года № 275 имеет цель гарантировать современное развитие исправительных учреждений страны в соответствии с Европейскими рекомендациями. Таким образом, с 2006 года пенитенциарная система Румынии выполняет те же требования, которые установлены перед другими европейскими странами⁵.

В унисон процессам гуманизации условий содержания осужденных в исправительных учреждениях во многих наблюдается тенденция снижения сроков лишения свободы и отказа от пожизненного тюремного заключения. Например, в

---

¹ Мешко Г., Хацин Р. Очерки истории пенологии и уголовно-правовых исследований в Словении // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 3. С. 43.

² Meško G., Fields C., Smole T. A Concise Overview of Penology and Penal Practice in Slovenia: The Unchanged Capacity, New Standards, and Prison Overcrowding // The Prison Journal. 2011. V 91. No 4. P. 398-424.

³ Boduszek D., Adamson G., Shevlin M., Hyland P. Development and validation of a Measure of Criminal Social Identity within a sample of Polish recidivistic prisoners // Criminal Behaviour and Mental Health. 2012. Vol. 22. P. 315-324.

⁴ Lasocik. Z. Polish prison experiment in Szczypiorno // International Review of Law, Computers & Technology. V. 25. No. 1-2. March–July 2011. P. 61–67.

⁵ Vocational training In Prison. The National Administration of the Penitentiary in Romania. URL. <http://vip-project.tk/sites/default/files/vip/Romania%20prison%20systems.pdf>.

Хорватии, согласно ч. 2 ст. 46 и, ч. 3 ст. 51 Уголовного закона 1991 года, вместо пожизненного наказания применяется длительное тюремное заключение на срок 50 лет при условии если суммарный срок назначенных за отдельные преступления наказаний в виде тюремного заключения превышает 50 лет. Хотя исследователи и такую регламентацию длительности тюремного заключения называют «обманной вывеской», поскольку «речь здесь по сути идёт о пожизненном тюремном заключении, ибо 50 лет в абсолютном большинстве случаев означает до конца жизни»¹.

В качестве общей тенденции можно отметить дефицит служащих исправительных учреждений, их постоянная ротация и не всегда соответствующий уровень профессиональной подготовки. Например, в Словакии на одного сотрудника в соответствии с принятыми правилами в среднем должно приходиться 1,5 заключенных, тогда как в настоящее время это соотношение равно 2,4².

Наблюдается практика расширения применяемых средств исправления осужденных в части получения общего образования и профессионального обучения, а также возможности работать в период отбывания тюремного заключения, что прямо закрепляется в законодательстве. В частности, ч. 1 ст. 108 Уголовного кодекса Боснии и Герцеговины закрепляет право каждого осужденного к лишению свободы работать. Причем в ч. 2 данной статьи указывается, что «если осужденный выражает просьбу или соглашается с предложением работать, то ему должна быть предоставлена такая работа», в ч. 3 – «работа осужденных должна быть полезной для них, соответствовать современным способам выполнения такой работы на свободе, а также профессиональным и иным способностям осужденных»³. Вместе с тем применение такого средства исправления как общественно полезный и (или) оплачиваемый труд вызывает трудности практически во всех пенитенциарных системах рассматриваемого типа, что вызвано, с одной стороны, повышением требований к его технологичности и, соответственно, дороговизне

---

¹ Маршавелски А. Реформа Общей части и системы санкций в Новом Уголовном законе Хорватии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 1. С. 270.

² Администрация тюремной и судебной службы Словакии. Статистика. URL: http://www.zvjs.sk/index.php?po%E8ty_obvinen%FDch_a_ods%FAden%FDch.

³ Legislationline. Criminal Code of Bosnia and Herzegovina (2003, amended 2015) (English version). URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/40>.

использования в рамках исправительного учреждения, с другой – многие страны экономически ориентированы на аграрную и туристическую сферы, которые сложно связать с режимными особенностями тюрем. Кроме того, не во всех уголовных кодексах стран рассматриваемых пенитенциарных систем акцентируется внимание на исправлении осужденных. Например, в ст. 79 Уголовного кодекса Венгрии цель наказания сформулирована как «предупреждение в интересах защиты общества совершения преступником или любым другим лицом преступного деяния»¹. Обращает внимание мнение представителя польского тюремного ведомства Я. Помианкевича, опубликованное на официальном сайте Международного уголовного и пенитенциарного фонда (IPPF), о положительной работе исправительных учреждений Польши в области гериатрии при обращении с престарелыми осужденными, не имеющими права на условно-досрочное освобождение, но получающими в рамках применения индивидуальных исправительных программ необходимую медицинскую помощь². Также активно применяются культурные и образовательные исправительные программы. Так, в польских тюрьмах с 1981 года реализуются инновационные программы реабилитации осужденных «образование через культуру и искусство». Данные программы предназначены для повышения уровня грамотности осужденных и приобщения к чтению, для чего широко используются библиотечные фонды, мотивации их творческого потенциала, и даже развития таланта в музыке, изобразительном, литературном и театральном искусстве³.

Обращают на себя внимание особенности исполнения уголовных наказаний. В частности, Уголовный кодекс Республики Словения 2008 года регламентирует право осужденных не только на условно-досрочное освобождение, но и условное освобождение на определенное время (прерывание срока исполнения приговора).

---

¹ Legislationline. Criminal Code of the Republic of Hungary (2012) (English version). URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/25>.

² International Penal and Penitentiary Foundation. Publications. Jacek Pomiankiewicz. Prisoners doing life sentences in Polish prisons. URL: <http://www.internationalpenalandpenitentiaryfoundation.org/Site/documents/popowo/21.%20Popowo%20-%20Jacek%20Pomiankiewicz.pdf>.

³ Zybert E.B. Prison Libraries in Poland: Partners in Rehabilitation, Culture, and Education // Library Trends. 2011. V. 59. No 3. P. 409-426.

Так, отбывание тюремного заключения с разрешения начальника исправительного учреждения может прерваться на период до трех месяцев по причине болезни или смерти члена семьи, выполнения срочных сельскохозяйственных или сезонных работ, необходимости окончания учебного заведения (сдачи экзаменов), заботы за своими детьми, оказавшихся в сложной жизненной ситуации либо на более продолжительный срок для прохождения лечения. При этом период прерывания засчитывается в срок отбывания наказания¹. Однако, ученые Люблянского университета указывают, что «недостаток в словенской системе условно-досрочного освобождения состоит в отсутствии процедурных правил для работы комиссий по условно-досрочному освобождению... необходимо совершенствование процедурных гарантий, особенно введение безоговорочного права на подачу осужденным жалобы, что является одним из наиболее важных будущих задач для совершенствования словенской системы условно-досрочного освобождения»².

Осуществляются попытки введения института восстановительного правосудия в пенитенциарную практику³. Например, в ч. 2 ст. 2 польского закона от 9 апреля 2010 года «О пенитенциарной службе» указано, что основная задача Тюремной службы Польши состоит в проведении пенитенциарной реабилитации для людей, приговоренных к лишению свободы⁴. Вместе с этим отечественными исследователями отмечается, что система «ресоциализационных воздействий в Польше по-прежнему недооценивается. Следует при этом обратить внимание на увеличивающийся масштаб преступлений, что вызывает и будет вызывать затруднения тюремной службы»⁵.

В целом для данного типа характерна тенденция постоянного поиска мер и форм снижения негативного воздействия тюремного заключения на осужденного

¹ European Justice. Rights of defendants in criminal proceedings – Slovenia. URL: https://e-justice.europa.eu/content_rights_of_defendants_in_criminal_proceedings_-169-si-en.do?member=1.

² Ambrožič M., Stubbs K.Š. Conditional Release (Parole) in Slovenia: Problems and Possible Solutions // The Prison Journal. 2011. V 91. No 4. P. 478, 481.

³ Gavrielides T. Reconciling the Notions of Restorative Justice and Imprisonment // The Prison Journal. 2014. V. 94. No. 4. P. 484-502.

⁴ Тюремная служба Польши. Закон о Тюремной службе. URL: <http://www.sw.gov.pl/Data/Files/kunickim/dopobrania/ustawa-z-dnia-9-kwietnia-2010---o-sluzbie-wieziennej---lj.pdf>

⁵ Боровский М. История развития пенитенциарной системы в Польше // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. II. С. 42.

и расширение практики применения индивидуальных программ отбывания осужденными лишения свободы, тренинговых психиатрических технологий. Причем эта тенденция во втором десятилетии XXI века уже не так характерна для пенитенциарных систем, не относящихся к восточно-европейскому типу. Например, в ст. 10 Закона Албании от 16 апреля 1998 года № 8328 «О правах заключенных и обращении с ними» указано, что индивидуальный подход к заключенному обеспечивает оценку его индивидуальных психологических, социальных, возрастных, половых потребностей, состояния здоровья, сексуальной ориентации или гендерной идентичности, среды обитания, факторов риска и степень участия в мероприятиях, проводимых сотрудниками исправительного учреждения. Исследователи состояния здоровья в албанских тюрьмах приходят к выводу о том, что в целях повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных, относящихся к «уязвимой подгруппе населения», им необходимо предоставлять более качественные медицинские услуги в первую очередь в сфере лечения алкоголизма, наркомании и сопряженных латентных заболеваний¹. Согласно ст. 14 Закона Румынии от 4 июля 2006 года № 275 «Об исполнении наказаний и мер, предписанных судом в ходе уголовного разбирательства» в каждой тюрьме создается комиссия по индивидуализации режима исполнения наказания в виде лишения свободы, состоящая из председателя, заместителя директора по безопасности и содержанию тюремного режима, тюремного врача, заведующего общественно-образовательной работой и советника службы защиты и социальной реинтеграции правонарушителей, сервис-менеджера, психолога и педагога, участвующих в программе социальной реинтеграции осужденного. В соответствии со ст. 27 указанного правового акта индивидуализация режима определяется в зависимости от поведения, личности, возраста, состояния здоровья и возможностей для социальной реинтеграции осужденного; во внимание принимаются критерии, направленные на организацию образовательной, культурной, терапевтической, психологической и социальной помощи, получение осужденным образования; для каждого

---

¹ Jaka D., Roshi E., Burazeri G. Prison health in transitional Albania // Medicinski arhiv. February 2014. V. 68. I. 3. P. 188-190.

осужденного составляется план оценки выполнения индивидуальной программы исправления¹. Как отмечает Европейский Комитет против пыток, рассмотрев второй периодический отчет Республики Сербия по реализации Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в принятых правительством Сербии в 2013 году Стратегии дальнейшего развития системы исполнения уголовных наказаний на 2013-2020 годы и в 2014 году Плана действий по её реализации предусмотрены меры как по модернизации тюремных зданий, так соответствующего законодательства, разработке мер лечения и профессиональной деятельности заключенных, усилению пенитенциарного ухода, обучению персонала, а также мониторингу пенитенциарной сферы². В свою очередь, согласно п. 1 ст. 69 Закона Хорватии от 26 ноября 1999 года № 01/1-081-99-1/2 «Об исполнении наказаний в виде тюремного заключения», индивидуальная программа отбывания наказания «состоит из комбинации педагогических, трудовых, досуговых, оздоровительных, психологических действий и мер безопасности, направленных на организацию тюремного заключения с учетом черт характера и потребностей заключенных, типом тюрьмы и возможных условий тюремного заключения»³.

Наблюдается активность в области особенностей обращения с отдельными категориями осужденных. Так, в Венгрии проводятся исследования отрицательных последствий использования осужденными вазелиновой самоинъекции для увеличения размера мужских половых органов. Условия тюремного заключения и использование подручных средств, при которых выполняются самими осужденными данные процедуры, зачастую приводят к тяжелым соматическим осложнениям и заболеваниям, о чем специалистами в целях их профилактики предлагает-

---

¹ Управление пенитенциарных учреждений Румынии. Законодательство. URL: <http://www.anp.gov.ro/legislatie>.

² Комитет против пыток. Рассмотрение второго периодического доклада Республики Сербия по осуществлению Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Женева, 29-30 апреля 2015. URL: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CAT/Shared%20Documents/SRB/INT_CAT_STA_SRB_20332_E.pdf.

³ VLADA REPUBLIKE HRVATCKE. Об исполнении наказаний в виде тюремного заключения. URL: <http://www.digured.hr/cadial/searchdoc.php?action=search&lang=hr&query=zatvor&searchText=on&searchTitle=on&resultdetails=basic&bid=COkeDZd2DQ7G9WVgOD4utg%3d%3d&annotate=on>.

ся информировать заключенных¹. Также в Венгрии после принятия в 2013 году нового Уголовного кодекса, который предусматривает больший объем прав и привилегий лиц, осужденных за сексуальные преступления, особое внимание обращается на реализацию средств обращения с данной категорией граждан². В Сербии предпринимаются усилия по оказанию высококвалифицированной психиатрической помощи осужденным в тюремных больницах путем сложения совместных усилий министерств юстиции и здравоохранения³.

Достаточно широко учитываются гендерные особенности осужденных. Например, в Словении одна из тюрем с 1975 года предназначена для обращения с лицами женского пола. Применяется социально-терапевтическая модель исправительного воздействия на осужденных женщин, включающая персонифицированный подход в педагогическом, психологическом, культурно-воспитательном и ином воздействии, обязательное консультирование заключенных данной категории на предмет нивелирования их социальной уязвимости и подготовки к освобождению. Допускается совместное проживание в открытых помещениях (в том числе за пределами тюрьмы) матерей с детьми по достижении ими двухлетнего возраста⁴.

При обращении с наркозависимыми осужденными достаточно широко (особенно в Польше, Словении, Хорватии, Чехии) применяется практика использования заместительной терапии. Причем, если в 90-х годах XX столетия применение такой терапии ограничивалось определенными целевыми группами (в частности, ВИЧ-инфицированными потребителями опиатов), то начиная, как правило, с 2004 года «аудитория» её назначения значительно расширилась. Однако специалистами отмечается «неоднородность и непоследовательность правил и методов такого лечения... которые варьируются от одной тюрьмы в другую, в пределах медицин-

---

¹ Rosecker A., Bordás N., Pajor L., Bajory Z. Hungarian «Jailhouse Rock»: Incidence and Morbidity of Vaseline Self-Injection of the Penis // *Journal of Sexual Medicine*. February 2013. V. 10. I. 2. P. 509-515.

² Parti K., Szabó J., Virág G. Sex offenders in Hungary: Law, treatment, and statistics // *Monatsschrift fur Kriminologie und Strafrechtsreform*. February 2014. V. 97. I. 1. P. 57-69.

³ Gojkovic D., Brooker C., Owen S. Prison Reform in Serbia // *International Journal of Mental Health*. 2010. V. 39. No. 3. P. 61-67.

⁴ Zorc-Maver D., Zrim-Martinjak N. Criminality of women in Slovenia // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. T. 18. P. 149-150.

ской бригады и даже от одного врача к другому»¹. Также специалистами отмечается, что наркозависимые осужденные (например, в Хорватии – это от 29 до 64 % заключенных, страдающих наркотической зависимостью, в Греции – от 43,3 % до 61,7 %, в Румынии – 88,9 %) имеют такие сложные заболевания при трансфузионно-ассоциированных инфекциях, вызванных в первую очередь инъекционным потреблением наркотиков, как гепатит С, цирроз печени, рак печени и других органов, при которых очень сложно совместить заместительную терапию с лечением отмеченных заболеваний².

В Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года по итогам визита в Албанию указывается, с одной стороны, на некоторое улучшение за последние два года условий содержания в тюрьмах, с другой – на все еще имеющиеся факты применения насилия к заключенным, плохую вентиляцию в некоторых старых исправительных учреждениях, отсутствие должной медицинской помощи осужденным, крайне стесненные условия в тюрьмах для содержания под стражей³. В унисон обозначенных проблем в годовом отчете по Албании за 2015 год благотворительной организации «Германский фонд международного правового сотрудничества (IRZ)» отмечается, что в рамках проекта «Укрепление системы правосудия в Албании» (EURALIUS IV) (грант ЕС) необходимо особое внимание обратить на вопросы защиты прав человека в этой стране⁴. Данный проект одной из своих задач ставит повышение функционирования системы уголовного правосудия Албании до уровня европейских стандартов⁵.

Практически во всех отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обраще-

¹ Stöver H., Casselman J., Hennebel L. Substitution treatment in European prisons: A study of policies and practices in 18 European countries // *International Journal of Prisoner Health*. 2006. V. 2. I. 1. P. 3.

² Vilbic-Cavlek T., Kucinar J., Kaic B. et. al. Epidemiology of hepatitis C in Croatia in the European context // *World Journal Gastroenterology*. 2015. V. 21. I. 32. P. 9477, 9481. Также см.: Bailey H., Turkova A., Thorne C. Syphilis, hepatitis C and HIV in Eastern Europe // *Current Opinion in Infectious Diseases*. 2017. V. 30. I. 1. P. 94-98.

³ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Албания (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Albania). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220457.pdf>.

⁴ Internationale Rechtliche Zusammenarbeit e.v. (IRZ). Albania – annual report 2015. URL: <http://www.irz.de/en/albania/18-albanien-laenderbericht/855-albania-annual-report-2015>.

⁵ EURALIUS IV. Consolidation of the Justice System in Albania. URL: <http://euralius.eu/en/about-us/what-we-do>.

ния или наказания (СРТ), посетивших с визитом данные государства, отмечается необходимость улучшения бытовых условий содержания осужденных.

По результатам посещения СРТ с 13 по 20 февраля 2015 года Болгарии в отчете отмечается отсутствие за 20 лет существенных сдвигов в улучшении тюремных условий и организации управления исправительными учреждениями. Делегация приняла значительное количество жалоб о преднамеренной физической жестокости по отношению к заключенным (в виде нанесения ударов руками и в некоторых случаях дубинкой)¹. В Публичном заявлении СРТ в отношении Болгарии, подготовленном 26 марта 2015 года, указывается на признание болгарскими властями наличие коррупции, которая остаётся проблемой в тюремной системе страны, широко распространенная антисанитария и переполненность исправительных учреждений (в частности, в тюрьме Бургаса и Софийской тюрьме у подавляющего большинства заключённых меньше 2 м² жилой площади на человека)². В связи с этим нельзя не обратить внимания на проведение серьезных научных работ по изучению синдрома профессионального выгорания сотрудников исправительных учреждений Болгарии. В частности, как резюмируется в специально выполненном исследовании данным синдромом охвачено 74,53 % сотрудников окружной тюрьмы Пловдива, что вызвано высоким напряжением в работе и нервным истощением³.

Независимая неправительственная организация по защите прав человека «Болгарский Хельсинский Комитет» также отмечает, что «пенитенциарные учреждения в Болгарии в значительной степени устарели, переполнены и находятся в антисанитарном состоянии, имеют существенные недостатки в обеспечении безопасности и медицинской помощи осужденным. Большинство существующих тюрем и центров содержания под стражей размещаются в старых зданиях, пла-

---

¹ Report to the Bulgarian Government on the visit to Bulgaria carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 20 February 2015. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bgr/2015-36-inf-eng.pdf>.

² European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT). Public statement concerning Bulgaria. CPT/Inf (2015) 17. Strasbourg, 26 March 2015. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bgr/2015-17-inf-eng.pdf>.

³ Harizanova S.N., Tarnovska T.H. Professional burnout syndrome among correctional facility officers // Folia Med (Plovdiv). 2013. V. 55. I. 2. P. 75-77.

чевное состояние которых, несмотря на попытки обновления, приводит к их несоответствию международным стандартам обращения с заключенными. Тюрьмы изолированы от национальной системы здравоохранения с точки зрения поддержания в них соответствующих стандартов, а именно предоставления медицинских осмотров, ведения статистики, осуществления профилактики заболеваний и оказания профилактической помощи. Большинство медицинских центров в тюрьмах не отвечают требованиям Закона «О медицинских учреждениях». Распространена практика злоупотребления героином»¹.

Отчет делегации СРТ по итогам посещения Боснии и Герцеговины в период с 29 сентября по 9 октября 2015 года содержит информацию о жестоком обращении с заключенными, выражающемся в пощечинах, ударах руками, ногами и даже дубинками, недостаточно хороших бытовых и стесненных (до четырех человек в камерах на 8 м²) условиях, плохой медико-санитарной помощи осужденным (в том числе факты содержания под стражей в обычных помещениях лиц с хроническими психическими заболеваниями) в некоторых исправительных учреждениях. В тюрьмах с высоким уровнем безопасности (в частности, в тюрьмах Баня-Луки и Зеницы) чрезмерно военизированный подход администрации к поддержанию дисциплины (например, сокращение времени прогулки на свежем воздухе до 30 минут в сутки) отрицательно сказывается на применении средств исправления осужденных, сохранении их психологического благополучия². Факты чрезвычайно слабой медицинской помощи и скрининга отмечаются такой международной неправительственной организацией как «Международная амнистия»³.

В отчете делегации СРТ по итогам посещения Венгрии в период с 3 по 12 апреля 2013 года имеется значительный объем замечаний по вопросам содержания заключенных: переполненность мест содержания (до 10 человек в камере на 27 м² и до трех – в камере на 8 м²), факты насилия среди заключенных и в отно-

---

¹ Bulgarian Helsinki Committee. Independent non-governmental organisation for the protection of human rights. URL: <http://www.bghelsinki.org/en/rights/prisons-and/>.

² Report to the Government of Bosnia and Herzegovina on the visit to Bosnia and Herzegovina carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 29 September to 9 October 2015. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bih/2016-17-inf-eng.pdf>.

³ Amnesty International. URL: <http://amnesty.org.ru/node/247/>.

шении их со стороны персонала, чрезмерное использование физических средств сдерживания телодвижений осужденных¹.

Посещение делегации СРТ Греции в период с 14 по 23 апреля 2015 года выявило проблемы насилия между заключенными (в частности, в мужской тюрьме Коридаллос (Korydallos Men's Prison)) и недостаточных мерах тюремной администрации по реагированию на данные факты, плохие бытовые условия (особенно в тюрьме Нафплио (Nafplio Prison)), невозможность предоставления работы всем желающим, отсутствие эффективной системы рассмотрения жалоб осужденных, нехватка персонала и медико-санитарной помощи. Так, ситуация в тюремном госпитале мужской тюрьмы Коридаллос в отчете сравнивается со «свалкой для больных заключенных»². При этом необходимо отметить, что наиболее частыми визитами представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания осуществляются именно в Грецию (14 – начиная с 1993 года и заканчивая посещением в 2016 году³), что объясняется постоянными нареканиями делегаций относительно условий функционирования греческой пенитенциарной системы. Не случайно Е. Хёрд отмечает сильную переполненность и плохие условия содержания осужденных в тюрьмах Греции⁴.

В Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года по итогам визита в Косово указывается, что условия содержания в тюрьмах и следственных изоляторах, как правило, ниже международных стандартов. Отмечаются факты насилия среди заключенных, проявления корруп-

---

¹ Report to the Hungarian Government on the visit to Hungary carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 3 to 12 April 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/hun/2014-13-inf-eng.pdf>.

² Report to the Greek Government on the visit to Greece carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 14 to 23 April 2015. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/grc/2016-04-inf-eng.pdf>.

³ Report to the Greek Government on the visits to Greece carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 18 April and 19 to 25 July 2016. URL: <https://www.coe.int/en/web/cpt/greece>.

⁴ Heard C. Alternatives to imprisonment in Europe. Centre for Crime and Justice Studies. URL: <https://www.crimeandjustice.org.uk/resources/alternatives-imprisonment-europe>.

ции и низкое качество медицинского обслуживания, плохое освещение и вентиляция в некоторых камерах, ветхость туалетных комнат¹.

На основе соглашения, подписанного в 2004 году между Советом Европы и Миссии Организации Объединенных Наций в Косово (МООНК), посещения СРТ данного государства с 15 по 22 апреля 2015 года было направлено на рассмотрение мер, направленных на устранение замечаний и рекомендаций, сделанных по итогам предыдущего визита с 8 по 15 июня 2010 года (совместно с Временной администрации Организации Объединенных Наций «Миссия в Косово»). Было обращено особое внимание на повышение качества условий содержания под стражей и в тюрьме высшей степени безопасности, а также лечения нуждающихся в этом осужденных².

Применительно к функционированию Косовской исправительной службы в научной литературе также отмечается недостаток мест для содержания подростков, которые осуждены к воспитательно-исправительным мерам, преступников с различными психо-физиологическими отклонениями³.

В Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года по итогам визита в Македонию отмечаются факты насилия в отношении заключенных со стороны персонала, отдельные случаи неприемлемых гигиенических условий содержания осужденных и переполненность исправительных учреждений⁴.

На жалобы о задержках в получении доступа к медицинской помощи и переполненность во всех тюрьмах Польши, которые посетила делегация СРТ в пе-

---

¹ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Косово (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Kosovo). URL: http://www.state.gov/libraries/kosovo/312585/pdf/hrr_kosovo_2013_serbian.pdf.

² Report to the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (UNMIK) on the visit to Kosovo carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 15 to 22 April 2015. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/kosovo/2015-04-28-eng.htm>.

³ Hoxha R. Establishment and development of Kosovo Correctional Service during 1999-2013 // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014. Vol 5. No 19. P. 508.

⁴ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Македония (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Macedonia). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220516.pdf>.

риод с 5 по 17 июня 2013 года, указывается в соответствующем отчете¹. По сведениям М. Макдональда, работа которого опубликована на официальном сайте Европейского института по предупреждению преступности и борьбе с ней, аффилированного с Организацией Объединенных Наций (HEUNI), в польских тюрьмах имеют факты незаконного оборота наркотиков, которые передаются осужденным также через персонал исправительных учреждений².

В Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года по итогам визита в Румынию отмечается две главные проблемы – не отвечающие международным пенитенциарным стандартам условия содержания в тюрьмах и плохое обращение с заключенными со стороны персонала исправительных учреждений, а также частые факты насилия между осужденными³. По данным основанной в 1978 году неполитической и неправительственной организации «Защита прав человека» пенитенциарная система Румынии уже давно имеет существенные недостатки: во первых, 75 % исправительных учреждений старше 75 лет и многие из них изначально не предназначались для содержания осужденных, что значительно осложняет использование тюрем согласно современным требованиям к организации применения средств исправления осужденных; во-вторых, в Румынии медицинские пункты в тюрьмах не отражают европейские стандарты, что отрицательно сказывается на состоянии здоровья заключенных, особенно женщин и несовершеннолетних⁴.

Посещение делегации СРТ Сербии в период с 26 мая по 5 июня 2015 года обнаружило факты насилия над заключенными (в частности, в тюрьмах Сремска

---

¹ Report to the Polish Government on the visit to Poland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 5 to 17 June 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/pol/2014-21-inf-eng.pdf>.

² The European Institute for Crime Prevention and Control, affiliated with the United Nations (HEUNI). Morag MacDonald. A Comparative Report of Health Care Provisions in Prisons in Poland, Hungary and the Czech Republic. URL: <http://www.heuni.fi/material/attachments/heuni/papers/6Ktkk96b1/HP19Painoon2.pdf>.

³ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Romania (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Romania). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220533.pdf>.

⁴ Human Rights Watch. Prison conditions in Romania. URL: <http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/ROMANIA926.PDF>. Также см.: Council of Europe anti-torture Committee visits Romania. A delegation of the Council of Europe's Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) carried out a periodic visit to Romania from 7 to 19 February 2018. URL: <https://www.coe.int/en/web/cpt/-/council-of-europe-anti-torture-committee-visits-romania>.

Митровице (Sremska Mitrovica), Ниш (Niš) и Паниево (Pančevo)). Жестокое обращение в основном состояло из пощечин, ударов руками и дубинками. При этом была выявлена практика чрезмерного применения силы в качестве средства усмирения неправомерного поведения осужденных. Медицинский персонал отмеченных исправительных учреждений указал на давление, оказываемое на них со стороны сотрудников службы безопасности с целью искажения причин получения заключенными травм. Не ведется реестр телесных повреждений и отсутствуют процедуры обеспечения точной и своевременной отчетности перед соответствующими органами о травмах и случаях жестокого обращения с заключенными¹.

Делегация СРТ по результатам посещения Словакии в период с 24 марта по 2 апреля 2009 года получила несколько утверждений о жестокое обращении и словесных оскорблениях заключенных персоналом в некоторых из посещенных учреждений и сделала вывод об отсутствии изменений в подходе к содержанию пожизненно заключенных (постоянное содержание взаперти и отсутствие возможности их постепенной интеграции в основной контингент заключенных). Также указывалось на неприемлемость режима содержания по 23 часа в сутки подследственных и осужденных, содержащихся в тюрьме Прешов. В тюрьме Нитра камеры находились в очень плохом состоянии и их размер был явно недостаточен для размещения заключенных (например, до шести заключенных в камере размером 11 м²)². Результаты посещения СРТ в период с 24 сентября по 3 октября 2013 года показывают, что многие ранее выявленные недостатки, а также проблемы, связанные с фактами применения насилия к осужденным, недостаточно хорошими бытовыми условиями содержания, остались нерешенными³.

На переполненность отдельных исправительных учреждений, недопустимые случаи совместного проживания несовершеннолетних и взрослых заключен-

---

¹ Report to the Government of Serbia on the visit to Serbia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 26 May to 5 June 2015. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/srb/2016-21-inf-eng.pdf>.

² Report to the Government of the Slovak Republic on the visit to the Slovak Republic carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 24 March to 2 April 2009. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/svk/2010-01-inf-eng.pdf>.

³ Report to the Government of the Slovak Republic on the visit to the Slovak Republic carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 24 September to 3 October 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/svk/2014-29-inf-eng.pdf>.

ных, скудность применяемых средств исправления осужденных и слабую организацию досуговых, культурно-оздоровительных, медико-санитарных, спортивных, образовательных мероприятий, недостаточные меры обеспечения безопасности осужденных, а также на сокрытие фактов применяемого насилия со стороны персонала исправительных учреждений в отношении заключенных указывается в отчетах, подготовленных делегацией СРТ по результатам посещения Словении в период с 31 января по 6 февраля 2012 года¹ и в период с 28 марта по 4 апреля 2017 года (рекомендации носили немного менее критический характер)².

Нарушение норм жилой площади, очень плохое соблюдение администрацией санитарно-гигиенических требований, невозможность обеспечения всех осужденных работой, жалобы о жестоком обращении с заключёнными (в частности, содержание в отдельных камерах непрерывно до 46 часов связанных по рукам и ногам кожаными ремнями и металлическими браслетами), отсутствие благоприятных условий для реализации программ подготовки осужденных к реинтеграции в общество, нехватка медицинского персонала зафиксировано в отчете делегации СРТ, подготовленном делегацией СРТ по результатам посещения Хорватии в период с 19 по 27 сентября 2012 года. В исправительных учреждениях Хорватии применяется заместительная (метадоновая) терапия лечения наркозависимых осужденных, но именно по содержанию и обращению с данной категорией заключенных у представителей СРТ имелись существенные претензии (например, при посещении государственной тюрьмы Глина (Glina)³.

Посещения СРТ Черногории также позволяют выявить ряд проблем обращения с осужденными. Так, результаты визита с 13 по 20 февраля 2013 года позволили выявить факты игнорирования права осужденных на получение информации о своем правовом положении перед началом отбывания наказания, преднаме-

---

¹ Report to the Slovenian Government on the visit to Slovenia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 31 January to 6 February 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/svn/2013-16-inf-eng.pdf>.

² Report to the Slovenian Government on the visit to Slovenia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 28 March to 4 April 2017. URL: <https://rm.coe.int/pdf/168074adf9>.

³ Report to the Croatian Government on the visit to Croatia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 19 to 27 September 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/hrv/2014-09-inf-eng.pdf>.

ренного жестокого физического обращения с лицами, отбывающими лишение свободы, высокий уровень переполненности в следственном изоляторе (до 28 человек на 58 кв.м), плохое санитарное состояние помещений, небольшой штат медицинских сотрудников и несоблюдение конфиденциальности медицинских записей. В тюрьме, расположенной в Подгорице и рассчитанной на 470 заключенных, фактически содержалось 729. Также были отмечены нарушения классификационных требований к размещению осужденных¹.

Правительство данных государств в своих официальных ответах на замечания и рекомендации СРТ зачастую соглашается со многими позициями и заверяет о выполнении всех необходимых мероприятий, направленных на устранение выявленных недостатков. Например, в своем ответе на посещение делегации СРТ в период с 1 по 10 апреля 2014 года² Правительство Чешской Республики указало, что меры, направленные на снижение переполненности исправительных учреждений, будут включены в Концепцию развития тюремной системы до 2025 года, будет усилен контроль за недопущением имеющихся фактов насилия как между осужденными, так и со стороны персонала в отношении заключенных, усовершенствована система светопропускаемости оконных проемов в камерах, улучшены гигиенические условия содержания осужденных³.

Таким образом, для восточно-европейского типа пенитенциарных систем характерен поиск сбалансированного подхода к решению дилеммы между обеспечением общественной безопасности и соблюдением доктрины прав человека, подведомственность органов управления пенитенциарными учреждениями соответствующим министерствам юстиции (за исключением Венгрии), достаточно высокий коэффициент заключенных, как правило минимальное количество иностранных осужденных и незначительное превышение нормативно предусмотрен-

---

¹ Report to the Government of Montenegro on the visit to Montenegro carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 20 February 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mne/2014-16-inf-eng.pdf>.

² Report to the Czech Government on the visit to the Czech Republic carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 1 to 10 April 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cze/2015-18-inf-eng.pdf>.

³ Response of the Czech Government to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to the Czech Republic from 1 to 10 April 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cze/2015-29-inf-eng.pdf>.

ной наполняемости исправительных учреждений. Реализация проектов государственно-частного партнерства в функционировании тюрем (Албании, Болгарии, Венгрии и Чехии) и ближайшая перспектива частичной тюремной приватизации (Румынии, Словения) сопряжены в первую очередь с проблемами государственного финансирования пенитенциарных учреждений. Тюремные учреждения и органы управления данного типа имеют много общих черт, между ними налажено сотрудничество по линии семейной пенитенциарной юстиции, реализации проектов «Национальная этика научных исследований» (NHREs) и «Этика отношений и поведения» (EABs). Общей тенденцией выступает снижение продолжительности лишения свободы, постепенное увеличение тюремных площадей и условий содержания осужденных. Расширяется практика применяемых средств исправления осужденных в части получения общего образования и профессионального обучения, применения индивидуальных программ отбывания наказания и социальной реинтеграции, тренинговых психиатрических технологий, а также особенностей обращения с отдельными категориями заключенных (наркозависимыми, женщинами, лицами, осужденными за сексуальные преступления и др.). Однако, на фоне активных мероприятий по поддержанию в тюрьмах прогрессивных стандартов обращения с осужденными в докладах правозащитных организаций и отчетах представителей СРТ отмечаются нарушения прав осужденных вплоть до насилия и жестокого обращения, существенные недостатки в применении средств исправления лиц, отбывающих наказание, либо иные недостатки в организации деятельности исправительных учреждений.

§ 3. Германский тип европейских пенитенциарных систем

Германский тип пенитенциарной системы (Германия, Австрия, Швейцария, Лихтенштейн) выражает особенности континентальной правовой системы со значительными исторически сложившимися особенностями, своими корнями уходящими в первоначальную раздробленность германских земель, а затем объединенных Германской империей. Так, А.Н. Бурцев в специально проведенном исследовании обнаружил значительную раздробленность и фрагментарность нормативно-

правовых актов, регулирующих пенитенциарные отношения в Германии, вплоть до начала XX века¹. В результате положения федерального (центрального) пенитенциарного законодательства в значительной степени конкретизируются региональными нормативно-правовыми актами и данная особенность в большей степени присуща федеральным землям в Германии. Специалистами отмечается, что случаи «конкуренции законодательства решен таким образом, что компетенция Федерации состоит только в определении порядка судебного процесса, без права контроля за исполнением наказания»². В частности, в федеральных землях ФРГ имеются либо собственные (например, Закон Баварии об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы) либо единые для нескольких федеральных земель уголовно-исполнительные законы³. Также и в Швейцарии в системе исполнения наказания сходятся два начала: федеральное и региональное⁴. Согласно Конституции Швейцарии и Закона «Об инвестициях государства в систему исполнения наказаний», устанавливающего соотношение средств, которые должно вкладывать государство (40%) и кантоны (60%), последние обязаны обеспечивать исполнение приговоров суда, строить, эксплуатировать (в том числе совместно с другими кантонами) и управлять пенитенциарными учреждениями⁵. В этом заключается определенная рафинированность национальных пенитенциарных систем германского типа, что отражает закономерность децентрализации управления исправительными учреждениями (что, однако, не свойственно Лихтенштейну с единственной тюрьмой в Вадуце (Vaduz Prison)).

---

¹ См.: Бурцев А.Н. Пенитенциарная система Германии в XVI – нач. XXI вв. (историко-юридическое исследование): дис... к.ю.н. Екатеринбург: УГЮА, 2007. С. 60-62.

² Гулина О.Р. Пенитенциарная система Федеративной Республики Германия в современных условиях // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 136.

³ Подробнее см.: Серебренникова А.В. Уголовно-исполнительное право Баварии: общая характеристика // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014. С. 175-182.

⁴ Пенитенциарная система Швейцарии. URL: <http://www.ejpd.admin.ch/ejpd/en/home.html>.

⁵ На соответствующие полномочия кантонов указывается в п. 1 ст. 372, ст. 377, ст. 378 УК Швейцарии (Switzerland Criminal Code). Швейцарский уголовный кодекс от 21 декабря 1937 года (с поправками на 1 января 2015 года). URL: <https://www.admin.ch/ch/e/rs/3/311.0.en.pdf>.

При этом важно заметить, что среди тюремных ведомств германского пенитенциарного типа наблюдается достаточно тесное сотрудничество. В частности, 4 июля 1982 года между Австрийской Республикой и Княжеством Лихтенштейн был заключен Договор на содержание заключенных и Соглашение о взаимной правовой помощи, вступившее в силу 1 сентября 1983 года. В соответствии с данными документами подсудимые и осужденные (как правило на срок свыше 2-х лет) в Княжестве Лихтенштейн могут передаваться для заключения под стражу или отбывания тюремного заключения в австрийские тюрьмы¹.

Органы управления пенитенциарными учреждениями подведомственны органам юстиции либо приравненным к ним органам (например, Министерству юстиции и защиты прав потребителей Германии²). Однако в некоторых государствах такое подчинение осуществляется через соподчинение органам полиции. Например, на официальном сайте Правительства Лихтенштейна указано, что структурным элементом правительства является Национальная полиция княжества (Landespolizei)³. В свою очередь национальная тюрьма входит в структуру полиции⁴. Исполнением уголовных наказаний в Швейцарии занимается Подразделение по исполнению судебных решений и мер Отдел уголовного права Федерального ведомства юстиции Федерального департамента юстиции и полиции⁵.

Система исправительных учреждений, как правило представлена двумя видами тюрем (за исключением Лихтенштейна, в которой одна тюрьма). Например, в соответствии со ст. 76 Уголовного кодекса Швейцарии, предусмотрены два типа учреждений – безопасные и открытые тюрьмы. При этом эти типы учреждений должны функционировать и располагаться отдельно друг от друга. Согласно ст. 58 безопасные тюрьмы могут также иметь секцию, функционирующую в режиме открытой тюрьмы, так же как тюрьмы открытого типа могут включать секцию,

¹ Договор от 4 июня 1982 года между Княжеством Лихтенштейн и Австрийской Республикой на размещение заключенных. URL: https://www.gesetze.li/get_pdf.jsp?PDF=1983039.pdf.

² Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: http://www.bmjv.de/DE/Startseite/Startseite_node.html.

³ Официальный сайт Правительства Лихтенштейна. URL: <http://www.llv.li>.

⁴ Официальный сайт Национальной полиции Лихтенштейна. URL: www.landespolizei.li.

⁵ The execution of sentences and measures in Switzerland: An overview of the system and execution of sentences and measures in Switzerland for adults and juveniles. – Federal Department of Justice and Police FDJ. URL: <http://www.ejpd.admin.ch/ejpd/en/home.html>.

функционирующую в режиме безопасной тюрьмы¹. Исследователями отмечается, что отличие в режимных требованиях данных типов исправительных учреждений «заключается лишь в степени обеспечения безопасности. В тюрьмах открытого типа отсутствуют внешние ограждения, территория обозначена условно, с разрешения руководства тюрьмы осужденные могут работать и за ее пределами. В тюрьмах закрытого типа осужденные находятся под охраной и не могут выйти за пределы данной территории. Кроме того, в них предусмотрены инженерно-технические средства охраны»². В зависимости от особенностей режима рассматриваемых тюрем и выполнения дополнительных функций И.С. Дорошенко представляет их более «глубокую» классификацию: 1) открытые учреждения исполнения наказаний с самым низким уровнем охраны; 2) закрытые учреждения с высоким уровнем охраны; 3) учреждения с полукрытым режимом – небольшие сроки наказания, осужденные могут продолжать работать на своем рабочем месте, но на ночь обязаны приходить в учреждение; 4) учреждения для работы вне места отбывания наказания (перед условно-досрочным освобождением или перед освобождением по отбытии всего срока назначенного наказания); 5) следственные изоляторы (как самостоятельные учреждения либо участки тюрем безопасного типа); 6) учреждения превентивных мер; 7) специализированные центры для психиатрически больных, осужденных с зависимостями, для несовершеннолетних и молодых взрослых³. При этом в большинстве учреждений содержится менее 100 заключенных и только в 4-х содержится более 200 осужденных⁴. Согласно Каталогу исправительных учреждений (Katalog der Einrichtungen des Freiheitsentzuges), составленному Федеральным статистическим управлением, в Швейцарии насчи-

---

¹ The execution of sentences and measures in Switzerland: An overview of the system and execution of sentences and measures in Switzerland for adults and juveniles. – Federal Department of Justice and Police FDJ (Уголовный кодекс Швейцарии). URL: <https://www.bj.admin.ch/dam/data/bj/sicherheit/smv/dokumentation/smv-ch-e.pdf>

² Виноградов В. В. Исполнение наказаний и социальная работа в исправительных учреждениях Швейцарии // Вестник Владимирского юридического института . 2008. № 1. С. 276.

³ Дорошенко И.С. Опыт работы сотрудников в пенитенциарной системе Швейцарской Конфедерации // Психология и право. 2014. № 1. С. 56.

⁴ The execution of sentences and measures in Switzerland: An overview of the system and execution of sentences and measures in Switzerland for adults and juveniles (Статистика по исправительным учреждениям Швейцарии). – Federal Department of Justice and Police FDJ. URL: <https://www.bj.admin.ch/dam/data/bj/sicherheit/smv/dokumentation/smv-ch-e.pdf>.

тывается 124 тюрьмы, охватывающих 4531 одиночную камеру, 1044 камер для нескольких человек, 172 камер повышенной охраны, 200 ШИЗО и 50 камер-лазаретов¹.

В государствах германского типа в основном отсутствует единое законодательство об исполнении наказаний. Например, в Швейцарии каждый кантон устанавливает его самостоятельно, опираясь на уголовный закон федерации. Так, систему наказаний кантона Цюрих устанавливает специальный закон об Управлении Юстиции и Внутренних дел (Organisationsverordnung der Direktion der Justiz und des Innern (JIOV)²).

Германскому типу свойственен низкий коэффициент заключенных (71), ниже нормативной наполняемость исправительных учреждений (79,3 %) и очень высокий удельный вес заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (55,3 %). При этом иностранные граждане вызывают наибольшие проблемы с точки зрения соблюдения режима исправительного учреждения, включая насильственные действия, оборот наркотиков, саботаж³. Вызывает интерес и тот факт, что наименее опасные формы противоправного поведения заключенных также свойственны иностранным гражданам. Например, в тюрьме Гамбурга 58 % всех заключенных, организующих азартные игры и участвующие в них, являются иностранными гражданами⁴.

Для пенитенциарной практики германского типа характерно предварительное исследование осужденного на предмет формирования четких рекомендаций по программе отбывания тюремного заключения (например, в ФРГ для этого ис-

¹ Федеральное статистическое бюро. URL: http://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&hl=ru&prev=search&rurl=translate.google.ru&sl=d&u=http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/19/03/05/key/ueberblick/wichtigsten_zahlen.html&usg=ALkJrhgyhngbEo4SXu_lsqGtwupWrWetwA.

² Закон кантона Цюрих об Управлении Юстиции и Внутренних дел. URL: [http://www2.zhlex.zh.ch/appl/zhlex_r.nsf/0/F616C77BBA988FCFC1257D160029AF6E/\\$file/172.110.1_16.9.09_86.pdf](http://www2.zhlex.zh.ch/appl/zhlex_r.nsf/0/F616C77BBA988FCFC1257D160029AF6E/$file/172.110.1_16.9.09_86.pdf).

³ См.: Barnoux M., Wood J. The specific needs of foreign national prisoners and the threat to their mental health from being imprisoned in a foreign country // *Aggression and violent behavior*. 2013. Т. 18. P. 241-243; Mansoor M., Khalid Perwez S., Swamy T. et. al. A Critical Review on Role of Prison Environment on Stress and Psychiatric Problems among Prisoners // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol 6. No 1. P. 221.

⁴ См.: Zurhold H., Verthein U., Kalke J. Prevalence of Problem Gambling Among the Prison Population in Hamburg, Germany // *Journal of Gambling Studies*. Т. 30. 2014. P. 314.

пользуется тюрьма-распределитель Хаген (Hagen Prison), расположенная в Северной Рейн-Вестфалии, в которой в течение шести недель проводится всесторонняя и тщательная диагностика личности осужденного с целью определения максимально индивидуальных адаптационных, исправительных и ресоциализирующих мероприятий¹), активное участие общественности в процессе ресоциализации заключенного (так называемый аутсорсинг²), а также достаточно строгое соблюдение европейских тюремных стандартов и правил. Длительное время в тюрьмах преобладало одиночное заключение, схожее с пенсильванской пенитенциарной системой (в частности, известные в этом плане тюрьмы в Германии – «Моабит» и «Цутхаз»). Однако в настоящее время допускается размещение осужденных по четыре в камере.

Важнейшим средством исправительного воздействия выступает труд заключенных, который организуется в мастерских, мини-цехах по сборке компьютеров, пекарнях, швейных мастерских и охватывает до 75 % осужденных (за исключением единственной в Лихтенштейне тюрьмы Вадуц, рассчитанной на 22 осужденных, но наполненной не более чем на 30 %, в которой в силу малочисленности осужденных не так широко применяют различные досуговые, спортивные и трудовые мероприятия³). Как отмечается в специальных исследованиях трудовая деятельность осужденных организовывается с учетом работы в группах, а также проведения совместного досуга, но ограничения на работу в группе могут быть связаны с обнаружением вредного воздействия осужденного на остальных, его нахождением на испытательном сроке, с решением задач обеспечения порядка и

---

¹ JVA Hagen. Penitentiary Hagen, Nordrhein-Westfalen. URL: <https://www.1a-jva.de/en/nordrhein-westfalen/jva-hagen.html>.

² Ворощук В.Б., Летунов В.Н. Система организации функционирования пенитенциарных учреждений полуоткрытого и открытого типа за рубежом // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 176.

³ Report to the Government of the Principality of Liechtenstein on the visit to Liechtenstein carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 5 to 9 February 2007. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lie/2008-20-inf-eng.pdf>.

безопасности в пенитенциарном учреждении, а также по желанию самого заключенного¹.

Для германского типа пенитенциарной системы характерен микрогрупповой принцип размещения заключенных (по 2-4 человека в помещениях камерного типа, в Австрии – по 1-3), который не исключает их вывод на работу, учебу, прогулки, прием пищи (во многих тюрьмах завтрак происходит в камере) и для проведения других социально-бытовых и исправительно-ресоциализирующих мероприятий. В настоящее время около 25 % тюрем имеют полуоткрытый характер, в том числе так называемые «открытые тюрьмы», в которые переводятся осужденные, вставшие на путь исправления, для отбытия оставшихся, как правило, 6-12 месяцев лишения свободы. Как правило, минимальная длительность лишения свободы составляет один месяц, максимальная – пятнадцать лет. В свою очередь существует неоднозначное отношение к тому – способствует ли институт «превентивного заключения» («detention for the purpose of incapacitation»), предусмотренный § 66 Уголовного уложения ФРГ, однозначно повышению мотивации осужденных к выполнению всех требований режима² и усилению исправительного эффекта наказания³.

Рассматриваемому пенитенциарному типу свойственно использование многоаспектной и плановой работы психологов с осужденными⁴, хорошая организация лечения заключенных с психическими расстройствами (в том числе больных

---

¹ См.: Крымов А.А., Родионов А.В., Скиба А.П. Правовое регулирование организации труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Германии // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1. С. 43.

² Knauer F. Preventive detention for Germans only? A criminological study on prison inmates in preventive detention // *Monatsschrift fur Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2015. V. 98. I. 5. P. 464-473. Также вопросы корректировки норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, касающихся превентивного ареста, рассмотрены в статье О.Р. Гулиной (см.: Гулина О.Р. Указ соч. С. 137-142).

³ См.: Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практический комментарий. М.: Проспект, 2010. С. 59-60; Гришко А.Я. Уголовные наказания в Федеративной Республике Германия: учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. Рязань: Академия ФСИН России, 2010. С. 7-33.

⁴ В специальных исследованиях отмечается высокая активность внедрения достижений психологии в практику функционирования исправительных учреждений ФРГ начиная с 1960-годов (см.: Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии (историко-сравнительный анализ): монография. М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 88-95).

наркоманией)¹ и безупречное налаживание тюремного режима, но не характерно наличие частных тюрем с так называемой «материальной» формой приватизации, при которой государство лишь осуществляет внешний контроль за функционированием исправительных учреждений, полностью переданных в частную сферу. Однако, в Германии и Швейцарии существуют отдельные частично-приватизированные исправительные учреждения, в ведении которых находится в основном хозяйственно-экономическая составляющая функционирования тюрьмы, медико-социальное обслуживание и частично охранные функции (например, в ФРГ исправительные учреждения Хюнфельд (JVA Hünfeld), Анхальт (JVA Burg))².

В рамках германского типа пенитенциарные учреждения используются не только в целях исполнения уголовного наказания в виде тюремного заключения, но и для содержания подследственных под стражей, а также обеспечения изоляции психически больных лиц, представляющих опасность для окружающих. Например, в соответствии с Законом об исполнении наказания в виде лишения свободы и иных мер, связанных с изоляцией осужденных, от 26 марта 1969 года³, на пенитенциарную службу Австрии возложена задача по реализации, в сущности, трех видов лишения свободы: взятия под стражу, тюремного заключения, а также профилактических и реабилитационных мероприятий в отношении психически больных осужденных (таковые могут содержаться в учреждениях бессрочно до полного выздоровления), наркоманов и лиц с алкогольной зависимостью, а также опасных рецидивистов⁴. Единственное пенитенциарное учреждение Лихтенштейна, фактически выполняя такую же задачу, включает в себя режимные мероприятия, охватывающие работу с

¹ Baechtold A., Senn A. Brennpunkt Strafvollzug Regards sur la prison. Bern: Grafisches Unternehmen, 2002. P. 91-105.

² См.: Соколова О.В. Приватизация или публично-частное партнерство в системе исполнения наказаний: зарубежный опыт и перспективы российской пенитенциарной практики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 2. С. 19-20.

³ Закон Австрийской Республики об исполнении наказания в виде лишения свободы и иных мер, связанных с изоляцией осужденных. URL: https://www.justiz.gv.at/web2013/file/8ab4ac8322985dd501229ce2e2d80091.de.0/broschuere_oesterr_justiz_en_download.pdf.

⁴ Пенитенциарная служба Австрии. URL: <https://www.justiz.gv.at/web2013/html/default/2c94848642ec5e0d0143e7f4ec274524.de.html>.

осужденными сотрудниками, имеющими медицинское, психиатрическое и наркологическое образование, осуществляющих не только общие лечебно-профилактические мероприятия, но и лечение наркомании и некоторых психических расстройств¹.

Относительно германского пенитенциарного типа имеется информация о некоторых проблемах, связанных с исполнением уголовных наказаний и обращением с осужденными. Определенный интерес вызывают отчеты представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, посетивших с визитом государства, пенитенциарные системы которых входят в германский тип. Так, делегация, посетившая с визитом ряд немецких пенитенциарных учреждений в период с 25 ноября 2010 года по 7 декабря 2010 года, получила ряд заявлений о насилии между заключенными, запугивании и угрозах в отношении несовершеннолетних, содержащихся в Кельне, Лейпциге, Хорне. Однако отмечалось, что сотрудники исправительных учреждений принимают меры по устранению насилия. Также в отчете указывалось на необоснованное применение в качестве дисциплинарного наказания запрета на общение с семьей². Кроме того, в пункте 16 Заключительных замечаний Комитета против пыток, принятых 18 ноября 2011 года после рассмотрения 5-го периодического доклада Германии (CAT/C/DEU/5), Комитет призывает государство-участник строго регламентировать использование иммобилизации в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних с целью дальнейшего сокращения использования этой меры и в конечном итоге – ее отмены в немедицинском пенитенциарном учреждении³. Верховным комиссаром по правам человека указывается на негативную практику минимальных контактов между персо-

---

¹ Официальный сайт пенитенциарного учреждения Лихтенштейна (Landesgefängnis.Furstentumliechtenstein). URL: <http://www.xn--gefngnis-2za.li/default.aspx>.

² Report to the German Government on the visit to Germany carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 25 November to 7 December 2010. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/deu/2012-06-inf-eng.pdf>.

³ Заключительные замечания Комитета против пыток: Германия, 12 декабря 2011, CAT/C/DEU/CO/5. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4f1d60192.html>.

налом и лицами, содержащимися в предварительном заключении¹. Можно обнаружить некоторые жалобы на условия содержания со стороны самих заключенных. Например, в женской тюрьме Швебиш-Гмюнд (Schwäbisch-Gmünd Prison) осужденные жалуются на отсутствие обуви для занятий спортом в зимнее время года, недостаточную защищенность внутренних дворики от ненастной погоды, ограниченные возможности для работы и участия в различных культурных и иных мероприятиях². В свою очередь в мужской тюрьме-госпитале Лейпцига (Leipzig with hospital Prison) не работающие заключенные, жаловались на то обстоятельство, что им разрешалось покидать камеру всего на один час в сутки, тогда как они имеют право на четырех часовое нахождение вне камеры³.

Однако в отчете по результатам визита Германии, осуществленного в период с 25 ноября 2013 по 2 декабря 2013 года, в целом ситуация по тюрьмам для несовершеннолетних по мнению делегации позитивная: все заключенные содержались в отдельных камерах, если не было прямого показания для содержания вместе, все камеры оборудованы системой отопления, вентиляции, канализации, причем, во многих камерах был отдельный санузел. Организационная составляющая также была на уровне: для осужденных несовершеннолетних проводились различные мероприятия, они получали образование, у них было время для досуга.⁴

В отчете австрийскому правительству Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающих достоинство видов обращения и наказания на визит в Австрию в период от 15 до 25 февраля 2009 года указывается, что взаимодействие персонала и заключённых в тюрьмах снижена до минимума, что приводит к отсутствию развития позитивных

---

¹ Подборка, подготовленная Управлением Верховного комиссара по правам человека в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека: Германия, 2013. URL: <http://www.refworld.org.ru/country,COI,,DEU,,52319bc34,0.html>.

² JVA Schwäbisch-Gmünd. Penitentiary Schwäbisch-Gmünd, Baden-Württemberg. URL: <https://www.1a-jva.de/en/baden-wuerttemberg/jva-schwaebisch-gmuend.html>.

³ JVA Leipzig with hospital. Penitentiary Leipzig with hospital, Sachsen. URL: <https://www.1a-jva.de/en/sachsen/jva-leipzig-with-hospital.html>.

⁴ Report to the German Government on the visit to Germany carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 25 November to 2 December 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/deu/2014-23-inf-eng.pdf>.

отношений и увеличению риска возникновения опасной обстановки как для персонала, так и для заключённых¹.

На основе отчетов Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания по посещению Лихтенштейн в 1993, 1999 и 2007 гг., были также выявлены проблемы в одних и тех же сферах, а именно: возможности трудоустройства для заключенных крайне ограничены и предложения поступают крайне редко. Кроме того, в тюрьме отсутствуют условия для образовательных и спортивных мероприятий. Помимо ежедневного часа прогулки, заключенные большую часть дня находятся в общей комнате, где играют в карты или читают. Они также могут смотреть телевизор раз в неделю. В шесть часов вечера они возвращаются в свои камеры, где находятся до 7 утра. У заключенных женщин более ограниченные условия, например, нет возможности смотреть телевизор². Однако по результатам Национального доклада Государственного департамента США по правам человека 2013 года условия содержания в тюрьме Лихтенштейна соответствуют международным стандартам обращения с осужденными³.

Из доклада Государственного департамента США по Правам человека за 2013 год следует, что в 2012 году произошло два самоубийства и две попытки самоубийства, имеют место факты применения в кантоне Женева физического насилия со стороны полиции во время и после задержания (из жалоб задержанных), избиение тюремным надзирателем в марте 2013 года заключенного в тюрьме ЧампДоллон (ChampDollon prison), располагающейся в кантоне Женева⁴. В годовом отчете за 2013 год Конференции кантональных директоров,

---

¹ Report to the Austrian Government on the visit to Austria carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 15 to 25 February 2009. URL: <http://www.cpt.coe.int/en/states/aut.htm>.

² Отчеты Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания по результатам посещения Лихтенштейна. URL: <http://www.cpt.coe.int/en/states/lie.htm>.

³ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Лихтенштейн (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Liechtenstein). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220510.pdf>.

⁴ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Швейцария (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Switzerland). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220549.pdf>.

социальных и общественных директоров указывается, что в некоторых тюрьмах содержали лиц, страдающих психическими расстройствами, в камерах обычных тюрем вместо специальных учреждений, пригодных для ухода или лечения таких заключенных. В Центре приема в Базеле имелись проблемы с перенаселенностью и качеством воздуха, поскольку первоначально построенный для содержания 320 человек, его фактическая наполняемость достигает 485 лиц, причем 12 лиц содержались в одной комнате¹.

Таким образом, в германском типе пенитенциарных систем органы управления пенитенциарными учреждениями подведомственны органам юстиции либо приравненным к ним органам. Для него свойственна высокая степень конкретизации федерального (центрального) пенитенциарного законодательства региональными нормативно-правовыми актами, микрогрупповой принцип размещения заключенных, институт «превентивного заключения», низкий коэффициент заключенных и значительный удельный вес лиц, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных. Для данного пенитенциарного типа характерна многоаспектная и плановая работа психологов с осужденными, хорошая организация лечения заключенных с психическими расстройствами (в том числе больных наркоманией) и высокая организация тюремного режима, но не приемлемо наличие частных тюрем с так называемой «материальной» формой приватизации.

§ 4. Голландский тип европейских пенитенциарных систем

Голландский тип пенитенциарной системы (Нидерланды, Бельгия, Люксембург) базируется на исторически сформированной цивилизационно-культурной платформе, элементами которой являются голландско-бельгийская культура с определенными чертами общей исторической ментальности, языка и тесного географического соседства. С государственно-правовых позиций объединяющим

---

¹ Годовой отчет Конференции кантональных директоров, социальных и общественных директоров (SODK). 2013. URL: http://www.sodk.ch/fileadmin/user_upload/Ueber_die_SODK/Plenarversammlung/JaKo_2013/2013.07.04_SODK_JB12_D_WEB.pdf .

фактором выступает межгосударственный союз стран – Бенилюкс. Изначальное влияние римского права, затем французского¹ и германского в последние 2-3 десятилетия сменилось, по мнению голландских специалистов в области правовой компаративистики, заметным влиянием англосаксонской доктрины². Например, в Нидерландах использование частного капитала в строительстве исправительных учреждений (однако такая модель государственно-частного партнерства отсутствует в Бельгии и Люксембурге) либо так называемых «плавающих тюрем», явившихся неким прототипом английских «халков» (слово произошло от английского «hulk»), представляющих корпуса больших судов, распложенных на реке Темзе и приспособленных в XVIII-XIX столетиях под тюрьму³. Вместе с тем необходимо отметить, что тесное торгово-экономическое и культурное сотрудничество Нидерландов и Англии обеспечило тот факт, что она «первая внедрила британский опыт организации и функционирования работных домов»⁴, отбывание в которых назначалось за совершенное преступление, поэтому такие дома во многом выполняли функции тюремного учреждения⁵. Влияние французского пенитенциарного опыта также значительно ослабло после принятия бельгийского Уголовного уложения 1867 года, в рамках которого такие наказания как каторжные работы, заключение в смиренный дом, крепость или тюрьму исполнялись во многом единообразно в исправительных учреждениях (поскольку Бельгия не имела собственных колоний)⁶. Также продолжается достаточно тесное сотрудничество с Германией. Например, 4 мая 2015 года Министры юстиции Бельгии, Нидерландов

¹ Например, в Бельгии до 1867 года действовало французское уголовное право.

² Подробнее об этом см.: Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований // Правоведение. 2013. № 3. С.143.

³ Dixon H. London Prisons: with an Account of the More Distinguished Persons who have been Confined in Them. London: Jackson and Walford, 1850. P. 122-125; Branch-Johnson W. The English Prison Hulks. London: Christopher Johnson, 1957. P. 2-17, 36-44, 81-88.

⁴ Кириллов М.А., Нарышкина Н.И. Трансформация системы наказаний Нидерландов во второй половине XVI – первой половине XVII века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 83; Головкин Р.Б., Нарышкина Н.И. Правовые и организационные основы функционирования работных домов в европейских странах и России в XVI-XVIII вв. // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3. С. 144.

⁵ Wines F.H. Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary. London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. P. 243-251.

⁶ Казачанская Е.А. Уголовный кодекс Бельгии 1867 г. и французское уголовное законодательство (основные виды наказаний) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 13 (19). С. 80-81.

и Северной Рейн-Вестфалии встретились в Льеже для обсуждения вопросов судебного сотрудничества по уголовным делам, включая проблемы исполнения уголовных наказаний¹.

Тюремные учреждения подразделяются на открытые, полуоткрытые и закрытые тюрьмы. Так, в Бельгии насчитывается 18 закрытых, 14 полуоткрытых и 4 открытых тюрем (32 пенитенциарные школы, сельскохозяйственное пенитенциарное учреждение и центр по приему просителей убежища), 3 центра для несовершеннолетних, совершивших преступления, контроль за которыми осуществляет Генеральный директорат пенитенциарных учреждений², подведомственный Министерству юстиции³. Такое четкое подразделение на три вида тюрем отсутствует в Люксембурге в силу наличия только двух исправительных учреждений в данном государстве – в городе Шрассиг (закрытая тюрьма, включающая Центр содержания под стражей иностранцев и Государственный социально-образовательный центр для мальчиков/девочек – тюрьма Драйборн (Dreiborn)) и аббатстве Ноймюнстер – тюрьма Дживенич (полуоткрытая тюрьма). Данные заведения подведомственны Министерству юстиции Люксембурга⁴. Однако проблема превышения лимита наполняемости исправительных учреждений привели к началу строительства в 2014 году новой тюрьмы в юго-западной части Люксембурга. Исправительное учреждение, вместимостью 400 заключенных, планируется построить в 2016 году⁵. Пенитенциарная система в Нидерландах подведомственна Министерству юстиции и управляется Национальным агентством исправительных учреждений⁶.

---

¹ Официальный сайт Министерства юстиции Бельгии. URL: http://justice.belgium.be/fr/nouvelles/communiqués_de_presse/news_pers_2015-05-04.jsp?referer=tcm:421-266605-64.

² Тюрьмы Бельгии. URL: <http://translate.google.com/translate?hl=auto&tl=ru&u=http://just.fgov.be/>.

³ Официальный сайт Министерства юстиции Бельгии. URL: http://justice.belgium.be/fr/themes_et_dossiers/prisons/prisons_belges/prisons/.

⁴ Официальный сайт Министерства юстиции Люксембурга. URL: <http://www.mj.public.lu/index.html>.

⁵ Luxemburg Wort. New Luxembourg prison gets green light. URL: <http://www.wort.lu/en/politics/chamber-of-deputies-new-luxembourg-prison-gets-green-light-53a307b2b9b3988708039731>.

⁶ Официальный сайт Национального агентства исправительных учреждений Нидерландов. URL: <http://www.gevangenis.nl>.

Голландский тип характеризуется немного повышенным коэффициентом заключенных (104), нормативно предусмотренной наполняемостью (за некоторым исключением Бельгии) исправительных учреждений (100,2 %) и весьма высоким удельным весом заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (46,5 %).

Сочетание элементов прогрессивной системы и, как правило, одиночного тюремного заключения (особенно в Нидерландах¹) ориентировано на широкое не только судебное усмотрение (значительную роль имеет идея «вера в судей»), но и значительную амплитуду пенитенциарных санкций (от нескольких дней до пожизненного заключения), что создает все условия для маневрирования между минимальными и максимальными карательными притязаниями². Например, согласно ст.ст. 9 и 25 Уголовного кодекса Бельгии 1867 года в зависимости от тяжести преступления лишение свободы может быть назначено на срок от 8 дней до 30 лет либо пожизненно³. В Нидерландах тюремное заключение может быть назначено на срок до 20 лет; предусмотрено и пожизненное заключение. При этом уголовное законодательство регламентирует не только признаки (параметры) наказаний, но и многие аспекты порядка их исполнения (в частности, привлечение к труду, приобретение профессионального образования, нахождение за пределами территории исправительного учреждения), режимные требования, права и обязанности осужденных. Такие особенности характерны и для Уголовного кодекса Люксембурга 1879 года.

В правовой системе стран Бенелюкса отсутствует уголовно-исполнительный кодекс, но достаточно широко используются акты Совета Европы⁴, что объясняется высокой степенью геополитической и культурно-исторической интеграции этих государств в единое европейское правовое про-

---

¹ Общественное объединение «Наблюдение за местами лишения свободы». URL: <http://www.azpenalreform.az/ru/library/stats/europe/>.

² См.: Punishment in Europe: A Critical Anatomy of Penal Systems (Palgrave Studies in Prisons and Penology) / by Vincenzo Ruggiero, Mick Ryan. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 23-26.

³ Legislationline. Criminal Code of the Kingdom of Belgium (1867, as of 2010). URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>.

⁴ Объединенные нации прав человека. Управление Верховного комиссара. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=NLD&Lang=RU.

странство (не случайно государством-основателем Совета Европы выступает Люксембург). Основным законодательным актом об исполнении тюремного заключения в Нидерландах является Закон о принципах исполнения наказаний 1998 года (Penitentiary Principles Act) и Пенитенциарные правила (Penitentiary Order), утвержденные королевским указом, в котором заложены не только принципы пенитенциарной системы, но и вопросы их исполнения. Также к источнику уголовно-правовой регламентации наказаний необходимо отнести Уголовный кодекс Нидерландов, в соответствии с которым пенитенциарные учреждения подразделяются на 5 уровней безопасности: 1) с очень низкой степенью безопасности (содержатся заключенные, не представляющие угрозу побега или социальной опасности); 2) с низкой степенью безопасности (находятся содержащиеся под стражей лица, и лица, которые ранге были приговорены судом к тюремному заключению не более 2 раз за два последние года); 3) с нормальной степенью безопасностью (содержатся заключенные, которые должны отбывать оставшийся срок содержания под стражей три месяца и пригодны для контакта с другими заключенными); 4) с расширенной защитой (содержатся заключенные, представляющие угрозу побега или социальной опасности); 5) со сверхвысокой безопасностью (в этих тюрьмах отбывают наказание лица, имеющие высокий риск побега, и которые были отмечены как чрезвычайно опасные для окружающих). При этом осужденные в зависимости от их поведения могут переводиться из пенитенциарного учреждения одного уровня безопасности в другой, что, в сущности, отражает прогрессивную систему исполнения наказания¹. Учитывая, что 2 и 3 уровни учреждений предназначены для содержащихся под стражей (задержанных и подсудимых), фактически тюрьмы пенитенциарной системы Нидерландов подразделяются на открытые, полуоткрытые и закрытые (51 тюрем для взрослых, 9 учреждений для несовершеннолетних, 4 для лиц, нелегально находящихся на территории страны и совершивших преступления, и 13 лечебных исправительных учреждений). В чис-

---

¹ Prison policy, prison regime and prisoners' rights in the Netherlands under the 1998: Penitentiary Principles Act. URL: http://www.internationalpenalandpenitentiaryfoundation.org/Site/documents/Stavern/23_Stavern_Report%20Netherlands.pdf.

ло входят и тюремные учреждения фактически гибридного типа (объединяют функции тюрем для взрослых, учреждений для несовершеннолетних и лиц, нелегально находящихся на территории страны и совершивших преступления, а также лечебных исправительных учреждений) на островах Кюрасао (Curaçao), Аруба (Aruba) и Бонайре (Bonaire)) и три так называемых «плавающих тюрьмы» (размещенных в пришвартованных теплоходах) в Роттердаме, Дордехте и Заанреме – центров для нелегально находящихся в стране мигрантов, нарушивших уголовный закон. Причем (с учетом относительно небольшого населения Нидерландов) некоторые исправительные учреждения относятся к категории так называемых «supermax prison», то есть предназначенных для содержания значительного числа осужденных (как правило свыше 600 человек) в условиях максимально строгой изоляции от общества¹.

Так называемый «социально-экономический подход» и идеи неоклассицизма привели к широкому использованию оплачиваемого труда осужденных, то есть к реализации принципа материальной заинтересованности заключенного в исправлении (с возможностью заработать приблизительно до 12 Евро в день). Для решения соответствующих задач в государствах достаточно хорошо налажена работа по сотрудничеству тюремных учреждений с различными торговыми компаниями и организациями, которые предоставляют рабочие места осужденным по изготовлению пакетов, электротехнических приборов для дома, пошива одежды, изготовлению мебели и металлообработке. Особенно в тюремной системе Нидерландов активно развивается производственная база пенитенциарных учреждений с использованием современного технологического оборудования и высокого уровня организации труда. Производство многих исправительных учреждений, имея значительные налоговые льготы, является достаточно рентабельным. При этом прибыль направляется на развитие материальной базы тюрьмы и улучшение содержания заключенных, но не может быть использована на увеличение заработной платы персонала.

---

¹ Drake D.H. Jeffrey Ian Ross (Ed.): The Globalization of Supermax Prisons // Critical Criminology. Т. 22. 2012. P. 460.

Применяются индивидуальные программы обращения с заключенными¹. Например, в Нидерландах Пенитенциарные правила практически полностью направлены на регламентацию индивидуальных программ обращения с осужденными. Так, ст. 3 Пенитенциарных правил регламентирует три вида режимов (стандартный, спокойный и экстремальный) применения данных программ. В свою очередь в ст. 5 указывается, что пенитенциарная программа должна быть рассчитана как минимум на 26 часов в неделю, она направлена на получение конкретных навыков, увеличивающих шансы на трудоустройство после отбытия осужденным лишения свободы, получение соответствующего образования, применение особых мер по избавлению от наркотической зависимости и сохранению психического здоровья, программа должна в условиях изоляции от общества способствовать её участникам реинтеграции в общество. Последнее время активно исследуются перспективы индивидуальной работы с осужденными в контексте применения программ поиска смысла жизни среди заключенных. В частности, разрабатываются средства мотивации саморазвития и успешной реинтеграции в общество через трансформацию таких моделей субъективного семантического пространства осужденного как 1) причинение боли и страданий; 2) забота о других; 3) умение мириться (прощать) 4) влияние на личность полученных в детстве психических травм². Исследованию подвергаются разнообразные аспекты подготовки осужденных к успешной социальной адаптации после освобождения. В частности, ряд нидерландских специалистов рассмотрели влияние на степень активности общения в социальных сетях до и после освобождения и в целом на степень утраты социально-полезных связей криминологических особенностей совершенного преступления (например, максимально сильно связи в социальных сетях утрачиваются у лиц, совершивших насильственные преступления сексуального характера), продолжительности тюремного заключения (через полгода изо-

---

¹ Subramanian R., Shames A. Sentencing and Prison Practices in Germany and the Netherlands: Implications for the United States. OCTOBER 2013. URL: <http://www.vera.org/sites/default/files/resources/downloads/european-american-prison-report-v2.pdf>.

² Vanhooren S., Leijssen M., Dezutter J. Profiles of meaning and search for meaning among prisoners // The Journal of Positive Psychology. 2016. Vol. 11, No. 6. P. 622-631.

ляции от общества заключенный теряет около 40 % социальных контактов), особенностей режима исправительного учреждения¹.

Для голландского типа в целом характерен широко и качественно применяемый ведомственный и общественный (отчасти за исключением Люксембурга, в котором Министерство юстиции периодически критикует работу правозащитных организаций) контроль за состоянием мест отбывания наказаний и условий обращения с осужденными. Например, в Бельгии с 2003 года функционирует Центральный наблюдательный совет по надзору в сфере тюрем (CCSP), отчеты которого имеют всеобщий доступ и высоко рекомендательный характер для деятельности исправительных учреждений². Вместе с тем в данном государстве сохраняется сложная ситуация с переполненностью тюрем от установленного лимита (на 22,7 % по состоянию на 1 марта 2014 года)³.

Представители национальных пенитенциарных систем рассматриваемого типа принимают достаточно активное участие в работе Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (CDAP), которые проходили, в частности, 20-21 июня 2017 года в Лиллестрёме – 22 Конференция, 9-10 июня 2015 года в Бухаресте – 20-я Конференция, 17-18 июня 2014 года в Хельсинки – 19-я Конференция, 27-29 ноября 2013 года в Брюсселе – 18-я Конференция, 22-24 ноября 2012 года в Риме – 17-я Конференция, 13-14 октября 2011 года в Страсбурге – 16-я Конференция, 9-11 сентября 2009 года в Эдинбурге – 17-я Конференция, 19-21 ноября 2007 года в Вене – 14-я Конференция, 25-27 ноября 2004 года в Риме – Специальная Конференция, 6-8 ноября 2002 года в Страсбурге 13-я Конференция. При этом 21 Конференция проходила 14-15 июня 2016 года в Зандаме (Нидерланды)⁴.

---

¹ Volker B., R. De Cuyper, Mollenhorst G. et. al. Changes in the social networks of prisoners: A comparison of their networks before and after imprisonment // *Social Networks*. 2016. V. 47. P. 48-56.

² Центральный совет Бельгии по надзору в сфере тюрем. URL: <http://translate.google.com/translate?hl=auto&tl=ru&u=http://just.fgov.be/>.

³ Международный Центр тюремных исследований (International Centre for Prison Studies). World Prison Brief. Belgium. URL: <http://www.prisonstudies.org/country/belgium>.

⁴ Council of Europe. Conferences of Directors of Prison and Probation Services. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/Directors_en.asp.

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом государства, пенитенциарные системы которых охватываются голландским типом, имеется ряд указаний на соответствующие проблемы. Так, в отчете по результатам посещения тюрьмы Тилбург в Нидерландах, в которой содержатся лица, осужденные судами Бельгии, 17-19 октября 2011 года указывается на недостаточно хорошо организованную медицинскую помощь заключенным. Данные нарекания были адресованы межгосударственному (между Бельгией и Нидерландами) Совету по отправлению уголовного правосудия и защите несовершеннолетних (RSJ) и Центральному наблюдательному совету Бельгии по надзору в сфере тюрем¹. В целом результаты анализа восьми посещений (начиная с 1993 года) представителями Комитета исправительных учреждений Бельгии показывают следующие типичные нарекания по вопросам исполнения уголовных наказаний: переполненность мест в тюрьмах, факты оскорбления представителями администрации заключенных, наличие не всегда приемлемых санитарных условий в камерах, случаи низкого качества подаваемой пищи осужденным, недостаточное внимание осужденным в силу нехватки сотрудников, включая медицинский персонал, наличие не во всех камерах необходимой мебели.

Более того, в п. 43 Доклада рабочей группы по универсальному периодическому обзору² Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленного в 2011 году в отношении Бельгии, указывается, что «Бельгия действительно сталкивается с проблемой перенаселенности тюрем, уровень заполняемости которых составляет 118%, и эта проблема касается прежде всего лиц, подвергнутых предварительному задержанию. Принимаются меры по нескольким направлениям: используются варианты, альтернативные содержанию под стражей; строятся новые тюрьмы; заключенные временно размещаются в пенитенци-

---

¹ Report to the Government of Belgium and the Netherlands on the visit to Tilburg Prison carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 9 to 18 June 2009. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bel/2012-19-inf-eng.pdf>.

² Утверждена в соответствии с резолюцией 5/1 Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН от 18 июня 2007 года.

арных учреждениях Нидерландов; практикуется условно-досрочное освобождение; применяются методы электронного наблюдения; ограничивается срок содержания под стражей и заключаются международные соглашения о переводе соответствующих лиц в их страны происхождения»¹.

В отчете представителей СРТ, посетивших с 28 января по 2 февраля 2015 года с визитом Люксембург отмечается, что условия содержания в местах тюремного заключения более благоприятные, нежели чем в южной или восточной Европе, однако остаются жалобы со стороны молодых осужденных о фактах насилия между заключенными, имеет место старая и обветшалая мебель в отдельных камерах тюрьмы Драйборн (Dreiborn)². В отчете по результатам посещения Люксембурга с 22 по 27 апреля 2009 года зафиксированы жалобы осужденных на недостаточно хорошее отопление в холодное время года и факты насилия со стороны персонала исправительных учреждений³.

В отчете по результатам визита Люксембурга, осуществленного в период со 2 по 7 февраля 2003 года⁴, а также по результатам Ежегодного сборника уголовной статистики Совета Европы за 2012 год⁵ в исправительных учреждениях данной страны наблюдается один из самых высоких среди государств Европы уровней (30,3 на 10 тыс. осужденных) самоубийств⁶. Согласно Национального доклада Государственного департамента США по правам человека 2009 года условия содержания в исправительных учреждениях страны в целом соответствуют международным стандартам обращения с осужденными, но следует учесть рекоменда-

---

¹ Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Бельгия, 11 июля 2011, A/HRC/18/3. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4e72e1832.html>.

² Rapport au Gouvernement du Grand-Duche de Luxembourg relatif a la visite effectuee au Luxembourg par le Comite europeen pour la prevention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou degradants (CPT) du 28 janvier au 2 fevrier 2015. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lux/2015-30-inf-fra.pdf>.

³ Rapport au Gouvernement du Grand-Duche de Luxembourg relatif a la visite effectuee au Luxembourg par le Comite europeen pour la prevention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou degradants (CPT) du 22 au 27 avril 2009. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lux/2010-31-inf-fra.pdf>.

⁴ Rapport au Gouvernement du Grand-Duche de Luxembourg relatif a la visite effectuee au Luxembourg par le Comite europeen pour la prevention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou degradants (CPT) du 2 au 7 fevrier 2003. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lux/2004-12-inf-fra.pdf>.

⁵ Marcelo F. Aebi, Natalia Delgrande. Council of Europe Annual Penal Statistics. Space I – Prison Populations. Survey 2013. Strasbourg-Lausanne: University of Lausanne, 2014. P. 142.

⁶ Данная проблема выступает предметом обсуждения зарубежных авторов (например, см.: Rabe, K. Prison structure, inmate mortality and suicide risk in Europe // International Journal of Law and Psychiatry. T. 35. 2012. P. 222-230).

ции представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, посетивших с визитами Люксембург¹. В самоанализах Министерства юстиции Люксембурга обращается внимание на плохую работу правозащитных организации, недостаточно хорошее медицинское обслуживание, а также «тесное соседство представителей разных национальностей и разных социально-культурных слоев, которое приводит к возникновению трений во взаимоотношениях»².

Вместе с тем в п. 118.38 Доклада рабочей группы по универсальному периодическому обзору Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленного в 2013 году в отношении Люксембурга, указывается, что данное государство намерено «продолжать усилия, направленные на снижение уровня перенаселенности тюрем и борьбу с нездоровыми условиями заключения, и в этой связи выделить необходимые финансовые ресурсы пенитенциарным службам»³.

В отчете СРТ по результатам визита Нидерландов, осуществленного в период со 10 по 21 октября 2011 года, зафиксировано, что статистические данные различных государственных инстанций о количестве смертей в пенитенциарных учреждениях часто расходятся, одной из причин является недостаточно качественное расследование обстоятельств и причин таких смертей, в том числе значительного уровня суицидов среди заключенных⁴.

В одном из последних отчетов представителей СРТ, посетивших с 12 по 22 мая 2014 года с визитом Нидерланды (в основном это были так называемые «островные» тюрьмы Кюрасао (Curacao), Аруба (Aruba) и Бонайре (Bonaire)) также отмечается частое и необоснованное использование наручников в отношении содержащихся под стражей в случае их перемещения за пределы специальных цен-

¹ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2009: Люксембург (US State Department Human Rights Country Report 2009: Luxembourg). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/160200.pdf/>.

² Официальный сайт Министерства юстиции Люксембурга. Отчеты о деятельности Министерства юстиции. URL: http://www.mj.public.lu/chiffres_cles/index.html.

³ Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Люксембург, 25 марта 2013, A/HRC/23/10. URL: <http://www.refworld.org.ru/country,,,LUX,,51b83e384,0.html>.

⁴ Report to the Government of the Netherlands on the visit to the Netherlands carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 10 to 21 October 2011 .URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nld/2012-21-inf-eng.pdf>.

тров (в суд, госпиталь и т.п.), указывается на факты запугивания и даже физического насилия в отношении лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях со стороны тюремного персонала. Рекомендовано увеличить количество спальных места, так как некоторые заключенные спали на матрасах на полу¹. В официальном ответе правительство Нидерландов лишь частично согласилась с данными замечаниями представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания².

Таким образом, для голландского типа европейских пенитенциарных характерен принцип одиночного камерного размещения осужденных, значительный удельный вес иностранных граждан, широкое использование оплачиваемого труда осужденных и применение разнообразных индивидуальных образовательных, религиозных и поведенческих программ отбывания тюремного заключения. Среди правовых источников отсутствуют кодифицированные уголовно-исполнительные акты, но непосредственно при обращении с осужденными широко применяются акты Совета Европы в области исполнения уголовных наказаний. Для голландского типа в целом характерен качественно применяемый ведомственный и общественный контроль за состоянием мест отбывания наказаний. Обращается внимание, что на фоне энергичного поддержания в тюрьмах стран Бенилюкса прогрессивных стандартов обращения с осужденными в отчетах представителей СРТ, посетивших с визитом Нидерланды, Бельгию и Люксембург, отмечаются отдельные нарушения прав осужденных либо иные недостатки в организации деятельности тюрем.

---

¹ Report to the Government of the Netherlands on the visit to the Caribbean part of the Kingdom of the Netherlands carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 22 May 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nld/2015-27-inf-eng.pdf>.

² Response of the Government of the Netherlands to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to the Caribbean part of the Kingdom of the Netherlands from 12 to 22 May 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nld/2015-28-inf-eng.pdf>.

§ 5. Иберийский тип европейских пенитенциарных систем

Иберийский тип пенитенциарной системы (Португалия, Испания, Андорра) строится на доктрине углубленных культурно-исторических отношений между Испанией и Португалией, корни которых уходят в Иберийское сообщество. При этом Андорра, имея длительные светские отношения с Франской империей и затем Францией, обладает очень существенным епископальным испанским влиянием, которое, в условиях географических и религиозных особенностей, нестабильности государственного суверенитета страны, оказало значительное воздействие на специфику судебной системы и карательно-исправительной практики обращения с осужденными, содержащимися в данном государстве.

Структуры управления исправительными учреждениями подведомственны в Португалии (Генеральная дирекция реинтеграции и тюрем (General Directorate of Reintegration and Prisons))¹ и Каталонии (Генеральная дирекция тюремного режима и ресурсов)² органам юстиции, в Испании (Генеральная дирекция тюремной администрации) – Министерству внутренних дел³, в Андорре (Департамент пенитенциарных учреждений) Министерству юстиции и внутренних дел⁴. Данная «смешанная» подведомственность выступает особенностью иберийского типа пенитенциарной системы.

В основе правового регулирования исполнения и отбывания уголовных наказаний лежат конституции (в частности, Конституция Португалии 1976 года (седьмой пересмотр 2005 года), Конституция Королевства Испании 1978 года, Конституция Андорры 1993 года), кодифицированное законодательство (в частности, Уголовные кодексы Португалии, Андорры, Королевства Испании, которыми закрепляются отдельные аспекты порядка исполнения наказаний, и Кодекс исполнения приговоров и мер, связанных с лишением свободы, Королевства Испании), законы (например, Закон-декрет Португалии № 51/2011 «О введении общего

---

¹ Официальный сайт правительства Португалии. URL: <http://www.portugal.gov.pt/en/the-ministries/ministry-of-justice.aspx>.

² Официальный сайт Департамента юстиции Каталонии. URL: <http://justicia.gencat.cat/ca/inici/>.

³ Официальный сайт Генеральной дирекции тюремной администрации Испании. URL: <http://www.institucionpenitenciaria.es/>.

⁴ Официальный сайт правительства Андорры. URL: <http://www.govern.ad/ministeri-de-justicia-i-interior>.

регулирования пенитенциарных учреждений», Генеральный пенитенциарный закон Королевства Испании 1979 года, Закон об исправительном центре Андорры 2007 года), указы (например, Королевский указ Испании № 190/1996, утвердивший Тюремные правила).

Португалия имеет 51 исправительное учреждение различных типов: 15 центральных тюрем (высокой, средней и низкой степенями безопасности) для заключенных, приговоренных к отбыванию лишения свободы на срок свыше 6 месяцев; 31 региональную тюрьму для заключенных, приговоренных к отбыванию тюремного заключения менее чем на 6 месяцев, и 5 специальных тюрем для заключенных женщин, несовершеннолетних (от 12 до 16 лет, в некоторых случаях несовершеннолетние лица могут быть оставлены в данных учреждениях до достижения 21 года), бывших полицейских, лиц, страдающих заболеваниями, требующих постоянного медицинского сопровождения¹. Система пенитенциарных учреждений Испании включает 68 исправительных учреждений (закрытый тип), 32 центра социальной интеграции (полуоткрытого и открытого типов), 2 психиатрических центра, 3 центра матери и ребенка, а также 56 учреждений для несамостоятельных лиц²; Каталонии – 15 исправительных учреждений (пенитенциарных центров открытого и закрытого типов) и один медицинский центр³. Учреждения для несамостоятельных лиц, в сущности, не являются пенитенциарными. Они используются в целях исполнения заключительной части лишения свободы за пределами тюремных стен и, как правило, расположены в городской зоне и выглядят как обычные строения. В принципе, данные учреждения можно назвать заключительными звеньями пенитенциарной системы, поскольку они дополняют реабилитационную работу, которая проводится в тюрьме, деятельностью, ускоряющей личностное развитие субъекта, развивающей чувство ответственности, ценность мирного со-

---

¹ Dores A.P., Pontes N., Loureiro R. Prison conditions in Portugal. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditioninPortugal.pdf>.

² Официальный сайт Генеральной дирекции тюремной администрации Испании. Тюрьмы. URL: <http://www.institucionpenitenciaria.es/web/portal/idioma/en/centrosPenitenciaris/>.

³ Официальный сайт Департамента юстиции Каталонии. Пенитенциарные центры. URL: http://justicia.gencat.cat/ca/ambits/reinsercio_i_serveis_penitenciaris/serveis_penitenciaris/els_centres_penitenciaris/.

существования. Осужденные занимаются планированием семейного устройства, укрепляются в рабочих привычках, утраченных в большинстве случаев. У них появляется широкий доступ к обучению, приобретению различных навыков, медицинскому, психологическому лечению. Управление учреждениями для несовершеннолетних лиц осуществляют в основном ассоциации и негосударственные организации под общим руководством и контролем Генеральной дирекции тюремной администрации. Центры социальной интеграции функционируют в соответствии с принципом доверия к осужденным, поскольку они имеют возможность выполнять свои рабочие обязанности и проходить лечение за пределами данных заведений. В них обеспечивается лечение, общественная работа, производственная деятельность осужденных. Центры снабжены эффективной системой безопасности, позволяющей контролировать осужденных с помощью, в частности, электронных браслетов GPS-контроля, индикаторов содержания алкоголя в крови, персональных определителей голоса¹.

Также необходимо отметить, что согласно ст. 19 Уголовного кодекса Королевства Испании, наказание в виде тюремного заключения в отношении лиц в возрасте от 14 до 18 лет исполняется на основании Закона 2000 года об уголовной ответственности несовершеннолетних. Поэтому формально система 5 воспитательных центров (включая Каталонию) не является пенитенциарной, а функционирует под эгидой Ювенальной системы правосудия.

В Андорре в настоящее время имеется только одно пенитенциарное учреждение – Ла Комелла, в котором сочетаются функции как содержания под стражей (хотя некоторые задержанные содержатся в помещении для задержанных в Каста-де-ла-Валь²), так и исполнения уголовного наказания в виде тюремного заключения.

Данный тип имеет немного повышенный коэффициент заключенных (113), а также ниже нормативной наполняемость исправительных учреждений (76,9 %), самый низкий среди всех типов европейских пенитенциарных систем удельный

---

¹ Osana M.A. Prison conditions in Spain. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinSpain.pdf>.

² Княжество Андорра. URL: http://www.andorramania.com/constit_gb.htm.

вес несовершеннолетних лиц в общей массе осужденных, подвергнутых тюремному заключению (0,2 %), и значительный удельный вес заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (39,6 %). Причем низкий удельный вес несовершеннолетних лиц в общей массе осужденных, подвергнутых тюремному заключению, отражает процесс так называемого «ювенального пенитенциарного элиминирования», то есть выведения из пенитенциарной системы учреждений для содержания несовершеннолетних лиц, отбывающих наказание, связанное с ограничением свободы.

Рассматриваемый тип пенитенциарной системы характеризуется стремлением к смягчению уголовных репрессий. Например, в Португалии наиболее суровым уголовным наказанием выступает тюремное заключение продолжительностью 25 лет (уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы отменено в 1989 году), в Андорре – 30 лет, в Испании – 40 лет (согласно ст. 76 Уголовного кодекса Королевства Испании только по совокупности приговоров за два или более совершенные тяжкие преступления, каждое из которых предусматривает наказание свыше 20 лет, либо за преступления террористического характера¹). Данная особенность в целом отражает общеевропейскую тенденцию к возрастанию роли так называемой «лигитимации» в деятельности исправительного учреждения, которая отражает возрастание паритетных начал во взаимодействии заключенного и администрации, представлений об осужденном как субъекте, а не объекте исправительного воздействия, роли осужденного в оценке степени возможного дисциплинирования его поведения, то есть фактически установления контроля за масштабами власти в пенитенциарных отношениях².

Режим отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения не предполагает четко построенной прогрессивной системы и во многом регулируется усмотрением администрации. Приемлемые бытовые условия доступны практически всем категориям осужденных, размещение заключенных, как прави-

---

¹ Legislationline. Criminal Code of the Kingdom of Spain (1995, as of 2011) (English version). URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/2>.

² João Pedro Costa. A matter of degree: A justice framework for penal legitimacy // *Punishment & Society*. 2016. Vol. 18(4). P. 389-397.

ло, по 2 в камере с возможностью относительно свободного перемещения в дневное время суток по жилой части тюрьмы, доступность еженедельных свиданий и каждодневных телефонных разговоров с родственниками, а также возможность ношения гражданской формы и работы в небольших мастерских либо по хозяйственной службе за небольшую заработную плату не предполагают использование особой системы исправительных стимулов. При этом принудительный труд осужденных запрещен. Так, ч. 2 ст. 25 Конституции Королевства Испании закрепляет: «Наказания, влекущие за собой лишение свободы и меры безопасности, должны быть направлены на реабилитацию и социальную реинтеграцию и не могут состоять из принудительного труда... осужденный должен иметь право на оплачиваемый труд и на соответствующую социальную заботу, преимущественный и общий доступ к культурным возможностям»¹. В свою очередь ст. 3 Генерального пенитенциарного закона Королевства Испании 1979 года указывает, что действия сотрудников, работающих в местах лишения свободы, должны соответствовать признанию осужденного человеком и личностью, обладающей правами и законными интересами, вне зависимости от характера приговора, без установления каких-либо различий по признаку расы, политических убеждений, религиозных верований, социального статуса или любых других дискриминирующих факторов; заключенные способны реализовывать свои гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права, не исключая право избирательного голоса, но лишь в некоторых случаях; осужденные и их семьи сохраняют свои права на пособия по социальному обеспечению, приобретенные до того, как они были приговорены к тюремному заключению; они имеют право на обеспечение тюремной администрацией их неприкосновенности и охрану здоровья. Ст. 13 закона декларирует, что тюрьмы должны включать обособленные спальни (камеры), больницы, школы, библиотеки, спортивные и развлекательные сооружения, мастерские, парикмахерские, кухни, индивидуальные стенды информации, подключенные телефоны для поддержания отношений с семьями, а также иные под-

---

¹ Legislationline. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. Spain. Constitution of the Kingdom of Spain (1978) (English version). URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/constitutions/country/2>.

разделения, способствующие активной жизни заключенных; тюремная администрация должна обеспечивать возможность осужденных работать¹.

Как в Испании, так и в Португалии предусмотрено 4 категории условий содержания (закрытые, полуоткрытые, открытые (ночного пребывания) и условно-досрочное освобождение под домашним арестом), которые могут меняться путем перевода из одного исправительного учреждения в другое либо путем помещения под домашний арест (данные элементы прогрессивной системы не распространяются на пенитенциарную систему Андорры)². Так, осужденный может попасть в тюрьму (центр социальной интеграции в Испании) 3 категории, если до этого он находился в пенитенциарном учреждении 2-й категории содержания и показал значительный прогресс исправления (в частности, отбыл половину срока наказания, ранее покидал тюрьму на некоторый промежуток времени, а также продолжает отбывать наказание, установленное приговором, допускающим возможность для осужденного в ближайшие два или три года получить условно-досрочное освобождение, то есть, например, не быть осужденным за преступления террористического характера либо против половой неприкосновенности лиц младше 13 лет).

Согласно статей 54 и 89 Уголовного кодекса Португалии осужденный должен выполнять индивидуальный план социальной реадaptации, который предполагает ряд воспитательных, психологических, медицинских, профессионально-трудовых, образовательных и режимных мероприятий, направленных на наиболее успешную адаптацию осужденного в обществе после его освобождения. Достаточно широко применяется дистанционное получение осужденными высшего и иного профессионального образования³. При этом за каждым осужденным закрепляется эксперт из числа службы социальной реинтеграции, являющейся

---

¹ Noticias Jurídicas. Ley Orgánica 1/1979, de 26 de septiembre, General Penitenciaria. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/lo1-1979.tp.html.

² Cid J., Tébar B. Revoking early conditional release measures in Spain // European Journal of Probation University of Bucharest. 2012. Vol. 4. № 1. P. 112-124 (URL: http://www.ejprob.ro/uploads_ro/759/Spain.pdf).

³ Moreira J.-A., Reis-Monteiro A., Machado A. Higher Education Distance Learning and e-Learning in Prisons in Portugal // Media Education Research Journal. 2017. n. 51. v. XXV. P. 39-49.

структурным звеном Генеральной дирекции реинтеграции и тюрем¹, который готовит план подготовки осужденного к освобождению с учетом индивидуальных особенностей осужденного, следит за соблюдением его требований и оказывает помощь заключенному в решении соответствующих организационных вопросов (например, в подготовке ходатайства перед судом о выезде осужденного за пределы Португалии)².

Необходимо отметить, что иберийскому пенитенциарному типу не свойственно наличие частных тюрем. Однако одной из особенностей является наличие так называемых семейных тюрем. В частности, испанская тюрьма Аранхуэс (Centro Penitenciario Madrid VI, Aranjuez) имеет специализированный детский центр³. Кроме того, персонал, режим, камеры, организация труда и профессионального обучения осужденных в исправительном учреждении также приспособлены к особенностям содержания семейных пар (135 из 936 осужденных)⁴.

В конце XX столетия идея либерализации тюремного заключения достигла своего апогея, что коснулось также иберийского пенитенциарного типа. В результате, например в Испании высокие затраты на содержание заключенного, которых в 2000 году насчитывалось 113 на 100 тысяч населения, в 2014 – уже 144, стали выглядеть не в полной мере обоснованными, что привело к стремительному свертыванию в 2012 году программ финансирования строительства новых исправительных учреждений либо «заморозке» функционирования только что построенных (например, крупнейшей тюрьмы, рассчитанной на 2 тысячи заключенных, недалеко от города Малага на юге Испании, в которой имеется солнечная тепло-центральный завод по очистке воды, футбольное поле)⁵.

---

¹ Официальный сайт Генеральной дирекции реинтеграции и тюрем Португалии. URL: <http://www.dgsp.mj.pt/>.

² Legislationline. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. Portugal. Criminal Code of Portugal (2006) (English version). URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/9>.

³ Centro Penitenciario Madrid VI. URL: <http://www.abc.es/especiales/carceles-presos-famosos/cp-madrid-6.asp>.

⁴ Prisiones. Centro Penitenciario de Aranjuez - Madrid VI. URL: http://www.prisiones.info/centro_penitenciario/madrid/aranjuez_madrid_VI.html.

⁵ Spain's 'ghost prisons' hit by funding shortfall. URL: <http://www.thelocal.es/20141112/spains-ghost-prisons-hit-by-funding-shortfall>.

В исправительных учреждениях значительный удельный вес занимают иностранные осужденные. Так, по состоянию на сентябрь 2015 года в Андорре – это 83 %, в Испании – 29,1 %, в Португалии – 21 %¹, что при обращении с этой категорией заключенных определяет необходимость учитывать особенности их языковой и национально-культурной принадлежности. Вместе с тем, для этой категории, как правило, не предусматриваются специальные исправительные учреждения.

Данная особенность уже стала предметом обсуждения как представителями научных центров, расположенных в государствах иберийского типа (например, специалистами Обсерватории по пенитенциарной системе и правам человека (OSPDH) Барселонского университета² в специальном исследовании «Права человека в Испании в 2015 году»³), так и со стороны известных зарубежных исследователей-пенитенциаристов⁴. Отечественные исследователи зарубежных уголовно-правовых систем также критикуют действующую в Испании систему наказаний⁵.

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом государства, пенитенциарные системы которых охватываются иберийским типом, имеется ряд указаний на соответствующие проблемы. Так, в отчете по результатам посещения ряда тюрем (в частности, Центральной тюрьмы Лиссабона (Lisbon Central Prison) и тюрьмы Монсанто с высокой степенью безопасности (Monsanto High Security Prison)) в Португалии 13 – 17 мая 2013 года (делегация СРТ посещала страну в 1992, 1995, 1996, 1999, 2002, 2003, 2008, 2012, 2013 годах) указывается на факты жестокого обращения тюрем-

---

¹ Международный Центр тюремных исследований (International Centre for Prison Studies). Spain. URL: <http://www.prisonstudies.org/country/spain>.

² Observatory on the Penal System and Human Rights (OSPDH). URL: <http://www.ub.edu/ospdh/>.

³ Rights International Spain : Balanç 2015 sobre DDHH a Espanya. URL: <http://www.rightsinternationalspain.org/uploads/publicacion/9923b4f958c3e6164a0ad5e8130ba0de71bf15e7.pdf>.

⁴ Marcelo F. Aebi, Natalia Delgrande. Foreign prisoners in Europe: some critical remarks on available data for 1989 to 2006 // *Deviance et societe*. Т. 33. 2009. P. 475-499.

⁵ Зульфугарзаде Т.Э. Пенальное наказание: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 39.

ного персонала с осужденными, плохие материальные условия содержания заключенных, низкой укомплектованности штата учреждения и, как следствие, ослабление контроля за соблюдением режима. В связи с чем одной из рекомендаций выступил поэтапный отказ от использования сотрудниками тюрем дубинок, необходимость повышения квалификации персонала исправительных учреждений в части поведения в конфликтных ситуациях без использования чрезмерной физической силы. Относительно тюрьмы Монсанто было рекомендовано использование индивидуальных исправительных программ, сочетающих участие заключенных в так называемых мультидисциплинарных группах с целью более успешного освоения трудовыми профессиями¹. При этом, необходимо отметить, что Центральная тюрьма Лиссабона, выступающая классическим образцом архитектуры паноптикума, содержит около 1100 заключенных, что составляет приблизительно 10 % всего тюремного населения страны, включая содержащихся до суда под стражей, осужденных пожилого возраста, несовершеннолетних преступников, лиц, проходящих метадоновую заместительную терапию и иные антинаркотические программы, осужденных, требующих повышенного контроля, а также осужденных, задействованных во внутренних ремонтных работах. Такой конгломерат обусловленных нехваткой в Португалии современных исправительных учреждений. Низко эффективный режим в данной тюрьме (как и во многих других) создал ситуацию, при которой заключенные могут покупать наркотики (в основном каннабисной группы, кокс, анаболические стероиды и даже героин)². Рассматриваемая ситуация фактически отражает выводы Комитета по правам человека ООН, который рассмотрел четвертый периодический доклад Португалии (CCPR/C/PRT/4) на своих 2936-м и 2937-м заседаниях (CCPR/C/SR.2936 и CCPR/C/SR.2937), состоявшихся 23 и 24 октября 2012 года: «...в некоторых тюрьмах наблюдается переполненность, предоставляются неадекватные услуги и существуют плохие условия для состояния здоровья. Он озабочен случаями зло-

---

¹ Report to the Portuguese Government on the visit to Portugal carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 17 May 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/prt/2013-35-inf-eng.pdf>.

² Drugs, crime and decriminalisation. Lisbon prison visit. URL: <https://jmagson2013wcmr.wordpress.com/2013/10/16/lisbon-prison-visit/>.

употребления заключенными наркотиками, а также высоким показателем числа заключенных, инфицированных ВИЧ/СПИДом и гепатитом С. Комитет также озабочен некоторыми сообщениями о физическом насилии и других формах злоупотреблений, совершаемых тюремными охранниками в тюрьме строгого режима Монсанту, центральной тюрьме Коимбра и центральной тюрьме Опорту»¹.

На ситуацию с недостаточным материальным обеспечением условий содержания заключенных и случаи применения насилия в отношении осужденных со стороны тюремного персонала указывается и в Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года по итогам визита в Португалию², а также в Докладе Рабочей группы по универсальному периодическому обзору Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленного в 2014 году в отношении Португалии³.

В отчете СРТ по результатам посещения Испании в период с 14 по 18 июля 2014 года отмечаются проблемы обращения с иностранными гражданами (в частности, отсутствие доступа к туалету на протяжении временного промежутка с 12 ночи до 7 утра, что приводило к необходимости использования пластиковых бутылок для удовлетворения своих естественных потребностей.), факты жестокого обращения с осужденными, недостаточно хорошие бытовые условия, отсутствие регулярных консультаций врачей⁴. В п. 27 Резюме Управления Верховного комиссара по правам человека Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленного в 2015 году в отношении Испании, отмечается озабоченность тем фактом, что в государстве «на каждые 100 000 жителей в среднем приходилось 143,7 заключенных; это наиболее высокий показатель среди стран За-

¹ Организация Объединенных Наций. Комитет по правам человека. Заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Португалии, принятые Комитетом на его 106-й сессии (15 октября – 2 ноября 2012 года). URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/PRT/CO/4&Lang=En.

² Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Португалия (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Portugal). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220531.pdf>.

³ Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Португалия, 7 июля 2014, A/HRC/27/7. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/53eb20264.html>.

⁴ Report to the Spanish Government on the visit to Spain carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 14 to 18 July 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/esp/2015-19-inf-eng.pdf>.

падной Европы. Мер, альтернативных заключению под стражу, практически не существует»¹.

На ситуацию с превышением лимита содержания сужденных в некоторых исправительных учреждениях Испании также указывается в Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года.² Данные проблемы выступают предметом широкого обсуждения среди научной общественности. Так, Ян Маунт аргументировано считает, что в Испании очень активно применяется практика перевода осужденных со второго уровня содержания на третий и с третьего на четвертый по причине экономии финансовых затрат на содержание заключенных на первом и втором уровнях содержания (закрытый и полукрытый), что оказывает негативное влияние на исправительный эффект наказания³.

В отчетах СРТ по результатам посещения Андорры в период с 28 ноября по 1 декабря 2011 года отмечались лишь проблемы оказания осужденным должной медицинской помощи⁴. По результатам посещения государства в 2004 и 1998 годах были отмечены недостатки освещения, питания, вентиляции и медицинского сопровождения в исправительных учреждениях страны (на этот период в государстве существовало две тюрьмы), которые в последствии были устранены. Отсутствие каких-либо существенных проблем в сфере функционирования тюрьмы международными правозащитными организациями не было выявлено и в последствии. Более того, в п. 62 Доклада Рабочей группы по универсальному периодическому обзору Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленного в 2015 году в отношении Андорры, в качестве положительного мо-

¹ Резюме, подготовленное Управлением Верховного комиссара по правам человека в соответствии с пунктом 15 с) приложения к резолюции 5/1 Совета по правам человека и пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета: Испания. Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Испания, 22 января 2015, A/HRC/WG.6/21/ESP/3. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/54c0e26d4.html>.

² Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Испания (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Spain). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220546.pdf>.

³ Fortune. Spain has an empty prison problem. URL: <http://fortune.com/2014/12/02/spain-empty-prison-problem/>.

⁴ Rapport au Gouvernement de l'Andorre relatif à la visite effectuée en Andorre par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 28 novembre au 1er décembre 2011. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/and/2012-28-inf-fra.pdf>.

мента указывается на «создание специального образовательного подразделения в пенитенциарном учреждении в целях содействия социальной реинтеграции лиц, содержащихся под стражей, за счет образования и занятости»¹.

Таким образом, для иберийского типа европейских пенитенциарных характерен значительный удельный вес иностранных граждан, смешанная подведомственность органов управления пенитенциарными учреждениями и применение разнообразных индивидуальных образовательных, религиозных и поведенческих программ отбывания тюремного заключения. Среди правовых источников присутствуют кодифицированные уголовно-исполнительные акты, непосредственно при обращении с осужденными широко применяются акты Совета Европы в области исполнения уголовных наказаний. На фоне энергичного поддержания в тюрьмах стран иберийского пенитенциарного типа прогрессивных стандартов обращения с осужденными в отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, посетивших с визитом Испанию, Португалию и Андорру, отмечаются нарушения прав осужденных либо иные недостатки в организации деятельности тюрем.

§ 6. Прибалтийский тип европейских пенитенциарных систем

Прибалтийский пенитенциарный тип (Эстония, Латвия, Литва) основывается на тесном географическом и историческом соседстве трех государств, в настоящее время заинтересованных в восприятии как можно в большей степени идеалов западноевропейского права для модернизации публичного права, на которое определенное время оказывалось воздействие со стороны социалистической правовой системы.

Органы управления пенитенциарными учреждениями в государствах прибалтийского пенитенциарного типа подведомственны соответствующим Министерствам юстиции.

---

¹ Совет по правам человека. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Андорра, 15 июля 2015, A/HRC/30/9. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/55f6ce714.html>.

Тюремная администрация Латвии осуществляет управление исправительными учреждениями (всего их 12), подразделяющихся в зависимости от степени обеспечения безопасности персонала и общества на три типа – закрытого (4 учреждения), полуоткрытого (к данному виду можно также отнести исправительную колонию для несовершеннолетних юношей) и открытого (4). В Латвии несовершеннолетние мужского пола отбывают наказание в исправительном учреждении для несовершеннолетних в Цесисе, несовершеннолетние женщины в отдельном блоке тюрьме Ильгюциемс. При этом значимость для тюремного ведомства задач по ресоциализации и социальной адаптации осужденных объясняет подчиненность ему также Государственной службы пробации, созданной в 2003 году. Не случайно специалистами отмечается, что «появление института пробации в Латвии продолжает реформу уголовно-исполнительной системы, начавшуюся с тюремной реформы, отмены смертной казни»¹.

Департаменту пенитенциарных учреждений Литвы подчиняется 9 учреждений, включая 4 исправительных дома, 1 исправительный дом-следственный изолятор, 2 следственных изолятора, 1 тюрьму, 1 тюремную больницу, а также учебный центр для сотрудников и 4 службы пробации².

Тюремная служба Эстонии для государства с небольшим населением имеет достаточно разветвленную систему, которые находятся под непосредственным контролем со стороны Канцелярии Канцлера юстиции³. Таллиннская и Тартуская тюрьмы относятся к исправительным учреждениям закрытого типа, в первой из которых находится медицинское исправительное учреждение, мужская закрытая тюрьма Вильянди, которая имеет открытое отделение для содержания несовершеннолетних юношей, учреждение Харку и Муру представляет объединение закрытой и открытой тюрем, включая отдельные блоки для содержания несовершеннолетних девушек, престарелых осужденных и лиц женского пола, проходя-

---

¹ Волов В.Т., Тейван-Трейновский Я.С. Институт пробации как механизм социально-правового воздействия на личность с противоправным поведением // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3. С. 132.

² Департамент тюрем при Министерстве юстиции Литовской республики. URL: <http://www.kaldep.lt/ru/departament-penitenciarnych-utchrezdenii/html>.

³ Канцелярия Канцлера юстиции Эстонии. URL: <http://oiguskantsler.ee/ru/mesta-lisheniya-svobody-estonii>.

щих реабилитацию после лечения от наркотической зависимости. Виру – объединение закрытой и открытой тюрем, арестного дома и следственного изолятора¹.

Среди основных правовых актов, регламентирующих сферу исполнения уголовных наказаний в Латвии, следует отметить Конституцию 1998 года, Уголовный кодекс 1998 года, Кодекс об исполнении наказаний 1998 года, Тюремный Закон об администрации 2002 года, Тюремные административные правила 2005 года, Тюремные внутренние правила 2006 года. В Литве – это Конституция 1992 года, Уголовный кодекс 2000 года, Закон о судах 1994 года, Уголовно-процессуальный кодекс 2002 года, Правила для пенитенциарных учреждений, утвержденные Министерством юстиции в 2000 году, Служебный устав Департамента пенитенциарных учреждений 2000 года. С 2000 года принимаются Уставы тюрем, закрепляющие основные задачи пенитенциарных учреждений, включая подготовку осужденных к освобождению и интеграции в общество. Также следует обратить внимание на Санитарные правила для помещений, содержания и охраны здоровья в местах содержания под стражей в Республике Литва, изначально утвержденные Министерством здравоохранения в 1999 году, на основании которых были разработаны стандарты по минимальной площади для каждого заключенного, в том числе отбывающих наказание, и закреплены гарантии на отдых, ежедневную прогулку на открытом воздухе продолжительностью не менее часа (независимо от поведения заключенного), предусмотрена возможность готовить самостоятельно пищу, более частое получение передач и увеличение их разрешенного веса. Среди основных эстонских источников следует отметить Уголовный кодекс 2001 года (также официально именуемый Пенитенциарным кодексом), Уголовно-процессуальный кодекс 2003 года, Кодекс этики тюремных служащих 2008 года, Закон от 19 ноября 1997 года № 87 «О пенитенциарном регистре», Закон от 14 июня 2000 года № 58 «О тюремном заключении», а также постановление Министерства юстиции от 30 ноября 2000 года №72 «О правилах внутреннего распорядка тюрьмы».

---

¹ Тюремная служба Эстонии. URL: <http://www.vangla.ee/ru>.

Прибалтийскому типу свойственен один из самых высоких среди всех типов европейских пенитенциарных систем коэффициент заключенных (274), что при ниже нормативной наполняемости исправительных учреждений (90,8 %) свидетельствует о значительных площадях и количестве исправительных учреждений (включая тюремные больницы и учреждения предварительного заключения) Латвии, Литвы и Эстонии (по 11, 15 и 4 соответственно в каждой стране). При этом следует учитывать, что в этих странах за последние десятилетия наблюдается снижение общего числа заключенных. Например, в Латвии, Литве и Эстонии в 1992 году содержалось 8340, 9175 и 4778 заключенных соответственно, в 1995 году – 9457, 12782 и 4401, в 1998 году – 10070, 13628 и 4769, в 2004 году – 8179, 8063 и 4577, в 2007 году – 6548, 8079 и 4310, в 2010 году – 7055, 8655 и 3555, по состоянию на апрель 2014 года в Латвии – содержалось уже только 5280 заключенных, по состоянию на сентябрь 2013 года в Литве – 9509, по состоянию на сентябрь 2014 года в Эстонии 3075 лиц находилось в тюремном заключении. Эти статистические данные говорят о том, что для прибалтийского типа пенитенциарной системы свойственно, с одной стороны, традиционно высокий уровень «тюремного населения», с другой – положительная динамика (при определенной «волнообразности») в части постепенного снижения фактического количества осужденных. Также следует указать на ощутимый удельный вес заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (13,5 %).

Данный тип по существу имеет переходный характер, поскольку характеризуется попыткой отхода от советской модели исправительно-трудового воздействия на осужденных к реализации образцов преимущественно западноевропейской модели. Например, ярко это прослеживается в рамках реализованного в период с 1997 по 2004 годы проекта «Норд-Балт» – своеобразное содружество между отдельными исправительными учреждениями Швеции, Норвегии и Латвии. По мнению О.А. Ивановой, позитивная роль проекта состоит в том, что «десять лет назад абсолютное большинство осужденных проводило время в праздности, то сегодня 30 % из них работают или осваивают профессию. Это тоже, конечно, ма-

лый показатель, но по сравнению с тем, что было, прогресс налицо. Самый большой процент работающих и осваивающих профессии – в Ильгюциемской женской тюрьме (90 %). Сейчас трудоустройством осужденных занимается специально созданный в Управлении местами заключения отдел занятости, который договаривается с частными фирмами об обучении заключенных разным профессиям»¹.

Наблюдается достаточно активное сотрудничество с органами управления европейских стран и участие в различных международных проектах по развитию прогрессивных форм и методов обращения с осужденными. Так, совместно с Европейским институтом по предупреждению преступности и борьбе с ней (The European Institute for Crime Prevention and Control) Литва, Латвия и Эстония принимает участие в проекте «DAPHNE Strong», который координируется Научно-исследовательским институтом медицинской ассоциации Германии и финансируется программой Европейской Комиссии DAPHNE III². Причем нельзя не заметить, что начиная с 2011 года первыми активными участниками проекта выступили такие государства как Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания³. Целью проекта выступает оптимизация существующих европейских программ и практик обращения с заключенными женщинами, испытывавшими различные формы физического и сексуального насилия⁴.

Основными зарубежными партнерами по линии оптимизации практики обращения с осужденными выступают Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Великобритания, Германия и Грузия. В частности, общение эстонских пенитенциарных специалистов с коллегами тюремной системы Великобритании осуществляется в рамках программы Европейского Союза EQUAL развития международного

¹ Иванова О.А. Об опыте реформирования пенитенциарной системы Латвии // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 1. С. 61.

² European Commission. Justice. Daphne III. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/programme/daphne-programme/index_en.htm.

³ STRONG – Capacity building of female prisoners with a history of violence and abuse – Resource Material – WIAD - Scientific Institute of the Medical Association of German Doctors, Bonn, Germany. Project Manager: Dr Caren Weilandt, 2013. URL: http://philipus.de/daphne-strong.eu/DOCS/final_material/resource_material_UK.pdf.

⁴ STRONG – Capacity building for female prisoners with a history of violence and abuse. URL: <http://www.heuni.fi/en/index/researchareas/prison/strong-capacitybuildingforfemaleprisonerswithahistoryofviolenceandabuse.html>.

партнерства «New Horizons» и при посредничестве Целевого учреждения по предупреждению преступности (Kuriteoennetuse Sihtasutus), Германии – посредством прохождения непродолжительного обучения в образовательных заведениях, занимающиеся обучением тюремных работников, Швеции – в рамках проекта «Представитель для контактов», что привело к значительным корректировкам штатной структуры и функций персонала Таллиннской тюрьмы, Норвегии – по реализации применяемой в норвежских исправительных учреждениях с 2003 года мультимодальной мотивационной программы для женщин-заключенных¹ (VINN – от норвежского слова «vin» – выиграть), которая представляет налаживание сотрудничества между сотрудниками исправительного учреждения и осужденными женщинами с целью формирования последними личной автономии, сильных качеств личности, извлечения внутренних ресурсов за счет увеличения объема персональной осведомленности и расширения стратегии выживания². Кроме того, Министерство юстиции Эстонии принимало участие в двухгодичной программе TACIS, проходившей под управлением Европейской комиссии, в рамках которой проводятся консультации и обучение по организации профессионального обучения заключенных, по программам возвращения в общество, особенностями процесса досрочного освобождения, а также с принципами обеспечения надзора и безопасности в местах лишения свободы. Также следует упомянуть о работе 19-20 июня 2018 года 23-й Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (CDAP) в Йыхви – городе на северо-востоке Эстонии.

Специалистами в области пенитенциарной компаративистики не без основания делается вывод о том, что международные проекты позволили Эстонии «приблизить деятельность пенитенциарных органов к международным стандартам, реформировать систему пенитенциарных органов, улучшить статус лиц, отбывающих наказание»³.

---

¹ MacDonald M. Women prisoners, mental health, violence and abuse // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2013. V. 36. I. 3-4. P. 298.

² Hojdahl T., Magnus J.H., Langeland E. «A bridge to change»: Experiences of participation in «VINN» – a motivational program for convicted women. A qualitative study // *EuroVista*. 2014. V. 3. No. 2. P. 81-96.

³ Иванова О.А. Опыт реформ пенитенциарной системы Эстонии // *Вестник Пермского института ФСИН России*. 2014. № 2. С. 32.

Условия содержания заключенных во многих исправительных учреждениях строятся на тюремно-покамерной модели размещения осужденных с элементами прогрессивной системы (высокий, средний и низкий уровни), при которой исправительное воздействие предусматривает допуск осужденного к различным фазам воздействия (используются элементы французского типа пенитенциарной системы). Также допускается размещение осужденных по четыре в камере с попытками организации исправительного воздействия посредством использования труда (как оплачиваемого, так и неоплачиваемого) заключенных в мастерских и мини-цехах (используются элементы германского типа пенитенциарной системы).

В некоторых полуоткрытых тюрьмах, в первую очередь в Латвии, осужденные размещаются в общежитиях по 30-60 человек, что как отмечается в специальных исследованиях, является наследием советских времен¹. Однако тяготение к западной модели режима демонстрирует повышение требований к обеспечению безопасности исправительных учреждений и постепенный переход к покамерному принципу размещения осужденных. Соответственно, закономерной является модель, на которую указывает такой видный отечественный пенитенциарист как В.А. Уткин, согласно которой при элементы режима уже не имеют четкой детализации в правовых актах, он устанавливается и меняется во внесудебном порядке, но в условиях судебного контроля, критериями строгости режима выступают личность осужденного и динамика её изменения в процессе отбывания наказания².

Однако в следственных изоляторах и закрытых исправительных учреждениях (в том числе в Рижской центральной тюрьме) практикуется камерное содержание осужденных с ежедневными прогулками около 1 часа. В полуоткрытых тюрьмах осужденным предоставляется возможность посещения в рамках исправительного учреждения школы, профессионального училища, ремесленных цехов, комнат психологической разгрузки и работы с воспитателями, досуговые и спор-

---

¹ Kamenska A., Pūce I., Laganovska K. Prison conditions in Latvia. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinLatvia.pdf>.

² Уткин В.А. Режим лишения свободы: между карой и безопасностью // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 66 (изд. доп. и перераб.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. С. 53-54.

тивные площадки, мест приготовления и приема пищи, санитарно-прачечных и иных помещений. В открытых тюрьмах при отсутствии дисциплинарных взысканий предусмотрены длительные свидания, упрощенный пропускной режим, кратковременные выходы для посещения социальных служб, допускается раз в месяц покидать исправительное учреждение на несколько дней в целях установления, закрепления или сохранения социально-полезных связей¹.

Достаточно активно внедряются индивидуальные программы исполнения наказания. Например, согласно ч. 1 ст. 16 Закона Эстонии от 14 июня 2000 года № 58 «О тюремном заключении», в отношении осужденного, срок отбывания тюремного заключения которого превышает один год, составляется индивидуальная программа исполнения наказания, в которой предусматривается: 1) размещение заключенного в тюрьме; 2) перевод заключенного в тюрьму открытого типа или другую тюрьму закрытого типа; 3) трудоспособность и профессиональные навыки заключенного; 4) необходимость в получении заключенным общего или профессионального образования либо трудового обучения; 5) применяемые к заключенному льготы; 6) меры, необходимые для подготовки заключенного к освобождению; 7) иные меры, необходимые для достижения целей исполнения наказания в виде лишения свободы. В ч. 2 указывается, что с заключенным обсуждается составленная в отношении него индивидуальная программа исполнения наказания.

Рассматриваемый тип европейских пенитенциарных систем характеризуется широкой практикой использования токсикологического тестирования (при поступлении и затем, как правило, дважды в течении года) направляемых в исправительные учреждения осужденных, ведение электронных баз данных, специально предназначенных для учета заболеваний (в основном, иммунодефицита, гепатита В и С, наркомании, туберкулеза) лиц, отбывающих наказания, результатов проводимого лечения и реабилитации. Например, в тюрьмах Эстонии в конце 2012 года 15,6 % всех заключенных имели диагноз ВИЧ-инфицирования, а 28,5 % – больные наркоманией (50 % из которых использовали опиаты). Однако именно в этой

---

¹ Centre for Crime and Justice Studies. Prison conditions in Latvia. URL: <http://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/Prison%20conditions%20in%20Latvia.pdf>

стране наблюдается установление отрицательного диагноза ВИЧ-инфицирования при освобождении в 97 % (по состоянию на март 2013 года)¹. При этом важно заметить, что указанное государство находится на третьем месте среди европейских государств (после России и Украины) по уровню ВИЧ-инфицирования населения (27,3 на 100 тыс.)², поэтому, на фоне выводов специалистов о сложной обстановке с охраной здоровья лиц, содержащихся в местах изоляции от общества, в целом по Европе³, действия администрации Тюремного управления Эстонии наглядно отражают их усилия по лечению и реабилитации больных осужденных.

Обращает внимание достаточно детальная правовая регламентация и энергичная работа пенитенциарных учреждений по воспитательной и ресоциализирующей работе с несовершеннолетними осужденными. Так, согласно ч. 1 ст. 62 Кодекса об исполнении наказаний Латвии работа с осужденными в местах лишения свободы должна быть осуществляться в рамках ресоциализации и в целях обеспечения того, молодые люди могли приобретать общее образование. Причем в соответствии с ч. 7 ст. 50.7 отмеченного кодекса процесс образования в отношении несовершеннолетних в исправительных учреждениях должны быть приближен к требованиям общеобразовательных учреждений, что необходимо регулировать инструкцией, согласованной с министром образования и науки и утвержденной министром юстиции. Статья 50.18 указанного правового акта Латвии (в редакции от 1 февраля 2015 года) регламентирует процедуру принятия решения аттестационной комиссии исправительного учреждения по смягчению режима исполнения наказания в целях ресоциализации несовершеннолетнего осужденного, а также по рассмотрению вопроса об его оставлении в воспитательном учреждении по достижении восемнадцатилетнего возраста с целью закончить учебный год либо даже до окончания всего срока назначенного наказания, но не более чем до до-

---

¹ Kivimets K., Uusküla A. HIV testing and counselling in Estonian prisons, 2012 to 2013: aims, processes and impacts // *Eurosurveillance*. 2014. V. 19. I. 47. P. 33.

² European Centre for Disease Prevention and Control (ECDC) and World Health Organization Regional Office for Europe. HIV/AIDS Surveillance in Europe 2011. Stockholm: ECDC. 2012. URL: <http://www.ecdc.europa.eu/en/publications/Publications/20121130-Annual-HIV-Surveillance-Report.pdf>.

³ Abbing H.R. Prisoners right to healthcare, a European perspective // *European Journal of Health Law*. 2013. V. 20. I. 1. P. 5-8.

стижения им двадцати пятилетнего возраста, с целью получения общего образования.

Однако проблемы общения разновозрастных осужденных, отбывающих наказание в воспитательных учреждениях, потребовали и достаточно твердых мер дисциплинарного воздействия на них. Например, ст. 70 Кодекса об исполнении наказаний Латвии в качестве одного из дисциплинарных взысканий предусматривает водворение несовершеннолетнего осужденного за нарушение порядка отбывания наказания в дисциплинарный изолятор, а за грубое и систематическое нарушение дисциплины в одиночную камеру на срок до 10 суток. В связи с чем Витолдс Захарс (руководил Латвийской тюремной администрацией с 1997 по 2002 гг.) и Марис Стиврениекс справедливо полагают, что применение таких дисциплинарных взысканий «может иметь непоправимое психологическое воздействие и травмировать психику несовершеннолетнего осужденного»¹.

Появление и строительство частных тюрем и даже следственных изоляторов (особенно в Латвии) во всех трех странах обусловлено отчасти формированием доверия общественности к данному институту, а также предопределено проблемами государственного финансирования пенитенциарных учреждений и их решением посредством государственно-частного экономического партнерства в этой сфере. Однако задачи по охране в данных исправительных учреждениях остаются возложенными на государство.

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом государства, пенитенциарные системы которых охватываются прибалтийским типом, обнаруживается ряд проблем, связанных с исполнением тюремного заключения. Так, отмечены проблемы, связанные с трудоустройством осужденных в исправительных учреждениях (например, в Таллиннской тюрьме из 664 осужденных имеют возможность работать только 138 заключенных), переполненностью тюрем, ограниченным доступом к естественному

---

¹ Zahars V., Stivrenieks M. Security implementation facets: peculiarities of execution of the sentence of imprisonment in respect of convicted minors // Journal of Security and Sustainability Issues. 2015. V. 4. №. 3. P. 226.

свету и слабой вентиляцией помещений, словесными оскорблениями и чрезмерным применением силы в отношении осужденных со стороны персонала¹. В Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года по итогам визита в Эстонию указывается на слабую доступность заключенных к медицинской помощи и возможность телефонных разговоров с родственниками и проблемы с пожарной безопасностью, а также на периодические факты самоубийств осужденных и лиц, содержащихся под стражей².

По результатам посещения СРТ с 12 по 17 сентября 2013 года Латвии в отчете отмечается необходимость увеличения в некоторых тюрьмах размеров помещений, где осужденные принимают пищу, смотрят телевизор, общаются, а также на минимизацию применения наручников, поскольку их использование лишь провоцирует заключенных на дальнейшее нарушение дисциплины. Отмечена недостаточность применения мер безопасности внутри тюремного периметра (указанная проблема была затронута в связи с участвовавшими массовыми беспорядками в закрытых тюрьмах Латвии, случаем побега одной из тюрем в 2013 году), нехватка целенаправленных исправительных мероприятий (работа, образование) в тюрьмах закрытого, а также частично закрытого (полукрытого) типа. Комитет предписывает обеспечивать осужденным условия для физического развития, в частности, установить какие-либо тренажеры и турники на территории, где осужденные находятся на прогулке. Вызвал возмущение тот факт, что вследствие нехватки медицинского персонала, администрация тюрем зачастую используют самих осужденных в качестве медбратьев³. На ситуацию с плохим медицинским обслуживанием, слабой инфраструктурой, недостаточным жизненным пространством (некоторые заключенные проживали на площади в 27 квадратных футов или меньше, тогда как положено не менее 43 квадратных футов) и случаи су-

---

¹ Report to the Estonian Government on the visit to Estonia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 30 May to 6 June 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/est/2014-01-inf-eng.pdf>.

² Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Эстония (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Estonia). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220486.pdf>.

³ Report to the Latvian Government on the visit to Latvia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 17 September 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lva/2014-05-inf-eng.pdf>.

ицидов, по которым затягивается расследование, указывается и в Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2014 года по итогам визита в Латвию¹.

Также одной из негативных тенденций в тюрьмах Латвии выступает наличие феномена криминальной субкультуры. Причем данное явление достаточно сильно распространено в учреждении для несовершеннолетних лиц мужского пола. Более того, Витолдс Захарс и Марис Стиврениекс отмечают, что последствием такой ситуации выступает более высокий рецидив преступлений несовершеннолетних лиц, отбывших тюремное заключение (37,5 %), тогда как у освободившихся взрослых осужденных рецидив составляет 20,6 %².

Принять меры по устранению чрезмерного применения силы в тюрьмах, улучшению материальных условий содержания под стражей (в докладе приводятся такие недостатки как ограниченность естественного освещения, отсутствие перегородок между туалетами в камерах, грязные матрасы и одеяла, и т.д.), по сокращению перенаселенности мест содержания под стражей и систематической сегрегации приговоренных к пожизненному заключению обязал Литву СРТ по итогам посещения государства в период с 27 ноября по 4 декабря 2012 года. Непосредственно в отношении посещенных тюрем, делегация Комитета получила ряд достоверных сообщений о намеренном жестоком физическом обращении и чрезмерном применении силы (в основном, битьё руками, ногами и дубинками), допускаемом сотрудниками тюрем в Алитусе и Шяуляе. В некоторых случаях делегация собрала медицинские свидетельства, подтверждающие соответствие этих утверждений действительности. Кроме того, отмечен высокий уровень насилия среди заключенных тюрьмы в Алитусе, что отчасти связано с тем, что лишь небольшое число надзирателей бывают в помещениях, где живут заключенные, в течение дня, и еще меньше – в ночное время и в выходные дни. Обращается внимание на бедность материальных условий содержания, большую перенаселен-

---

¹ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2014: Латвия (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Latvia). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236754.pdf>.

² Zahars V., Stivrenieks M. Op. cit. P. 223.

ность большинства посещенных учреждений, а также нехватку медицинских работников и ресурсов в тюрьмах в Алитусе и Лукишкесе¹. Отмечается переполненность большинства исправительных учреждений и их несоответствие международным стандартам в области обращения с осужденными в Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 года по итогам визита в Литву².

Таким образом, в прибалтийском типе органы управления пенитенциарными учреждениями, которые имеют достаточно разветвленную систему, подведомственны соответствующим Министерствам юстиции. Данному типу свойственен один из самых высоких среди всех типов европейских пенитенциарных систем коэффициент заключенных, а также ощутимый удельный вес заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных. Для прибалтийского пенитенциарного типа характерна реализация преимущественно так называемых западноевропейских образцов обращения с заключенными, что предполагает в основном тюремно-покамерное размещение осужденных с элементами прогрессивной системы и повышение требований к обеспечению безопасности исправительных учреждений. Элементы режима не имеют четкой детализации в правовых актах, он устанавливается и меняется во внесудебном порядке, но в условиях судебного контроля, критериями изменения режима выступают личность осужденного и её изменения при отбывании наказания. Обнаруживается активное участие стран в международных проектах, внедрение индивидуальных программ отбывания наказания и использование токсикологического тестирования осужденных. Появление и строительство частных тюрем и даже следственных изоляторов (особенно в Латвии) во всех трех странах обусловлено отчасти формированием доверия общественности к данному институту, а также предопределено решением проблем государственного финансирования пенитенциар-

---

¹ Report to the Lithuanian Government on the visit to Lithuania carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 27 November to 4 December 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ltu/2014-18-inf-eng.pdf>.

² Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Литва (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Lithuania). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220511.pdf>.

ных учреждений посредством государственно-частного экономического партнерства в этой сфере. Однако со стороны международных правозащитных организаций обращается внимание на недостатки в организации деятельности тюрем.

§ 7. Скандинавский тип европейских пенитенциарных систем

Скандинавский или иначе североевропейский тип пенитенциарной системы (Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, Исландия) отражает как географическую, так и исторически обусловленную правовую и социальную обособленность данных стран. Начиная с Кальмарской унии Дании, Норвегии и Швеции (1397-1523 гг.), которая существовала в противовес немецкой экономической и политической экспансии, страны Скандинавии поддерживают более тесные отношения между собой, нежели чем с другими государствами Европы. Данные отношения включают сферу уголовного и пенитенциарного права, особенности уголовно-правовой политики и правовой доктрины, поддерживаемой решениями такого особого межгосударственного объединения как Северный Совет¹. Сотрудничество между скандинавскими странами налажено и по линии уголовного правосудия, что регулируется Законом «Об аресте и передаче лиц между странами Северной Европы»².

Структуры управления исправительными учреждениями находятся в подведомственности в основном органов юстиции либо объединенному с министерством внутренних дел органов (Норвегия)³ и, в основе своей подразделяются на так называемые открытые и закрытые (с высокой степенью обеспечения внутренней безопасности и мер против совершения побегов). Например, в Исландии из шести тюрем, находящихся до 2011 года в подчинении Национальной тюремной и пенитенциарной администрации Министерства юстиции и прав человека (Ministry

---

¹ См.: Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: скандинавская уголовно-правовая и криминологическая модель // Государство и право. 2008. № 7. С. 53-55, 58-59.

² Закон «Об аресте и передаче лиц между странами Северной Европы». URL: <http://www.althingi.is/lagas/nuna/2010012.html>.

³ Официальный сайт Департамента исправительных учреждений Министерства юстиции и общественной безопасности Норвегии. URL: <http://www.regjeringen.no/en/dep/jd.html?id=463>

of Justice and Human Rights Iceland)¹, а в настоящее время – Государственной администрации тюрем и пробации Министерства внутренних дел (Ministry of the Interior)², функционирует 4 закрытые (Hegningarhúsið, Kópavogsbraut, Litla-Hrauni и Akureyri) и 2 открытые (Sogni и Kvíabryggju) тюрьмы, некоторые из которых одновременно выполняют задачи центров досудебного заключения (Hegningarhúsið) либо медицинских исправительных учреждений в первую очередь для больных наркоманией (Akureyri). Отсутствуют так называемые частные тюрьмы (за исключением Дании и Швеции³) – исправительные учреждения, функционирующие с привлечением частного капитала или подвергнутые приватизации. В свою очередь в Норвегии система исполнения наказаний, подконтрольная исправительной службе (Kriminalomsorgen) Департамента исправительных учреждений Министерства юстиции и общественной безопасности, насчитывает 43 тюрьмы: 5 центральных (2 из которых расположены в г. Осло), окружные и местные. Фактически в каждой стране имеются аналоги «переходных» исправительных учреждений (участков в рамках тюрьмы). Например, в Норвегии это «Half-Way House» («На полпути до дома») или a village prison («тюремные деревни»), функционирующие в целях подготовки осужденных к освобождению⁴. Вместе с тем нельзя не заметить наличие осторожного отношения отдельных специалистов в области пенитенциарной компаративистики относительно широкого использования в Норвегии практики отбывания фактически назначенного тюремного заключения осужденным у себя дома⁵.

¹ Официальный сайт Национальной тюремной и пенитенциарной администрации Министерства юстиции Исландии. URL: <http://www.fangelsi.is>.

² Официальный сайт Государственной администрации тюрем и пробации Министерства внутренних дел Исландии. URL: <http://eng.innanrikisraduneyti.is/ministry/Institutions/>.

³ Радченко Е.П. Международный опыт формирования и функционирования систем частных тюрем // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2013. № 2. С. 26.

⁴ См.: Щербаков А.В., Налдеев А.Б. Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в российских условиях // Молодой ученый. 2015. № 2. С. 394-396; Укерманн Й. О реформировании уголовно-исполнительной системы Норвегии // Обеспечение процесса реформирования исполнения наказаний в Российской Федерации: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Рязань, 29-30 октября 2009 г.) / под общ. ред. А.А. Реймера. 2-е изд., доп. Рязань: Академия ФСИН России, 2010. С. 12-14.

⁵ Nellis M. Understanding the electronic monitoring of offenders in Europe: expansion, regulation and prospects // Crime, Law and Social Change. 2014. V. 62. I. 4. P. 498.

Служба тюрем и пробации (Kriminalvården) Швеции подведомственна Министерству юстиции. Тюрем в количестве 56 подразделяются на три класса, но фактически данная классификация охватывает закрытые (также имеющие дополнительную классификацию по степени безопасности – начиная от типа А¹), открытые (тюрем типа F) и «переходные» исправительные учреждения. Также имеется 30 тюрем предварительного заключения². Департаменту тюрем при Министерстве юстиции Дании также подчинены открытые и закрытые тюрьмы (всего 16), 40 тюрем досудебного содержания, 9 реабилитационных и 14 испытательных центров³.

В структуре органов исполнения наказаний данных стран иногда выделяется самостоятельная служба по управлению исполнению альтернативных наказаний либо пробации. Например, в Финляндии начиная с 2010 года Агентство уголовных санкций (the Criminal Sanctions Agency) состоит из 15 служб общественных санкций, 26 открытых и закрытых тюрем, 2 госпиталей⁴. Некоторые авторы обосновано отмечали наличие общих задач между пробацией и исполнением тюремного заключения⁵, что и привело к фактическому объединению соответствующих служб в единое Агентство уголовных санкций Финляндии.

Продолжительность тюремного заключения относительно небольшая. Например, до 10 лет либо в исключительных случаях до 18 лет в Швеции, но не менее 14 дней (однако крайне редко применяется пожизненное лишение свободы)⁶. Около 60 % осужденных находятся в местах лишения свободы до 6 месяцев или меньше, 80 % – до года, лишь 3–5 % – от 4 лет до пожизненного срока. Не случайно девизом Минюста Швеции является идея: «Мы не столь богаты, чтобы

---

¹ The Swedish prison system. URL: http://www.internationalpenalandpenitentiaryfoundation.org/Site/documents/Stavern/29_Stavern_Report%20Sweden.pdf.

² Служба тюремного заключения и пробации (Kriminalvården) Швеции. URL: <https://www.kriminalvarden.se/swedish-prison-and-probation-service/prison/security-and-classification>.

³ Официальный сайт Департамента тюрем при Министерстве юстиции Дании. URL: <http://www.kriminalforsorgen.dk/Serving-a-prison-sentence-687.aspx>.

⁴ Официальный сайт Министерства юстиции Финляндии. URL: <http://www.oikeusministerio.fi/en/>.

⁵ Елизаров А.Б., Князев А.В. Исполнение отдельных видов наказаний в Великобритании и Финляндии // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4. С. 178.

⁶ Пенитенциарная система Швеции. URL: <http://www.azpenalreform.az/ru/library/stats/116-rabota-sistemy-penitenciarnykh.html>.

содержать армию заключенных»¹. В Норвегии максимальный срок тюремного заключения составляет 21 год². Непродолжительные сроки тюремного заключения во многом выступают результатом критического отношения научной общественности скандинавских стран к эффективности длительных сроков отбывания наказания³. Так, Иоганнес Анденес аргументировано отмечает: «...отрицательное влияние в течение продолжительного пребывания в тюрьме перевешивает или по крайней мере нейтрализует воспитательные усилия персонала»⁴.

Правовое регулирование исполнения и отбывания уголовных наказаний основывается, как правило, на кодифицированном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, а также специальном правовом акте об исполнении приговоров, который кроме регламентации порядка исполнения конкретных уголовных наказаний включает существенный блок по вопросам структуры и назначении исправительных учреждений, статусе их персонала, основания применения физической силы и специальных средств (например, Закон Исландии «Об исполнении приговоров», Закон Норвегии «Об исполнении уголовных наказаний», Закон Швеции «Об обращении с заключенными», Закон Дании «Об исполнении приговоров», Закон Финляндии «О тюрьмах»).

Использование регионального территориального принципа действия уголовного закона в пространстве, обеспечивающего идею коллективной безопасности этих стран, тесные контакты в сфере теории и практики обращения с осужденными создали предпосылки для реализации принципа неотвратимости наказания и сходства моделей обращения с осужденными⁵. Пенитенциарная практика стран североевропейского типа отличается мягкостью, либеральностью и гума-

---

¹ System of punishment in Sweden: basics of criminal policy. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2013/04/41/>.

² См.: Тимофеева Е.А. Состояние и особенности профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарной системы скандинавских стран // Самарский юридический институт ФСИН России. 2015. №1. С. 89, 97; Закон Королевства Норвегии «Об исполнении уголовных наказаний»: Закон от 20 января 2004 г. / пер. с англ. Ю.М. Мазуриной. Рязань: Академия ФСИН России, 2011.

³ Например, см.: Кури Х., Ильченко О.Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 245-247.

⁴ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / пер. с англ. В.М. Когана / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1979. С. 153.

⁵ The Swedish judicial system – a brief presentation. REGERINGSKANSLIET. Ministry of Justice. Stockholm: NRS Tryckeri. 2006. P. 16.

низмом в выборе форм и методов воздействия на осужденных¹, что наиболее ярко подчеркивается условиями содержания Андерса Брейвика в тюрьме, расположенной в городе Осло (например, сохранение значительного объема гражданских прав позволило указанному осужденному заявить о создании Норвежской фашистской партии и Нордической лиги²). Не случайно даже в условиях возрастания числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в 1995-2005 годах на 32,1 % в Норвегии, 31% – Финляндии, 22,3 % – Швеции, 22,1 % – Дании (в Исландии наблюдалось уменьшение на 3,4 %) коэффициент (уровень) заключенных (количество лиц, отбывающих тюремное заключение, на 100 тысяч населения соответствующего государства) в данных странах как в конце XX столетия, так и в начале XX века остается в пределах 50-70 осужденных³. Достаточно точно предпосылки такой ситуации охарактеризовал известный новозеландский криминолог Джон Пратт: «корни традиционно низких сроков лишения свободы и гуманных условий содержания в тюрьмах скандинавских стран уходят к высоко эгалитарным ценностям социальных структур. Уникальность этого региона сформирована на культуре равенства, которая была затем внедрена в социальную структуру государства благосостояния»⁴.

Пенитенциарная политика стран рассматриваемого типа выступает ярким примером отхода от стратегии «войны с преступностью» (War on crime) к стратегии «сокращения вреда» (Harm reduction), что, как отмечают Я.И. Гишинский и А.В. Рабош, является осознанием неэффективности традиционных средств контроля над преступностью⁵.

В настоящее время скандинавский тип характеризуется самым низким (средний показатель равен 62) уровнем заключенных, незначительно ниже норма-

¹ См.: Ангила И. Контроль без репрессивности? // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. С. 97-111.

² EUROMAG Всё о Европе. Брейвик создаст партию. URL: <http://www.euromag.ru/norway/39161.html>.

³ См.: Walmsley R. European Imprisonment Levels 1005-2005 // International Key Issues in Crime Prevention and Criminal Justice. Papers in celebration of 25 years of HEUNI. Helsinki, 2006. P. 159-167.

⁴ Pratt J. Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess // British Journal of Criminology. 2008. № 48. P. 275.

⁵ См.: Гишинский Я.И., Рабош А.В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // Общество и право. 2013. № 3. С. 172.

тивной наполняемостью исправительных учреждений (94,2 %), одним из самых низких среди всех типов европейских пенитенциарных систем удельным весом несовершеннолетних лиц в общей массе осужденных, подвергнутых тюремному заключению (0,3 %), и относительно высоким удельным весом заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (24,5 %).

Пенитенциарная политика данных стран стремится к активному применению так называемых альтернативных мер наказания и максимальному ограничению применения наказания в виде тюремного заключения, использование которого основывается на принципе высокой степени соответствия тяжести преступления и общественной опасности лица, его совершившего, назначенному справедливому наказанию, основывается на максимальном использовании общественных институтов патроната и контроля¹. Например, в Финляндии только в 12 % суды выносят решение о реальном лишении свободы, 99 % из них освобождаются условно-досрочно, а во многих случаях минимальный срок отбытия наказания для возможности условно-досрочного освобождения составляет всего 14 дней. Тюремные заведения рассматриваемого пенитенциарного типа характеризуются значительным уровнем открытости для правозащитных организаций (в частности, для деятельности Норвежской Ассоциации родственников заключенных) и местного сообщества (например, в спортзале финской тюрьмы Кюльмякоски периодически проводятся спортивные мероприятия местными жителями), что, по аргументированному мнению И.Г. Ясавеева, выступает результатом существенной либерализации уголовного законодательства и мягкой уголовной политики скандинавских стран². В свою очередь Тюремными правилами исландских тюрем допускаются практически без ограничений встречи со священнослужителями и члена-

---

¹ Biographies of Penal Reform International Board Members, July 2013. URL: <http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/02/Board-member-biographies-July-20131.pdf>.

² Ясавеев И.Г. Финский опыт сокращения числа заключенных и его значение для России // Общество и человек. 2013. № 2. С. 21-22. Также см.: Неукротимая Т.И. Зарубежный опыт участия общественности в процессе исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4. С. 211.

ми «Красного креста»¹. Не случайно в специальных источниках указывается, что «Исландия известна тем, что её пенитенциарная (уголовно-исполнительная) система была поставлена на 3-е место среди 182 стран, уступая лишь Бельгии и Ирландии, организацией «Международная амнистия». Так, наиболее суровое наказание в стране, предусмотренное прецедентом 147.VZ (убийство сопряженное с издевательствами в особо жестокой форме трёх и более человек) – поражение в правах длительностью 12 лет, на протяжении которого нельзя покидать единственное в стране исправительное учреждение, посёлок Торсмани. Однако, как показывает практика, в истории пенитенциарной системы Исландии никто не пробыл более 7 лет, так как освобождались досрочно на условиях, предусмотренных законодательством страны»². Особое значение придается идее уважения прав осужденного. Например, § 47 Закона Королевства Норвегии «Об исполнении уголовных наказаний» предусматривает, что помещение одного осужденного к другому в одиночную камеру может быть осуществлено только с согласия того лица, который уже находится (проживает) в данной камере³.

Вместе с тем следует учитывать, что перечень уголовных наказаний, предусмотренных законодательством скандинавских стран насчитывает от 5 до 6 наименований (например, в соответствии со ст. 3 части 1 главы 1 Уголовного кодекса Швеции, вступившего в силу 1 января 1965 года, «санкциями за преступление признаются наказания в виде штрафа и тюремного заключения, условного наказания, probation и передачи на специальное попечение»⁴). Поэтому значителен и удельный вес «альтернативных» тюремному заключению наказаний.

При отбывании тюремного заключения широко используется ремесленный труд (например, в 2012 году годовой производственный доход исправительных учреждений Финляндии составил около 8,8 млн. Евро, из которых внутренний доход составил приблизительно 2 млн. Евро и направлялся на приобретение оборудо-

¹ Тюремные правила исландских тюрем (Reglur fangelsa nr. 54/2012 10. janúar 2012). URL: <http://www.fangelsi.is/fangelsismalastofnun-rikisins/log-reglugerdir/>.

² Сайт «GEOVECTROR.RU». URL: http://geovector.ru/p/geo_51703.html.

³ Закон Королевства Норвегии «Об исполнении уголовных наказаний». URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2001-05-18-21>.

⁴ Уголовный кодекс Швеции. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii.asp.

дования, выплату заработной платы и различных пособий осужденным¹), который носит обязательный характер, разнообразные индивидуальные образовательные, религиозные и поведенческие программы или планы отбывания наказания (sentence plan), программы психологической помощи². Более того, например в Исландии, имеются программы, которые направлены на налаживание контакта священнослужителей с сотрудниками пенитенциарной системы³. При этом заключенным (в первую очередь иностранным) предоставляются брошюры, достаточно подробно раскрывающие информацию о тюрьме, в которой он содержится, и условиях отбывания наказания. В частности, для русскоговорящих осужденных, отбывающих наказание в Финляндии, подготовлено на русском языке Руководство для заключенных тюрьмы пос. Пельсо⁴. Международный советник по вопросам заключения и условного освобождения Б.Л. Йоханссон отмечает, что в разрабатываемом в Швеции для каждого заключенного индивидуальном плане «уточняются возможности контактов с семьей и окружающими, обязательного отпуска»⁵.

Особое внимание уделяется профессиональной подготовке сотрудников исправительных учреждений⁶. Также значительным фактом выступает активное

---

¹ Официальный сайт Агентства уголовных санкций Финляндии. Трудовая деятельность. URL: <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/activities/workactivity.html>.

² Wortley R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions. Cambridge: University Press, 2002. P. 95–96, 113; Йоханссон, Б.Л. Общие сведения о системе исполнения наказаний в Швеции / Бо Леннарт Йоханссон // Пути взаимодействия пенитенциарных учреждений и некоммерческих организаций в области образования : материалы международной конференции, Санкт-Петербург, п. Репино, 7–10 октября 2004 г. / сост. И.М. Княжева. СПб.: ООО «Центр женских инициатив», 2004. С. 30.

³ Исправительные программы в тюрьмах Исландии. URL: <http://www.fangelsi.is/media/greinar/Adafplanun-lokinni.pdf>. Также см.: Wortley R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions. Cambridge: University Press, 2002. P. 95–96, 113, 151, 204.

⁴ Официальный сайт Агентства уголовных санкций Финляндии. Руководство для заключенных. URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/vanki-jataraajaoppaat/9AwfuHtAF/PELSON_VANKIOPAS_2014_venaja.pdf.

⁵ Йоханссон Б.Л. Общие сведения о системе исполнения наказаний в Швеции // Пути взаимодействия пенитенциарных учреждений и некоммерческих организаций в области образования : материалы международной конференции, Санкт-Петербург, п. Репино, 7–10 октября 2004 г. / сост. И.М. Княжева. СПб., ООО «Центр женских инициатив», 2004. С. 30.

⁶ Сайт Академии Норвегии подготовки тюремного персонала KRUS. URL: <http://www.krus.no/en/Prison-School/Frequently-Asked-Questions/>. Также см.: Тимофеева Е.А. Правовая подготовка сотрудников пенитенциарной системы: историко-педагогический анализ отечественного и зарубежного опыта: монография. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013; Чорный В.Н. Исполнение наказаний в Финляндии и подготовка персонала для пенитенциарной системы: учебное пособие. Рязань: Академия ФСИН России, 2014; Подготовка сотрудников пенитенциарных

внедрение «зеленых» стандартов в деятельность исправительных учреждений скандинавского пенитенциарного типа, их соответствие эко-качеству. Не случайно специалисты отмечают, что в Европе примерами успешной экологоориентированности могут служить пенитенциарные учреждения таких стран как Дания, Норвегия и Австрия¹.

Можно отметить особенности исполнения уголовных наказаний, не характерные для других типов европейских пенитенциарных систем. В частности, обращает внимание достаточно распространенная практика отсрочки и рассрочки отбывания тюремного заключения, предусмотренная ст.ст. 10-12 Закона Исландии об исполнении приговоров, при которой с учетом личных обстоятельств осужденного и наполняемости исправительных учреждений ему может быть предоставлена возможность отбывания наказания лишь спустя некоторое время (иногда такая отсрочка достигает нескольких лет) после вынесения приговора суда либо с чередованием тюремного заключения и нахождением осужденного на свободе (в некоторых случаях такая рассрочка охватывает несколько периодов тюремного заключения)². Также, в соответствии со ст. 24 Закона Исландии об исполнении приговоров, если виновный приговорен к лишению свободы на срок до 12 месяцев в тюрьме, к нему могут применить средства электронного контроля и направить отбывать наказание по месту жительства³. В свою очередь в Швеции как мужчинам, так и женщинам, отбывающим длительные сроки тюремного заключения, предоставляется право на некоторое время уходить в монастырь (например, в тюрьме Кумла)⁴. Во многих скандинавских тюрьмах (особенно в финских) достаточно широко используется практика приема пищи сотрудниками исправительного учреждения и лицами, отбывающими наказание, в одной столо-

---

учреждений в некоторых скандинавских странах: аналитический обзор / пер. с англ. М.В. Стыкалиной. Рязань: Академия ФСИН России, 2010; Гусева С.И. Пенитенциарная система Финляндии // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 181-182.

¹ См.: Сердюк А.Л. «Зеленые стандарты» и пенитенциарная система США // Вестник Пермского института ФСИН России. 2015. № 1. С. 65.

² Закон Исландии «Об исполнении приговоров». URL: <http://www.fangelsi.is/media/stofnunin/Execution-of-Sentences-Act-No.-49-of-17-May-2005.pdf>.

³ Закон Исландии «Об исполнении приговоров». URL: <http://www.fangelsi.is/media/stofnunin/Execution-of-Sentences-Act-No.-49-of-17-May-2005.pdf>.

⁴ E-News. В Швеции преступники вместо тюрьмы смогут пойти в... монастырь. URL: <http://e-news.com.ua/show/146572.html>.

вой (за заключенными всегда сохраняется право готовить еду самостоятельно), возможность ношения осужденными собственной одежды (с разрешения администрации даже в закрытых тюрьмах)¹.

Представители национальных пенитенциарных систем рассматриваемого типа принимают достаточно активное участие в работе Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (CDAP). При этом 17-18 июня 2014 года 19-я Конференция состоялась в Хельсинки, а председателем конференции 13-й Конференции, прошедшей в Страсбурге, председателем являлся директор Службы тюрем и пробации Швеции Бертела Остердала².

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, посетивших с визитом государства, пенитенциарные системы которых входят в скандинавский (североевропейский) тип, имеется ряд указаний на соответствующие проблемы. Так, в отчете по результатам посещения Исландии 18-24 сентября 2012 года указывается на недостаточно высокую психологическую помощь осужденным (один раз в 3 месяца в одной тюрьме, 2 раза в месяц в другой), отсутствие органа, проводящего мониторинг обращения в тюрьмах с осужденными, факты содержания несовершеннолетних совместно со взрослыми, отсутствие транзитно-пересылочных пунктов, поэтому приходится размещать заключенных в платных постоянных домах, факт пытки заключенных (в тюрьме «Литла Храун» (Litla-Hrauni) имеется камера, в которой на деревянную доску с металлическими кольцами кладут лицом вниз осужденного, заковывая его в наручники за спиной), акты насилия и запугивания между осужденными, отдельные факты недостаточ-

---

¹ Коски М., Дружининская О.В. Организация тюрем в Финляндии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 92; VISITCOPENHAGEN. The official Website. URL: <http://www.visitcopenhagen.com/copenhagen/vestre-prison-gdk663227>; Официальный сайт государственной тюрьмы Kragsskovhede. URL: <http://www.kragsskovhede.dk/Praktisk-information-3565.aspx>.

² Council of Europe. Conferences of Directors of Prison and Probation Services. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/Directors_en.asp.

ного освещения в одиночных камерах и места для учебы и практической деятельности, а также факты приема заключенными наркотиков и алкоголя¹.

В отчете по результатам посещения Норвегии 18-27 мая 2011 года отмечается полное отсутствие медицинского обследования вновь прибывших иностранных граждан и недостаточная реализация основных гарантий соблюдения прав и законных интересов осужденных, отбывающих тюремное заключение². В официальном ответе правительство Норвегии лишь частично согласилась с данными замечаниями представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания³. Однако прослеживается положительная динамика в характере замечаний. В частности, уже отсутствуют упоминания жестокого обращения с осужденными (отчет по результатам посещения Норвегии 3-10 октября 2005 года⁴), слабое медицинское обслуживание подследственных и осужденных (отчеты по результатам посещения Норвегии 13-23 сентября 1999 года⁵, 17-21 марта 1997 года⁶ и 27 июня-6 июля 1993 года⁷).

Отчет по результатам посещения Швеции 9-18 июня 2009 года также содержит нарекания по фактам насильственных действий представителей администрации исправительных учреждений по отношению к заключенным (но, по мнению делегации, количество таких фактов значительно снизилось за последние де-

---

¹ Report to the Government Iceland on the visit to Iceland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 18 to 24 September 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/isl/2013-38-inf-eng.pdf>.

² Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 18 to 27 May 2011. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2011-33-inf-eng.pdf>.

³ Response of the Norwegian Government to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to Norway from 18 to 27 May 2011. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2012-20-inf-eng.pdf>.

⁴ Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 3 to 10 October 2005. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2006-14-inf-eng.pdf>.

⁵ Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 23 September 1999. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2000-15-inf-eng.pdf>.

⁶ Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 17 to 21 March 1997. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/1997-11-inf-eng.pdf>.

⁷ Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 27 June to 6 July 1993. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/1994-11-inf-eng.pdf>.

сять лет) и имеющихся проблем с доступом осужденных к медицинской и психологической помощи в тюрьмах «Халл» (Hall Prison) и «Кумла» (Kumla Prison)¹.

В отчете по результатам посещения Финляндии 22 сентября-2 октября 2014 года не содержится каких-либо нареканий относительно функционирования исправительных учреждения и условий содержания осужденных (за исключением отдельных фактов словесных оскорблениях со стороны персонала, широкого использования одиночного заключения в отношении нарушителей режима и не всегда достаточного взаимодействия сотрудников с осужденными)². Нельзя не отметить отсутствие выявленных фактов существенных нарушений прав осужденных либо иных недостатков в организации деятельности исправительных учреждений по результатам более ранних посещений Финляндии представителями Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (в 2008, 2003, 1992 гг.). Тогда как в отчетах по результатам посещения Финляндии 7-17 июня 1998 года³ и 10-20 мая 1992 года⁴ указывалось на отсутствие во многих камерах отдельного туалета, на использование в некоторых тюрьмах заключенными для этих целей ведра и отсутствие эффективной вентиляции помещений. По другим источникам в некоторых тюрьмах (как правило в закрытых) до сих пор наблюдается переполнение от установленного лимита, что явилось одной из причин реформы пенитенциарной системы Финляндии в 2006 году и принятие Закона о тюрьмах, вступившего в силу с 1 октября 2006 года (например, в соответствии с § 1 гл. 7 данного правового акта

---

¹ Report to the Swedish Government on the visit to Sweden carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 9 to 18 June 2009. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/swe/2009-34-inf-eng.pdf>.

² Report to the Finnish Government on the visit to Finland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 22 September to 2 October 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/fin/2015-25-inf-eng.pdf>.

³ Report to the Finnish Government on the visit to Finland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 7 to 17 June 1998. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/fin/1999-09-inf-eng.pdf>.

⁴ Report to the Finnish Government on the visit to Finland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 10 to 20 May 1992. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/fin/1993-08-inf-eng.pdf>.

при реконструкции тюремных зданий жилые помещения для осужденных должны быть оснащены в соответствии с требованиями строительного законодательства)¹.

По результатам посещения Дании 4-13 февраля 2014 года в отчете содержится информация о жестоком обращении со стороны сотрудников и плохом освещении в камерах предварительного заключения².

Таким образом, в скандинавском пенитенциарном типе структуры управления исправительными учреждениями находятся в подведомственности в основном органов юстиции либо объединенному с министерством внутренних дел органов (Норвегия) и в основе своей подразделяются на так называемые открытые и закрытые. Для данного типа характерен микрогрупповой принцип размещения осужденных, низкий коэффициент заключенных, значительный удельный вес иностранных граждан и применение разнообразных индивидуальных образовательных, религиозных и поведенческих программ отбывания тюремного заключения, а также единообразная реализация стратегии «Harm reduction» («сокращения вреда»), отражающего мягкость, либеральность и гуманизм в выборе форм и методов воздействия на осужденных, и принципа неотвратимости наказания. Однако в отчетах представителей СРТ отмечаются нарушения прав осужденных либо иные недостатки в организации деятельности тюрем.

§ 8. Славянский тип европейских пенитенциарных систем

Славянский тип пенитенциарной системы (Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия) базируется на устойчиво консолидирующей цивилизационно-культурной платформе, элементами которой являются русская культура с определенными чертами общей исторической ментальности, русский язык, Русская Православная Церковь и русско-украинско-белорусская диаспора. В основе данной культуры находится, как отмечает Т.И. Демченко, понимание особенностей «духовности, православия, соборности, праведного правления, обязательности труда,

---

¹ Коски М., Дружининская О.В. Указ. соч.С. 90-92.

² Report to the Danish Government on the visit to Denmark carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 4 to 13 February 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/dnk/2014-25-inf-eng.pdf>.

совести, ответственности. Она дала русскую идею, основанную на специфическом мировоззрении, целостном религиозно-нравственном восприятии духовного и материального мира, характеризующемся единством знания и веры, чутьем правды»¹. Например, относительно России и Украины криминологами указывается, что эти государства «имеют богатую событиями и непростую историю совместного существования. Несмотря на то, что в настоящее время Россия и Украина – независимые государства, их связывают тесные экономические, политические, культурно-исторические, демографические отношения»².

Также необходимо отметить наличие, начиная с аннексирования Российской империей Бессарабии от Османской империи, глубоких социально-исторических, культурных и государственных молдавско-российских связей. При этом, обнаруживается значительная типичность и схожесть молдавско-российской пенитенциарной доктрины и мировоззрения, организации функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания, законодательства и правоприменительной практики (что не свойственно для других, за исключением Белоруссии и Украины, бывших республик СССР), поэтому особого значения для интеграции молдавской сферы исполнения уголовных наказаний в славянский пенитенциарный тип принадлежность Молдавии к романским народам не имеет. Не случайно В.Н. Синюков указывает, что «славянский правовой тип... не сводится к этнически-славянскому национальному элементу... Самобытность славянской правовой семьи... обусловлена... глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни славянских и неславянских народов»³.

С государственно-правовых позиций объединяющим фактором выступает такое уникальное для современного мира международно-правовое образование

---

¹ Демченко Т.И. Этнический, территориальный и темпоральный аспекты образования славяно-русского народа // Lex Russica. 2016. № 2. С. 126.

² Олькова О.А. Криминологический и уголовно-правовой сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский периоды: автореф. дис... к.ю.н. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2015. С. 4.

³ Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. С. 215.

как Содружество Независимых Государств¹. Пенитенциарная система славянского типа до сих пор характеризующееся слабым системным характером взаимодействия на межгосударственном уровне (например, в Белоруссии Департамент исполнения наказания подведомственен МВД, тогда как в России Федеральная служба исполнения наказаний и в Молдавии Департамент пенитенциарных учреждений – Министерству юстиции, Государственная пенитенциарная служба Украины является независимым государственным органом исполнительной власти, подотчетным главе Правительства и лишь координируется Кабинетом Министров Украины через Министра юстиции), но обладает исторически сложившимся и во многом незаменимым механизмом многоаспектного межнационального сотрудничества на постсоветском пространстве, значительным и долгосрочным латентным потенциалом сохранения культурно-правового суверенитета входящих в него пенитенциарных моделей. Совпадение интересов обеспечения совместной безопасности, в том числе за счет единообразных подходов в пенитенциарной практике, объективно обусловлено достигнутым существенным уровнем взаимной экономической, национальной, политической, международно-правовой, военно-стратегической культурно-правовой интеграции государств-членов СНГ.

Можно резюмировать, что охват славянским типом пенитенциарных систем сферы исполнения уголовных наказаний только четырех указанных государств является авторской гносеологической позицией, которая безусловно не претендует на «истину в последней инстанции» и, возможно, заслуживает конструктивной критики, но призвана обратить внимание научной общественности на перспективы исследования уголовно-исполнительной системы России именно в данном методологическом ракурсе. При этом использование термина «славянский» имеет в определенном смысле условный характер. Однако, использование именно данной категории отражает единство национально-географического подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения

---

¹ В частности, см.: Забейворота А.И. Содружество независимых государств в системе межгосударственных и конституционно-правовых отношений: автореф. дис... д.ю.н. М.: Российский государственный торгово-экономический университет, 2012. С. 7-12.

уголовных наказаний, что демонстрирует не формационный, а эволюционный характер её развития. Так, использование термина «советский» приводит не только к идеологическому оттенку функционирования исправительно-трудовой системы соответствующего периода, но и необоснованно занижает значение особенностей развития системы исполнения наказания в «досоветский» (в частности, активное использование каторжного труда как дешевой рабочей силы¹, артельный и «вариативный» подходы к размещению осужденных², особенности формирования института тюрьмы как в основном способа досудебной изоляции преступника³), а также «постсоветский» (в частности, постепенное формирование «гибридных» исправительных учреждений с мультирежимными особенностями, развитие в них «тюремных начал»⁴, значительное усиление безопасности уголовно-исполнительной системы⁵) периоды, тогда как категория «славянский» позволяет воедино охватить данные периоды, тем самым показывая не временный, а эволюционный характер самобытности становления, формирования и дальнейшего развития данного типа пенитенциарной системы. Именно такой подход показывает наметившийся вектор развития отечественной системы исполнения уголовных наказаний от советской к пенитенциарной системе нового типа. Советская исправительно-трудовая система во многом обладала мобилизационным характером и высокой экономической рентабельностью, поэтому в определенной степени она до сих пор сохраняет свою привлекательность, но уже имеет лишь инертное влия-

---

¹ См.: Дорофеев Н.К., Дорофеев И.Н. Историческая эволюция использования труда осужденных в пенитенциарных учреждениях царской России // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10. № 1. С. 5-13.

² См.: Новиков Е.Е. Проблемы становления и развития регулирования размещения осужденных в местах лишения свободы в период формирования и реформирования пенитенциарной системы царской России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 31-34; Смирнов Л.Б. Особенности и проблемы развития пенитенциарной модели России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 110-111.

³ См.: Орел Ю.В. Развитие законодательства Украины об уголовно-правовой охране нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы в середине XVII века // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 1. С. 115-117.

⁴ См.: Уткин В.А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 7-11; Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). С. 9-18.

⁵ См.: Щербаков А.В. Безопасность уголовно-исполнительной системы: основные понятия и сущность // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 4. С. 539-543; Усеев Р.З. Перспективы развития системы гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 4 (179). С. 30-35.

ние на трансформацию современной сферы исполнения уголовных наказаний. В советский период она была значительно интегрирована в плановую экономику государства. Однако в условиях рыночных отношений уголовно-исполнительная система в большинстве своем уже не является действенным инструментом решения экономических задач государства. Соответственно, снижается ценность отрядного способа размещения осужденных, но повышается важность усиления режимных требований к соблюдению осужденными обязанностей и запретов (в частности, за счет расширения практики использования помещений камерного типа, единых помещений камерного типа и т.п.). Это обстоятельство значительным образом воздействует на особенности архитектуры исправительных учреждений, размещения осужденных, правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, дисциплинарную практику, общественного воздействия и воспитательной работы, а также иные сегменты функционирования уголовно-исполнительной системы. Таким образом, термин «славянский» имеет некоторую условность его использования. Однако он указывает не просто на переходный характер пенитенциарной системы, а на её цивилизованность, самобытность становления, формирования и дальнейшего развития.

Славянский тип обладает исключительно высоким коэффициентом заключенных (около 300), незначительно ниже нормативной наполняемостью исправительных учреждений (96,5 %), что свидетельствует о традиционно значительном количестве и площадях исправительных учреждений в национальных пенитенциарных системах этого типа. Однако особенностью выступает снижение за последние десятилетия коэффициента заключенных в странах, входящих в рассматриваемый тип пенитенциарной системы. Так, в Белоруссии в 1998 году этот показатель находился на отметке 620, в 2004 году – на отметке 437, в 2009 году – 438 и в 2012 году – 335, в 2014 году – уже 314. В Украине в 2000 году этот показатель находился на отметке 443, в 2005 году – на отметке 400, в 2011 году – 338 и в 2013 – 324, а в 2016 – уже 167. В Молдавии в 1998 году рассматриваемый показатель находился на отметке 287, в 2004 году – на отметке 293, в 2007 году – 242, в 2010 году – 183, в 2014 году – 193, однако в 2016 году немного увеличился и со-

ставил 222. В России наблюдается стабильная динамика снижения этого показателя с 688 в 1998 году до 588 в 2004 году, с 528 в 2004 году до 471 в 2014 году, в 2016 году данный показатель находился на отметке 433. Для данного типа характерен достаточно низкий удельный вес несовершеннолетних (0,4 %) и лиц, являющихся гражданами иностранных государств (2,6 %), в общей массе осужденных, подвергнутых тюремному заключению.

Пенитенциарная система Украины включает 148 учреждений, в том числе 29 следственных изоляторов, 113 колоний для совершеннолетних осужденных (общего, усиленного, сурового и особого режимов) и 6 колоний для молодых преступников¹. В Белоруссии насчитывается 15 исправительных колоний (общего, строгого и усиленного режимов), 3 исправительных колонии-поселения, 1 воспитательная колония, 3 тюрьмы, 9 лечебно-трудовых профилакториев, 29 исправительных учреждений открытого типа². В Молдавии 17 пенитенциарных учреждений³. Согласно ст. 6.(7) «Пенитенциарные учреждения» Закона от 17 декабря 1996 года №1036-XIII «О пенитенциарной системе» они подразделяются на пенитенциарные учреждения открытого типа, полужакрытого типа и закрытого типа, пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних, для женщин, изоляторы уголовного преследования, арестные дома и пенитенциарные больницы⁴. В России насчитывается 217 следственных изоляторов, 8 тюрем, 24 воспитательных колонии и 716 исправительных колоний (общего, строгого и особого режимов), включая лечебные исправительные учреждения и колонии-поселения.

Объединяющим фактором славянского типа пенитенциарной системы выступает наличие системообразующих правовых актов, в частности, Модельного Уголовного кодекса⁵ и Модельного Уголовно-исполнительного кодекса¹. Прово-

---

¹ Официальный сайт Государственной пенитенциарной службы Украины. Карта. URL: <http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/uk/map>.

² Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Структура уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=3491>.

³ Официальный сайт Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Молдавии. URL: <http://www.penitenciar.gov.md/ro/statistica>.

⁴ Законодательство стран СНГ. Закон Республики Молдова от 17 декабря 1996 года №1036-XIII «О пенитенциарной системе». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3483.

⁵ Модельный Уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: принят постановлением на 7-м пленарном заседании Межпарламентской

дивший исследование теоретико-правовых основ унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России А.А. Захаров отмечает важность унификации путем взаимной интеграции отдельных правовых институтов в уголовно-исполнительные кодексы обеих государств². В свою очередь О.С. Епифанов обоснованно указывает, что «для такой унификации имеются как объективные основания – многолетний опыт работы правоохранительных органов (в том числе учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания) республик СССР, а ныне суверенных государств, входящих в СНГ; наличие в прошлом единой правовой системы, включая почти тождественное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное (исправительно-трудовое) законодательство; так и субъективные – психологическая совместимость работников правоохранительных органов стран СНГ, в том числе персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, общность их правосознания и правоприменительной деятельности и т.п.»³. Славянская пенитенциарная система является самостоятельным типом теории и практики воздействия на осужденное лицо, в котором система исполнения наказаний базируется на евразийской концепции, предполагающей органичное сочетание Западного и Восточного векторов развития пенитенциарной практики, складывающейся веками на протяжении всей истории России и тесно связанных с ней стран. Например, превалирование исправительных колоний связано с тем, что они «изначально создавались в целях массового привлечения осужденных к коллективному общественно полезному труду»⁴.

Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 года № 7-5 // Информационный бюллетень. 1996. № 10 (приложение). СПб. 365 с.

¹ Модельный Уголовно-исполнительный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 2 ноября 1996 года № 8-7 // Информационный бюллетень. 1997. № 12 (приложение). СПб. 109 с.

² См.: Захаров А.А. Теоретико-правовые основы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России: автореф. дис... к.ю.н. М.: Юридический институт МВД России, 2002. С. 11.

³ Епифанов О.С. Понятие и некоторые проблемы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников СНГ // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 4. С. 18.

⁴ Филимонов О.В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича

Правовую основу исполнения уголовных наказаний в Украине включают Конституция 1996 года, Уголовный и Уголовно-исполнительный кодекс 2001 и 2003 годов соответственно. Специалистами отмечается, что относительно пенитенциарной системы Украины «созданы основные законодательные предпосылки для эффективного исполнения наказаний, с тем чтобы достигались цели исправления и ресоциализации осужденных, обеспечивались и защищались их права и законные интересы, закрепленные международными пенитенциарными стандартами, учитывая при этом цели защиты интересов личности, общества и государства»¹. При этом обнаруживается совпадение по многим ключевым параметрам нормативных установок рассматриваемых стран. Так, согласно ст. 5 УИК Украины исполнение и отбывание наказаний основываются на принципах неотвратимости исполнения и отбывания наказаний, законности, справедливости, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, уважения к правам и свободам человека, взаимной ответственности, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения, сочетания наказания с исправительным воздействием, участия общественности в предусмотренных законом случаях в деятельности органов и учреждений исполнения наказаний². В соответствии со ст. 167 Исполнительного кодекса Республики Молдова «Исполнение решений уголовного характера осуществляется на основе принципов законности, демократизма, гуманизма, соблюдения прав, свобод и уважения достоинства человека, равенства осужденных перед законом, дифференциации, индивидуализации и планирования исполнения уголовных наказаний, рационального применения средств ис-

---

Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014. С. 33.

¹ Копотун И.Н. Пенитенциарная система Украины: современное состояние и перспективы развития // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22-23 нояб. 2012 г.): в 4 т. Т. 1: Доклады пленарного заседания. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 68.

² Официальный сайт Государственной пенитенциарной службы Украины. Уголовно-исполнительный кодекс Украины. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1129-15?test=4/UMfPEGznhhX9Y.Zilv8WBaHdlq.sFggkRbI1c>.

правления осужденных и стимулирования законопослушного поведения»¹. Не сложно заметить почти полное тождество с принципами, закрепленными в ст. 8 УИК РФ. Наблюдается значительное совпадение иных положений уголовно-исполнительного законодательства славянского пенитенциарного типа.

В Белоруссии правовой основой являются Конституция 1994 года, Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы 1999 и 2000 годов соответственно, Закон от 4 января 2010 года «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них». В Молдавии – Конституция 1994 года, Уголовный и Исполнительный кодексы 2002 и 2004 годов соответственно, Закон от 17 декабря 1996 года №1036-ХІІІ «О пенитенциарной системе», постановление Правительства Республики Молдова от 26 мая 2006 года № 583 «Об утверждении Устава отбывания наказания заключенными».

Для славянского типа пенитенциарной системы традиционно характерна недостаточно хорошая организация режимных требований и размещение осужденных в многоместных спальных помещениях, а не в общежитиях. В связи с этим Ю.В. Голик пишет: «Основная беда наших исправительных учреждений заключается в недостатках содержания осужденных. Мы традиционно строим не общежития, а бараки – многоместные спальные помещения»². Однако нельзя не заметить достаточно четкую правовую регламентацию элементов прогрессивной системы. Так, в ст. 65 Устава отбывания наказания заключенными, утвержденного постановлением Правительства Республики Молдова от 26 мая 2006 года № 583, закреплено: «Независимо от категории пенитенциарных учреждений осужденные отбывают наказание последовательно в трех режимах содержания: первоначальном, общем и ресоциализации, а осужденные к пожизненному заключению: в первоначальном, общем и облегченном». В соответствии со ст.ст. 67-68 «перевод осужденного с одного режима содержания на другой в том же пенитен-

---

¹ Законодательство стран СНГ. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24 декабря 2004 года №443-ХV. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7708.

² Голик Ю.В. Реформа после «реформы» // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014. С. 81-82.

циарном учреждении осуществляется на основании решения пенитенциарного учреждения... При переводе осужденного принимаются во внимание его личность, характеристики, находящиеся в личном деле, поощрения и непогашенные взыскания, в том числе и информация об участии его в образовательных и социально-воспитательных программах»¹. Как правило, прогрессивная система включает такие формы как изменение условий отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения, изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение. Однако во многом достижение исправительного эффекта при применении прогрессивной системы строится на формальных подходах к степени исправления осужденного и, соответственно, неадекватной оценке возможностей реализации осужденными их субъективных прав и законных интересов².

В структуре исправительных учреждений преобладают исправительные колонии, поскольку «в России камерное заключение никогда не играло существенной роли»³ (например, в настоящее время 3 тюрьмы в Белоруссии составляют приблизительно 12,5 % от всей системы исправительных учреждений, 8 тюрем в России – 1 %). Так, в специальных исследованиях отмечается, что «социальное и физическое структурирование коллективизма и пенитенциарного самоуправления остаются устойчивыми в постсоветский период... стойкие архитектурные формы и культурная привязанность к коллективизму составляют основу этой устойчивости»⁴; именно коллективизм позволяет осуществлять внутренний контроль за осужденными, в какой то степени подменяя функции администрации исправительного учреждения, а также создавать превосходную систему информирования осужденными друг о друге, повышая тем самым степень контроля за их поведе-

---

¹ Законодательство стран СНГ. Постановление Правительства Республики Молдова от 26 мая 2006 года № 583 «Об утверждении Устава отбывания наказания заключенными». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=13201.

² Тепляшин П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению // Пролог: журнал о праве. 2014. Том 2. № 4. С. 38.

³ Громов В.Г., Данилова С.О. Некоторые проблемы «советской» системы мест лишения свободы в России // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2011. № 1. С. 93.

⁴ Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia // Theoretical Criminology. 2015. V. 19 (2). P. 179.

нием¹. В связи с чем можно привести мнение А.Б. Ретиша, который исследуя советскую пенитенциарную реформу 1917-1925 гг. приходит к выводу о том, что «русские революционные реформы в тюрьмах отличались от других стран двумя важными моментами. Во-первых, советское государство первым предоставило каторжной тюрьме его естественного союзника – бессознательный пролетариат, которым необходимо было руководить и трансформировать... Во-вторых, революция и социальные потрясения гражданской войны подорвали те самые реформы, которые государство поощряло. В то время как реформаторы мечтали о тюремной школе, реабилитированных заключенных, усваивающих социалистические идеалы, отсутствие ресурсов, негодность тюремных помещений, административные споры и социальный кризис превратили многие советские места заключения в полную противоположность того, что из них надеялись сделать – институты наказания»². Также отметим справедливые слова В.П. Сальникова, С.И. Захарцева и М.В. Сальникова, которые указывают, что именно «экономическая отдача и играла значимую роль при решении судьбы пенитенциарной системы и определяла уголовно-исполнительную политику тогдашней России на многие годы. Она осуществлялась через исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) органов внутренних дел»³.

В специальных исследованиях аргументировано отмечается гуманизация уголовно-исполнительной политики и демилитаризация российской уголовно-исполнительной системы⁴. Авторитетными пенитенциаристами указывается на необходимость «ввести дополнительные гарантии соблюдения прав человека при

¹ Pallot J., Piacentini L. *Gender, Geography and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 271-290.

² Retish A.B. *Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia* // *Historical Research*. 2017. V. 90. I. 247. P. 150.

³ Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // *Юридическая наука: история и современность*. 2016. № 7. С. 77.

⁴ Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительная политика: современное состояние и направления развития // *Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития* : сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22-23 нояб. 2012 г.): в 4 т. Т. 1: Доклады пленарного заседания. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 49-50; Скобелин С.Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века // *Lex Russica*. 2016. № 4. С. 124-135; Грушин Ф.В. Факторы формирования и современные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // *Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция*. 2016. № 3. С. 54.

отбывании лишения свободы, в частности: исключить гриф секретности из актов, затрагивающих права и обязанности осужденных; обеспечить в полном объеме их права на личное участие в суде... расширить способы поддержания социальных связей»¹, а также на «введение в научно-практический оборот категории «минимум человеческого достоинства», выражающей совокупность минимальных стандартов (правовых, социально-экономических, духовно-нравственных и др.), при помощи которых можно оценить уровень обеспечения достойной жизни людей в местах лишения свободы»². Однако Доминик Моран не без основания³ указывает на то обстоятельство, что наследие советской практики лишения свободы, связанной с широким использованием труда осужденных, во взаимодействии с большой территорией постсоветских государств «привело к расположению многих пенитенциарных учреждений в географически периферийных местах... Многие характеристики российской тюремной жизни являются одинаковыми для мужчин и женщин (коммунальные общежития, а не покамерное заключение, обязательный труд заключенных, разная степень привилегий присваивается на основе хорошего поведения, наказания в виде усиленной изоляции)... Почти четверть женских тюрем расположены в пяти из восьмидесяти двух регионов, поэтому женщин посылают отбывать наказание еще дальше от дома чем мужчин, что имеет соответствующие последствия по поддержанию контактов с семьей и детьми»⁴. Другие специалисты отмечают плохие условия перемещения осужденных к месту отбывания наказания и подсчитали, что только около 15-20 процентов осужденных

¹ Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительная политика начала XXI века // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). М.: Оригинал-макет, 2017. С. 59.

² Ромашов Р.А. Модернизация уголовно-исполнительной системы России: тернистый путь к тюремной системе с «человеческим лицом» // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.): в 4 т. Т. 1: Доклады пленарного заседания. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 56.

³ Mapping the Gulag. Russia's prison system from the 1930s to the present. The number of prisoners in colonies of different types per 100,000 population. URL: <http://www.gulagmaps.org/maps/map.php?series=5&map=ratio>.

⁴ Moran D. Between outside and inside? Prison visiting rooms as liminal carceral spaces // *GeoJournal*. 2013. V. 78. P. 342. Также см.: Pallot J., Piacentini L., Moran D. Patriotic discourses in Russia's penal peripheries: Remembering the Mordovian Gulag // *Europe-Asia Studies*. 2010. № 62 (1). P. 1-33; Pallot J., Katz E. The Management of Prisoners' Children in the Russian Federation // *Howard Journal of Criminal Justice*. 2014. V. 53. I. 3. P. 237-254.

всех категорий отбывают лишение свободы в своем родном субъекте¹ (однако источники и методика таких подсчетов не приводятся), а также обосновывают недостатки «общинной жизни» как формы подготовки осужденных к освобождению².

Относительно белорусской системы исправительных учреждений можно отметить достаточно активное «строительство новых и реконструкция действующих производственных объектов, а также приобретение нового и модернизация имеющегося технологического оборудования. При этом особое внимание уделяется расширению сети профессиональных училищ и увеличению количества лиц, обучаемых рабочим профессиям непосредственно на производстве»³.

Одной из «социальных» проблем остается относительно высокий уровень осужденных, болеющих туберкулезом. Так, в Республике Беларусь в 2013 году показатель заболеваемости заключенных туберкулезом составил 247,5 на 100 тыс., что превышало заболеваемость данной инфекцией всего населения республики в 6,6 раза. Следует отметить, что в начале 2000-х годов среднегодовой показатель заболеваемости туберкулезом в тюрьмах в 20 раз превышал аналогичный показатель по республике. При этом негативное влияние на ситуацию по туберкулезу в пенитенциарных учреждениях республики оказывает проблема сочетания туберкулеза и ВИЧ-инфекции. Например, в 2013 году заболеваемость ВИЧ-ассоциированным туберкулезом в местах лишения свободы составила 1199,5, что в 4,8 раза выше заболеваемости туберкулезом всего спецконтингента⁴. В специальных источниках отмечается проблема множественной лекарственной устойчивости туберкулеза как распространенного явления среди соответствующих больных по всей Беларуси. Причем, по результатам исследования, проведенного в 2010-2011 годах, среди 1344 больных с множественной лекарственной устойчивостью 199 (14,8 %) освободились из мест лишения свободы (что было признано

---

¹ Piacentini L., Pallot J. «In exile imprisonment» in Russia // *British Journal of Criminology*. 2014. № 54. P. 27-33.

² Moran D., Pallot J., Piacentini L. Privacy in penal space: Women's imprisonment in Russia // *Geoforum*. 2013. V. 47. P. 142-145.

³ Кийко Н.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: состояние и перспективы // *Международный пенитенциарный журнал*. 2015. № 2. С. 65.

⁴ Кривonos П.С., Гриневич А.Ф., Рагулина И.В. Туберкулез в пенитенциарных учреждениях Республики Беларусь // *Медицинский альянс*. 2015. № 1. С. 179.

одним из независимых факторов риска заболеваемости)¹. По данным Международной неправительственной организации «Врачи без границ» туберкулез является серьезной проблемой исправительных учреждений Украины, особенно в её восточной части. Официальный уровень смертности от туберкулеза в Украине составляет 15 на 100 000 населения, но среди заключенных эта цифра составляет около 150 человек².

Достаточно остро стоит проблема обращения с осужденными, отбывающими лишение свободы и имеющими ВИЧ-заболевание в силу использования опиоидных инъекционных наркотиков. Однако, например в Украине, даже в условиях применения заместительной опиоидной терапии ремиссия в течении одного года после освобождения составляет менее 15 %³. Во многом это обусловлено имеющимися недостатками процесса применения заместительной опиоидной терапии, основным из которых выступает крайне осторожное отношение персонала исправительных учреждений к такому способу лечения наркозависмых осужденных⁴. В Молдавии распространенность ВИЧ-инфекции среди заключенных составляет 1,9 %. В семи исправительных учреждениях применяется заместительная терапия. Однако в 2014 году из 880 пациентов, в отношении которых использовалась опиоидная агонистическая терапия (ОАТ), только 259 (29,4%), прекратили принимать метадон перед освобождением. Причем, как отмечается в специально проведенном исследовании, это связано не только с достижением ремиссии, но психологическим давлением и остракизмом осужденных, согласных на использование в отношении их ОАТ, со стороны других заключенных. Соответственно, это

---

¹ Skrahina A., Hurevich H., Zalutskaya A. et. al. Multidrug-resistant tuberculosis in Belarus: the size of the problem and associated risk factors // Bull World Health Organ. 2013. V. 91. P. 37-39.

² Médecins Sans Frontières. Ukraine: curbing the MDR-TB epidemic in prisons. URL: <http://www.msf.org/en/article/ukraine-curbing-mdr-tb-epidemic-prisons>. Sarang A., Platt L., Vyshemirskaya I., Rhodes T. Prisons as a source of tuberculosis in Russia // International Journal of Prisoner Health. 2016. V. 12. I. 1. P. 45-56.

³ Izenberg J.M., Bachireddy C., Soule M. et. al. High rates of police detention among recently released HIV-infected prisoners in Ukraine: Implications for health outcomes // Drug and Alcohol Dependence. 2013. V. 133. P. 157.

⁴ Polonsky M., Azbel L., Wickersham J.A. et. al. Challenges to implementing opioid substitution therapy in Ukrainian prisons: Personnel attitudes toward addiction, treatment, and people with HIV/AIDS // Drug and Alcohol Dependence. 2015. V. 148. P. 53.

ставит под угрозу их личную безопасность, стигматизирует таких осужденных и понижает их в системе неформальной тюремной иерархии¹.

В деятельности исправительных учреждений предпринимаются серьезные попытки повысить эффективность подготовки осужденных к освобождению в целях их последующей успешной адаптации². Уже достаточно давно принят закон Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», Украины – Закон от 10 июля 2003 года № 1104-IV «О социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на определенный срок», Республики Молдова – Закон «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» от 24 февраля 1999 года № 297-XIV, то в России подобный нормативно-правовой акт федерального уровня отсутствует.

Можно отметить активное сотрудничество государств с различными международными организациями в области прав человека. Например, Россия представляет национальную группу Международной ассоциации уголовного права (AIDP/IAPL)³. Функционирует Российское национальное отделение данной организации⁴.

В рамках украинского-канадского сотрудничества начатая с марта 2011 года имела место работа по реализации проекта «Реформирование системы уголовной юстиции относительно несовершеннолетних в Украине» (РСКЮ)⁵. Одним из результатов украинского-шведского сотрудничества стал реализуемый с июня 2008 года проект по «трехступенчатой всесторонней программы реинтеграции в обще-

¹ Polonsky M., Azbel L., Wickersham J.A. et. al. Accessing methadone within Moldovan prisons: Prejudice and myths amplified by peers // *International Journal of Drug Policy*. 2016. V. 29. P. 91, 94; Gori A., Gheorgita S., Spinu C. et. al. Hepatitis B, C and D virus genotypes detected in HBsAg- or anti-HCV-positive people from the Republic of Moldova // *Archives of Virology*. 2018. V. 163. I. 2. P. 433-436.

² Бурый В.Е. Государственная служба пробации – комплексный подход в организации социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции*. 2012. № 5. С. 81-85.

³ International Association of Penal Law. List of National Groups. URL: <http://www.penal.org/en/list-national-groups>.

⁴ Российское национальное отделение Международной ассоциации уголовного права. URL: <http://aidp-russia.ru/>.

⁵ Legalans. Всеукраинский юридический портал. Уголовную юстицию по делам несовершеннолетних реформируют. URL: <http://legalans.com/articles/news/1996-ugolovnuyu-yusticiyu-po-delam-nesovershennoletnih-reformiruyut.html>.

ство граждан, которые находятся на испытательном сроке, а также освобожденных из мест лишения свободы» и создание Центра социальной адаптации «Дом на полпути» для освобожденных из мест лишения свободы женщин¹. В свою очередь украинско-нидерландское сотрудничество направлено на повышение эффективности работы в Прилущкой и Кременчугской воспитательных колониях с молодыми осужденными, совершенствование процесса их реинтеграции в общество после освобождения, помощь в улучшении условий для развития их полезных социальных качеств. Такое сотрудничество сыграло значительную роль для появления проекта Совета Европы и Европейского Союза «Дальнейшая поддержка пенитенциарной реформы в Украине» на 2015-2017 годы². Наблюдается сотрудничество Государственной пенитенциарной службой Украины со многими другими пенитенциарными ведомствами государств Европы по достаточно широким направлениям, в частности, повышению эффективности исправительного воздействия, оптимизации механизмов соблюдения прав осужденных, их реинтеграции в общество.

Весьма активным является сотрудничество Департамента исполнения наказания Белоруссии не только с международными и правительственными организациями, но и с общественными, в частности с Немецкой ассоциацией народных университетов (DVV-International)³.

Представители национальных пенитенциарных систем рассматриваемого типа принимают достаточно активное участие в работе Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (CDAP). Так, в 21-й конференции, проводимой 14-15 июня 2016 года в Зандаме (Нидерланды) и посвященной вопросам участия граждан в работе тюрем и служб пробации, в том числе роли семей правонарушителей и необходимости снижения негативного воздействия на детей

---

¹ Convictus Ukraine. All-Ukrainian Charitable Organization. В Харькове прошёл семинар по обсуждению программ ресоциализации лиц, освобождённых из мест лишения свободы, и методов пробации. URL: <http://convictus.org.ua/en/node/809>.

² КРЕМЕНЧУГ. online. Сотрудники Кременчугской воспитательной колонии приняли участие в семинаре. URL: <https://kremenchug.ua/news/kaleidoscope/33367-sotrudniki-kremenchugskoy-vozpitatelnoy-kolonii-prinyali-uchastie-v-seminare.html>.

³ Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Международное сотрудничество. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=221863>.

факта содержания их родителей в местах лишения свободы, активное приняли участие представители России¹.

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом государства, охватываемых рассматриваемым пенитенциарным типом, отмечаются недостатки в функционировании исправительных учреждений.

Украину СРТ посещал начиная с 1998 года более 14 раз. В основном критике подвергалось отсутствие четкой законодательно регламентированной процедуры обжалования осужденными своих прав и решений администрации пенитенциарных учреждений уголовно-исполнительной системы, крайне плохое медицинское и социально-бытовое обеспечение осужденных. Так, по результатам посещения в период с 9 по 16 сентября 2014 года делегацией комитета указывалось на значительное количество заявлений от осужденных о жестоком обращении с ними со стороны тюремных служащих (например, очень обширные избиения; в том числе дубинками, сдавливание живота веревочной петлей до состояния принудительной дефекации, непрерывное воздействие струей высокого давления воды из пожарного шланга), применение форм позиционной асфиксии, при которой осужденных принудительно заставляли лежать лицом вниз на полу, тогда как один из офицеров сидел на его спине, а другие вытягивали руки и ноги осужденного вверх, неприемлемое использование осужденных в качестве «информаторов» администрации (в частности, о содержании телефонных разговоров заключенных). Положения уголовно-исполнительного законодательства в части здравоохранения дают возможность администрации по собственному усмотрению разрешить или не разрешить осужденному воспользоваться медицинской помощью или дополнительными медицинскими услугами, а предусмотренная возможность оказывать заключенным платные медицинские консультации и лечение очень трудно реали-

---

¹ 21st Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services. URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/PRISONS/Conference_21_files/Draft%20Programme_%20Bil_CDPPS_latest%20version.pdf.

зовать в связи с порой непреодолимыми режимными запретами и ограничениями)¹.

Выполняется соответствующий план мероприятий по реализации рекомендаций Комиссара Совета Европы по правам человека, посетивший в феврале 2014 году ряд учреждений, которые принадлежат к сфере Государственной пенитенциарной службы страны. В связи с чем делались попытки, в частности, законодательно расширить компетенцию в сфере контроля за сферой исполнения уголовных наказаний Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека.

Исследовав и обобщив практику Европейского Суда по правам человека относительно рассмотрения жалоб лиц, содержащихся в российских следственных изоляторах, Л. Паррот приходит к выводу, что соответствующие нарушения, являющиеся в основном результатом переполненности, не были следствием отдельных инцидентов, но имели на системные недостатки². Однако, следует заметить, что, во первых, речь идет в основном о следственных изоляторах, а не исправительных учреждениях, во вторых, этот вывод базируется на жалобах, поступивших в ЕСПЧ (в частности, в статье указывается дело «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*)³). При достаточно широком перечне международных и межправительственных организаций, которые подвергают той или иной критике условия содержания осужденных и заключенных в пенитенциарных учреждениях России, достаточно резко, хотя и не достаточно аргументировано, выражаются относительно особенностей обращения с лицами, изолированными от общества, представители Европейской комиссии Европейского Союза⁴.

Из доклада Государственного департамента США по Правам человека за 2015 год следует, что в пенитенциарных учреждениях Белоруссии сохраняется

---

¹ Report to the Ukrainian Government on the visit to Ukraine carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 9 to 16 September 2014. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ukr/2015-21-inf-eng.pdf>.

² Parrott L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system // *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31. No. 2. P. 158.

³ European Court of Human Rights. Country profile: Russia. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/CP_Russia_RUS.pdf.

⁴ European Commission. Statement by Neven Mimica, Vice-President of the EC, on the case of Ildar Dadin, prisoner of conscience in Russia, extracts from the plenary session of the EP. URL: <http://ec.europa.eu/avservices/video/player.cfm?sitelang=en&ref=I129521&videolang=EN>.

«нехватка пищи, лекарств, теплой одежды и постельного белья, а также ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию, неотложной медицинской помощи и чистой питьевой воде. Вентиляция в камерах и общее санитарное состояние были неудовлетворительными, и условия, необходимые для поддержания надлежащего уровня личной гигиены, не обеспечивались. Заключенные часто жаловались на недоедание и низкое качество тюремной одежды и постельного белья. Некоторые бывшие политические заключенные сообщали о психологическом давлении и содержании в одной камере с лицами, совершившими насильственные преступления. Согласно закону, родные и близкие могут передавать задержанным продукты питания и средства гигиены, а также отправлять им посылки по почте, но это не всегда позволялось администрацией»¹.

Посещение СРТ в период с 9 по 16 сентября 2014 года Республики Молдова выявило переполненность некоторых исправительных учреждений, невозможность трудоустроиться всем желающим осужденным (особенно несовершеннолетним и отбывающим пожизненное лишение свободы), существующие ограничения контактов заключенных с внешним миром².

В докладе «Amnesty International 2016/2017. Права человека в мире» международной неправительственной организации «Международная амнистия» указывается, что в Молдавии «ничего не делалось для устранения структурных причин безнаказанности пыток и жестокого обращения. Некоторые пенитенциарные учреждения были переполнены и отличались неудовлетворительными условиями содержания... несмотря на видимые улучшения в одних камерах (которые обычно оплачивают родственники заключённых), в других наблюдалась переполненность и антисанитария»³.

---

¹ Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2015: Беларусь (U.S. Department of State. Human Rights Report 2015: Belarus). URL: <http://photos.state.gov/libraries/belarus/1320868/PDF/BELARUS-HRR-2015%20RUS%20FINAL.pdf>.

² Report to the Government of the Republic of Moldova on the visit to the Republic of Moldova carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 14 to 25 September 2015. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806975da>.

³ Amnesty International 2016/2017. Права человека в мире. URL: <https://amnesty.org.ru/pdf/AIR201617RUS.pdf>.

Таким образом, для славянского типа европейских пенитенциарных систем характерны поиск сбалансированного подхода к решению дилеммы между обеспечением общественной безопасности и соблюдением доктрины прав человека, подведомственность органов управления пенитенциарными учреждениями соответствующим министерствам юстиции (за исключением Украины и Белоруссии), достаточно высокий коэффициент заключенных, как правило, минимальное количество иностранных осужденных, отрядная модель отбывания лишения свободы. Тюремные учреждения и органы управления данного типа имеют много общих черт. Расширяется практика применяемых средств исправления осужденных в части получения общего образования и профессионального обучения, социальной реинтеграции, тренинговых психиатрических технологий, а также особенностей обращения с отдельными категориями заключенных (наркозависимыми, женщинами и др.). Однако на фоне энергичного поддержания в тюрьмах стран славянского пенитенциарного типа прогрессивных стандартов обращения с осужденными в отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, а также материалах иных международной правозащитных организаций отмечаются нарушения прав осужденных либо иные недостатки в организации деятельности тюрем.

§ 9. Французский тип европейских пенитенциарных систем

Французский тип пенитенциарной системы (Франция, Монако) отражает общие закономерности развития франкофонии, что предопределило наличие исторически сложившейся территориальной экспансии, появление колоний и достаточно широкое использование каторжного труда, отражающего коллективные формы обращения с осужденными.

Пенитенциарная система Франции непосредственно подчиняется Дирекции пенитенциарной администрации, подведомственной Министерству юстиции. В соответствии со ст.1 главы 1 раздела 1 Закона Монако «Об организации тюремной

администрации и предварительного заключения» Тюремная администрация Монако подчиняется Директору судебной службы¹.

Правовая основа регулирования исполнения и отбывания уголовных наказаний представлена достаточно разветвленной системой нормативных актов: Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года, Правительственный Декрет № 59-322 от 23 февраля 1959 года (содержит подробную регламентацию условий отбывания наказаний в местах заключения и фактически является пенитенциарным кодексом Франции), Пенитенциарный закон (Закон № 2009-1436 «О тюрьмах») от 24 ноября 2009 года, Закон от 6 июня 1875 года «Об урегулировании вопросов отбывания превентивного заключения и об исполнении наказаний в метрополии», Закон № 86-1021 от 9 сентября 1986 года «О применении наказаний», Закон от 31 октября 2007 года «О Генеральном контролере мест лишения свободы», Закон от 15 августа 2014 года «Об индивидуализации мер наказания, повышении ответственности мер уголовных наказаний и гуманизации исполнения наказаний», а также отдельными подзаконными правовыми актами (например, Циркуляр от 25 июля 2011 года «О тюремных посещениях»).

Пенитенциарные учреждения Франции (в Монако только одна тюрьма и центр медицинской психиатрии и психологии) имеют достаточно разветвленную классификацию: 1) арестные дома, предназначенные для содержания временно задержанных до суда, ожидающих апелляции и лиц, осуждённых к сроку, не превышающему 1 года (или для осужденных, которым осталось отбывать не более одного года); 2) центральные тюрьмы (Maisons centrales), предназначенные для осужденных к тюремному заключению свыше 2 лет с применением режима содержания, обеспечивающего значительные условия безопасности. При этом в системе центральных тюрем выделяются учреждения для определенных категорий заключенных. Например, учреждения для «асоциальных» личностей (в Море), для злостных нарушителей дисциплины, представляющих высокую опасность (в Мо-

---

¹ Официальный сайт Правительства Монако. Закона Монако «Об организации тюремной администрации и предварительного заключения». URL: <http://www.legimonaco.mc/305/legismclois.nsf/ViewTNC/AAC0BF1E74F19CC3C1257A240031CA9D!OpenDocument>.

заке), тюрьмы для заключенных пожилого возраста (в г. Коньяк)¹; 3) исправительные центры (Centre de detention), функционирующие в целях содержания осужденных, наиболее склонных к ресоциализации; 4) пенитенциарные центры, предназначенные как для подсудимых, так и для осужденных; 5) тюремные учреждения с полусвободным режимом (Centres de semi-liberté), принимающие осужденных, которым осталось отбывать не более года лишения свободы и достигшие определенной степени исправления либо которые осуждены на срок не свыше 6 месяцев тюремного заключения, с возможностью их профессиональной подготовки, получения образования, для прохождения медицинского лечения и т. д. После истечения определенного срока осужденных переводят в назначенный изначально судом вид исправительного учреждения; 6) пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних (Les établissements pénitentiaires pour mineurs), предназначенные для несовершеннолетних осужденных в возрасте от 13 до 18 лет².

В соответствии с информацией, размещенной на официальном сайте Министерства юстиции Франции, в данном государстве имеется: 118 – арестных домов; 12 – центральных тюрем; 24 – пенитенциарных центров (Centre penitentiaire); 7 – тюремных учреждений с полусвободным режимом; 6 – учреждений для несовершеннолетних и 1 государственное пенитенциарное учреждение здравоохранения Френ (EPSNF)³.

Французский тип характеризуется более длительными сроками тюремного заключения (вплоть до «заточения» на срок до 20-30 лет или пожизненного лишения свободы), что не случайно отражает одну из самых высоких степеней жесткости уголовной репрессии французского уголовного закона среди образцов европейского уголовного законодательства⁴, подразделением исправительных учре-

---

¹ Также см.: Тепляшин П.В. Исполнение уголовных наказаний в зарубежных странах: учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. С. 49.

² Также см.: Слепцов И.В. Пенитенциарная система Франции (краткий обзор) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 2. С. 39-42.

³ Официальный сайт Министерства юстиции Франции. URL: <http://www.annuaires.justice.gouv.fr/etablisements-penitentiaires-10113/>.

⁴ Воронин Ю.А., Вейберт С.И. О некоторых возможностях гармонизации уголовно-правовой политики России и стран Европейского Союза относительно регламентации уголовно-правовых последствий совершения преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 147.

ждений на местные и центральные (в Монако одна тюрьма), значительным сохранением элементов пенитенциарной системы и широким использованием достаточно тяжелого и монотонного по своему инструментальному характеру труда осужденных. Данная особенность, согласно подзаконных правовых актов так называемого «прямого действия» – Суверенных приказов № 3782 от 6 мая 2012 года по организации работы тюрьмы и содержанию под стражей, № 2012-8 от 4 июня 2012 года по регламентации правил внутреннего распорядка тюрьмы и № 2012-16 от 6 августа 2012 года по установлению круга лиц, имеющих право посещать тюрьму,¹ не свойственна для тюрьмы в Монако, архитектура которой не в полной мере предназначалась для тюремного заведения, поскольку сооружение изначально являлось военным укреплением².

Для выполнения предоставляемой пенитенциарными учреждениями работы не требуется высокой квалификации заключенного (упаковка, брошюровка, обработка небольших деталей, сортировка и складирование). Созданный для решения вопросов трудовой деятельности осужденных Промышленный пенитенциарный совет лишь иногда организует выполнение работы, предполагающей более высокую квалификацию (например, работа, требующая использование компьютерной техники). При этом трудовые отношения с заключенными не относятся к предмету трудового договора, поэтому с ними, в соответствии со ст. 33 Пенитенциарного закона (Закон «О тюрьмах») от 24 ноября 2009 года, заключается не трудовой договор, а трудовой акт³. Положения ст. 33 указанного правового акта уточняют, что «этот акт, подписываемый руководителем учреждения и заключенным, устанавливает права и обязанности последнего, а также условия его работы и оплаты труда». Однако на осужденных распространяются требования Трудового кодекса,

---

¹ Официальный сайт Правительства Монако. URL: <http://cloud.gouv.mc/Dataweb/Jourmon.nsf/56ae81d1d4180496c12568ce002f290a/369cd28f8e652c9dc1257a550051e2ad!OpenDocument>.

² Rapport au Gouvernement de la Principauté de Monaco relatif à la visite effectuée à Monaco par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 27 au 30 novembre 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mco/2013-39-inf-fra.pdf>.

³ Закон Франции «О тюрьмах». URL: http://translate.google.com/translate?depth=2&hl=ru&ie=UTF8&nv=1&prev=_t&rurl=translate.google.com&sl=fr&tl=ru&u=http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do%3FcidTexte%3DJORFTEXT000021312171%26categorieLien%3Ddid.

касающиеся гигиены и охраны труда¹. При этом рядом исследователей особенностей правового регулирования организации труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Франции указывается, что в условиях добровольности труда заключенных во Франции обнаруживается «определенное неприятие обществом продукции, произведенной осужденными. Как следствие, частные предприятия, желающие принять участие в организации труда осужденных, прибегают к использованию посредников или привлечению субподрядчиков для заключения контрактов с французскими пенитенциарными учреждениями»².

В местных тюрьмах содержатся подследственные лица и осужденные к кратким срокам лишения свободы – как правило до одного года включительно. Данные тюрьмы расположены в административных центрах при судебных учреждениях. Средняя продолжительность содержания осужденного в такой тюрьме Франции составляет 8 месяцев³. В центральных тюрьмах введена прогрессивная система исправления, предусматривающая допуск осужденного к различным фазам воздействия: 1) одиночного заключения, которую проходят практически все заключенные. В течение года за ними осуществляется наблюдение, после чего производится подразделение на три группы: исправимые, сомнительные и неисправимые. В дальнейшем в отношении каждой группы осужденных устанавливается особый пенитенциарный режим. 2) «оборнская» фаза, которая применима только для исправимых и заключается в одиночном размещении осужденных на ночь, и работе в микрогруппах в мастерских; 3) фаза улучшения, заключающаяся в увеличении льгот для оборнской модели размещения осужденных (разрешение участвовать в коллективных играх, принимать пищу в общей столовой и т. д.). Оценка поведения осужденного на второй и третьей фазах осуществляется путем ежедневного выставления баллов; 4) фаза полусвободы, при которой осужденно-

---

¹ Закония. Как организуется труд заключенных во Франции. URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/53017>.

² Родионов А.В., Скиба А.П., Калашников Г.М. и др. Организация труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Франции // Вестник СевКавГТИ. 2016. Вып. 3 (26). С. 71.

³ См.: Мясина Ю.П., Казанцева Д.Б. Особенности исполнения уголовного наказания в зарубежных странах // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 45. С. 186. Также см.: Пенитенциарная система Франции (статистические данные по состоянию на январь 2008 г.): обзор / пер. с фр. М.В. Грошевой. Рязань: Академия управления ФСИН России, 2010. С. 7-25.

му предоставляется право работать по найму вне пределов тюрьмы, посещать родных и отдельные культурно-массовые мероприятия; 5) фаза подготовки к освобождению (прохождение психологического тренинга, подыскивание работы и т.п.) с дальнейшим (иногда условным) освобождением. Сохранение основных черт прогрессивной системы объясняется длительным существованием во Франции вплоть до 1960 года уголовного наказания в виде каторжных работ, исполняемого как на территории франкофонийских колоний (например, Гвиана, Каледония), так и в самой Франции. Потребности достаточно строгого государственного контроля и централизованного управления в сфере исполнения уголовных наказаний, включая каторжные работы, привели к тому, что даже к настоящему времени в государстве отсутствуют частные тюрьмы (начиная с 1987 года используются элементы государственно-частного партнерства в части строительства и обслуживания тюрем частными подрядчиками).

Надзор за отбыванием осужденными тюремного заключения осуществляется специальными судьями по исполнению наказания, которые определяют режим содержания и перевод осужденного на каждую следующую фазу. В соответствии с Законом от 29 декабря 1972 года судья по исполнению наказания может условно-досрочно освобождать осужденных, приговоренных на срок до 10 лет лишения свободы или больше 10 лет, но в случае если неотбытая часть наказания составляет не более 3 лет.

Для французского типа характерен невысокий коэффициент заключенных (90), ниже нормативной наполняемость исправительных учреждений (77 %), самый высокий среди всех типов европейских пенитенциарных систем удельный вес несовершеннолетних (5,7 %) и лиц, являющихся гражданами иностранных государств (58,4 %), в общей массе осужденных, подвергнутых тюремному заключению. Поэтому не случайно, что в условиях существенных нареканий со стороны международных контролирующих организаций на санитарные и медицинские условия содержания заключенных в исправительных учреждениях Фран-

ции данное государство находится на пятом–шестом месте среди стран мира по продолжительности жизни (81 год)¹.

Представители национальных пенитенциарных систем рассматриваемого типа принимают достаточно активное участие в работе Конференции директоров тюремной администрации и служб пробации (CDAP), одна из которых проходила 13-14 октября 2011 года в Страсбурге – 16-я Конференция².

Важно заметить наличие значительных проблем бытового характера в исправительных учреждениях Франции, которые порождают межличностные конфликты заключенными, а также проблемы взаимоотношения с персоналом. Поддержание дисциплины осуществляется с помощью мер, которые зачастую граничат с психическим принуждением осужденного. Кроме того, пенитенциарное законодательство в рамках режима исправительного учреждения формально закрепляет большой объем культурных, спортивных, образовательных или профессионально-трудовых мероприятий, но в реальной действительности фактическая возможность реализации таких мероприятий значительно ограничена финансированием, требованиями обеспечения безопасности и, зачастую, недостатками их кадрового сопровождения³. Не случайно еще в 2010 году Генеральный контролер мест лишения свободы Жан-Мари Деларю описывал французскую тюрьму четырьмя словами, получившими всемирную известность: «Ветхость, жестокость, бедность и унижение достоинства»⁴.

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом государства, пенитенциарные системы которых охватываются французским типом, имеется ряд указаний на соответствующие проблемы. Так, в отчете по результатам посещения ряда тюрем во Франции 28

---

¹ Географический справочник «О странах». URL: http://ostranah.ru/_lists/life_expectancy.phd.

² Council of Europe. Conferences of Directors of Prison and Probation Services. URL: <http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/Conferences/CDAP%20Cecile%20Brunet-Ludet's%20Speech.pdf>.

³ Cretenot M., Liaras B. Prison conditions in France. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinFrance.pdf>.

⁴ Русский очевидец. Эта «сладкая» тюремная жизнь. URL: <http://rusoch.fr/lang/ru/tour/eta-sladkaya-tyuremnaya-zhizn-cette-douce-vie-carcerale.html>.

ноября – 10 декабря 2010 года указывается на факты насилия среди заключенных, а также неоднократное использование чрезмерной силы со стороны персонала пенитенциарного центра Гавра¹. Немного раньше в пункте 24 Заключительных замечаний Комитета против пыток, принятых 20 мая 2010 года после рассмотрения четвертого-шестого периодических докладов Франции (CAT/C/FRA/4-6), Комитет призывает государство-участник предпринять обстоятельный анализ влияния проводимой им в последние годы политики на проблему переполненности тюрем². На обеспокоенность переполненностью исправительных учреждений (особенно в заморских территориях) и недостаточную степень гуманизации исполнения наказаний указывается Комитетом по правам человека ООН в пункте 17 Заключительных замечаний по пятому периодическому докладу Франции (CCPR/C/FRA/5) от 17 августа 2015 года³.

По данным AIDS Journal «Во французских тюрьмах положение людей, больных СПИДом, признано катастрофическим. Процент ВИЧ-инфицированных среди заключенных, только по официальным (вероятно, заниженным) данным, в семь раз выше, чем в обществе. Доля ВИЧ-инфицированных осужденных составляет 2%. При этом 20% заключенных – наркоманы, а от 30 до 40% употребляющих наркотики ВИЧ-положительны... Из-за нехватки обслуживающего персонала, материальных и финансовых проблем людям, которых заключают в тюрьму, невозможно гарантировать то же качество медицинской помощи, что и на свободе... Учитывая повышенную опасность заражения в тюрьмах, особенно в результате совместного использования потребителями наркотиков игл для инъекций, для заключенных-наркоманов разработали «Программу сокращения рисков» (обмен игл, санобработка, метадоновая замена). Разъясняется роль презервативов в про-

---

¹ Rapport au Gouvernement de la République française relatif à la visite effectuée en France par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 28 novembre au 10 décembre 2010. URL: http://www.cpt.coe.int/documents/fra/2012-13-inf-fra.htm#_Toc299713170.

² Заключительные замечания Комитета против пыток: Франция, 20 мая 2010, CAT/C/FRA/4-6. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT/C/FRA/CO/4-6&Lang=En.

³ Комитет по правам человека. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Франции (CCPR/C/FRA/5). 17 августа 2015 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/182/67/PDF/G1518267.pdf?OpenElement>.

филактике ВИЧ-инфекции. Поскольку в тюрьмах половые контакты происходят даже в случае их запрещения, заключенные должны иметь презервативы на протяжении всего срока пребывания в местах лишения свободы»¹. Вместе с тем в законодательстве четко закрепляются меры по контролю за состоянием здоровья осужденных. Например, ст. 348-1 Уголовно-процессуального кодекса Франции 1958 года закрепляет положение о том, что «Генеральная инспекция по социальным вопросам и региональные органы службы здравоохранения должны обеспечить соблюдение мер, необходимых для поддержания здоровья заключенных и гигиены в тюрьмах»². Нельзя не заметить, что данная информация имеется на фоне того факта, что согласно так называемого индекса человеческого развития Франция (вместе, например с Норвегией, Германией, Швейцарией, Нидерландами) относится в группу стран с очень высоким уровнем жизни человека (оценивается через внутреннюю норму доходности на душу населения по паритету покупательской способности в долларах США)³.

В отчетах представителей СРТ, посетивших с визитом Монако в период с 27 по 30 ноября 2012 года содержится информация о ряде проблем, связанных с предварительным заключением лиц, совершивших преступление (плохое питание, не всегда наличие возможности совершения прогулок на свежем воздухе, стесненность в камерах), а также содержанием осужденных (отсутствие помещений для мастерских не дает возможность получить какое-либо профессиональное образование, ограниченные возможности совершения звонков и получения помощи психолога, недостаточно хорошее освещение в камерах, слабое естественное освещение, психолога)⁴.

Таким образом, для французского типа европейских пенитенциарных систем характерен принцип одиночного камерного размещения осужденных, значи-

---

¹ AIDS Journal. СПИД в тюрьмах Франции. URL: http://www.aidsjournal.ru/journal/74_14.html.

² Code de procédure pénale. Version consolidée au 13 décembre 2015. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=1040BB9418A46E51E32D9CB294A65047.tpdila16v_1?idSectionTA=LEGISCTA000006166189&cidTexte=LEGITEXT000006071154&dateTexte=20151216.

³ Программа развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843>.

⁴ Rapport au Gouvernement de la Principaute de Monaco relatif a la visite effectuee a Monaco par le Comite europeen pour la prevention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou degradants (CPT) du 27 au 30 novembre 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mco/2013-39-inf-fra.htm>.

тельный удельный вес иностранных граждан и несовершеннолетних. Среди правовых источников имеются кодифицированные уголовно-исполнительные акты. На фоне энергичного поддержания в тюрьмах франкофонийских стран прогрессивных стандартов обращения с осужденными в отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, посетивших с визитом Францию и Монако, отмечаются отдельные нарушения прав осужденных либо иные недостатки в организации деятельности тюрем.

§ 10. Южно-европейский тип пенитенциарных систем

Южно-европейский тип пенитенциарной системы (Италия, Сан-Марино, Мальта, Кипр) охватывает государства, относящихся к средиземноморским и традиционно обладающими широкими торговыми связями, что объясняет доминирование гражданского права и отсутствие кодифицированных правовых актов, регламентирующих исполнение уголовных наказаний. Причем, например Уголовный кодекс Мальты 1854 года был первоначально опубликован на итальянском языке, что демонстрирует достаточно тесные правовые отношения данного государства с Италией. Кодекс включает в качестве второй книги Уголовно-процессуальный кодекс, относительно обособленные нормы об исправительных учреждениях для несовершеннолетних (хотя в настоящее время такие учреждения отсутствуют и несовершеннолетние преступники отбывают наказание в тюрьме «Коррадино») и условном осуждении¹. Самостоятельным правовым актом выступает Закон Мальты о тюрьмах 1976 года, содержащий основные категории, используемые в пенитенциарной сфере, список деяний, за которые лицо может быть осуждено к тюремному заключению, перечень и характеристики исправительных учреждений².

Правовую основу пенитенциарной системы Италии составляет Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 года, Уголовный и Уголовно-

¹ Уголовный кодекс Мальты. URL: <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lom&itemid=8574>.

² Закон Мальты о тюрьмах. URL: <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lom&itemid=8753&l=1>.

процессуальный кодексы Италии, Закон об исполнении уголовных наказаний, Закон о несовершеннолетних, а также подзаконные правовые акты (например, Циркуляр Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Италии от 20 февраля 2015 года «Разъяснение по применению социальных сетей со стороны персонала пенитенциарного учреждения»). Однако в Сан-Марино отсутствует конституция в её современном понимании, во многом её заменяет первый том Статутов, частно-правовые нормы которых дополняются местными обычаями и положениями Кодекса Юстиниана в качестве главного субсидиарного источника. Хотя основным источником уголовно-правовых отношений выступает Уголовный кодекс 1974 года, в частности, предусматривающий максимальное тюремное заключение до 35 лет¹. Также важным правовым актом выступает Тюремный закон и тюремные правила (Prison Law и prison regulations). Вместе с тем организационное управление пенитенциарной сферой Сан-Марино в значительной степени зависит от Италии, что, например, проявляется в направлении большинства осужденных (в частности, молодых преступников, лиц, подлежащих получению образования и профессиональному обучению) для отбывания тюремного заключения в итальянские исправительные учреждения, приглашение для работы итальянских судей.

Руководство исправительными учреждениями Италии осуществляет Департамент пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Италии². При этом особенностью итальянской системы исполнения уголовных наказаний выступает функционирование Пенитенциарной полиции (Polizia Penitenziaria), которая подчиняется Департаменту пенитенциарных учреждений Министерства юстиции и функционально направлена на обеспечение безопасности и правопорядка в пенитенциарных учреждениях, организацию сотрудничества со службами социальной реабилитации осужденных и реализации, согласно ст. 27 Конституции Италии, конституционного порядка исполнения наказания. Данное структурное подразде-

---

¹ Уголовный кодекс Сан-Марино. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1253084&subID=100116531,100116532#text>

² Официальный сайт Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Италии. URL: <http://www.giustizia.it/giustizia/>.

ление было образовано в соответствии с Законом от 15 декабря 1990 года № 395, ст. 30 которого устанавливает следующие обязанности Пенитенциарной полиции: «реализация политики порядка и безопасности в пенитенциарных учреждениях и службах обращения с задержанными и интернированными, а также осужденными и заключенными, имеющими право на применение к ним альтернативных мер; техническая и оперативная координация действий персонала исправительных учреждений и административных сотрудников; организация управления технической поддержки деятельности Департамента»¹. Тюремный департамент Республики Кипр подведомственен Министерству юстиции и общественного порядка². Единственная тюрьма Сан-Марино подведомственна Государственному Секретариату внутренних дел и юстиции³. На Мальте Тюремная администрация подчиняется Департаменту исправительных служб, подведомственному Министерству юстиции и внутренних дел⁴.

Таким образом, южно-европейскому пенитенциарному типу свойственна подведомственность пенитенциарных органов управления «гибридным» ведомствам, сочетающим в себе функции как министерства внутренних дел (общественного порядка), так и юстиции.

В Италии насчитывается 199 пенитенциарных учреждений для взрослых, 17 – несовершеннолетних, 3 пенитенциарных больницы. При этом пенитенциарная система имеет значительный удельный вес исправительных учреждений, построенных более 40 лет (особенно в Италии – до 96 %, что вызвано явным дефицитом финансирования строительства новых тюрем⁵). На Кипре имеется только одно исправительное учреждение – Центральная тюрьма в Никосии (Nicosia Central Prisons), в которой имеется закрытая, в том числе для содержания пожизненно за-

---

¹ Официальный сайт Пенитенциарной полиции Италии. URL: <http://www.polizia-penitenziaria.it/>.

² Официальный сайт Министерства юстиции и общественного порядка Республики Кипр. URL: http://www.mjpo.gov.cy/mjpo/mjpo.nsf/page25_en/page25_en?OpenDocument.

³ Официальный сайт Государственного Секретариата внутренних дел и юстиции Республики Сан-Марино. URL: <http://www.interni.segreteria.sm/on-line/home/istituzioni>.

⁴ Официальный сайт Министерства юстиции и внутренних дел Мальты. URL: <http://www.mjha.gov.mt>.

⁵ European Commission. Justice. Study on the functioning of judicial systems in the EU Member States. Facts and figures from the CEPEJ questionnaires 2010-2012-2013. URL: http://ec.europa.eu/justice/effective-justice/files/cepej_study_scoreboard_2015_en.pdf.

ключенных (включая лиц женского пола), и открытая секции для осужденных старше 16 лет, а также блок для подследственных. Имеется ряд «филиалов» поблизости (отдельных строений для одиночного содержания заключенных), которые формально являются частью никосийской тюрьмы. В Сан-Марино и на Мальте также по одной: тюрьма Сан-Марино (San Marino Prison) и исправительное учреждение «Коррадино» (Corradino Correctional Facility) соответственно. Однако на Мальте в структуру тюрьмы формально также входят реабилитационный центр, больница для заключенных и учреждение для содержания под стражей¹.

Частные тюрьмы являются в определенном смысле новинкой для пенитенциарной системы. Первая подобная тюрьма появилась в городе Больцано (Италия) в 2014 году. В свою очередь Правительство Республики Кипр достаточно активно ищет инвесторов, готовых на взаимовыгодных условиях профинансировать развитие Никосийской центральной тюрьмы, возведенной еще в 1894 году, либо построить новую². В Сан-Марино государственно-частное партнерство проявляется в области организации питания и медицинского обслуживания осужденных (сотрудничество с частной психиатрической клиникой и гражданской больницей психического здоровья). Подобная тенденция государственно-частного партнерства в сфере оказания медико-санитарных и бытовых услуг постепенно проявляется в деятельности Департамента исправительных служб Мальты.

Южно-европейский тип обладает немного повышенным коэффициентом заключенных (111), переполненностью исправительных учреждений на 27,9 % от нормативной нагрузки и значительным удельным весом заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (41,1 %), что говорит о высокой доли вероятности влияния данного показателя на коэффициент и загруженность тюрем в государствах, охватываемых рассматриваемым типом. Хотя на этом фоне можно отметить слабое использование, в частности в итальянской тюремной системе, языковых и культурных посредников¹.

---

¹ Официальный сайт исправительного учреждения «Коррадино». URL: <https://homeaffairs.gov.mt/en/MHAS-Departments/Corradino-Correctiona>.

² Cyprus looks to a public-private partnership to build a new prison. URL: <http://www.balkans.com/open-news.php?uniquenumber=194601>

¹ Presentation Italian prison system. URL: http://www.lpps.eu/pdf/italian_prison_system.pdf.

В целом рассматриваемый пенитенциарный тип характеризуется высоким удельным весом тюрем среди исправительных учреждений, слабым проявлением элементов прогрессивной системы отбывания наказания, практикой медико-психиатрического воздействия на личность осужденного и фактически отсутствием института условно-досрочного освобождения¹.

В исправительных учреждениях предпринимаются все усилия для разнообразной профессиональной подготовки, закрепления навыков профессионального труда и даже приобретения творческих профессий. Например, в Никосийской центральной тюрьмы (Кипр) осужденные могут получить театральное или музыкальное образование, постановки с их участием широко практикуются за пределами исправительного учреждения². Более того, в апреле 2012 года на Мальте состоялась конференция Европейской ассоциации образования в тюрьмах (ЕРЕА). Команда из четырнадцати европейских пенитенциарных педагогов совместно с заключенными исправительного учреждения «Коррадино» поставила спектакль по пьесам Шекспира³.

Распространена практика волонтерской и общественной работы осужденных за пределами исправительного учреждения. Например, в Италии до 1/5 заключенных предоставляется возможность выполнения работ за пределами исправительного учреждения, но фактически данный удельный вес намного меньше в силу проблем финансирования организации технических средств контроля за поведением осужденных⁴. Однако продолжает сохраняться проблема нехватки социальных работников и психологов (за некоторым исключением тюрьмы Сан-Марино). Имеются проблемы охраны здоровья заключенных. Не случайно 62-я сессия Европейского регионального комитета Всемирной организации здравоохранения проходила на Мальте, где была принята общеевропейская основа политики здравоохранения «Здоровье-2020», в которой подчеркивается развитие

---

¹ Тюрьмы Италии. URL: <http://www.tyurma.com/tyurma-za-rubezhom/tyurma-v-italii>.

² Cyprus Prisons Department. URL: http://www.cyprusnet.com/article_cyprus-prisons-department.

³ London Shakespeare Workout (LSW). URL: <http://www.lswproductions.co.uk/theirvoicereport.htm>.

⁴ Marietti S. Prison conditions in Italy. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. URL: http://www.prisonobservatory.org/upload/Italy_Peniten.pdf.

связей ВОЗ с «новыми и возникающими типами партнерств в интересах здоровья» – такими как пенитенциарные учреждения¹.

Достаточно широко практикуется использование института «полусвободы», предполагающего возможность трудоустройства вне исправительного учреждения с обязательным пребыванием в тюрьме в ночное время суток. Данный институт используется не только для мотивации позитивного поведения осужденного, но и служит средством его социальной адаптации. Размещение осужденных, как правило, по двое в камере и минимизация совместного досуга с другими заключенными позволяет обеспечивать достаточную степень их безопасности, но не всегда способствует эффективному исправительному воздействию на осужденных и сопровождается переполненностью пенитенциарных учреждений.

Вместо условно-досрочного освобождения применяется достаточно сложная юридическая конструкция, именуемая «амнистированием в связи со сложившимися нестандартными обстоятельствами». Как правило, применение данного института сопряжено с применением к освобожденному «домашнего ареста» (в Италии) либо перевод в открытое учреждение (Кипр).

Результаты мониторинга состояния порядка и условий исполнения тюремного заключения, проводимого различными «внешними» правозащитными организациями и органами, показал наличие соответствующих проблем функционирования исправительных учреждений государств, охватываемых южно-европейским типом пенитенциарной системы.

Так, в исправительных учреждениях достаточно сильно распространена проблема незаконного потребления наркотиков. В частности, если по данным Избранного издания, подготовленного Европейским центром мониторинга наркотиков и наркомании (EMCDDA) в 2012 году, в Европе в среднем около 10-48 % отбывающих уголовное наказание в виде тюремного заключения мужчин и 30-60 % женщин за месяц до осуждения употребляли наркотики¹, то, например, в Италии

---

¹ World Health Organization. Regional office for Europe. URL: <http://www.euro.who.int/en/countries/malta>.

¹ European Monitoring Centre on Drugs and Drug Addiction. Prisons and drugs in Europe: the problem and responses. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/publications/selected-issues/prison>.

данный показатель (усредненный по гендерному признаку) составляет 30 %. В свою очередь Мальта занимает второе место среди государств Европы по коэффициенту совершаемых в исправительных учреждениях наркопреступлений¹. Вместе с тем именно в рассматриваемых государствах и, в первую очередь, в Италии предпринимаются значительные усилия по исследованию проблем оборота наркотиков в исправительных учреждениях. Не случайно штаб-квартира Института по вопросам исследований преступности и правосудия Организации Объединенных Наций (ЮНИКРИ) расположена в Турине. Под эгидой данной организации 23 сентября 2015 года был проведен семинар с участием ведущих экспертов из разных стран, на котором обсуждались экономические, социальные и медицинские проблемы тюремного заключения наркозависимых лиц². Более того, именно Италия одна из первых стран Европы, которая с начала 1970-х годов применяет заместительную метадоновую терапию³, с 1991 года вводит национальную систему мониторинга ВИЧ-инфицированных (включая осужденных) и лиц, с аддиктивным поведением, способных представлять опасность для общества. Начиная с 2008 года государство передало функцию охраны здоровья лиц, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества, от Министерства юстиции в Министерство здравоохранения⁴. При этом активное участие в обеспечении законности при применении такой терапии и реализации последующих реабилитационных программ принимают сотрудники Пенитенциарной полиции.

В исправительных учреждениях рассматриваемого пенитенциарного типа на постоянной основе применяется практика токсикологического тестирования. Более того, «на Кипре где тюремная система обслуживается квалифицированными психиатрическими бригадами, высокие показатели выявляемости душевных

---

¹ European Monitoring Centre on Drugs and Drug Addiction. Statistical bulletin 2013. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/stats13/duptab2b>.

² United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI). Prison and drug use: management, costs and criteria Enhancing prevention and treatment and promoting alternative measures. URL: http://www.unicri.it/news/article/2015-09-23_.

³ World Health Organization. Health in prisons. A WHO guide to the essentials in prison health. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0009/99018/E90174.pdf.

⁴ Verdout C., Godin-Blandeau E., Grémy I., Develay, A.-E. Monitoring systems and national surveys on prison health in France and abroad // European Journal of Public Health. 2014. Vol. 25. No. 1. P. 168, 170.

расстройств»¹, в данном государстве ведутся национальные регистры выписки и приема психотропных средств в Центральной тюрьме Никосии. Это позволяет установить реальный объем психотропной медикации (что также возможно только в тюремных системах Швеции, Норвегии и Люксембурга)².

В отчете представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СТП), посетивших с визитом Италию в мае 2012 года, закреплено требование улучшить условия содержания осужденных в этом государстве. Основной проблема была названа значительная переполненность тюрем. В частности, в тюрьме Бари (Bari Prison), рассчитанной на 250 мест, на момент посещения делегации содержалось 503 заключенных, в тюрьме Флоренц-Соллицциано (Florence-Sollicciano Prison) содержалось 1001 заключенный, тогда как официальная вместимость составляет 475 человек. В результате наблюдались трудности организационного характера персонала и заключенных. В некоторых из посещенных тюрем эксперты получили жалобы о физическом насилии со стороны персонала тюрем, в первую очередь за дисциплинарные нарушения. Были замечены дефекты по части состояния тюрем, в частности подтопленные участки, недостатки отопительной системы, в некоторых камерах отсутствовал или был ограничен доступ к вентиляции и дневному свету. Был сделан вывод о том, что некоторые из этих тюрем нуждаются в реконструкции и реставрации из-за плохого состояния помещений и экстерьера³. В свою очередь в п. 29 Резюме Управления Верховного комиссара по правам человека Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, подготовленного в 2014 году в отношении Италии, констатируется распространенность применения пыток и других видов жестокого обращения в тюрьмах, а также указывается, что в январе 2013 года при рассмотрении дела Торреджиани Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал системный и постоянный характер унижающих че-

---

¹ Малкин Д.А. Психиатрические ресурсы и принципы лечения заключенных с психическими расстройствами в зарубежных странах // Психическое здоровье. 2010. Т. 8. № 5 (48). С. 62.

² Там же. С. 64.

³ Report to the Italian Government on the visit to Italy carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 25 May 2012. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ita/2013-32-inf-eng.pdf>.

ловеческое достоинство условий содержания в итальянских тюрьмах¹. Из доклада Государственного департамента США по Правам человека за 2014 год также следует, что в Италии сохраняются плохие тюремные условия и переполненность исправительных учреждений, имеют место факты самоубийства заключенных и далеко не всегда должная медицинская помощь осужденным.²

В отчете СТР в отношении Мальты (уже седьмой визит состоялся в сентябре 2011 года) указывалось на такие недостатки как отсутствие эффективного контроля над заключенными, правильной и точной классификации осужденных, как следствие, развитость неформальных структур между ними, случаи насильственного обращения с лицами, содержащимися в исправительном учреждении «Коррадино», отсутствие в некоторых камерах окон, а также на необходимость предоставления осужденным не менее чем 4 м² санитарно-бытовой площади в камере и важность реализации индивидуальных программ обращения с осужденными³.

В отчете в отношении тюрьмы в Сан-Марино (визит состоялся в феврале 2005 года) рекомендовалось строительство дополнительных помещений для организации работы мастерской и гимназии⁴. Однако с 1 сентября 2012 года, приблизительно в течении одного года, все осужденные в Сан-Марино лица к тюремному заключению содержались в исправительных учреждениях Италии⁵. По результатам посещения государства представителями СРТ в период с 29 января по 1 февраля 2013 года было рекомендовано пенитенциарному ведомству расширить

---

¹ Совет по правам человека. Резюме, подготовленное Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека в соответствии с пунктом 15 с) приложения к резолюции 5/1 и пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека: Италия, 4 августа 2014, A/HRC/WG.6/20/ITA/3. URL: <http://www.refworld.org.ru/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?page=search&docid=55b741984&skip=0&query=тюрьмах&coi=ИТА>.

² Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2014: Италия (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Italy). URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236750.pdf>.

³ Report to the Maltese Government on the visit to Malta carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 26 to 30 September 2011. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mlt/2013-12-inf-eng.pdf>.

⁴ Response of the Government of San Marino to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to San Marino from 8 to 11 February 2005. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/smr/2008-10-inf-eng.pdf>.

⁵ Prison populations in Europe-looking at the numbers. URL: <http://www.thefreelibrary.com/Prison+populations+in+Europe--looking+at+the+numbers.-a0166693437>; Council of Europe Annual Penal Statistics: Space I – 2012 / Marcelo F. Aebi, Natalia Delgrande. Switzerland: University of Lausanne, 2014. URL: <http://www.statewatch.org/news/2014/apr/coe-space-i-april-2014.pdf>.

контакты осужденных с внешним миром, организовать места для занятий осужденных трудом и разработать инструкцию, содержащую подробную информацию на различных языках о правах осужденных. Инструкция должна регламентировать обязанность заинтересованных лиц (не только осужденных, но и, возможно, их родственников) подписать заявление, подтверждающее, что они были проинформированы о своих правах на языке, который они понимают. Также рекомендовалось в исправительном учреждении завести реестр, содержащий сведения о начале и окончании срока отбывания лишения свободы, реализации основных правовых гарантий заключенных, включающих информацию о том где и когда лицо было проинформировано о своих правах, когда заключенный имел контакты или посещения родственников, адвоката, врача или представителя консульских услуг¹. В официальном ответе правительство Сан-Марино в целом согласилось с данными рекомендациями².

Рекомендовалось обратить особое внимание на реализацию реабилитационных мероприятий и улучшение условий содержания несовершеннолетних преступников в отчете в отношении Кипра (визит состоялся в мае 2008 года)³. При посещении представителей СТР государства в период с 21 сентября по 1 октября 2013 года в отчете отмечаются проблемы переполненности Центральной тюрьмы в Никосии, слабую степень участия заключенных в профессиональной ориентированной трудовой и учебной деятельности (до 50 %), а также на оставшиеся недочеты по применению реабилитационных мероприятий, проблемы бытового характера и поддержания дисциплины. Указывается на наличие жалоб со стороны осужденных по поводу постоянного и насильственного бритья головы и лица, которое исполняется работниками тюрьмы непрофессионально и часто ведет к

---

¹ Rapport au Gouvernement de Saint-Marin relatif à la visite effectuée à Saint-Marin par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 29 janvier au 1er février 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/smr/2014-33-inf-fra.pdf>.

² Response of the Government of San Marino to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to San Marino from 29 January to 1 February 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/smr/2014-34-inf-eng.pdf>.

³ Report to the Government of Cyprus on the visit to Cyprus carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 19 May 2008. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cyp/2012-34-inf-eng.pdf>.

травмам и шрамам¹. В пункте 15 Заключительных замечаний Комитета по правам человека, принятых 30 апреля 2015 года после рассмотрения четвертого периодического доклада Кипра (CCPR/C/CYR/4), «отмечая усилия государства-участника, направленные на снижение уровня переполненности тюрем и улучшение условий содержания под стражей, Комитет по-прежнему обеспокоен сообщениями о насилии среди заключенных, включая групповые изнасилования, о применении содержания в одиночной камере в течение весьма продолжительных периодов времени, а также о том, что несовершеннолетние и мигранты не всегда содержатся отдельно от других категорий заключенных»².

Нельзя не заметить, что проблемы недостаточности мест содержания заключенных тесно связаны с вопросами трудового воздействия на осужденных, что привело к созданию (особенно в Италии) так называемых кооперативов для получения, поддержания или повышения трудовых навыков лиц, отбывающих наказания. Объективные трудности трудоустройства после освобождения, а также высокий удельный вес иностранных осужденных обусловили появление института волонтеров, оказывающих помощь в поиске работы и освоении языка, и культурной медиации – мероприятий, способствующих познанию языка и культуры государства, а также направленных на оказание помощи осужденным при обращении в различные правозащитные органы, миграционные и иные государственные учреждения³.

Таким образом, для южно-европейского типа европейских пенитенциарных систем свойственна подведомственность пенитенциарных органов управления «гибридным» ведомствам, сочетающим в себе функции как министерства внутренних дел (общественного порядка), так и юстиции, формирование системы частных тюрем. Данный тип обладает немного повышенным коэффициентом за-

---

¹ Report to the Government of Cyprus on the visit to Cyprus carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 23 September to 1 October 2013. URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cyp/2014-31-inf-eng.pdf>.

² Заключительные замечания Комитета по правам человека: Кипр, 30 апреля 2015, CCPR/C/CYR/4. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/CYP/CO/4&Lang=En.

³ Альперн Л. Тюрьмы в Италии. URL: <http://www.russ.ru/pole/Tyur-my-v-Italii>.

ключенных, незначительной переполненностью исправительных учреждений от нормативной нагрузки и значительным удельным весом заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных, высоким удельным весом тюрем среди исправительных учреждений, слабым проявлением элементов прогрессивной системы исполнения наказания и практикой медико-психиатрического воздействия на личность осужденного, а также фактически отсутствием института условно-досрочного освобождения. При организации исправительного воздействия широко практикуется профессиональная подготовка, привитие к осужденным навыков профессионального труда и приобретения творческих профессий. Однако в исправительных учреждениях достаточно сильно распространена проблема незаконного потребления наркотиков, хотя и широко применяется практика токсикологического тестирования. Со стороны СТР и других международных правозащитных организаций отмечается достаточно много нареканий на условия содержания осужденных.

ГЛАВА V. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

§ 1. Критерии эффективности европейских пенитенциарных систем

В рамках диссертационного исследования особый научный и практический интерес представляет такой критерий типологизации как эффективность пенитенциарной системы. Данное основание типологизации, очевидно, позволило бы продемонстрировать социальную результативность функционирования пенитенциарной системы конкретного государства либо типа европейской пенитенциарной системы. Ведь такая результативность как раз отражается в практической стороне функционирования исправительных учреждений. Следовательно, для того, что бы понять – как близко к предвосхищаемому результату подошло развитие отечественной уголовно-исполнительной системы – требуется детально разобраться с содержанием категории «эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания» («эффективность пенитенциарной системы»).

Понятие эффективности при определении эффективности пенитенциарной системы имеет существенные отличия от понятия эффективности в обычном ее значении, поскольку цели пенитенциарной системы не могут быть определены абсолютно точно, что возможно преимущественно в экономическом измерении. Функционирование пенитенциарной системы относится к публичной сфере государственной деятельности, цели в которой не так легко описываемы и экономически просчитываемы, как цели в частноправовых отношениях. Сложность понимания данной категории проявляется уже на этапе выделения видов эффективности. При этом необходимо заметить, что в зарубежных исследованиях указывается на важность анализа затрат и результатов функционирования пенитенциарной системы. Так, С.Р. Иллескас и Н. Фрерич пишут: «...в европейских странах такие исследования не являются обычными, что особенно удивительно на фоне текущего экономического кризиса... в строго экономическом смысле обычное злоупотребление тюрьмой в некоторых европейских странах не только неэффективно, но и неэкономично. Никакая уголовная политика не является более дорогостоящей

для государства, чем широкое применение тюремных заключений... в силу этого существуют хорошие, веские причины для европейских стран переориентировать свою уголовную политику к более рациональным, творческим, позитивным, эффективным и прибыльным направлениям»¹.

Одним из наиболее распространенных подходов к оценке эффективности пенитенциарной системы выступает анализ так называемого постпенитенциарного рецидива, то есть количественно-качественных показателей совершаемых вновь преступлений лицами, освобожденными из исправительных учреждений. Так, В.В. Городнянская не без основания отмечает, что «именно уровень постпенитенциарного рецидива преступлений является основным критерием для определения эффективности деятельности системы исправительных учреждений... совершение нового преступления свидетельствует о пренебрежении освобожденным выраженной ранее со стороны общества и государства оценкой, о никакой результативности деятельности пенитенциарного учреждения, в котором данное лицо отбывало наказание»². Вместе с этим, возможность использования данного показателя для оценки эффективности функционирования пенитенциарных учреждений допустимо только в рамках одного государства, но значительно осложняется при оценке эффективности европейских пенитенциарных систем. Это обусловлено разнообразием понимания рецидива преступлений и такой его разновидностью как постпенитенциарный.

Более того, в некоторых европейских странах отсутствует законодательная и уголовно-статистическая категория «рецидив» преступления и(или) судимость (в частности, в Польше), в границах которой, как правило, и определяется рецидив преступления. В отдельных государствах рецидив образует совершение только однородного преступления (например, в п. 8 ст. 23 УК Испании указывается: «Рецидив имеет место, когда до совершения преступления виновный был осужден

---

¹ Шлескас S.R., Frerich N. Crime and Justice Reinvestment in Europe: Possibilities and Challenges // Victims & Offenders. 2014. Т. 9. Р. 38, 43.

² Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив: монография / под науч. ред. В.А. Уткина. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 7, 20.

уже за преступление такого же характера, предусмотренное тем же разделом данного Уголовного кодекса»).

При этом, наиболее референтным с точки зрения влияния отбытого наказания на поведение освобожденного выступает трехлетний срок судимости, в течении которого вновь совершается до 80 % всех рецидивных преступлений¹. Однако определить количество совершаемых в европейских странах преступлений в течении трехлетнего срока после отбытия тюремного заключения не представляется фактически возможным. Более того, европейские страны, которые способны предоставить статистику по рецидивной преступности, ограничиваются различными сроками учета вновь совершенного преступления: Дания, Исландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция и Финляндия – 2 года, Германия и Ирландия – 3 года, Франция – 5 лет. Кроме того, европейскими специалистами, занимающимися вопросами постпенитенциарной рецидивной преступностью, прямо указывается на различное понимание и содержание категории «рецидив», что не позволяет сопоставлять соответствующие статистические данные и давать объективную оценку². Симптоматичен тот факт, что, например, в США (в рамках одного государства!) исследователи также ставят под сомнение единообразное понимание постпенитенциарного рецидива, поскольку неоднозначна его правовая и криминологическая оценка в различных штатах³. В этой связи следует согласиться с позицией В.А. Уткина, который критически относится к возможности сопоставления показателей рецидива в разных странах: «Обратившись к практике зарубежных тюрем обнаружим, что в тюрьмах Франции постпенитенциарный рецидив составляет до 60 %. Сами по себе способы подсчетов вряд ли однозначно сопоставимы, доля осужденных к реальному лишению свободы в Западной Европе гораздо ниже: 10–

---

¹ См.: Ефимов М.А., Шкурко В.А. Рецидивная преступность и её предупреждение. Минск: Вышэйшая школа, 1977. С. 120-124; Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и её предупреждение. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 36.

² Fazel S., Wolf A. A Systematic Review of Criminal Recidivism Rates Worldwide: Current Difficulties and Recommendations for Best Practice // PLOS one. 2015. V. 10. P. 4, 6.

³ Dooley B.D., Seals A., Skarbek D. The effect of prison gang membership on recidivism // Journal of Criminal Justice. 2014. V. 42. P. 268-273.

15 % в отличие от 28 % в России. Стоит ли в данном отношении стремиться к достижению пресловутых стандартов эффективности?»¹.

Кроме того, специалистами справедливо указывается, что «рецидивное преступление, совершенное хотя и в пределах судимости, но за пределами трехлетнего срока, едва и можно отнести к неэффективности уголовно-исполнительной системы и трудностям последующей ресоциализации... на первый план выступают личностные характеристики виновного»².

Тесным образом, с оценкой эффективности пенитенциарной системы связана проблема исправления осужденных, которая, по сути, не поддается измерению количественно-статистическими методами. Так, И.В. Шмаров в свое время пришел к выводу о том, что «основной критерий оценки эффективности деятельности ИТУ – исправление и перевоспитание осужденных. Этот критерий объективно выражается в уровне рецидивной преступности со стороны освобождаемых»³. Однако детерминация рецидивной преступности сопряжена далеко не только с данными критериями, но и с рядом иных социально-экономических факторов, которые способны оказывать на «освобождаемых» лиц негативное воздействие, никак не связанное с их исправлением. Как справедливо отмечает В.И. Зубкова: «исправление как цель уголовного наказания непознаваема, поскольку... отсутствуют критерии оценки наступления желаемого результата»⁴. В свою очередь М.М. Лапунин правильно указывает, что «отсутствие изменений в морально-нравственном облике осужденного – не повод «упрекать» назначенное ему наказание в низкой эффективности»⁵. Действительно, на факт исправления влияет огромное количество показателей: начиная от совершенного вновь общественно

¹ Уткин В.А. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций и смена уголовно-исполнительных парадигм // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1. С. 68.

² Городнянская В.В. Указ. соч. С. 26.

³ Шмаров И.В., Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М.: Юридическая литература, 1968. С. 73.

⁴ Зубкова В.И. Исправление осужденных: реалии и ожидание перемен // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014. С. 123.

⁵ Лапунин М.М. Исправление преступника как один из критериев эффективности наказания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 214.

опасного деяния и его однородности с ранее совершенным – до личностно-мотивационных изменений, сопряженных с формированием социально полезных качеств личности. Более того, на постепененциарное поведение лица значительное влияние оказывает степень «испорченности» личности преступника до осуждения и оценка данной степени со стороны судебных органов в практике различных государств.

Следует учитывать и различное понимание категории «преступление», содержание которого подлежит весьма широкой интерпретации в уголовном законодательстве зарубежных стран, а также особенности практики их регистрации в уголовной статистике, что приводит к несопоставимости показателей зарегистрированной преступности в разных государствах. Как отмечают В.Е. Квашис и Н.В. Генрих на «уровень регистрации преступлений влияет множество разнообразных факторов экономического и социально-психологического плана (так, в странах, экономически более благополучных, с более высоким доходом на душу населения уровень зарегистрированной преступности, как правило, значительно выше). Число зарегистрированных преступлений отражает не только специфику криминализации деяний в той или иной стране, но и полноту учета всех событий и активности граждан по сотрудничеству с полицией. Иначе говоря, более высокий уровень зарегистрированной преступности может, скорее, отражать большую степень доверия полиции (и, следовательно, более частное обращение к ней), но не криминальную ситуацию как таковую... высокие или, наоборот, низкие статистические показатели зарегистрированной преступности – при кажущейся банальности этого положения – не могут быть сколь либо надежными индикаторами для оценки эффективности работы полиции и системы уголовной юстиции в целом»¹. Как представляется, данные особенности распространяются и на регистрацию повторных преступлений, совершаемых после отбытия наказания в местах изоляции от общества. Не случайно известный финский ученый Тапио Лаппи-Сеппала обос-

---

¹ Квашис В.Е., Генрих Н.В. Преступность в России и зарубежных странах: методологические аспекты сравнительного анализа // Пролог: журнал о праве. 2013. № 4. С. 23-24.

новывает тезис о том, что «между степенью использования тюрьмы и числом совершаемых или регистрируемых преступлений нет связи»¹.

Также отметим, что качество исследования постпенитенциарной преступности зависит от системы мониторинга соответствующих явлений, которая и в нашей стране находится в стадии разработки. Так, В.И. Селиверстов отмечает: «Система мониторинга рецидива преступлений после отбытия лишения свободы так и не введена в России»² и эта «проблема выражается в разработке системы учета постпенитенциарного рецидива после освобождения из мест лишения свободы»³. Также необходимо учитывать, что на рецидивную преступность существенное влияние оказывают социально-экономические условия в обществе, качество работы институтов социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест изоляции от общества, и ряд других внешних факторов, безусловно связанных с результатами исправительного воздействия на осужденного, но и обладающих значительным автономным потенциалом влияния на указанных лиц. Особую роль занимает характер миграционных процессов, имеющих особенности своего проявления в отдельных частях Европы и, безусловно, влияющих на качественные показатели преступности в отдельных странах и специфику обращения с осужденными-мигрантами в исправительных учреждениях.

С учетом изложенных рассуждений можно резюмировать недопустимость использования уровня постпенитенциарного рецидива в качестве единственного критерия эффективности пенитенциарной системы. Более того, результаты использования данного критерия следует оценивать со значительной поправкой на особенности уголовно-правовой регламентации категории «рецидив преступле-

---

¹ Лаппи-Сеппала Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. С. 33.

² Селиверстов В.И. Концепция развития уголовно-исполнительной системы должна быть изменена // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014. С. 165.

³ Селиверстов В.И. Изменения в уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительном законодательстве в сфере исполнения лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 71.

ния» в законодательстве конкретного государства, специфику «контингента» исправительных учреждений, социальные условия и криминологическую ситуацию в стране.

Как представляется, эффективность функционирования пенитенциарной системы должна оцениваться (в известной степени только гипотетически) путем использования нескольких показателей такой эффективности – как описательных (качественных), так и количественных индикаторов, характеризующих результат функционирования или успешность движения к достижению цели. Указанные показатели играют роль критериев эффективности, которые целесообразно подвергать факторному анализу. Ведь эффективность любого публичного института в процессе сложного мультиплицирования складывается из множества факторов, поэтому отсутствует универсальный критерий оценки эффективности пенитенциарной системы.

При измерении эффективности пенитенциарной системы осуществляется не просто анализ намеченных целей и достигнутых результатов её функционирования, поскольку такой показатель будет в первую очередь отражать результативность управления в пенитенциарной сфере, а должна проводиться оценка результатов функционирования пенитенциарной системы с количеством ресурсов, затраченных на их достижение.

Важно заметить, что социальная эффективность существенно отличается от технической эффективности и экономической рентабельности. Более того, эффективность может быть связана с достижением как позитивных, так и социально вредных целей. Следовательно, применительно к публичному институту – пенитенциарной системе – категория «эффективность» охватывает и вбирает в себя комплекс таких понятий как нравственность, справедливость, разумность, гуманность и обоснованность.

На этом основании эффективность пенитенциарной системы должна также зависеть от таких факторов как общественное одобрение результатов её функционирования и удельный вес (например, на 1 тыс. заключенных) фактов неправомерного обращения (насилие, издевательства etc.) с осужденными. Так, В.И. Сели-

верстов справедливо указывает в качестве важной требующей решения проблемы «учет в качестве одного из основных критериев эффективности деятельности исправительных учреждений уровня соблюдения прав человека при отбывании лишения свободы. Это важнейший показатель социального благополучия уголовно-исполнительной системы, действительно оказывающий существенное влияние на эффективность ее деятельности. Трудно предположить, что в условиях нарушения прав человека будут достигаться цели исправления осужденных, предупреждения преступлений со стороны осужденных и иных лиц»¹. Ведь ориентация пенитенциарной системы как составляющей государственного механизма на достижение социального эффекта предопределена собственно самим предназначением государства. Как справедливо отмечает Патрик Торнудд, важнейшим условием соблюдения правовых норм является восприятие людьми системы уголовного правосудия как справедливой и легитимной².

Критерии оценки эффективности пенитенциарной системы требуют своего рассмотрения и замера только в динамике. Статический анализ неприемлем, поскольку пенитенциарная система должна быть готова ко всем криминальным, идеологическим, социально-экономическим изменениям. В силу этого абсолютно обоснованно использование различных видов анализа эффективности пенитенциарных систем: системного, который выступая общим методологическим подходом в научных исследованиях позволяет выделять существенные компоненты явления или процесса, установить связи как внутри системы, так и с внешней средой, с системами одного уровня, а также структурного, факторного, корреляционного и других. Особый интерес представляет SWOT-анализ (Strengths – сильные стороны, Weaknesses – недостатки, слабые стороны, Opportunities – возможности, Threats – угрозы), который отражает исследование сильных и слабых сторон развития исследуемого объекта в тесной связи с угрозами (рисками), потенциальными возможностями системы (способствуют благоприятному развитию объекта),

---

¹ Селиверстов В.И. Изменения в уголовно-исполнительной политике... С. 71.

² Торнудд П. К реалистичным целям уголовной политики // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. – С. 125.

факторами внешней и внутренней среды. Анализ различных сочетаний сильных сторон с угрозами и возможностями, а также слабых сторон с угрозами и возможностями позволяет обнаружить проблемное поле исследуемого объекта, то есть совокупность проблем, отражающих связь факторов внешней и внутренней среды. В свою очередь применение четырехэлементного стратегического PEST-анализа (Policy – политика, Economy – экономика, Society – общество, Technology – технология), выделяющего 4 основные группы факторов, посредством которых анализируется политический, экономический, социокультурный и технологический аспекты исследуемого объекта обосновывает использование четырех факторов эффективности пенитенциарной системы.

Вышеизложенные рассуждения позволяют предположить (корректировка этих факторов будут осуществлена в данном параграфе немного позже) возможность отнесения к критериям эффективности пенитенциарной системы следующие факторы: 1) ресурсы, затраченные на функционирование пенитенциарной системы (экономический фактор – ЭФ); 2) постпенитенциарный и пенитенциарный рецидив (фактор риска уголовной политики – ФР); 3) степень общественного одобрения результатов её функционирования (фактор общественного одобрения – ФОО); 4) коэффициент неправомерного обращения (насилие, издевательства etc.) с заключенными (фактор защищенности – ФЗ). Данные факторы носят интегрированный характер, поскольку выступают более емкими и системообразующими единицами по отношению к иным социальным явлениям и процессам (например, коррупционность персонала пенитенциарной системы так или иначе связана со всеми из вышеуказанных факторов, являясь «фоновым» явлением применительно к основным задачам пенитенциарной системы, устойчивость пенитенциарной системы к финансово-экономическим кризисным изменениям, степень её связанности с правоохранными интересами государства). Также необходимо подчеркнуть, что для оценки своей (национальной) пенитенциарной системы допустимо использовать намного более обширный набор факторов, поскольку в этом случае показатели эффективности в основном обладают «целевым характером» и тесно связаны с достижением национальных приоритетов по противодействию

преступности и поддержанию правопорядка. Однако если задача заключается в сопоставлении всего массива европейских пенитенциарных систем, то такие факторы должны обладать в определенном смысле унифицированным и упрощенным характером.

Исследование отмеченных факторов позволяет обнаружить интегральную оценку (индекс) эффективности пенитенциарной системы, который представляет собой интегральную сумму отобранных показателей и их изменений, взятых с соответствующим весом. В свою очередь под «весом» на основе статистического моделирования понимается числовой коэффициент, на который умножается показатель, и в зависимости от величины этого коэффициента конкретный показатель вносит в итоговую оценку соответствующий вклад.

Процесс поиска эффективности пенитенциарной системы на основе факторного анализа складывается из двух этапов: 1) стандартизации данных и 2) применения метода главных компонент. Первый этап, по сути, является пропедевтикой факторного анализа, но без его прохождения искомые данные не будут обладать требуемой научной репрезентативностью.

Этап стандартизации данных изначально предполагает внесение необходимой статистической информации по каждой стране (таблица 2).

Таблица 2

Матрица исходной статистической информации

по пенитенциарным системам государств для стандартизации данных

Факторы	1 страна	2 страна	3 страна	4 страна	...	n страна
ЭФ	x_1	x_2	x_3	x_4	...	x_n
ФР	r_1	r_2	r_3	r_4	...	r_n
ФОО	o_1	o_2	o_3	o_4	...	o_n
ФЗ	t_1	t_2	t_3	t_4	...	t_n

Экономический фактор (ЭФ) отражает коэффициент (соотношение) годового объема затрат в Евро на функционирование пенитенциарной системы (включая затраты на содержание заключенных) относительно численности «тюремного населения» в данной стране. Для унификации данных целесообразно использо-

вать один и тот же источник информации о численности заключенных лиц в каждой стране¹. Соответственно, в рамках экономического фактора исходная статистическая информация (x) для каждой страны будет высчитываться из следующего уравнения:

$$x_i = \text{объем затрат}_i / \text{численность заключенных}_i,$$

где i – номер страны ($i = 1 \dots n$), n – общее количество стран, подвергаемых факторному анализу.

В специальных исследованиях предлагаются иные методики определения государственных затрат (издержек), связанных с исполнением уголовных наказаний. В частности, обосновываются необходимость учета того обстоятельства, что исполнение уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, вносит определенный вклад в разрыв валового внутреннего продукта (ВВП). Соответственно, предлагаются методики оценки упущенной выгоды общества от исполнения уголовных наказаний, заключающегося в потерянном для общества вкладе преступника в ВВП. Причем предлагается это делать с учетом привлечения осужденных к труду и их среднего ежемесячного дохода, коэффициента их трудоспособности до осуждения, модального среднедушевого месячного дохода населения за год, среднемесячного индекса потребительских цен на товары и услуги². Безусловно, что эти данные имеют различную характеристику и стандарты измерения в странах европейского континента, поэтому их использование нецелесообразно в силу высокой вероятности значительного искажения получаемой (искомой) информации.

Фактор риска уголовной политики (ФР) по вышеуказанным причинам не может основываться на количественных характеристиках постпенитенциарного и пенитенциарного рецидива, поэтому предлагаем заменить его на близкий по своей сути и доступный показатель, а именно на коэффициент (соотношение) численности заключенных (как лиц, содержащихся по приговору суда в пенитенциарном

¹ С точки зрения репрезентативности получаемой информации целесообразно использовать данные, размещенные на сайте Международного центра тюремных исследований – International Centre for Prison Studies (URL: <http://www.prisonstudies.org/map/europe>).

² См.: Цена преступности (методология её определения): монография / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. С.126-134.

учреждении, так и лиц, ожидающих суда и находящихся в предварительном заключении) относительно численности населения, проживающего в данной стране. При этом С.Н. Овчинниковым справедливо отмечается, что «численность лиц в местах принудительного содержания в той или иной стране является одним из базовых показателей, характеризующих, в комплексе с иными индикаторами, особенности национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики»¹, их использование «позволяет сфокусировать внимание на изменениях в уголовной политике и пенитенциарной практике стран Европы»². В свою очередь Ф. Дюнкель аргументировано показывает, что уровень тюремного населения тесно связан с реализацией гуманных форм уголовно-правового контроля и его рост всегда приводит к плохим условиям содержания заключенных³.

Для унификации данных также целесообразно использовать единый источник информации о численности населения в соответствующих странах⁴. С учетом того обстоятельства, что большинство европейских государств обладает населением свыше 100 тыс. представляется возможным именно на данное количество населения высчитывать искомый коэффициент.

Соответственно, в рамках фактора риска уголовной политики исходная статистическая информация (r) для каждой страны будет высчитываться из следующего уравнения:

$$r_i = (\text{численность заключенных}_i \times 100000) / \text{общее население страны}_i$$

Достаточно проблематичным для задач объективности исследования выступает фактор общественного одобрения (ФОО), поскольку получить данные о степени общественного одобрения результатов функционирования пенитенциарной системы со стороны населения каждого европейского государства не представля-

¹ Овчинников С.Н. Современная пенитенциарная модель Австрии: сравнительно-правовой анализ // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2013. № 4. С. 22.

² Овчинников С.Н. О некоторых показателях оценки современной уголовной и уголовно-исполнительной политики стран Европы // *Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил): сборник материалов международной научно-практической конференции*. В 2-х ч. / под общ. ред. П.В. Голодова. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2017. С. 221.

³ Dünkel F. European penology: The rise and fall of prison population rates in Europe in times of migrant crises and terrorism // *European Journal of Criminology*. 2017. Vol. 14(6). P. 629-630.

⁴ Предлагаем использовать географический справочник (URL: http://ostranah.ru/_lists/population.php).

ется возможным. Единственным выходом является централизованная разработка и проведение по единой методике (в частности, в равных пропорциях городского и сельского населения, основных социальных групп и в целях репрезентативности выборки не менее 2000 человек в каждом государстве) выборочного аналитического социологического исследования мнения населения об эффективности функционирования пенитенциарной системы их страны. Исходная статистическая информация для каждой страны будет представлена средним процентом полностью отрицательных ответов респондентов на следующий вопрос: «Довольны ли вы результатами функционирования пенитенциарной системы в вашей стране?».

В целях более высокой репрезентативности статистических расчетов целесообразно использовать такой показатель как количество смертей на 10 тыс. заключенных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях конкретного государства. Как представляется, именно данный показатель выступает одним из важнейших аспектов организационно-управленческой деятельности пенитенциарного учреждения, поскольку демонстрирует реализацию и защиту администрацией основополагающего права заключенного – право на жизнь. Как справедливо отмечает В.А. Уткин «в начал XXI века международное пенитенциарное сообщество стало обоснованно все более обращать внимание и на иной аспект международных стандартов... организационно-управленческий»¹. Не случайно в Правиле 8 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 года информация об обстоятельствах смерти осужденного входит в «систему работы с личными делами заключенных во время их нахождения в заключении».

Последний фактор защищенности (ФЗ) может быть представлен коэффициентом (соотношением) количества жалоб граждан каждого из государств, переданных в течение одного года на рассмотрение в Европейский суд по правам человека². Соответственно, в рамках фактора защищенности исходная статистиче-

---

¹ Уткин В.А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 15.

² Европейский суд по правам человека. URL: http://europeancourt.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_4_2013.pdf.

ская информация (t) для каждой страны будет вычисляться из следующего уравнения:

$$t_i = \text{количество жалоб}_i$$

Затем этап стандартизации данных включает обнаружение среднего значения (a) по каждому фактору. Среднее значение находится по следующей формуле:

$a_x = (x_1 + x_2 + \dots + x_n) / n$, где a_x – среднее значение по экономическому фактору;

$a_r = (r_1 + r_2 + \dots + r_n) / n$, где a_r – среднее значение по фактору риска уголовной политики;

$a_o = (o_1 + o_2 + \dots + o_n) / n$, где a_o – среднее значение по фактору общественного одобрения;

$$a_t = (t_1 + t_2 + \dots + t_n) / n, \text{ где } a_t \text{ – среднее значение по фактору защищенности.}$$

Для обнаружения того, насколько сильно статистические данные варьируются (отклоняются от среднего значения) в различных странах, что будет необходимо для вычисления так называемых безразмерных величин, необходимо высчитать среднее квадратичное отклонение (s) по каждому фактору. В этих целях используется следующая формула:

$s_x = \sqrt{\frac{1}{n}((x_1 - a_x)^2 + (x_2 - a_x)^2 + \dots + (x_n - a_x)^2)}$, где s_x – среднее квадратичное отклонение по экономическому фактору;

$s_r = \sqrt{\frac{1}{n}((r_1 - a_r)^2 + (r_2 - a_r)^2 + \dots + (r_n - a_r)^2)}$, где s_r – среднее квадратичное отклонение по фактору риска уголовной политики;

$s_o = \sqrt{\frac{1}{n}((o_1 - a_o)^2 + (o_2 - a_o)^2 + \dots + (o_n - a_o)^2)}$, где s_o – среднее квадратичное отклонение по фактору общественного одобрения;

$s_t = \sqrt{\frac{1}{n}((t_1 - a_t)^2 + (t_2 - a_t)^2 + \dots + (t_n - a_t)^2)}$, где s_t – среднее квадратичное отклонение по фактору защищенности.

В целях сравнимости (сопоставимости) данных различного формата (коэффициенты годового объема затрат (ЭФ), численности заключенных (ФР), мнения населения (ФОО) и количества жалоб (ФЗ)) необходим переход к так называемым

безразмерным величинам (Z). Данные величины (показатели) находятся по следующей формуле:

$$Z(x_i) = \frac{x_i - a_x}{s_x} ,$$

где $Z(x_i)$ – безразмерная величина по экономическому фактору по соответствующей стране;

$$Z(r_i) = \frac{r_i - a_r}{s_r} ,$$

где $Z(r_i)$ – безразмерная величина по фактору риска уголовной политики по соответствующей стране;

$$Z(o_i) = \frac{o_i - a_o}{s_o} ,$$

где $Z(o_i)$ – безразмерная величина по фактору риска уголовной политики по соответствующей стране;

$$Z(t_i) = \frac{t_i - a_t}{s_t} ,$$

где $Z(t_i)$ – безразмерная величина по фактору риска уголовной политики по соответствующей стране.

Расчеты в рамках соответствующего фактора производятся по каждой стране, подвергнутой факторному анализу.

Полученные результаты в основном будут варьироваться в диапазоне от -3 до $+3$. Наиболее отрицательное значение будет свидетельствовать о наибольшей эффективности пенитенциарной системы конкретного государства в рамках соответствующего фактора (с учетом выбора описания фактора). Вместе с тем, для того что бы показать относительную эффективность пенитенциарной системы государства с учетом всех четырех факторов необходимо приступить к реализации второго этапа факторного анализа – применению метода главных компонент.

В рамках данного метода для поиска коэффициента корреляции факторов строится матрица факторов (таблица 3).

Корреляционная матрица факторов
эффективности пенитенциарной системы

	Z(x)	Z(r)	Z(o)	Z(t)
Z(x)	1	$\rho_{r,x}$	$\rho_{o,x}$	$\rho_{t,x}$
Z(r)	$\rho_{x,r}$	1	$\rho_{o,r}$	$\rho_{t,r}$
Z(o)	$\rho_{x,o}$	$\rho_{r,o}$	1	$\rho_{t,o}$
Z(t)	$\rho_{x,t}$	$\rho_{r,t}$	$\rho_{o,t}$	1

При этом Z(x), Z(r), Z(o), Z(t) представляются в виде взвешенной суммы безразмерных величин.

Коэффициент корреляции факторов (ρ) рассчитывается по следующей формуле (на одном из примеров корреляции):

$$\rho_{r,x} = \frac{1}{n} (Z(x_1) + Z(r_1) + Z(x_2) + Z(r_2) + \dots + Z(x_n) + Z(r_n))$$

В целях получения обобщенного (соединяющего все четыре фактора) показателя (фактора) эффективности пенитенциарной системы (F) используется формула взвешенных сумм:

$F = f_x \cdot Z(x) + f_r \cdot Z(r) + f_o \cdot Z(o) + f_t \cdot Z(t)$, где f – веса соответствующих факторов.

Собственный вектор корреляционной матрицы составляют веса соответствующих факторов (f_x, f_r, f_o, f_t), определяя которые необходимо придерживаться того, что бы среднее квадратичное отклонение (sF) было наибольшим, но при условии соблюдения уравнения: $f_x^2 + f_r^2 + f_o^2 + f_t^2 = 1$. Методы нахождения собственных векторов изложены в специальной литературе по вычислительной математике¹.

В результате обобщенный показатель (фактор) эффективности пенитенциарных систем государств, подвергнутых факторному анализу, (F_i) вычисляется по следующей формуле:

$$F_i = f_x \cdot Z(x_i) + f_r \cdot Z(r_i) + f_o \cdot Z(o_i) + f_t \cdot Z(t_i).$$

¹ См.: Бахвалов Н.С., Жидков Н.П., Кобельков Г.М. Численные методы. 3-е изд., доп. и перераб. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2004. С. 315-321; Гельфанд И.М. Лекции по линейной алгебре. 5-е изд. М.: Добросвет, МЦНМО, 1998. С. 114; Айвазян С.А., Бухштабер В.М., Еников И.С., Мешалкин Л.Д. Прикладная статистика: классификация и снижение размерности: справочное издание / под ред. С.А. Айвазяна. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 339-347.

Этот показатель выступает важнейшим и, как представляется, единственно выверенным критерием определения эффективности функционирования европейских пенитенциарных систем. Данному аспекту посвящен следующий параграф диссертационного исследования.

§ 2. Факторная оценка эффективности европейских пенитенциарных систем

Факторный анализ применим к пенитенциарным системам европейских стран, в отношении которых имеется соответствующая исходная статистическая информация (по государствам Косово, Белоруссия и Украина не представилось возможным получить всю необходимую статистическую информацию). В таблице 4 закреплены четыре фактора. При этом в первом столбике пенитенциарные системы соответствующих стран на основе функционально обусловленных и структурно взаимосвязанных элементов, определяющих теоретическое обоснование, правовое регулирование и практическую организацию исполнения уголовных наказаний в условиях преимущественной изоляции осужденного от общества подвергнуты типологизации (представлено 10 типов).

Исследование отмеченных факторов позволяет обнаружить интегральную оценку (индекс) эффективности пенитенциарной системы, который представляет собой сумму отобранных показателей и их изменений, взятых с соответствующим весом, то есть числовым коэффициентом, на который умножается показатель. В зависимости от величины этого коэффициента конкретный показатель вносит в итоговую оценку соответствующий вклад.

Процесс поиска эффективности пенитенциарной системы на основе факторного анализа с применением стандартизации данных и метода главных компонент описан в предыдущем параграфе диссертации.

Матрица исходной статистической информации
по пенитенциарным системам государств

Типы пенитенциарных систем	Страны	Уровень (на 100 тыс. населения) (по сост. на 09.2013)	Средние затраты на 1 заключенного, день/Евро (по состоян. на 12.2012)	Кол-во жалоб на 10 тыс. населения (по состоян. на 12.2012)	Кол-во смертей на 10 тыс. заключенных (по состоян. на 12.2012)
		ФР	ЭФ	ФЗ	ФОО
Скандинавский	Дания	73	186	0,18	13,1
	Исландия	47,2	150	0,31	65,8
	Норвегия	72,2	283	0,20	16,9
	Финляндия	57,6	167	0,58	12,5
	Швеция	61,4	317	0,58	24,9
Англо-ирландский	Англия и Уэльс	147,2	117	0,27	22,3
	Северная Ирландия	99,6	241		39,3
	Шотландия	148,8	107,36		22,1
	Ирландия	88,5	179		0,12
Голландский	Нидерланды	62,9	273	0,40	22,1
	Бельгия	113,8	135	0,24	42,2
	Люксембург	133,5	191,89	0,59	45,5
Германский	Австрия	104,5	107	0,45	37,7
	Германия	84,1	116,37	0,18	17,2
	Лихтенштейн	24,4	230	4,44	0
	Швейцария	88	187	0,41	43,9
Французский	Монако	76,7	43,17	1,39	0
	Франция	119,5	96,77	0,21	24,9
Иберийский	Андорра	59,3	246,81	0,71	243,9
	Испания	145,7	53,34	0,15	27,4
	Португалия	136,2	40,10	0,21	48,5
Южно-европейский	Италия	108,6	128,01	0,53	23,1
	Кипр	93,7	64	0,90	0
	Мальта	136,9	50	0,63	16,1
	Сан-Марино	6,4	685	0,31	0
Восточно-европейский	Албания	172,4	15,25	0,35	16,4
	Болгария	121,3	3,2	1,74	30
	Босния и Герцеговина	70,4	29	1,12	84,7
	Венгрия	184,8	27,60	0,74	31,3
	Греция	154,7	3,20	0,64	20,8
	Косово	93	–	–	–
	Македония	138	10	1,70	31,

	Польша	205	19,28	1,06	20,7
	Румыния	165,4	17,49	3,17	36,1
	Сербия	39,7	14,18	6,76	81,3
	Словакия	187,6	36,75	0,98	20,8
	Словения	66,1	69	2,05	43,6
	Хорватия	102,1	7,52	4,33	27,4
	Черногория	183,4	15	2,91	32,5
	Чехия	154,7	36,40	0,52	21,6
Прибал- тийская	Латвия	257,2	14,71	1,40	50
	Литва	323,7	12,52	1,24	34,9
	Эстония	246,6	32,28	2,25	14,6
Славян- ский	Белоруссия	335	–	–	–
	Молдавия	187	7,65	2,62	46,8
	Россия	475	2,17	0,75	57,5
	Украина	213	3,06	1,71	–

Исходная статистическая информация получена на сайте Международного центра тюремных исследований (International Centre for Prison Studies)¹, сайте Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека² и отчете Совета Европы по пенитенциарной статистике³. По государствам Косово и Белоруссия не представилось возможным получить необходимую статистическую информацию.

Приступая к факторному анализу эффективности пенитенциарных систем, представленных в вышеизложенной таблице, необходимо отметить, что применение компьютерной программы SPSS (PASW) – Statistical Package for the Social Sciences (Статистический пакет для социальных наук) либо её бесплатной версии PSPP дает возможность осуществить сложные математические вычисления при стандартизации данных и поиске главных компонент факторного анализа. Применение компьютерной программы PSPP позволило получить следующие результаты.

Получены следующие коэффициенты, определяющие вклад каждого из четырех факторов в формирование обобщенного фактора эффективности пенитенциарной системы. После приведения средних квадратичных отклонений соответ-

¹ URL: <http://www.prisonstudies.org/map/europe>.

² URL: http://europeancourt.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_2014_4.pdf.

³ Marcelo F. Aebi, Natalia Delgrande. Council of Europe Annual Penal Statistics. Space I – Prison Populations. Survey 2013. Strasbourg–Lausanne: University of Lausanne, 2014. 193 p. (URL: <http://wp.unil.ch/space/files/2015/02/SPACE-I-2013-English.pdf>).

ствующих факторов к единице получаем следующие веса (данные): $f_{\text{фр}} = 0,79$; $f_{\text{эф}} = -0,28$; $f_{\text{фз}} = 0,43$; $f_{\text{фоо}} = 0,03$.

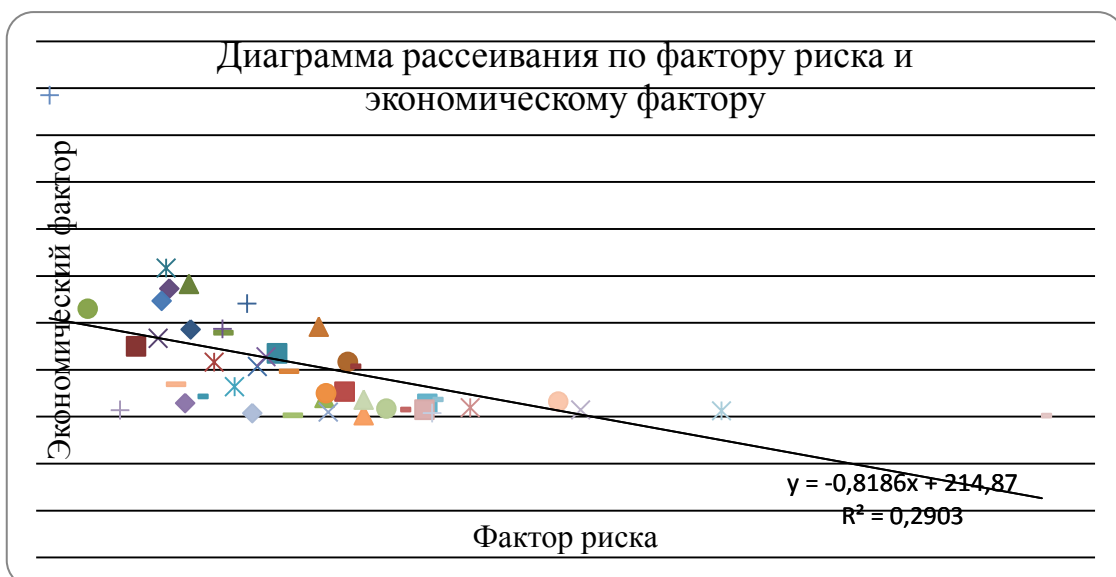
Обобщенный (соединяющий все факторы) показатель (фактор) эффективности пенитенциарной системы (F) высчитывается программой PSPP по формуле:

$$F = -0,28 \cdot Z(\text{ЭФ}) + 0,79 \cdot Z(\text{ФР}) + 0,43 \cdot Z(\text{ФЗ}) + 0,03 \cdot Z(\text{ФОО})$$

Использование данного обобщенного показателя (F) позволяет объяснить более 39,95 % изменчивости исходных данных (по результатам применения компьютерной программы PSPP).

Для демонстрации научной репрезентативности проводимых расчетов целесообразно построить диаграммы рассеивания, на которых линия тренда с линейными параметрами показывает положительную либо отрицательную корреляцию сравниваемых факторов. Так, если линия тренда имеет наклон от левого верхнего угла к правому нижнему, то наблюдается отрицательная корреляция факторов, если наоборот (от левого нижнего к правому верхнему) – положительная корреляция. При отрицательной корреляции возрастание числового выражения одного фактора приводит к пропорциональному снижению другого; при положительной – происходит одновременное возрастание либо снижение числовых выражений факторов. Соответственно, чем больше наклон линии тренда, тем существеннее степень корреляции. В частности, на рисунке 1 изображена отрицательная корреляция таких показателей как фактор риска и экономический фактор.

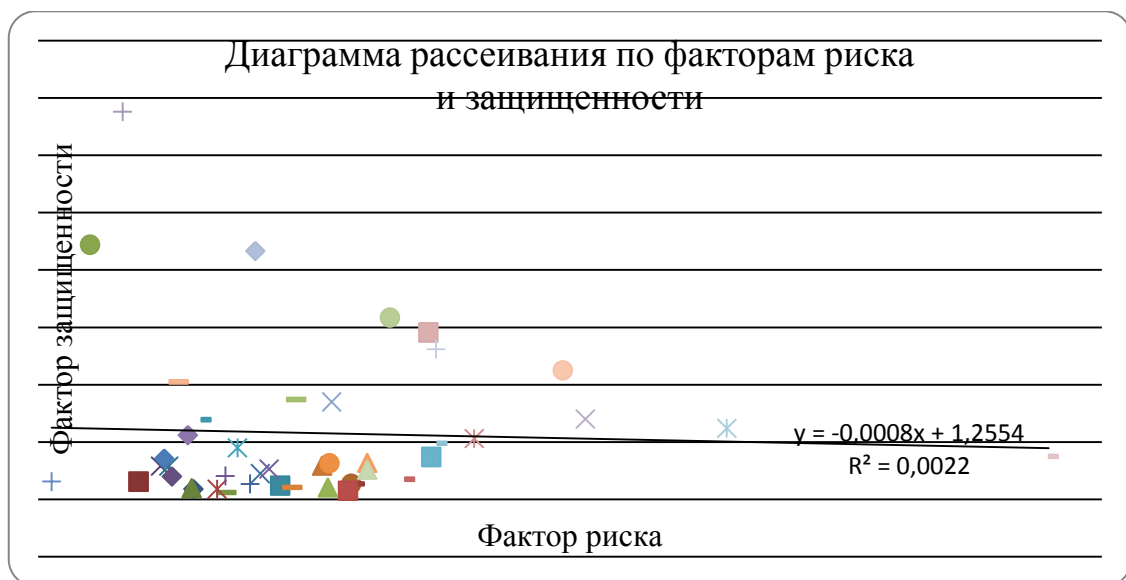
Рисунок 1

Данный вид корреляции означает, что в среднем чем выше уровень осужденных, изолированных от общества, тем меньше затраты государства на содержание одного заключенного. Это закономерность, естественно отражающая существенные финансовые нагрузки на государство, в котором высокий уровень тюремного населения.

На рисунке 2 изображена практически нулевая корреляция таких показателей как фактор риска и фактор защищенности. Это означает отсутствие корреляции между уровнем тюремного населения в стране и коэффициентом жалоб в Европейский суд по правам человека (их количеством на 10 тысяч осужденных). Иными словами общей закономерностью выступает отсутствие взаимовлияния на количество жалоб осужденных численного состава тюремного населения.

Рисунок 2

Эта закономерность представляется весьма логичной, поскольку в настоящее время жалобы осужденных зависят не от плотности тюремного населения, а от качества соблюдения правового статуса осужденного. Так, изучая статистические и фактологические данные, размещенные на сайтах международных исследовательских организаций, официальные отчеты различных правозащитных межгосударственных структур можно прийти к выводу о наличии большего или меньшего объема нареканий в отношении функционирования пенитенциарных систем практически каждого европейского государства. Для целей исследовательской объективности такой информации может служить перекрестное сравнение

различных сведений о фактическом состоянии условий содержания осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде тюремного заключения.

Анализ информации, полученной из вышеуказанных источников, позволяет констатировать в большинстве случаев систематические факты нарушения международных стандартов в области обращения с осужденными в исправительных учреждениях европейских государств.

На рисунке 3 показано отсутствие корреляции между факторами риска и общественного одобрения, что говорит об отсутствии взаимовлияния коэффициента тюремного населения в стране и уровня смертей лиц, подвергнутых тюремному содержанию (их количеством на 10 тысяч заключенных).

Рисунок 3

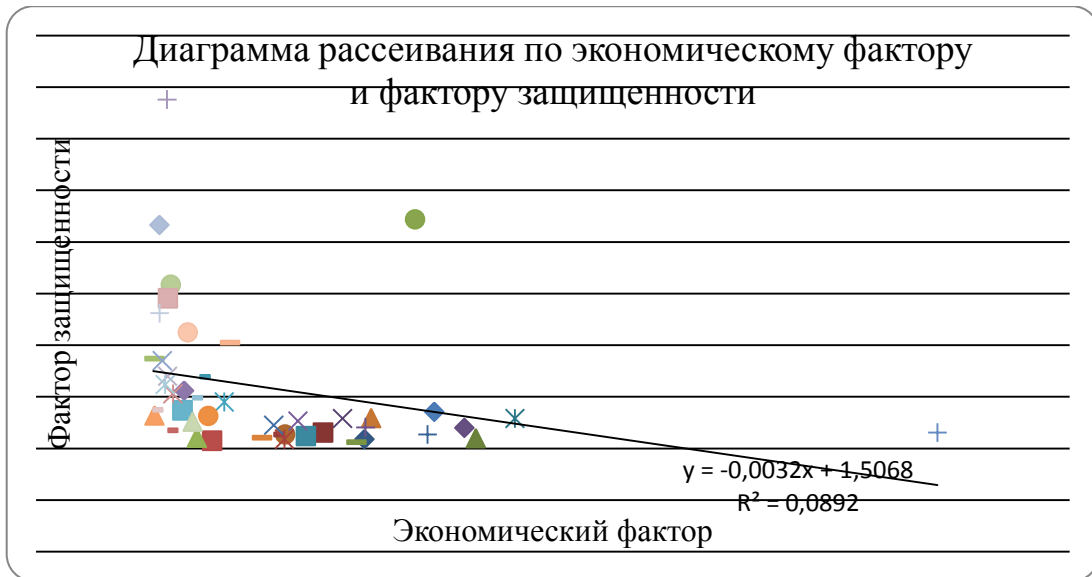

Не обнаруженное взаимовлияние между вышеуказанными факторами объясняется наличием «автономных» и крайне разнообразных причин смертности осужденных в местах тюремного заключения, которые в большинстве своем связаны с личностными особенностями лиц, отбывающих наказание, состоянием их здоровья, наличием различных форм зависимостей (в первую очередь – алкогольной и наркотической). Не случайно в странах с незначительным коэффициентом тюремного населения наблюдается как один из самых низких (например, Ирландия, Исландия, Испания), так и один из самых высоких среди европейских госу-

дарств уровней самоубийств (в частности, Люксембург, Швейцария, Швеция), что выступает предметом исследования зарубежных авторов¹.

На рисунке 4 обнаруживается в целом отрицательная корреляция таких показателей как экономический фактор и фактор защищенности. В соответствии с этим видом корреляции чем выше затраты на содержание одного заключенного тем меньше жалоб в Европейский суд по правам человека.

Рисунок 4

Данная корреляция демонстрирует взаимосвязь между высоким уровнем затрат на содержание одного осужденного и его общей удовлетворенностью условиями отбывания наказания.

Показано отсутствие корреляции между экономическим фактором и фактором общественного одобрения на рисунке 5, что свидетельствует об отсутствии взаимовлияния коэффициента тюремного населения в стране и уровня смертей лиц, отбывающих тюремное заключение.

¹ Например, см.: Rabe, K. Prison structure, inmate mortality and suicide risk in Europe // International Journal of Law and Psychiatry. 2012. Т. 35. Р. 222-230.

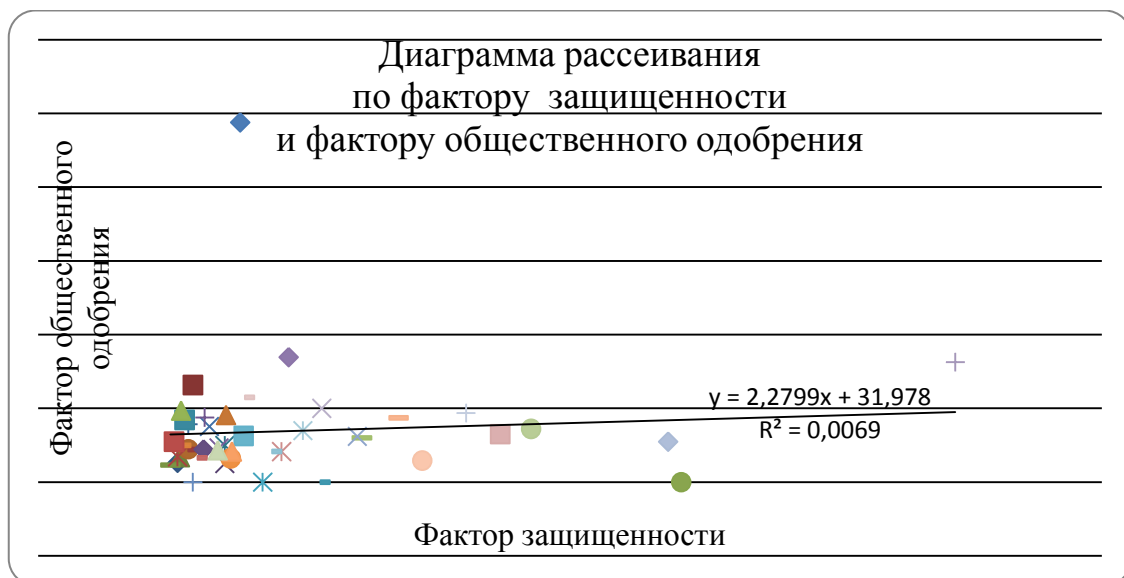

Рисунок 5

На рисунке 6 продемонстрировано отсутствие корреляции таких показателей как фактор защищенности и фактор общественного одобрения. Это означает отсутствие взаимосвязи между коэффициентом жалоб в Европейский суд по правам человека и уровнем смертей.

Рисунок 6

Тенденции, отмеченные на рисунках 5 и 6, свидетельствуют о том, что в современных условиях функционирования пенитенциарных учреждений смертность осужденных зависит не от фактов нарушений их прав в период отбывания наказания либо коэффициента тюремного населения, а от возраста, состояния здоровья

до момента осуждения и наличием различных форм зависимостей (в первую очередь – алкогольной и наркотической).

Важно заметить, что обнаруженное взаимовлияние двух пар факторов (ФР и ЭФ; ЭФ и ФЗ) логично обосновывает целесообразность применения факторного анализа.

В результате получаем следующие относительные обобщенные показатели (Z), представленные в таблице 5, эффективности пенитенциарных систем конкретных государств. Полученные результаты в основном варьируются в диапазоне от -3 до $+3$, в котором наиболее отрицательное значение свидетельствует о наибольшей эффективности пенитенциарной системы конкретного государства в рамках соответствующего фактора. При этом, использование главного обобщенного показателя (F) позволяет объяснить более 53,68 % изменчивости исходных данных (по результатам применения компьютерной программы PSPP). Полученные коэффициенты определяют вклад каждого из четырех факторов в формирование обобщенного фактора эффективности пенитенциарной системы.

Таблица 5

Относительные обобщенные показатели эффективности
пенитенциарных систем государств (расположены по степени убывания обобщенного показателя эффективности)

Страны	Z(ФР)	Z(ЭФ)	Z(ФЗ)	Z(ФОО)	Обобщенный показатель (фактор) эффективности (F)
1. Сан-Марино	-1,49	4,56	-0,62	-0,92	-2,74
2. Швеция	-0,83	1,65	-0,42	-0,26	-1,3
3. Норвегия	-0,7	1,38	-0,7	-0,47	-1,25
4. Нидерланды	-0,81	1,3	-0,55	-0,33	-1,25
5. Исландия	-1	0,33	-0,62	0,83	-1,12
6. Дания	-0,69	0,61	-0,71	-0,57	-1,04
7. Финляндия	-0,87	0,46	-0,42	-0,59	-1,02
8. Андорра	-0,85	1,09	-0,33	5,58	-0,95
9. Ирландия	-0,5	0,56	-0,76	-0,61	-0,89
10. Северная Ирландия	-0,37	1,05	-0,65	0,12	-0,86
11. Швейцария	-0,51	0,62	-0,54	0,25	-0,8
12. Германия	-0,55	0,06	-0,71	-0,46	-0,77

13. Бельгия	-0,2	0,21	-0,67	0,2	-0,49
14. Австрия	-0,31	-0,01	-0,51	0,08	-0,46
15. Италия	-0,26	0,16	-0,46	-0,31	-0,45
16. Франция	-0,13	-0,09	-0,69	-0,26	-0,38
17. Кипр	-0,44	-0,35	-0,19	-0,92	-0,36
18. Босния и Герцеговина	-0,72	-0,63	-0,03	1,33	-0,36
19. Люксембург	0,04	0,66	-0,41	0,29	-0,32
20. Монако	-0,64	-0,52	0,17	-0,92	-0,32
21. Лихтенштейн	-1,27	0,96	2,39	-0,92	-0,27
22. Словения	-0,77	-0,31	0,65	0,24	-0,23
23. Англия и Уэльс	0,21	0,07	-0,65	-0,33	-0,14
24. Шотландия	0,22	-0,01	-0,65	-0,33	-0,11
25. Португалия	0,07	-0,54	-0,69	0,37	-0,08
26. Испания	0,19	-0,44	-0,73	-0,19	-0,05
27. Мальта	0,08	-0,46	-0,38	-0,49	0,01
28. Чехия	0,3	-0,57	-0,46	-0,35	0,18
29. Греция	0,3	-0,83	-0,38	-0,37	0,29
30. Болгария	-0,11	-0,83	0,43	-0,12	0,33
31. Албания	0,51	-0,74	-0,59	-0,49	0,34
32. Македония	0,09	-0,78	0,4	-0,1	0,46
33. Венгрия	0,66	-0,64	-0,3	-0,09	0,56
34. Словакия	0,69	-0,57	-0,13	-0,37	0,64
35. Польша	0,9	-0,7	-0,07	-0,37	0,87
36. Хорватия	-0,34	-0,8	2,31	-0,19	0,95
37. Сербия	-1,09	-0,74	4,09	1,24	1,14
38. Румыния	0,42	-0,72	1,47	0,04	1,17
39. Молдавия	0,68	-0,8	1,07	0,32	1,23
40. Черногория	0,64	-0,74	1,28	-0,06	1,26
41. Латвия	1,53	-0,74	0,18	0,41	1,5
42. Эстония	1,4	-0,6	0,8	-0,53	1,6
43. Литва	2,33	-0,76	0,06	0,01	2,08
44. Россия	4,14	-0,84	-0,3	0,61	3,4

За пределами данной таблицы остались такие государства как Белоруссия, Косово и Украина, поскольку по пенитенциарным системам этих стран отсутствует исходная статистическая информация по одному или нескольким факторам (показателям), что может привести к значительной погрешности при вычислении обобщенного показателя.

Из выше представленной таблицы видно, что к государству с максимально эффективной пенитенциарной системой в рамках избранных факторов и с учетом выбора их описания относится Сан-Марино, затем идет Швеция и Норвегия. Ми-

нимальной эффективностью среди представленных обладает пенитенциарная система России и пенитенциарные системы прибалтийского типа.

Относительные обобщенные показатели эффективности пенитенциарных систем государств показывают наличие, как правило, закономерных группировок (ближайшего друг к другу расположения по обобщенному фактору эффективности) государств, принадлежащих к соответствующему типу. Например, обнаружилась максимально тесная связь государства прибалтийского типа пенитенциарной системы (Латвия, Эстония, Литва). Достаточно близко расположены друг к другу государства германского типа пенитенциарной системы, скандинавского, восточно-европейского. Демонстрация закономерных группировок европейских пенитенциарных систем в отдельные типы предложена в таблице 6.

Таблица 6

Показатели эффективности типов пенитенциарных систем (расположены по степени убывания среднего обобщенного показателя эффективности типа пенитенциарной системы)

Типы пенитенциарных систем	Страны	Обобщенный показатель (фактор) эффективности (F)	Средний обобщенный показатель эффективности типа пенитенциарной системы
Скандинавский	Швеция	-1,3	-1,14
	Норвегия	-1,25	
	Исландия	-1,12	
	Дания	-1,04	
	Финляндия	-1,02	
Южно-европейский	Сан-Марино	-2,74	-0,88
	Италия	-0,45	
	Кипр	-0,36	
	Мальта	0,01	
Голландский	Нидерланды	-1,25	-0,68
	Бельгия	-0,49	
	Люксембург	-0,32	
Германский	Швейцария	-0,8	-0,57
	Германия	-0,77	
	Австрия	-0,46	
	Лихтенштейн	-0,27	
Англо-ирландский	Ирландия	-0,89	-0,5
	Северная Ирландия	-0,86	
	Англия и Уэльс	-0,14	

	Шотландия	-0,11	
Иберийский	Андорра	-0,95	-0,36
	Португалия	-0,08	
	Испания	-0,05	
Французский	Франция	-0,38	-0,35
	Монако	-0,32	
Восточно-европейский	Босния и Герцеговина	-0,36	0,54
	Словения	-0,23	
	Чехия	0,18	
	Греция	0,29	
	Болгария	0,33	
	Албания	0,34	
	Македония	0,46	
	Венгрия	0,56	
	Словакия	0,64	
	Польша	0,87	
	Хорватия	0,95	
	Сербия	1,14	
	Румыния	1,17	
Черногория	1,26		
Прибалтийская	Латвия	1,5	1,72
	Литва	1,6	
	Эстония	2,08	
Славянский	Молдавия	1,23	2,31
	Россия	3,4	

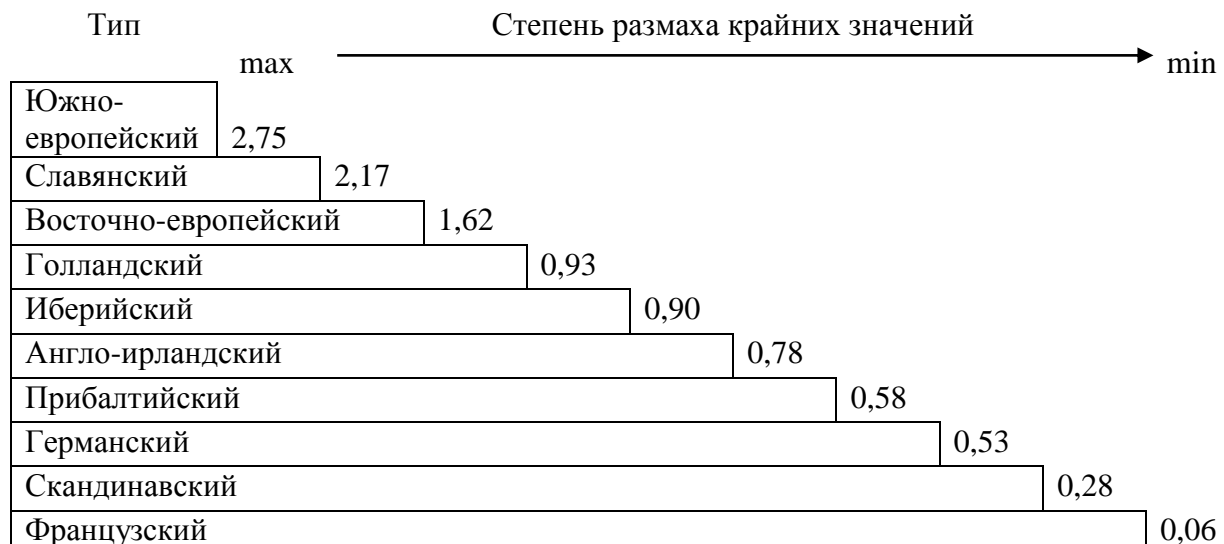
Из данной таблицы видно, что к типу европейских пенитенциарных систем с максимальной эффективностью в рамках избранных факторов и с учетом выбора их описания относится скандинавский, затем южно-европейский и голландский типы пенитенциарных систем. Минимальной эффективностью среди представленных обладает славянский и затем прибалтийский типы европейских пенитенциарных систем.

Также можно заметить, что отдельные типы пенитенциарных систем имеют значительный размах крайних значений обобщенных показателей эффективности (например, южно-европейский тип). Некоторые типы пенитенциарных систем (схема 1) обладают мизерным размахом крайних значений обобщенных показателей эффективности (например, французский тип). Такой размах показывает насколько сильно различаются крайние значения показателей эффективности конкретного типа европейской пенитенциарной системы. Минимальный размах демонстрирует высокую степень качественной однородности соответствующего ти-

па пенитенциарной системы; максимальный размах показывает более низкую степень такой однородности.

Схема 1

Сведения о размахах крайних значений обобщенных показателей эффективности типов европейских пенитенциарных систем

Таким образом, можно говорить о том, что каждый тип европейской пенитенциарной системы находится в состоянии активной внутренней интеграции относительно решения взаимовыгодных задач обеспечения безопасности и правопорядка. Такая интеграция выступает логичным продолжением реализации общих интересов государств, находящихся в тесных культурно-исторических, политических, социально-экономических и географических отношениях. На этом фоне внешняя интеграция конкретных типов европейских пенитенциарных систем – более слабая и зависит от характера внутритиповой интеграции государств соответствующего типа. Данные особенности важно учитывать при формировании и реализации отечественной уголовно-исполнительной политики и постановке целей реформирования уголовно-исполнительной системы.

Одним из важнейших подходов к измерению эффективности типа пенитенциарной системы выступает их ранжирование по уровням, отражающим степени изменения средних обобщенных показателей эффективности типа пенитенциарной системы, и определение места конкретного типа среди уровней эффективности. Применительно к определению уровня эффективности функционирования

пенитенциарных систем в науке исследований не проводилось, отсутствуют пороговые значения условно высокого, среднего и низкого уровней.

Полагаем целесообразным использовать подход, согласно которому базовым уровнем выступает среднее арифметическое значение обобщенного показателя эффективности типа пенитенциарной системы ($\bar{x}$). Однако в силу использования безразмерных величин (Z), что было необходимо для сопоставления разноразмерных данных, среднее арифметическое значение будет равно нулю ($\bar{x}=0$).

Для оценки уровня эффективности функционирования европейских пенитенциарных систем предлагаем воспользоваться свойством среднего квадратического отклонения (σ), которое заключается в том, что «...в промежутке ($\bar{x} \pm \sigma$) находится 68,3% всех значений признака»¹, что показывает закономерность рассеивания значений случайной величины относительно её среднего арифметического.

Согласно методике среднего квадратического отклонения наиболее часто встречающиеся значения лежат в диапазоне от ($\bar{x} - \sigma$) до ($\bar{x} + \sigma$), поэтому можно считать, что значения обобщенного показателя эффективности типа пенитенциарной системы меньше ($\bar{x} - \sigma$) являются низкими, принадлежащими промежутку от ($\bar{x} - \sigma$) до ($\bar{x} + \sigma$) – средними, больше значения ($\bar{x} + \sigma$) – высокими. При этом более низкое цифровое значение говорит о наибольшей эффективности пенитенциарной системы.

Среднее квадратическое отклонение для малых выборок вычисляется по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^n (x_j - \bar{x})^2}{n-1}},$$

где x_j означает средний обобщенный показатель соответствующего типа пенитенциарной системы, неизвестное n будет равно 10 (по количеству типов европейских пенитенциарных систем).

---

¹ Ковалева Т.Ю. Практикум по теории статистики: учебно-практическое пособие. М.: КНОРУС, 2012. С. 125.

В результате расчетов среднее квадратичное отклонение показателя эффективности типа пенитенциарной системы (σ) составило приблизительно 1,15; $(\bar{x} - \sigma) = 0 - 1,15 = -1,15$; $(\bar{x} + \sigma) = 0 + 1,15 = 1,15$.

Интервал для средних значений показателя эффективности типа пенитенциарной системы имеет вид $(-1,15; +1,15)$.

Следовательно, высокий уровень эффективности типа пенитенциарной системы ($< -1,15$) не наблюдается ни в одном из типов пенитенциарных систем. Средний (от $-1,15$ до $+1,15$) – в скандинавском, южно-европейском, голландском, германском, англо-ирландском, иберийском, французском, восточно-европейском, низкий ($> 1,15$) – в прибалтийском и славянском. Если данные по рассматриваемым уровням экстраполировать на пенитенциарные системы отдельных государств, то пенитенциарные системы Сан-Марино (обобщенный показатель эффективности равен $-2,74$), Швеции ($-1,3$), Норвегии ($-1,25$) и Нидерландов ($-1,25$) можно отнести в группу с высоким уровнем эффективности. В свою очередь пенитенциарные системы Румынии ($1,17$) и Черногории ($1,26$) можно отнести в группу с низким уровнем эффективности. Типы пенитенциарных систем, как правило, обладают высокой степенью размаха крайних значений обобщенных показателей эффективности, то есть демонстрируют низкую степень однородности соответствующего типа пенитенциарной системы. Исключение составляет скандинавский тип ($-1,14$), который со значительным «отрывом» от других типов пенитенциарных систем ближе всех находится к границе между средним и высоким уровнями эффективности. Поэтому данный тип отличает по показателям эффективности высокая степень однородности национальных пенитенциарных систем.

В рамках факторного анализа эффективности пенитенциарных систем и их типов исследовательский интерес представляет выяснение роли (степени вклада) каждого из четырех показателей (ЭФ), (ФР), (ФЗ), (ФОО) в формировании обобщенного показателя (фактора) эффективности (F) по каждой стране. Для того чтобы определить, какой из показателей оказывает наименьшее (слабое) или, наоборот, наибольшее (сильное) влияние на формирование обобщенного показателя

эффективности пенитенциарной системы конкретного государства, необходимо установить какое слагаемое в формуле ($F = -0,28 \cdot Z(\text{ЭФ}) + 0,79 \cdot Z(\text{ФР}) + 0,43 \cdot Z(\text{ФЗ}) + 0,03 \cdot Z(\text{ФОО})$), которая использовалась для вычисления обобщенного фактора эффективности, является наибольшим или наименьшим (в зависимости от положительного или отрицательного значения обобщенного показателя эффективности). При этом слагаемое вычисляется путем умножения весов (данных) соответствующих факторов, определяющих вклад каждого из четырех факторов в формирование обобщенного фактора эффективности пенитенциарной системы, на показатель эффективности по каждому фактору. Например, для того чтобы выяснить значение слагаемых по пенитенциарной системе Сан-Марино, необходимо поочередно перемножить вес каждого фактора на показатель эффективности по каждому фактору, полученный по этому государству:

$$-0,28 \cdot 4,56(\text{ЭФ}) = -1,2768$$

$$0,79 \cdot -1,49(\text{ФР}) = -1,1771$$

$$0,43 \cdot -0,62(\text{ФЗ}) = -0,2666$$

$$0,03 \cdot -0,92(\text{ФОО}) = -0,0276.$$

Таким образом, если обобщенный показатель эффективности (F) имеет отрицательное арифметическое значение, то наиболее слабое (наименьшее) влияние на его формирование будет оказывать фактор с наибольшим (в арифметическом измерении) значением и, соответственно, наиболее сильное (наибольшее) влияние на формирование обобщенного показателя эффективности будет оказывать фактор с наименьшим (в арифметическом измерении) значением. Если же обобщенный показатель эффективности (F) имеет положительное арифметическое значение, то наиболее слабое (наименьшее) влияние на его формирование будет оказывать фактор с наименьшим (в арифметическом измерении) значением и, соответственно, наиболее сильное (наибольшее) влияние на формирование обобщенного показателя эффективности будет оказывать фактор с наибольшим (в арифметическом измерении) значением.

Так, с учетом того, что обобщенный показатель эффективности (F) пенитенциарной системы Сан-Марино имеет отрицательное арифметическое значение

(-2,74), то наиболее слабое (наименьшее) влияние на его формирование будет оказывать фактор общественного одобрения (ФОО), имеющий значение -0,0276. Соответственно, наиболее сильное влияние будет оказывать экономический фактор (ЭФ), имеющий значение -1,2768.

Степень влияния (вклад) факторов на обобщенный показатель (фактор) эффективности пенитенциарной системы соответствующего государства представлена в таблице 7.

Таблица 7

Влияние (вклад) факторов на обобщенный показатель эффективности (F) пенитенциарной системы соответствующего государства (государства расположены по степени убывания обобщенного показателя эффективности)

Страны	Z(ФР)	Z(ЭФ)	Z(ФЗ)	Z(ФОО)
1	2	3	4	5
1. Сан-Марино	-1,1771	-1,2768 (↑)	-0,2666	-0,0276 (↓)
2. Швеция	-0,6557 (↑)	-0,462	-0,1806	-0,0078 (↓)
3. Норвегия	-0,553 (↑)	-0,3864	-0,301	-0,0141 (↓)
4. Нидерланды	-0,6399 (↑)	-0,364	-0,2365	-0,0099 (↓)
5. Исландия	-0,79 (↑)	-0,0924	-0,2666	0,0249 (↓)
6. Дания	-0,5451 (↑)	-0,1708	-0,3053	-0,0171 (↓)
7. Финляндия	-0,6873 (↑)	-0,1288	-0,1806	-0,0177 (↓)
8. Андорра	-0,6715 (↑)	-0,3052	-0,1419	0,1674 (↓)
9. Ирландия	-0,395 (↑)	-0,1568	-0,3268	-0,0183 (↓)
10. Северная Ирландия	-0,2923	-0,294 (↑)	-0,2795	0,0036 (↓)
11. Швейцария	-0,4029 (↑)	-0,1736	-0,2322	0,0075 (↓)
12. Германия	-0,4345 (↑)	-0,0168	-0,3053	-0,0138 (↓)
13. Бельгия	-0,158	-0,0588	-0,2881 (↑)	0,006 (↓)
14. Австрия	-0,2449 (↑)	0,0028 (↓)	-0,2193	0,0024
15. Италия	-0,2054 (↑)	-0,0448	-0,1978	-0,0093 (↓)
16. Франция	-0,1027	0,0252 (↓)	-0,2967 (↑)	-0,0078
17. Кипр	-0,3476 (↑)	0,098 (↓)	-0,0817	-0,0276
18. Босния и Герцеговина	-0,5688 (↑)	0,1764 (↓)	-0,0129	0,0399
19. Люксембург	0,0316 (↓)	-0,1848 (↑)	-0,1763	0,0087
20. Монако	-0,5056 (↑)	0,1456 (↓)	0,0731	-0,0276

1	2	3	4	5
21.Лихтенштейн	-1,0033 (↑)	-0,2688	1,0277 (↓)	-0,0276
22.Словения	-0,6083 (↑)	0,0868	0,2795 (↓)	0,0072
23.Англия и Уэльс	0,1659 (↓)	-0,0196	-0,2795 (↑)	-0,0099
24.Шотландия	0,1738 (↓)	0,0028	-0,2795 (↑)	-0,0099
25.Португалия	0,0553	0,1512 (↓)	-0,2967 (↑)	0,0111
26.Испания	0,1501 (↓)	0,1232	-0,3139 (↑)	-0,0057
27.Мальта	0,0632	0,1288 (↓)	-0,1634 (↑)	-0,0147
28.Чехия	0,237 (↓)	0,1596	-0,1978 (↑)	-0,0105
29.Греция	0,237 (↓)	0,2324	-0,1634 (↑)	-0,0111
30.Болгария	-0,0869 (↑)	0,2324 (↓)	0,1849	-0,0036
31.Албания	0,4029 (↓)	0,2072	-0,2537 (↑)	-0,0147
32.Македония	0,0711	0,2184 (↓)	0,172	-0,003 (↑)
33.Венгрия	0,5214 (↓)	0,1792	-0,129 (↑)	-0,0027
34.Словакия	0,5451 (↓)	0,1596	-0,0559 (↑)	-0,0111
35.Польша	0,711 (↓)	0,196	-0,0301 (↑)	-0,0111
36.Хорватия	-0,2686 (↑)	0,224	0,9933 (↓)	-0,0057
37.Сербия	-0,8611 (↑)	0,2072	1,7587 (↓)	0,0372
38.Румыния	0,3318	0,2016	0,6321 (↓)	0,0012 (↑)
39.Молдавия	0,5372 (↓)	0,224	0,4601	0,0096 (↑)
40.Черногория	0,5056	0,2072	0,5504 (↓)	-0,0018 (↑)
41.Латвия	1,2087 (↓)	0,2072	0,0774	0,0123 (↑)
42.Эстония	1,106 (↓)	0,168	0,344	-0,0159 (↑)
43.Литва	1,8407 (↓)	0,2128	0,0258	0,0003 (↑)
44.Россия	3,2706 (↓)	0,2352	-0,129 (↑)	0,0183

Знак (↑) показывает фактор, который оказывает наибольшую степень влияния (среди других факторов) на формирование обобщенного показателя эффективности (F). Данный фактор имеет наибольший вклад в повышении эффективности пенитенциарной системы. Знак (↓) показывает фактор, который оказывает наименьшую степень влияния (среди других факторов) на формирование обобщенного показателя эффективности (F). Этот фактор имеет наименьший вклад в повышение эффективности пенитенциарной системы соответствующей страны.

Как представляется, факторный подход более приемлем для целей анализа эффективности функционирования пенитенциарной системы и, соответственно, выяснения направлений её оптимизации, что достаточно актуально для уголовно-исполнительной системы современной России. Как справедливо отмечает Н.С.

Артемьев в современной России «возникает необходимость повышения эффективности и качества труда не только в сфере материального производства, но и по всем направлениям деятельности государственных органов, в том числе исправительных учреждений»¹.

Важно заметить, что в специальных исследованиях проводится оценка эффективности как уголовно-исполнительной системы в целом, так и её отдельных сфер. В частности, в уголовно-исполнительной системе рассматриваются критерии эффективности педагогической деятельности сотрудников², принимаемых управленческих решений³, охранных функций⁴, общественного контроля⁵ и привлечения осужденных к труду⁶. С учетом оценки эффективности данных сфер функционирования уголовно-исполнительной системы структура эффективности условно может быть представлена тремя элементами: 1) цель; 2) затраты; 2) результат. Соответственно, формула эффективности: соответствие результата вложенным, согласно поставленной цели, затратам. Критерием эффективности выступает количественно-качественный показатель, на основе которого осуществляется оценка такой эффективности.

Одним из традиционных подходов к избранию критериев эффективности функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы, предложенных в свое время Л.Ш. Берекашвили, выступает бальный метод, суть которого сводится к оценке отдельных направлений деятельности в определенном измере-

---

¹ Артемьев Н.С. Критерии эффективности работы сотрудников уголовно-исполнительной системы по профилактике пенитенциарной преступности // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 41.

² См.: Чириков А.Г., Ивашко Н.Н. Эффективность педагогической деятельности начальников отрядов исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 184-189.

³ См.: Водополов А.И. Критерии эффективности принимаемых управленческих решений в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 91-96.

⁴ См.: Скрыль С.В., Исаев О.В. Оценка эффективности охранных функций объектов уголовно-исполнительной системы // Автоматизированные информационные и электроэнергетические системы: материалы II Межвузовской научно-практической конференции. Краснодар: КубГТУ, 2012. С. 280-285.

⁵ См.: Белик В.Н. К вопросу об эффективности общественного контроля в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 95-97.

⁶ Антонян Е.А. Повышение экономической эффективности привлечения осужденных к труду в условиях исправительного учреждения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 80-86.

нии¹ (например, «неудовлетворительно», «удовлетворительно», «хорошо» и «отлично»). Как правило, данные направления деятельности или иначе факторы отражают применение отдельных средств исправления осужденных: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Недостаток такого подхода видится в сложности установления веса каждой оценки, что уже имеет относительно-оценочный характер. Более того, данная оценка во многом имеет субъективный характер, что сказывается на объективности и точности общей оценки эффективности функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

В специальных исследованиях предлагаются и другие факторы. Например, в качестве факторов оценки эффективности деятельности по обеспечению правопорядка в исправительных учреждениях и следственных изоляторах И.Б. Казак предлагает использовать: 1) уровень, качество и соответствие предъявляемым требованиям информационного обеспечения; 2) эффективность криминологического и управленческого прогнозирования, направленного на профилактику негативных явлений и процессов среди осужденных; 3) степень эффективности управленческих решений, принимаемых руководителями исправительного учреждения всех звеньев; 4) особенности организационной структуры пенитенциарных учреждений; 5) состояние кадрового обеспечения исправительных учреждений². При рассмотрении данных факторов становится очевидным наличие такой проблемы как, во первых, попытка раскрыть категорию через однородное понятие («эффективность»), что является нарушением логики доказывания, а, во вторых, значительная содержательная рафинированность самих факторов, поскольку они должны быть однозначно воспринимаемы и не допускать двусмысленного толко-

---

¹ См.: Берекашвили Л.Ш. Применение статистических методов анализа при оценке оперативной обстановки и результатов деятельности органов внутренних дел // Труды Всероссийского научно-исследовательского института МВД СССР. 1975. № 35. С. 4.

² См.: Казак И.Б. Система факторов, оказывающих влияние на эффективность деятельности по обеспечению правопорядка в пенитенциарных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 58-64.

вания. Более того, именно на данном примере становится понятным, что используемая шкала сравнения баллов по различным критериям (при ее построении) является балльной шкалой и поэтому не отражает сущностную степень превосходства одного сравниваемого фактора над другим при получении окончательного количества баллов. Иными словами подсчет количества баллов по всем критериям носит механический характер и не отражает различную роль каждого из факторов в оценку эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы в целом или по отдельным направлениям деятельности (сферам), что компенсируется вышеизложенным факторным анализом эффективности пенитенциарных систем.

Предлагая собственный подход к оценке эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы России, необходимо отметить ряд следующих отправных моментов, на которые следует опираться. Так, функционирование уголовно-исполнительной системы как подсистемы государства должно быть направлено на удовлетворение потребностей общества. В свою очередь это неизбежно должно отражать потери (как натуральные, так и в различном эквиваленте) общества от преступности, бюджетные издержки, связанные с финансированием уголовно-исполнительной системы, что отражает экономический фактор (ЭФ). Такой подход в целом соответствует представлению об «эффективности функционирования УИС с позиций системного анализа, когда оценка сугубо «внутренних» результатов деятельности УИС, скорректирована с «внешним» эффектом»¹.

В этой связи в целом выглядят оправданными миссии уголовно-исполнительной системы, среди которых В.И. Терехин и В.В. Чернышов выделяют: «повышение качества жизни населения за счет ликвидации рецидивных преступлений и сокращения сроков ресоциализации освобожденных осужденных; снижение социально-экономических потерь общества за счет ликвидации рецидивных преступлений и сокращения сроков ресоциализации освобожденных

---

¹ Погодин Е.М. Принципы оценки эффективности деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 4. С. 16.

осужденных»¹. Исходя из содержания представленной миссии можно выделить два фактора искомой эффективности: 1) минимизация рецидивных постпенитенциарных преступлений; 2) сокращение сроков ресоциализации освобождаемых осужденных. Вместе с этим, использование данных факторов достаточно сложно поддается измерению. По поводу измерения рецидивных постпенитенциарных преступлений необходимо отметить, что данный показатель поддается измерению в рамках только одного государства, поскольку данная правовая категория имеет неоднородное закрепление (параметры) её юридически значимых признаков в различных государствах.

Относительно оценки параметров ресоциализации освобождаемых осужденных В.В. Хаустов справедливо отмечает, что «ресоциализационная деятельность постпенитенциарного периода зависит от качества деятельности полиции и органов управления административно-территориальными образованиями. Ресурсные ограничения и недостаточный уровень организации этой деятельности обуславливают низкий уровень ее результативности»². Более того, как верно отмечают В.И. Терехин и Д.В. Харюшин ресоциализация, включая её последствия, как «определяющий фактор зависит от внешнего окружения осужденного после его освобождения, то есть находится вне компетенции органов УИС и обуславливается прежде всего качеством деятельности всех правоохранительных органов и органов местного самоуправления»³. Следовательно, получить объективные сведения о показателях ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, фактически невозможно. Сложно согласиться в том, что «...эффективность деятельности учреждений и органов ФСИН России следует оценивать по показателю изменения ожидаемого уровня ресоциализации на момент освобождения осужденного (УРож.2 – УРож.1) по сравнению с ожидаемым уровнем ресоциализации на момент поступления осужденного в учреждение

---

¹ Терехин В.И., Чернышов В.В. К вопросу о миссии, целях и критериях эффективности уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 49.

² Хаустов В.В. Анализ методов оценки эффективности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 43.

³ Терехин В.И., Харюшин Д.В. О системной оценке результативности и эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 16..

УИС. Уровни ресоциализации осужденных на начало и конец пенитенциарного периода могут определяться органами УИС только как некоторые ожидаемые значения, то есть показатели являются расчетными»¹. Ведь в таком случае, во первых, оценка опирается на гипотетический расчет и не отражает реальную действительность; во вторых, не учитывается постпенитенциарный период ресоциализации, который как раз и выступает «испытанием» надежности заложенных в личность лица, отбывшего уголовное наказание, антикриминогенных установок. Именно в этот период (например, ограниченный сроками судимости) важно наблюдать положительные или отрицательные результаты снижения либо даже минимизации криминального потенциала (пораженности) лица, отбывшего наказание в исправительном учреждении.

Представляется важным резюмировать, что предлагаемые российскими специалистами факторы эффективности уголовно-исполнительной системы в определенном смысле носят только приемлемый для России характер и при оценке отечественной сферы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в ракурсе общеевропейской пенитенциарной карты неприемлемы. Вместе с тем Российская Федерация стремится соблюдать международные и европейские стандарты и правила в области обращения с осужденными, соответствовать цивилизационным требованиям в этой области. Это отражает включенность отечественной уголовно-исполнительной системы в общеевропейскую систему ценностей. Именно поэтому исправительные учреждения России открыты для посещения представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, а также различным международным правозащитным организациям. Соответственно, применительно к отечественной пенитенциарной системе целесообразно использовать те же факторы, которые выступают параметрами для оценки эффективности и остальных пенитенциарных систем Европы. С учетом такой оценки необходимо решать соответствующие задачи оптимизации практики исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Так, наименьшую степень влияния (среди

---

¹ Хаустов В.В. Указ. соч. С. 41.

других факторов) на формирование обобщенного (в общем рейтинге) показателя эффективности (F) пенитенциарной системы России оказывает фактор риска, наибольшую – фактор защищенности. Следовательно, достаточно высокий коэффициент осужденных, отбывающих лишение свободы, среди остальных показателей максимально сильно «тянет» наше государство к аутсайдерам по эффективности их пенитенциарной системы. В свою очередь относительно низкий коэффициент жалоб осужденных в Европейский суд по правам человека имеет значительное влияние на продвижение России к лидерам государств по степени эффективности их пенитенциарной системы.

Таким образом, при реформировании отечественной сферы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы необходимо особое внимание обратить на данные факторы, учет которых в реализации уголовно-исполнительной политики в перспективе позволит оптимально выгодно представить Россию на фоне остальных европейских государств.

ГЛАВА VI. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ С УЧЕТОМ ОПЫТА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

§ 1. Европейские пенологические стратегии

Современная европейская пенитенциарная теория выделяет три принципиальных сущностных обобщения политики уголовного правосудия – стратегии А, В и С¹. «Стратегия А» основана на доминировании карательных функций наказания в духе «law and order ideology» – неукоснительного следования идеи воздаяния и его реализации со всей должной суровостью. Отчетливо отражается данная тенденция в уголовной политике тех государств и типов пенитенциарных систем, которые в арсенале репрессивного воздействия на преступника имеют пожизненное лишение свободы.

Управленческая (административная) «Стратегия В», являясь более гибким инструментом в руках системы уголовного правосудия, главным образом используется как средство маневра между соблюдением идеи воздаяния и конъюнктурными интересами общества. Своим идеалом данная стратегия ставит неукоснительное соблюдение широких прав и привилегий лиц, подвергнутых тюремному заключению, стремится к минимизации назначения тюремного заключения как меры наказания и средств на его исполнение и поддерживает идею исправления и реинтеграцию осужденных как законопослушных граждан в самом обществе. Административизм рассматриваемой стратегии как проявление прагматизма в пенологии в первую очередь является результатом кризиса конструктивных организационных средств воздействия на преступника, нежели чем законодательных средств правового регулирования исполнения наказания. Данная стратегия отражает теорию «государства всеобщего благоденствия» и поддерживает «реабилитационный идеал» наказания.

---

¹ Cavadino M., Dignan J. The Penal System. An Introduction. 3rd ed. London: SAGE Publications Ltd, 2013. P. 6-7, 25-28, 54-57, 113, 121, 259, 306-315; The Oxford Handbook of Criminology / edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. 5th ed. Oxford: University Press, 2012. P. 960-963.

«Стратегия С» может быть представлена в двух аспектах: как исправление и реабилитация осужденного с помощью средств так называемого восстановительного правосудия, суть которого состоит в широком использовании компенсаций и возмещений жертвам преступлений и (или) обществу; в другом случае сторонники данной стратегии, хотя и поддерживаясь идеи гуманизации и снижения жестокости наказания, все же настаивают на исправлении преступника в русле концепции «заслуженного воздаяния», то есть должного карательного воздаяния, правосудия по заслугам¹.

С начала 1980-х гг. в тюремной политике превалировала «Стратегия А». Начиная приблизительно с 1987 года эта стратегия становится менее догматичной и более прагматичной. В результате в Европе были приняты ряд законов, явившиеся результатом нового витка реформы уголовного правосудия и отражающие постулаты всех трех стратегий. Так, не отрицая идеологии «закона и порядка» в этих законах сочетаются достижение целей концепции «заслуженного воздаяния» и решение задачи снижения тюремного населения гибкостью и оперативностью управленческих решений. Анализ европейского законодательства рассматриваемого периода показывает последовательное претворение в жизнь идеи «наказания в обществе» как альтернативы тюремному заключению.² Постепенно происходит отход от «идеала реабилитации» к концепции «контроля», одним из идеологов которой является Давид Гарланд. В соответствии с представлениями данного автора в центре внимания новой концепции «контроля» выступает так называемое ситуационное предупреждение преступности, охватывающееся более емкой категорией «культурой контроля».³

Сопоставив идеи некарательного воздействия на преступника и общего предупреждения Иоганнес Анденес, пришел к выводу о фактической нецелесообразности и бесполезности реализации первой в отношении многих

---

¹ Sanders, A., Young R., Burton M. Criminal Justice. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 408-409.

² Craig P. and Gráinne de Burca. EU Law. Text, Cases and Materials. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 842–881.

³ Garland D. Punishment and Modern Society. A Study in Social Theory (reprint). Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 5-8, 123, 289-295; Garland D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // Punishment & Society. 2014. Vol. 16(4). P. 375, 378-379.

категорий преступников (коррупционных, совершающих экономические преступления и т.п.). В этом случае, по его мнению, «основной целью вмешательства общества является формирование уважения к социальным нормам, а не исцеление индивидов от их асоциальных наклонностей».¹ Вместе с тем, целью такого «вмешательства» все также остается исправление преступника, но в юридическом смысле, когда осужденному фактически делается попытка внушить невыгодность для него преступать определенные социальные запреты. Безусловно, что, скорее всего, такое воздействие не сформирует нравственной потребности соблюдения социальных норм, но попытается выработать сдерживающий их в определенной мере механизм технического соблюдения. Таким образом, Анденес фактически не отказывается от именно исправительного воздействия на определенные категории преступников. Однако для уголовной юстиции второй половины XX столетия оказалось очевидным, что многие преступники не поддавались ни нравственному, ни юридическому исправлению. Хотя несомненно, что идеи и практика специального предупреждения в рассматриваемый период набирали свои обороты. Вследствие этого в пенологическом континиуме появилась новая задача, направленная не на «исцеление индивидов с их асоциальными наклонностями», а на «формирование уважения к социальным нормам». Поэтому система профилактики с конца 70-х годов XX столетия стала строиться в том числе и на изменении субстанции наказуемого элемента – действительно некоторой деформации правовой формы и сущности уголовно-правовых мер, их постепенной заменой формирующейся системой мер безопасности.² В настоящее время концепция мер безопасности получила широкую научную огласку. Так, Н.В. Щедрин меры безопасности

---

1 Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / пер. с англ. В.М. Когана; под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1979. С. 83.

2 Меры безопасности и так называемые меры социальной защиты, получившие значительный заряд социальной энергии и практическое применение в первой половине XX века в Англии, получили дальнейшее развитие в теории санкций международных преступлений. Для изучения данного вопроса следует обратиться к результатам работы Второй конференции по унификации уголовного законодательства, проходившей в Риме в 1928 году, на которой была принята система мер интернациональной защиты и безопасности (см.: Трайнин А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / ред. и предисл. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1935. С. 55-57).

выступают средством «принудительного ограничения поведения физических и деятельности юридических лиц, применяемые при наличии указанных в законе оснований и имеющие цель предотвращения вредоносного воздействия источника опасности»¹... «либо ограждения объекта усиленной охраны от вредного влияния любых источников опасности»².

В свою очередь Марк Ансель, выдвигая концепцию «новой социальной защиты», отводит важную роль двигателя идей «индивидуального предупреждения» и «исправительного воздействия» самому преступнику. Ресоциализация лица, усиление судейского усмотрения в выборе санкций и даже признание системы неопределенных приговоров отражают основные постулаты концепции Марка Анселя.³ Однако данная концепция, как и усредненная позиция Нильса Кристи (между теорией «некарательного воздействия» и концепцией «удерживающего воздействия»⁴), не в полной мере «вскрывают» соотношение между индивидуальной профилактикой и механизмом исправительного воздействия. В той связи можно привести справедливое мнение А.В. Наумова, который указывает, что «идея «ресоциализации» может превратиться в сильный инструмент уголовной политики и находит все большую поддержку в деятельности правоохранительных органов многих стран, в том числе и в России»⁵.

Тенденции уголовно-правовой регламентации и соответствующая практика исполнения отечественных уголовных наказаний безусловно также подвержены

---

¹ Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учебное пособие. Красноярск: Государственный университет, 1999. С.11.

² Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / под науч. ред. Н.В. Щедрина. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 48.

³ Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с франц. Н.С.Лапшиной; под ред. А.А.Пионтковского. М.: Прогресс, 1970. С. 4-297.

⁴ См.: Кристи Н. Пределы наказания / пер. с англ. В.М. Когана / под ред. А.М. Яковлева / вступит. ст. А.М. Яковлева, В.М. Когана. М.: Прогресс, 1985. С. 20-139. Необходимо уточнить: Нильс Кристи все-таки справедливо отмечает, что некарательное воздействие как «лечение от преступления» утратило доверие, тогда как некарательное воздействие как оказание помощи его не утратило (см.: Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я.И. Гилинского; пер. с англ. В.М. Когана, Л.И. Альперн (пер. пред. и гл. 12) под ред. А.М. Яковлева; вступ. ст. А.М. Яковлева и В.М. Когана, пред. Ховада Зера. СПб.: Алетейя, 2011. С. 52).

⁵ Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 58.

естественному влиянию рассматриваемых закономерностей в европейской уголовной политике, в «корневой» основе которых лежит процесс интеграции правовых систем. Именно феномен правовой конвергенции «подстегнул» очередной виток сближения «классической» и «социологической» школ уголовного права, возрастание роли концепции контроля в практике исполнения уголовных наказаний. Следовательно, задачи гармонизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России с процессами цивилизационного развития стратегий воздействия на преступность состоят в построении отечественной модели обращения с преступниками, которая бы уже отражала достижения и опыт европейских стран в этой сфере, исключая возможность «наступать на одни и те же грабли дважды». В частности, законодательная регламентация новой модели ограничения свободы отражает уже более не «реабилитационный идеал» наказания, направленный в первую очередь на исправление осужденного, а концепцию «контроля». Предполагавшиеся создать с принятием УК РФ 1996 года исправительные центры как раз и были нацелены на применение к осужденному комплекса средств исправления, включающих не только режим, но и общественно полезный труд, получение профессиональной подготовки, проведение воспитательной работы. В настоящее время ограничения, возлагаемые на осужденных к ограничению свободы, в своей основе отражают акцент уголовного наказания на установлении контроля за поведением осужденного, а не применение комплекса средств исправления. Как справедливо отмечают А. Разогреева и М. Миньков рассматриваемое уголовное наказание «по механизму своего воздействия – наказание с явно выраженным предупредительным потенциалом. Если частное предупреждение – основная цель при назначении наказания, то ограничение свободы – его оптимальный вид, применение которого способно обеспечить достижение этой цели (особенно при использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля)»¹.

---

¹ Разогреева А., Миньков М. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация // Уголовное право. 2010. № 4. С. 51.

Однако, применение ограничения свободы должно гармонично вписываться в смену пенологических ожиданий. Проблемы такой дисгармонии будут рассмотрены в следующем параграфе после завершения анализа основных тенденций европейской пенологической политики.

Поиск действительно эффективного социального механизма, способного установить баланс между защитой общества от преступных посягательств, должной реабилитацией и исправлением преступника и претворением в жизнь программы «переселения» привел к тому, что во второй половине 1990-х гг. в европейской пенологической практике произошел окончательный поворот к конструктивному внедрению в практику всех трех стратегий. Особенно отчетливо и интенсивно развивается идея восстановительного правосудия, программа «переселения» осужденных из тюрьмы в общество и минимизации затрат на использование средств тюремной политики. Например, «Стратегия А» продолжает влиять, с одной стороны, на увеличение удельного веса тюремного заключения среди иных видов наказания, а также сроков тюремного заключения для наиболее опасных преступников, в частности осужденных за совершение преступлений насильственного и сексуального характера, с другой – на развитие политики «zero tolerance», то есть возведения многих форм девиантного и маргинального поведения (например, бродяжничество, попрошайничество, граффити) в ранг законопослушного¹, которая, в свою очередь, дала «второе дыхание» стратегии «бифуркации» в ее новом виде – «карательной бифуркации»². Суть последней заключается в том, что реализация идеи «наказания в обществе» сопровождается более весомыми ограничениями и контролем в отношении осужденного в процессе его исправления и реабилитации в обществе³.

«Стратегия В», в частности, постулируется так называемой «новой пенологией» и развивается в русле следующей тенденции – от условной

---

1 Cavadino M. Criminal Justice 2000: Strategies for a new century. Winchester: Waterside Press 1999. P. 28-30; Walsh A. Criminological Theory: Assessing Philosophical Assumptions. – London and New York: Routledge, 2014. P. 123-124.

² Scott D. Penology. – London: SAGE Publications Ltd, 2008. P. 129-131.

³ Cavadino M., Dignan J. The Penal System. An Introduction. 3rd ed. London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. P. 5-7.

названной идеи «ничего не работает» к идее о том, что «кое-что работает». Общий смысл «новой пенологии» и указанной тенденции состоит в стремлении переставить приоритеты от идеи ресоциализации и исправления осужденных лиц к концепции безопасности общества. Вопросы безопасности и риска осужденного лица совершить новое преступление выводятся на первый план.¹ «Новая пенология» в какой-то степени затрагивает интересы исправительного эффекта и широкого применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, но следуя стратегии «карательной бифуркации» или иначе (в рамках данной стратегии) «карательного административизма» все же не отрицает важности и социальной необходимости дальнейшего развития уголовных наказаний как связанных, так и не связанных с изоляцией от общества.

В результате отмеченного выше кризиса идеи «идеала реабилитации» было положено начало развитию концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции от общества, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных и иных программ.² Основные проблемы, связанные с данным процессом, состоят, во-первых, в поддержке таких программ всеми силами общества, так достижение положительного эффекта при той же социальной реабилитации зависит не только от должной работы специальных служб, но и поддержки многих общественных формирований, социальных институтов, частных организаций и доверия граждан; во-вторых, в возможности адекватной оценки результатов работы сотрудников службы и в целом эффекта реабилитационной практики. Широко обсуждается вопрос о реальной степени интеграции осужденных в законопослушных и толерантных граждан. Хотя в этом направлении можно обнаружить значительное сопротивление европейского политического истеблишмента и общественности³. В

---

1 Hudson B. *Understanding Justice*. Buckingham: Open University Press, 1996. P. 154; Robinson G. *Risk-management and rehabilitation in the probation service: collision and collusion* // *Howard Journal*. 1999. Vol. 38. № 4. P. 421-433.

2 Worrall A. *Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice*. London and New York, 1997. P. 21-33.

³ *Democracy and Rule of Law in the European Union* / edited by Flora A.N.J. Goudappel. Rotterdam: Published by t.m.c. assers press, 2016. P. 228.

связи с этим важно указать на возрастание научного интереса в отечественной пенитенциарной теории к более глубокому пониманию и возможной законодательной формализации степеней исправления осужденных,¹ и критериев оценки поведения осужденных².

Однако даже беглый взгляд на тенденции пенитенциарной политики европейских стран показывает, что тюремная система зависит от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включает определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления. При этом такое исправление заключается в варьировании нравственной (реформирование духовной сферы преступника, приводящее к сознательной необходимости добропорядочного поведения и уважительного отношения к социально-правовым нормам) и юридической (формирование того понимания, что противоправное поведение крайне невыгодно с позиций неизбежного наступления негативных последствий такого поведения) компонент исправительного воздействия. Например, рассмотрение организации работы пенитенциарных учреждений и исполнения уголовных наказаний в Англии позволяет заключить, что исправительные заведения этой страны, обеспечивая условия, содействующие исправлению преступников, ставят перед собой задачу убедить осужденных в необходимости применения к ним исправительных программ (так называемых программ «обращения»), заставить осознать полезность применяемых мер для самих заключенных и добиться их помощи в реализации проводимой реабилитационной деятельности. При этом прогрессивная мысль пришла к выводу, что ни одна исправительная программа не может стоить дороже, чем пустое бессмысленное заключение в тюрьму без применения специальных реабилитационных мер в отношении заключенных, которое в конечном итоге приведет к неизбежному ро-

---

¹ В частности, см.: Сизый А.Ф. Институт установления степеней исправления осужденных как эффективный способ достижения целей уголовного наказания // Закон и право. 2005. № 5. С. 74–77; Сизый А.Ф., Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: монография. Чебоксары: Изд-ль В.С. Шипилевский, 2005; Поздняков В. Критерии оценки исправления осужденного: какими им быть? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 8. С. 42–45; Поздняков В. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 2. С. 34–36.

² См.: Бабаян С.Л. Проблемы совершенствования поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Российский судья. 2012. № 9. С. 9–11.

сту тюремного населения в результате так называемого синдрома «вращающейся двери».

По мере развития тюремной системы на протяжении XIX–XX столетий в её сердцевине все больше приживалась исправительная идея наказания, вытесняя при этом возмездный и исключительно репрессивно-карательный характер уголовного наказания. В настоящее время процесс институционального роста тюремной системы находится в зависимости от распространенной концепции закона и становления гражданской модели общества. Однако учение об исправительной идее наказания, которое, безусловно, является прогрессивной уголовно-правовой доктриной XIX в., одновременно вскрывало недостатки и лакуны в организации исполнения тюремного заключения.

Вместе с тем наличие подобных мнений и разноплановой практики обращения с осужденными лишь расширяет исследовательское поле, предоставляя большие возможности творческого подхода к проблеме сравнительно-правового исследования и поэтому не освобождает от необходимости изучения ретроспективных основ и современных аспектов функционирования пенитенциарных систем (вероятно, в первую очередь стран европейского континента), современных теории, практики и проблем исполнения уголовных наказаний в зарубежных странах. Делать это необходимо не только ради расширения кругозора и освоения фактологического материала, но и в целях сравнения отечественного пенитенциарного опыта и зарубежного наследия в этой сфере, определения в связи с этим круга теоретических и правоприменительных проблем уголовно-исполнительной системы России и осмысления направлений вероятного реформирования уголовно-исполнительного законодательства в свете позитивных мировых пенитенциарных традиций и достижений.

Таким образом, европейская пенологическая тенденция отхода от «идеала реабилитации» и возрастание практической роли концепции «контроля», свойственная для всех типов европейских пенитенциарных систем, охватила отечественное правовое пространство, что выражается в имевшей место попытке формирования «тюремного вектора» реформирования уголовно-исполнительной си-

стемы, постепенном снижении исправительной составляющей в мерах уголовно-правового характера, включая уголовные наказания, а также в усилении надзорных постпенитенциарных механизмов. Данные тенденции носят неоднозначный характер в современной уголовно-исполнительной политике и реформировании уголовно-исполнительной системы России и показаны в следующих параграфах диссертационного исследования.

Особенности современной уголовно-исполнительной политики и реформы уголовно-исполнительной системы в контексте европейских пенологических стратегий и опыта функционирования европейских пенитенциарных систем будут рассмотрены далее.

§ 2. Формирование современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации с учетом опыта функционирования европейских пенитенциарных систем

Формирование концептуальных основ эффективного развития уголовно-исполнительного законодательства и политики является сложным процессом, закономерно предполагающим проектирование положений, отражающих в негативе или позитиве опыт функционирования европейских пенитенциарных систем. Важное место в данном процессе занимает согласованное развитие пенитенциарного законодательства и уголовно-исполнительной политики.

Как представляется, уголовно-исполнительная политика отражает совокупность представлений о направлениях и средствах воздействия на состояние деятельности уголовно-исполнительной системы и реализации норм пенитенциарного законодательства в целях повышения их эффективности. Опираясь на Раздел II Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 года (в редакции от 23 сентября 2015 года), можно резюмировать, что критериями такой эффективности (применительно к пенитенциарной системе России) могут выступать: 1) повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов обращения

с осужденными и потребностей общественного развития; 2) сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы; 3) гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов. При этом, уголовно-исполнительная политика должна рассматриваться в двух аспектах – как стратегия государства в сфере исполнения уголовных наказаний и как система установок, мер и методов, с помощью которых реализуются соответствующие программные задачи, предусмотренные, например, Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 года № 2808-р. Также важно отметить, что уголовно-исполнительная политика способна учитывать положительный опыт общемировой и, в частности, европейской пенитенциарной практики и доктрины, позитивные достижения отечественной системы исполнения уголовных наказаний, потребности общественного развития, «обязана сохранять свои национальные черты, базирующиеся на собственном многовековом опыте и науке, общественном сознании, представлениях и культуре своего народа»¹. Также специалистами в области теории правовой политики указывается на её основное требование – органичность, то есть соответствие не случайным, поверхностным, частным интересам и модным идеологиям, а живой интуиции творческого совершенствования социальной жизни при помощи правовых средств².

С учетом двуаспектности уголовно-исполнительной политики возможно сформулировать её следующее базовое определение – обусловленная общим политическим курсом тактика и стратегия деятельности государства в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, выражающая его позицию по ключевым положениям правового регулирова-

---

¹ Смирнов Л.Б. Актуальные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики России в условиях криминализации общества и международной глобализации // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 529.

² См.: Малько А.В., Трофимов А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 7.

ния уголовно-исполнительных отношений, гармонично сочетающаяся с цивилизационным пенитенциарным опытом и потребностями общественного развития, направленная на повышение эффективности деятельности всей уголовно-исполнительной системы. В унисон изложенному определению можно привести характеристику уголовно-исполнительной политики, данную Л.Б. Смирновым, который отмечает, что она «является частью общей политики государства, синтезирующей в себе как традиции, так и противоречия дореволюционной, советской исправительно-трудовой политики, а также и особенные черты уголовно-исполнительной политики ведущих европейских государств»¹. Указанному определению корреспондирует понимание уголовно-исполнительной политики, представляющей «собой основу, на которой формируется и развивается уголовно-исполнительное законодательство, а равно осуществляется практическая деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера»².

Научное обоснование правовых нововведений в уголовно-исполнительной политике необходимо выстраивать на основе концептуализации правовых решений. Не случайно специалисты, занимающиеся исследованием уголовно-исполнительной политики, отмечают, что одной из её задач должно выступать «формирование научной концепции, определяющей оптимальную систему реформирования уголовно-исполнительного законодательства и основные направления совершенствования практики его применения»³. Именно концептуальный подход, при котором учитываются основные закономерности функционирования европейских пенитенциарных систем, позволяет явственно выразить квинтэссенцию уголовно-исполнительной политики, отсесть от неё простой набор правотворческих и правоприменительных действий, не охватываемых единой концептуальной логикой и, соответственно, слабо предвосхищающих искомый эффект их

---

¹ Смирнов Л.Б. Актуальные проблемы... С. 523.

² Грушин Ф.В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации: монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 5.

³ Демидова О.В. Определение целей и принципов уголовно-исполнительной политики с учетом международных стандартов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 5. С. 27.

практической реализации. Как справедливо отмечает, Л.В. Головкин «замена одной модели другой не должна быть формальной, она должна сопровождаться трансформацией самой философии лишения свободы»¹.

Иными словами эффективность уголовно-исполнительной политики зависит от достижения необходимого уровня концептуализации принимаемых правовых решений, её стратегического обоснования, поскольку иначе субъекты отношений в сфере исполнения уголовных наказаний будут иметь дело с набором законодательных и правоприменительных мероприятий, не объединенных в единую систему и не имеющих четкого социального ориентира. При достижении необходимого уровня концептуализации уголовно-исполнительной политики важно формирование четкой стратегии развития сферы исполнения уголовных наказаний с учетом многообразия цивилизационного и, в частности, европейского пенитенциарного опыта, что возможно осуществить понимая закономерности существования европейских пенитенциарных систем и тем самым увязать в единую логическую систему указанную сферу с разнообразными социально-правовыми явлениями. Так, по меткому замечанию Л.В. Головкина, в соответствии с западной философией тюремного заключения лишение свободы представляет собой само по себе достаточное наказание, которое не должно автоматически сопровождаться никакими дополнительными ограничениями. Тогда как по смыслу действующего УИК РФ, российская тюрьма исходит отнюдь не из предоставления права на уединение, а из лишения права на общение и передвижение как высшей формы наказания за провинность². В частности, в ст. 57 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 года и Правиле 3 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 года закреплено, что заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку они лишают его свободы. Поэтому, за исключением случаев, когда сегре-

---

¹ Головкин Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 29-30.

² См.: Головкин Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика... С. 30-31.

гация (раздельное содержание) представляется оправданной или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения.

Также концептуальным вопросом выступает идея гуманизации и общественного одобрения уголовно-исполнительной политики. Результаты изучения общественного мнения показывают, что научная общественность и население достаточно настороженно относятся к гуманизации и смягчению условий отбывания наказания. Не случайно М.П. Клейменов, исследуя роль криминальной среды в местах лишения свободы, высказывает критическое отношение к тенденции «всеобщей и постоянной» гуманизации в местах лишения свободы¹. По мнению Л.Б. Смирнова гуманизация режима... лишает уголовное наказание в виде лишения свободы устрашающего останавливающего фактора². Совершенно справедливо указывает В.С. Ишигеев, что именно «предусмотренные уголовно-исполнительным законом меры принуждения, достаточно жесткие условия отбывания наказания, ограничение прав и свобод осужденных должны воздействовать на них в плане предупреждения новых преступлений с их стороны»³. Представляется, что к гуманизации условий отбывания наказания следует относиться с учетом социально-экономической обстановки в стране и общего уровня благосостояния населения.

Рассуждая о гуманизации можно затронуть перспективу создания в России частных тюрем, различные модели которых достаточно широко используются в европейских пенитенциарных системах (в частности, в англо-ирландской, скандинавской, голландской, германской, восточно-европейской, прибалтийской,

---

¹ См.: Клейменов М.П. Влияние лидеров криминальной среды на криминологическую ситуацию в местах лишения свободы // Права осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и международные стандарты исполнения наказания: материалы научно-практического семинара / отв. за вып. А.А. Урусов. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 8; Клейменов М.П. Криминологическая обстановка в местах лишения свободы // Постпенитенциарный контроль и проблемы предупреждения рецидивной преступности: мат-лы межвуз. научн.-практ. конф. / отв. за вып. А.А. Урусов. Омск: Омская академия МВД России, 2008. С. 11-12.

² Смирнов Л.Б. Проблемы «наказательной» и уголовно-исполнительной политики в эпоху постмодерна и глобализации // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2017. С. 256.

³ Ишигеев В.С., Кернаджук И.В. Наказание и предупреждение преступлений в местах лишения свободы: монография. Хабаровск: Дальневосточный институт менеджмента, бизнеса и права, 2003. С. 19.

с 2014 года – в южно-европейской, а именно в Италии). Вместе тем в американских частных тюрьмах, которые выступает «флагманом» в этом направлении, широко используется дешевый труд заключенных. Так, из специальных источников мы видим, что тюремный труд используют такие гиганты как IBM, IT&T, Microsoft и другие. По сути речь идет именно о бизнесе. Заключенные живут и работают в таких тюрьмах, их труд из-за низкой рентабельности составляет хорошую конкуренцию свободному труду. Как в свое время заявил первый вице-спикер Совета Федерации Александр Торшин, а следом за ним и другой сенатор Евгений Тарло, это позволит обеспечить осужденным приемлемые условия содержания, а сами места заключения – превратить из убыточных предприятий в рентабельные. Также отмечаются возможности гуманизации условий отбывания в частных тюрьмах (по крайней мере в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести), что достаточно сомнительно, поскольку частные программы обращения с осужденными будут иметь определенные расхождения с уголовно-исполнительным законодательством и некоторыми подзаконными правовыми актами, особенно в части соблюдения прав осужденных. Более того, придется усилить общественный и государственный контроль за данными учреждениями, что потребует дополнительных ресурсов¹. Как представляется, российское уголовно-исполнительное законодательство является значительно формализованным, институты частного партнерства в котором практически не развиты, поэтому, регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, оно имеет слабые механизмы правового регулирования исправительного воздействия с участием институтов гражданского общества. В этих условиях создание института частных тюрем либо учреждений с определенным организационно-частным сектором приведет к возрастанию нарушений прав человека (в этом плане показателен ранее рассмотренный негативный опыт государственно-

---

¹ В частности, см.: Кашуба Ю.А., Скиба А.П. Частные исправительные учреждения: миф или направление развития? // Челок: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 66-67.

частного партнерства в Англии). Следовательно, идея частных тюрем в настоящее время неприемлема для отечественной правовой системы, поскольку для её реализации необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и гражданского законодательства в направлении расширения диспозитивных и частно-правовых начал правового регулирования общественных отношений. Мнение практических работников укрепляет вышеобозначенный вывод. Так, на вопрос «Как вы относитесь к перспективе создания частных тюрем (исправительных учреждений, контролируемых ФСИН России, но обслуживаемых частными подрядчиками (операторами))?» 79 % ответили отрицательно; 19 % полагают, что это возможно реализовать, но при условии существенного повышения гарантий и механизмов соблюдения прав осужденных с активным привлечением институтов гражданского общества (общественного контроля); остальные затруднились с ответом.

Думается, что оправдание репрессивно-карательной уголовно-правовой и пенологической политики объясняется традиционной ориентацией общественного правосознания на жесткость наказания. Более того, исследования показали, что такая «ориентация» является прямым отражением направленности самого наказания. Так, И.С. Ной отмечал: «...карательный элемент лишения свободы преследует цель устрашения заключенного и других неустойчивых членов общества, являясь средством достижения специальной и общей превенции»¹. Как справедливо отмечает В.И. Зубкова рост преступности усиливал репрессивность властей, однако именно государство должно в первую очередь нести ответственность за жизнь и здоровье своих граждан, в том числе и отбывающих наказание². Следовательно, как констатирует А.С. Михлин, именно государство

---

¹ Ной И.С. Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1965. С. 30.

² См.: Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М.: Издательство НОРМА, 2002. С. 164. Также см.: Пертли Л.Ф. Понятие и назначение условий содержания лиц, лишенных свободы: историко-правовой аспект // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1(76). С. 27-29.

обязано осуществлять государственную политику по постепенной и рациональной гуманизации условий отбывания уголовных наказаний¹.

С другой стороны, следует согласиться с позицией Г.П. Байдакова в том, что «применение самого сурового уголовного наказания не противоречит принципу гуманизма и его реализации... суровые наказания защищают общество от наиболее опасных посягательств и в этом их гуманность»². Более того, сущностью наказания выступает именно репрессия³, кара⁴. На этом основании необходимо резюмировать, что политика государства в области смягчения самих наказаний не является прямым отражением гуманизации условий отбывания наказания. Как представляется, в системе мер уголовно-правового принуждения могут иметь место достаточно суровые по своей сути уголовные наказания, однако условия их отбывания не должны расходиться с требованиями гуманизма. Именно данная тенденция со второй половины XX столетия и по настоящее время, по мнению О.Г. Перминова, показывает опыт европейских стран по смягчению уголовной политики, а не её ужесточение⁵.

В свою очередь общественное одобрение пенитенциарной практики и её результатов должно строиться на транспарентности (прозрачности) деятельности уголовно-исполнительной системы как для отдельных представителей общественности, так и для общества в целом. Как отмечается специалистами такое информирование общества является способом реализации базового принципа функционирования власти в демократическом государстве⁶. При этом, взаимодействие

---

¹ См.: Михлин А.С. Гуманизация уголовно-исполнительного законодательства в свете Конституции Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 2-8; Михлин А.С. Принцип гуманизма и его реальное воплощение в будущем уголовно-исполнительном законодательстве // Правовые и организационные основы исполнения уголовных наказаний: труды Академии / отв. ред. А.Е. Наташев. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1991. С. 61-74.

² Байдаков Г.П. Система основных принципов процесса исправления и перевоспитания осужденных: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 36. Также см.: Полубинская С.В. Цели уголовного наказания / отв. ред. И.И. Карпец. М.: Наука, 1990. С. 71-72.

³ В частности, см.: Николук В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2000. С. 26.

⁴ В частности, см.: Ной И.С. О пределах кары в лишении свободы // Проблемы развития советского исправительного законодательства. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1961. С. 58.

⁵ См.: Перминов О.Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики // Следователь. 2012. № 6(170). С. 21.

⁶ См.: Карнозова Л.М. Указ. соч. 2010. С. 169.

уголовной юстиции и гражданского общества должно строиться не только на широкой практике общественного контроля за содержанием осужденных в местах лишения свободы, нормативная основа которого закреплена Федеральным законом от 10 июня 2010 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»¹, но и на публичных обсуждениях проблем правосудия, благотворительности, правовом просвещении и правовой помощи, общественном сопровождении лиц, освободившихся из мест лишения свободы и других функциях гражданского общества по отношению к уголовной юстиции².

В связи с этим можно предположить, что в основе известных деформаций уголовно-исполнительной политики лежат факторы как объективного, так и субъективного характера. Так, Ф.В. Грушин обоснованно показывает, что система таких «факторов, влияющих на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство, очень разнообразна. В общем виде все факторы можно разделить на политические, экономические, социальные и духовные. Каждая из этих групп, в свою очередь, может быть разделена на несколько подгрупп, состоящих из отдельных факторов»³. При этом учет зарубежного опыта традиционно признается в качестве одного из факторов развития уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики. Так, в свое время А.Е. Наташев отмечал, что советская исправительно-трудовая политика развивается под воздействием широкой совокупности объективных и субъективных факторов, одним из которых выступает учет зарубежного опыта⁴. При этом учет зарубежного опыта как один из факторов развития уголовно-исполнительной политики: 1) обладает достаточно конкретным объективизированным выражением, проявляющимся в форме соответствующего социально-правового явления или процесса; 2) способен

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 24. Ст. 2789.

² Подробнее см.: Карнозова Л.М. Указ. соч. С. 174-176.

³ Грушин Ф.В. Механизм влияния системы факторов на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 5. С. 55.

⁴ См.: Управление органами, исполняющими наказания: методические разработки и материалы к курсу / под ред. Г.А. Туманова. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 31-32.

определять дальнейшее развитие отечественной уголовно-исполнительной политики и законодательства и выступать, по сути, причиной наступления соответствующих изменений в практике исполнения уголовных наказаний.

Суть проблемы учета европейского пенитенциарного опыта в формировании современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации заключается в узко специализированном не системном подходе исследователей к изучению, интерпретации и формулированию соответствующих предложений законодателю и практическим работникам. Такой подход ориентирован преимущественно на локальное изучение пенитенциарного опыта отдельных стран Европы либо, наоборот, предполагает крайне обобщенный взгляд на европейскую пенитенциарную действительность, что не позволяет создать единую, целостную и гармоничную картину соответствующих рекомендаций, а лишь приводит к их выстраиванию в противоречивую мозаику. В результате проводимые реформы либо попытки внедрения отдельных моделей обращения с осужденными приводят к незапланированным, ошибочным и порой негативным результатам. Выясняется, что разработчики соответствующих изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство, инициаторы и активные сторонники трансформаций в практике исполнения уголовных наказаний не учли системного видения зарубежного пенитенциарного опыта, не воспользовались достижениями таксономического анализа европейской пенитенциарной карты, что препятствовало или даже исключало возможность оптимизации уголовно-исполнительной политики.

Безусловно, что научная оценка зарубежного пенитенциарного опыта обуславливает потребность познания сущности соответствующих социально-правовых явлений и процессов. Посредством этого решается онтологическая задача познания квинтэссенции политико-правовых модальностей исполнения уголовных наказаний. В свою очередь такое познание позволяет решить гносеологическую задачу, связанную с всесторонним уяснением содержательных аспектов функционирования европейских пенитенциарных систем. Выявление закономерностей их функционирования обеспечивает решение эвристической задачи, опре-

деление перспективных и оптимальных направлений, а также вероятных проблем заимствования зарубежного пенитенциарного опыта – прогностической. Задача методологического характера сопряжена с разработкой научных концепций и теорий, направленных на разработку концептуальных основ исполнения уголовных наказаний с учетом зарубежного пенитенциарного опыта. Также можно выделить управленческую задачу, заключающуюся в проверке эффективности межгосударственного взаимодействия в части организационного сопровождения апробирования и внедрения европейского пенитенциарного опыта, соответствующей оптимизации функционирования органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Практическая задача состоит в разработке рекомендаций, направленных на оптимизацию механизма исполнения наказаний, а также его нормативно-правового обеспечения.

Вместе с тем уголовно-исполнительная политика, с позиций системного подхода к её исследованию, является безусловно зависимой переменной, содержание и направленность которой определяется такой постоянной константой как общие объективные закономерности развития права. Для выстраивания стратегии пенитенциарных преобразований одной из главных проблем является отсутствие полноценного согласования отечественного потенциала и мировых (в нашем случае – европейских) достижений (опыта) в сфере исполнения уголовных наказаний, что приводит к принятию поспешных и несоответствующих интересам общества (например, переход к «тюремной» модели исполнения лишения свободы) либо непринятию необходимых и вызванных насущными социальными потребностями правовых решений (в частности, внедрение индивидуальных программ обращения с осужденными). Процесс данного согласования необходимо осуществлять более активно, поскольку именно в этих параметрах могут быть найдены и закреплены координаты успешной реализации пенитенциарной политики. В свою очередь уголовно-исполнительная политика, по справедливому мнению В.А. Уткина, традиционно исходит из карательной составляющей режима, который зависит не столько от опасности личности осужденного, сколько от тяжести совершенного им деяния. Соответственно, «общая переориентация подхода к режиму

лишения свободы – от «режима кары» к «режиму безопасности», безусловно, изменит не только облик исполнения лишения свободы, но и основания и порядок его назначения»¹. Более того, имеющийся российский и зарубежный опыт, как отмечает О.В. Филимонов, «показывает, что уровень преступности и других негативных проявлений в местах изоляции от общества зависит не столько от условий содержания, сколько от качества надзора за поведением сужденных»². Полноценный системный анализ зарубежного пенитенциарного опыта, во первых, обеспечит значительный вклад в формирование дальновидной, востребованной и оптимальной уголовно-исполнительной политики, учитывающей исторические закономерности развития права и международные стандарты в области обращения с осужденными, имеющиеся социально-экономические возможности государства и определяющей оптимальный вектор развития уголовно-исполнительной системы, во вторых, позволит гармоничнее соотносить цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства с механизмом правового регулирования общественных отношений в области исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, в третьих, создаст условия для четких и понятных ориентиров по соблюдению обязанностей и реализации прав, свобод, законных интересов как осужденными, так и сотрудниками учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Поэтому существует настоятельная потребность модернизации общей парадигмы в отношении «потребности отечественной уголовно-исполнительной системы» – «международно-правовые стандарты и зарубежный пенитенциарный опыт». В ином случае произойдет вживление в пенитенциарную систему России «имплантата», который даже со временем не приживется и будет отторгнут. Более того, если не учитывать внешние факторы и внутренний потенциал развития сла-

---

¹ Уткин В.А. Уголовное право и перспективы уголовно-исполнительного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. В.С, Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 491.

² Филимонов О.В. Решение проблемы структуры уголовно-исполнительной системы как условие кодификации уголовного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. В.С, Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 494.

вянской пенитенциарной системы, то произойдет отмирание способности уголовно-исполнительной системы к самосовершенствованию и гибкости в решении объективно существующих и постоянно трансформирующихся проблем предупреждения преступности. Здесь «лакмусовой бумажкой» может служить практика обращения осужденных в ЕСПЧ. Так, в «пилотном» постановлении ЕСПЧ, вынесенным по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России» от 10 января 2012 года¹, перед Российской Федерацией поставлена задача немедленного пересмотра национального законодательства ввиду выявления системных проблем бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство условий содержания заключенных в следственных изоляторах и осужденных в исправительных учреждениях, а также крайне слабой эффективности средств правовой защиты от подобных нарушений. В результате был принят Промежуточный отчет/План дальнейших действий по исполнению «пилотного» постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России», вынесенные 10 января 2012 года и вступившие в силу 10 апреля этого же года². Исследователи практики обращения лиц, подвергнутых принудительному содержанию в местах изоляции от общества, справедливо подвергают критике сложившуюся ситуацию. Так, Ф.В. Грушин отмечает, что «сама процедура подачи жалоб подверглась изменениям под влиянием рекомендаций международных организаций. В частности, Европейская комиссия по правам человека в своих докладах Правительству РФ неоднократно обращала внимание на необходимость пересмотра российскими властями порядка подачи жалоб с тем, чтобы гарантировать заключенным возможность обращаться во внешние органы на действительно конфиденциальной основе»³. Зарубежные авторы также с нареканием относятся к состоянию защищенности прав осужденных в отечественных испра-

---

¹ European Court of Human Rights. Country profile: Russia. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/CP_Russia_RUS.pdf.

² Министерство юстиции Российской Федерации. Промежуточный отчет/План дальнейших действий по исполнению «пилотного» постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России» (вынесено 10 января 2012 г., вступило в силу 10 апреля 2012 г.). URL: <http://minjust.ru/ru/node/4791>.

³ Грушин Ф.В. Влияние правоприменительной практики международных организаций на формирование уголовно-исполнительной политики и законодательства // Юридическая мысль. 2016. № 2. С. 115.

вительных учреждениях, которые «являются наследием российской проблематичной и разрушительной уголовной истории, неотделимо связанной с концептуализацией прав человека вокруг послушания и социального контроля»¹.

Анализ типов европейских пенитенциарных систем позволит научно обоснованно оптимизировать правовое регулирование общественных отношений в сфере исполнения уголовных наказаний. Такой анализ призван выступать дополнительной гарантией того, что в уголовно-исполнительной политике найдут отражение отечественные пенитенциарные традиции, способные придать социальную обусловленность внедряемым правовым институтам, тогда как европейские стандарты и правила, опыт обращения с осужденными будет в надлежащей степени интерпретирован, обретет общественную значимость и понимание (например, очевидные достоинства имеет опыт применения краткосрочного лишения свободы в германском и французском типах пенитенциарных систем²). Ведь уголовное наказание имеет тесную связь с культурой, её различными модальностями и последствиями трансформации, по сути, не имеющей локального действия, но «вплетенной» в общецивилизационную материю её существования, поэтому эпистемология наказания, как наиболее «заметное» проявление культуры, находится в весьма чувствительной связи с социокультурными ценностями и не может отражать лишь одну систему правовых идеалов.

Данный анализ должен отражать высокий уровень концептуализации ключевых законотворческих решений и научно обоснования правовых нововведений, системность предпринимаемых мер правоприменительного характера в сфере исполнения уголовных наказаний и четкую ориентацию на достижение эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы и реализации норм пенитенциарного законодательства.

---

¹ Piacentini L., Katz E. Carceral framing of human rights in Russian prisons // *Punishment & Society*. 2017. Vol. 19 (2). P. 232.

² О положительных аспектах исполнения краткосрочного лишения свободы в Германии и Франции и перспективах его заимствования российской пенитенциарной системой см.: Гришко А.Я. Развитие уголовно-исполнительной системы: правовое и организационное обеспечение // *Российский криминологический взгляд*. 2011. № 1. С.48-49.

При этом содержание такого анализа безусловно находится в единой связке с основополагающими идеями уголовного права, которые также должны найти свое закрепление в Концепции развития уголовного законодательства Российской Федерации. Не случайно разработчиками научной модели указанной Концепции отмечается необходимость отхода от доминирования «социологической» школы уголовного права, тщательного анализа судебного усмотрения при конструировании санкций, введении бальной системы наказаний и дальнейшее совершенствование наказаний, альтернативных лишению свободы¹. При этом Концепция выступает именно научно-идейной основой уголовно-правовой политики². Ведь как указывает М.П. Клейменов первостепенной целью уголовно-правовой политики выступает «определение концептуальных основ уголовно-правовой борьбы с преступностью. Здесь большое значение имеет проработка вопросов идеологии борьбы с преступностью, поскольку именно концепция олицетворяет собой идеологическую основу уголовно-правовой политики, несет на себе печать современной политической идеологии»³.

В методологическом смысле анализ европейских пенитенциарных систем позволяет в уголовно-исполнительной политике отразить: 1) целевую установку – достижение значимости законотворческих решений и их согласованность с цивилизационным (европейским) пенитенциарным опытом; 2) инструментальный аспект – системно-структурные средства и ресурсы реализации таких решений, которые позволили бы выработать четкие критерии возможного (в том числе с ресурсной точки зрения) развития уголовно-исполнительного законодательства; 3) прогностический аспект – оценка ожиданий и результатов реализации уголовно-исполнительной политики. Данный анализ основывается на ряде принципов: 1)

---

¹ См.: Библик О.Н. Концепция развития уголовного законодательства РФ как основа для формирования новой модели государственного управления в сфере противодействия преступности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая- 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 16-18.

² См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Международной научно-практической конференции / под редакцией А.Н. Ильяшенко. Краснодар: Университет МВД России, 2014. С. 71-81.

³ Клейменов М.П. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4. С. 27.

синхронизации действующего уголовно-исполнительного законодательства с естественными и неотчуждаемыми правами, свободами и законными интересами осужденного путем их прямого или косвенного включения в правовые регуляторы уголовно-исполнительных отношений; 2) взаимном учете интересов личности, общества и государства; 3) целесообразности, исключаящей приоритет каких-либо политических целей и конъюнктурного правового конформизма в процессе использования европейского пенитенциарного опыта; 4) системности, предполагающей четко определенную временную последовательность издания и соответственно реализацию как материальных, так и производных от них процедурных норм, направленных на их исполнение, в сфере обращения с осужденным; 5) соразмерности юридической силы материальных и процедурных норм; 6) согласованность, позволяющая, позволяющей избежать дублирования и противоречий между национальным и международным правом с точки зрения социально-экономических возможностей реализации соответствующих стандартов.

Так, целевая установка предопределяется тем, что стратегическим направлением уголовно-исполнительной политики является повышение фактора прав человека в деятельности отечественной пенитенциарной системы, а также повышение эффективности системы наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией от общества¹, институционализация и затем активное и качественное использование различных исправительных программ обращения с осужденными и новых методов оценки их исправимости (в том числе применительно к институту условно-досрочного освобождения), осуществление должного постпенитенциарного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

---

¹ См.: Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 14. С. 81-88; Глебова Н.А. Правоприменительная практика реализации пенитенциарного законодательства Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1(68). С. 148; Смирнова И.Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: автореф. дис... д.ю.н. Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2011. С. 22; Коровин А.А. Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций с учетом европейских стандартов и зарубежного опыта исполнения наказаний: автореф. дис... к.ю.н. М.: Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. С. 19-20.

Относительно повышения фактора прав человека в деятельности отечественной пенитенциарной системы необходимо отметить, что одной из целей, которые ставятся перед правовыми реформами, выступает построение в Российской Федерации системы специализированных органов, основной функцией которых была бы защита нарушенных права граждан. Одним из таких органов стал Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Данный правовой институт функционирует с 1997 года, что было связано с принятием Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 года №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»¹, который определил порядок назначения и освобождения Уполномоченного, его компетенцию, организационные формы и условия деятельности. В настоящее время институт уполномоченного успешно выступает в качестве одной из важнейших дополнительных гарантий прав и свобод человека и гражданина в России. Как справедливо отмечает А.С.Ландо, функции данного института связаны с защитой прав человека и гражданина и существенно отличаются от законодательного, судебного, административного и иных форм контроля².

Между тем, анализируя законодательство и практику деятельности Уполномоченных в России и за рубежом, нетрудно сделать вывод о том, что Уполномоченный с небольшим аппаратом будет иметь невысокую эффективность разрешения жалоб и обращений в стране с более чем 140 миллионным населением и значительной «армией» осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера, как связанные с изоляцией от общества, так и не связанные с изоляцией от общества. Для качественного решения задач омбудсменовской службы необходима ее своеобразная децентрализация. Первые шаги в этом направлении были сделаны в ст. 5 указанного выше закона предусмотрена возможность учреждения должности Уполномоченного в субъектах Российской Федерации.

---

1 Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.

2 См.: Ландо А.С. Институт Уполномоченного по правам человека в России и Европе // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2003. С. 561.

Как представляется, институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в том виде, в каком он существует сейчас, не в полной мере эффективен. Это связано с малочисленностью аппарата Уполномоченного и отсутствием специальной (профильной) направленности его деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний и содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых под стражей.

Поэтому представляется целесообразным в качестве одной из мер преодоления сложившейся ситуации создать институт специализированных уполномоченных по контролю за состоянием прав и свобод лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В качестве аргументов создания в России службы Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, помимо уже указанной выше необходимости децентрализации, выступают определенные факторы. Так, действующие на сегодняшний день правовые институты неспособны эффективно разрешать поступающие к ним жалобы. Как следствие возникает потребность либо реформировать уже существующие органы и учреждения, либо создавать новые. Обратившись же к зарубежному опыту, например опыту английского типа пенитенциарной системы, где уже существовала аналогичная ситуация, которая успешно разрешилась именно благодаря созданию Уполномоченного по делам тюрем и пробации (Prison and Probation Ombudsmen).¹ Деятельность Уполномоченного полностью сочетается с ключевым направлением деятельности Тюремной Службы, установленной еще Дэвидом Бланкеттом (David Blunkett), – строительство безопасного, справедливого и толерантного общества, в котором гармонично сочетались бы права и ответственность человека и общества, а также обеспечение охраны и защиты общества от преступных посягательств. Из семи задач, установленных министром для достижения данной цели, четвертая специально относится к деятельности Службы, являю-

---

¹ Оценивая деятельность английского омбудсмана по делам тюрем на современном этапе, следует заметить, что в целом он эффективно справляется с возложенными на него обязанностями. Об этом говорит тот факт, что каждый год число обратившихся за помощью заключенных возрастает в среднем на 10–12%, причем, по статистике, 87% жалоб, связанных с недовольством заключенными тюремными условиями содержания, удовлетворяются (Scott D. Penology. London: SAGE Publications Ltd, 2008. P. 129-131).

щейся структурным подразделением Министерства внутренних дел – эффективное исполнение судебных приговоров в целях снижения повторности преступных актов и защиты общества от преступников. Достижение указанной задачи основано на содержании преступников в безопасных, соответствующих и здоровых условиях и снижении преступности путем специальных режимных мероприятий, по возможности адресованных каждому заключенному, улучшения их образования и трудовых навыков, стимулировании законопослушного поведения как во время заключения, так и после освобождения.¹

Характеризуя институт Омбудсмана по правам тюрем и пробации, следует заметить, что он лишен недостатков института Парламентского уполномоченного, касающихся затрудненности доступа и длительности разбирательства, вследствие чего он более эффективно справляется с возложенными на него обязанностями.

Как показывает опыт англо-ирландской пенитенциарной системы, специализированные службы, не входящие в систему государственных органов, а поэтому лишенные их недостатков, способны более эффективно удовлетворять насущные социальные запросы в области соблюдения прав заключенных, чем традиционные институты. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, должен обладать той же «рамочной» компетенцией, теми же правами и обязанностями, что и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, но быть ограничен соответствующей сферой общественных отношений и кругом лиц, имеющих право обращаться к нему².

Таким образом, предпосылки создания в Российской Федерации Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обусловлены сложной правоприменительной ситуацией, которая сложилась в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Создание данного института по образцу ан-

---

1 Подр. см.: Тепляшин П. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Англии и Уэльсе // Уголовное право. 2004. № 3. С. 64–65; Он же. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе // Человек: преступление и наказание (научный журнал). 2004. № 4 (48). С. 84–90; The Oxford Handbook of Criminology /edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. 3rd ed. Oxford: University Press, 2002. P. 1125–1126.

2 Подробнее см.: Тепляшин П.В. Перспективы институционализации Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Российской Федерации // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 65-66.

глийского Уполномоченного по делам тюрем и probation и на основе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, позволит не только более успешно противостоять нарушениям прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, но и будет способствовать согласованию отечественной уголовно-исполнительной системы с европейскими правозащитными моделями.

Обращаясь к инструментальному аспекту уголовно-исполнительной политики нельзя не отметить её стратегические этапы (применительно к результатам сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем): первый этап – изучение положительного опыта правовой регламентации отношений по исполнению уголовных наказаний в европейских пенитенциарных системах, в том числе образовавшегося под влиянием европейских стандартов и правил в этой сфере; второй этап – интерпретация данного опыта, его сопоставление с общемировыми тенденциями и перспективами развития пенитенциарного законодательства (при этом в случае отсутствия необходимых национальных образцов могут разрабатываться принципиально новые стандарты и правила в сфере обращения с осужденными); третий этап – продвижение интерпретированного пенитенциарного опыта в национальную правовую систему, выявление его «привлекательности» либо неприемлемости для использования в отечественной уголовно-исполнительной системе (критерии согласования), путем проведения соответствующей экспертизы (и)или даже общественного обсуждения; четвертый этап – ввод в уголовно-исполнительное законодательство содержащихся в соответствующих нормах европейского права пенитенциарных моделей обращения с осужденными. При этом реализация первых трех этапов тесно связана с наукой уголовно-исполнительного права.

Критериями согласования могут выступать: 1) соответствие интегрируемых в уголовно-исполнительное законодательство моделей экономико-политическим притязаниям государства; 2) общественное одобрение соответствующих корректив и(или) нововведений в уголовно-исполнительное законодательство и пенитенциарную систему; 3) приемлемость данных корректив и нововведений степени развитости отечественно правовой системы с точки зрения юридической техники; 4) реализация европейских стандартов и правил, пенитенциарного опыта в уголовно-

исполнительное законодательство без реальной угрозы фактически повысить повторную преступность.

Обсуждая прогностический аспект, необходимо отметить, что реализации конкретных европейских стандартов и правил, а также конкретных моделей обращения с осужденными в уголовно-исполнительном законодательстве России должно предшествовать: 1) научная и социально-экономическая экспертизы, а также по возможности их общественное обсуждение; 2) построение прогноза эффективности используемых правил (стандартов) или моделей; 3) проведение в зависимости от задач краткосрочного (2-3 года) или среднесрочного (5-7 лет) эксперимента по оценке основных результатов реализации европейского опыта в уголовно-исполнительном законодательстве и степени отклонения данных результатов от прогнозируемых показателей. В этой части можно привести результаты анкетирования сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы России. На вопрос «Насколько целесообразно построение прогноза эффективности использования европейского опыта обращения с осужденными в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве?» 52 % респондентов ответили следующим образом – необходимо для дальнейшей оценки результатов его применения; 30 % – имеет значение для планирования реформы уголовно-исполнительной системы; 12 % – имеет значение для повышения качества уголовно-исполнительного законодательства; только 6 % затруднились с ответом. В свою очередь на вопрос «Есть ли необходимость проведения эксперимента (возможно достигающего по времени нескольких лет) по оценке основных результатов реализации европейского пенитенциарного опыта (например в части реализации тюремного режима содержания осужденных) в уголовно-исполнительном законодательстве и(или) организации деятельности исправительных учреждений?» утвердительно ответило 78 % респондентов, вместе с тем 13 % затруднилось с ответом. Также представляет интерес оценка промежуточных итогов реализации пенитенциарной реформы в рамках специального заседания 5 апреля 2013 года «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы» Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

(далее – Совет), в структуре которого функционирует Постоянная комиссия по содействию общественным наблюдательным комиссиям и реформе пенитенциарной системы. В своих рекомендациях Совет указал на противоречивость положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, упущения и недостатки при ее реализации, вызванные кроме прочего «нарушением принципа преемственности пенитенциарной политики, игнорированием ранее накопленного положительного отечественного опыта», «проведением ряда мероприятий реформы без экспериментальной апробации», что должно привести к настоятельной необходимости реализации идеи «преемственности пенитенциарного реформирования, в том числе использования положительно зарекомендовавшего себя отечественного (в том числе дореволюционного и советского) и зарубежного опыта исполнения уголовного наказания»¹.

Следовательно, эффективному учету европейского пенитенциарного опыта в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики предшествует оценка такого опыта, при осуществлении которой следует иметь в виду, что вследствие многоаспектности, содержательности и изменчивости социальных процессов, в том числе охватывающих исполнение уголовных наказаний, принятие большинства решений в сфере уголовно-исполнительной политики и законодательства сопровождается действием как внутренних – в первую очередь социально-экономических факторов, так и внешних – в основном геополитических и культурологических. В этой связи важно поддержать мнение В.А. Уткина о необходимости взвешенного подхода к конкретным путям модернизации уголовно-исполнительной системы России на основе использования зарубежного пенитенциарного опыта².

---

¹ Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы». URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/946/>.

² См.: Уткин В.А. Зарубежный пенитенциарный опыт как фактор реформирования уголовно-исполнительной системы // Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы: тезисы выступлений участников Междунар. науч.-практ. конф. (28-29 окт. 2004 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2004. С. 84-88.

Понимаю особенностей принятия политических и правоприменительных решений в сфере формирования и реализации отечественной уголовно-исполнительной политики способствует решение вопроса о механизме воздействия рассматриваемого фактора на развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства. В унисон этому нельзя не привести слова А.Я. Гришко, который пишет, что решение «вопроса имплементации норм зарубежного законодательства в российское законодательство и наоборот требует создания соответствующего механизма реализации»¹. Данный механизм может включать следующие основные элементы: 1) основания учета зарубежного пенитенциарного опыта, отражающие формирование такого воздействия; 2) условия успешного использования опыта функционирования зарубежных пенитенциарных систем, что определяет такого воздействия; 3) формы и 4) пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта.

В качестве оснований учета опыта функционирования европейских пенитенциарных систем в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики следует понимать наличие потребностей в оптимизации исполнения уголовных наказаний, которые могут иметь правовой, социальный, экономический, международный, идеологический, морально-этический и иной характер. В методологическом смысле может быть как множество таких оснований, так и одно. Возможность некоторого множества оснований повышает степень уверенности и необходимости использования соответствующего опыта.

Таковыми основаниями выступает наличие следующих потребностей:

- научно обоснованные рекомендации, базирующиеся на непосредственном исследовании опыта функционирования европейских пенитенциарных систем;
- состояние и динамика преступности, а также особенности и степень криминальной активности лиц, отбывающих уголовные наказания, обуславливающие приемлемость реализации соответствующих пенитенциарных практик;

---

¹ Гришко А.Я. Об имплементации законодательства России и зарубежных стран о наказаниях в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 33.

- общественное одобрение целесообразности заимствования зарубежного опыта;
- экономическая рентабельность внедрения;
- историческая апробированность соответствующей идеи;
- межгосударственное сотрудничество, позволяющее всесторонне изучить практическую ценность определенных моделей обращения с осужденными;
- конъюнктурное стремление соответствовать конкретным европейским стандартам в области обращения с осужденными.

Генеральным основанием выступает общая привлекательность применения соответствующего пенитенциарного опыта в отечественной практике исполнения уголовных наказаний с позиций достижения наилучшего результата с наименьшими затратами. К сожалению, во многих компаративистских исследованиях, в которых выявлены прогрессивные достижения в европейской пенитенциарной практике, отсутствует обращение к такому основанию. Например, Д.В. Горбач и Н.Н. Кутаков выявив положительный опыт ряда европейских государств по исполнению пожизненного тюремного заключения без какого-либо обоснования возможной результативности данного опыта для России указывают, что «назрела необходимость детального анализа зарубежного опыта назначения пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него, и внесения изменений в уголовное законодательство Российской Федерации в отношении осужденных, отбывающих данный вид наказания»¹.

Важно заметить, что все из вышеперечисленных оснований должны иметь соответствующую научную проработанность. Однако именно рекомендации, связанные с непосредственным исследованием европейской пенитенциарной действительности, строятся на комплексном анализе с использованием методов классификации и типологизации европейских пенитенциарных систем, выявлении их эффективности посредством применения многофакторного подхода, который позволяет выявить системные связи в развитии конкретного типа пенитенциарной

---

¹ Горбач Д.В., Кутаков Н.Н. Сравнительно-правовой анализ институтов пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него в некоторых зарубежных странах // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 159.

системы, решить вопрос о принципиальной возможности установления важнейших детерминант их становления, степени устойчивости и дальнейшей трансформации, определить существующие между ними взаимосвязи.

Таким образом, отмеченные потребности выступают взаимодействующими явлениями, которые являются движущей силой, детерминирующей социальную направленность, основное содержание и перспективы дальнейшего развития уголовно-исполнительного законодательства и практики, а также всей системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Важнейшими условиями использования рассматриваемого опыта выступает должная степень его научной проработанности, создание организационно-технических возможностей для этого (включая кадровую подготовку, техническое оснащение, медико-реабилитационную работу и др.), должное правовое сопровождение, достаточная степень развитости демократических институтов и государственно-частного партнерства в сфере культивирования и защиты прав человека, культурно-ментальная и нравственная приемлемость, отсутствие противоречий с исторически сложившимися традициями и закономерностями развития отечественного законодательства, криминологические особенности преступности, а также надлежащее финансирование соответствующих мероприятий (достаточность экономических ресурсов).

Для повышения степени репрезентативности предложенных условий было осуществлено анкетирование практических работников исправительных учреждений. На вопрос: «Какие из обозначенных требований должны в первую очередь выступать условиями использования европейского опыта обращения с осужденными в оптимизации уголовно-исполнительного законодательства и всей системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания?» (было предложено выбрать не более чем четыре из предложенных вариантов ответа) ответы распределились следующим образом: 68 % респондентов указали на должную степень научной проработанности данного опыта; 59 % – должное правовое сопровождение использования данного опыта; 54 % – создание организационно-технических возможностей для этого (включая кадровую подготовку, техническое

оснащение, медико-реабилитационную работу и др.); 45 % – криминологические особенности преступности; 34 % – надлежащее финансирование соответствующих мероприятий (достаточность экономических ресурсов); 27 % – достаточная степень развитости демократических институтов и государственно-частного партнерства в сфере гарантирования и защиты прав человека; 18 % – приемлемость такого опыта для сознания граждан; 12 % – отсутствие противоречий с исторически сложившимися традициями и закономерностями развития отечественного законодательства.

При этом именно научная проработанность выступает первоочередным условием использования зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике, практике и законодательстве. На данное условие обращается внимание и в специальных исследованиях. В частности, изучая зарубежную практику реализации института условно-досрочного освобождения Н.М. Панарина пишет: «Изучение зарубежного законодательства, регламентирующего применение УДО от отбывания наказания, а также практики его применения в странах ближнего и дальнего зарубежья, на наш взгляд, является необходимым условием для совершенствования отечественного законодательства»¹. Научная проработанность зарубежного опыта должна строиться на общеизвестных и специальных методах познания правовой действительности и проведения соответствующих исследований. В этой связи вызывает критику вывод Н.Н. Кадыровой, которая рассматривая систему уголовных наказаний в некоторых европейских странах, пришла к выводу о том, что «особенностью зарубежного уголовного законодательства, качественно отличающего его от российского, является его достаточная стабильность и неизменность в плане правовой регламентации»². Однако такой вывод в статье, вышедшей в свет в 2015 году, основывается на изучении уголовных кодексов ФРГ, Испании, Швейцарии, Франции и учебной литературы,

---

¹ Панарина Н.М. Особенности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы по уголовному законодательству зарубежных стран // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Т. 2. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 487.

² Кадырова Н.Н. Система уголовных наказаний в зарубежных государствах // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 17. С. 152-153.

опубликованной в период с 1993 по 2003 гг. Поэтому «достаточная стабильность» является результатом неадекватного сопоставления, как правило, за непродолжительный период действия уголовного законодательства европейских государств с отечественным законодательством за более продолжительный период действия. В реальной действительности регламентация уголовных наказаний и практики их исполнения во Франции, Англии и Уэльса, Германии за последние годы претерпела значительные преобразования реформаторского характера.

Указанные условия необходимо воспринимать с поправкой на экономико-географический уровень жизни населения, региональные и климатические особенности размещения исправительных учреждений, природоресурсные возможности территорий. Их конъюнктура образует систему требований к успешному внедрению зарубежного пенитенциарного опыта. Кроме того, существует феномен самодетерминации и «самодвижения» права, предполагающий существование специфических внутренних закономерностей права. Ведь источник любого правового развития строится на взаимодействии его внешних и внутренних детерминант и в случае дисгармонии такого взаимодействия чуждые правовые институты будут отторгнуты правом национальным. В основе механизма такого «отторжения» лежит разрыв между категориями «причина» и «следствие», то есть сбой в таких типах детерминации, которые выделяются в частности Д.Б. Беспрозванным, как кондициональная (условная), функциональная, инспирирующая, системная детерминация и корреляция¹.

Директивными и нормативно-правовыми формами учета (реализации) европейского пенитенциарного опыта в формировании современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации являются:

- 1) правовой эксперимент;
- 2) включение в концепции развития уголовно-исполнительной системы, постановления Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ, распоряжения

---

¹ См.: Беспрозванный Д.Б. Типы детерминации правовых предписаний // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 2. С. 141-143.

и поручения, принятые Президентом РФ и Правительством РФ соответствующих положений;

- 3) внесение изменений и дополнений в правовые нормы;
- 4) изменение правоприменительной практики;
- 5) структурная реорганизация деятельности исправительных учреждений.

К отмеченным формам должны предъявляться требования, связанные, в частности, с плановостью, последовательностью, репрезентативностью проведения соответствующих мероприятий. Именно данные формы должны обеспечивать верификацию принимаемых решений, выступая в некотором роде мерилем их обоснованности. Так, Ф.В. Грушин совершенно справедливо указывает, что применительно к идее заимствования зарубежного правового опыта «принципиальное значение имеет качество организации правотворческого процесса и уровень юридической техники, от которых во многом зависит правовая определенность и эффективность реализации конкретных правовых норм»¹. При этом европейский пенитенциарный опыт может оказывать воздействие на разные этапы уголовно-исполнительной политики, поэтому следует выяснять весь механизм такого влияния – начиная от формирования такой политики и заканчивая ее реализацией. Ведь именно на стадии реализации обнаруживаются проблемы и недостатки принятых директивных решений или обновленного уголовно-исполнительного законодательства, выявляются противоречия правоприменительной практики.

Пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта отражают наличие оснований и соблюдение условий успешного использования такого опыта. Обнаружение диссонанса между возможностями государства (общества) и реализацией зарубежного опыта в сфере исполнения уголовных наказаний должно служить поводом для существенного пересмотра тактических и стратегических направлений уголовно-исполнительной политики по его дальнейшему внедрению. Возможности государства и(или) общества могут заключаться в экономической неспособности (нерентабельности) дальнейшего сопровождения уголовно-

---

¹ Грушин Ф.В. Система экономических факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства: монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. С. 57.

исполнительной политики в части реализации зарубежного пенитенциарного опыта, отпадании такой надобности по идеологическим (например, в силу общественной позиции) либо политическим (в частности, изменение внешнеполитического курса государства, приведшего к пересмотру гуманитарных ценностей) причинам, рассогласованности уголовной и уголовно-исполнительной политики, существенные изменения криминологических показателей преступности и корреляция судебной практики. Так, В.А. Уткин справедливо указывает на основные (коэффициент осужденных в стране за определенный сопоставимый период в динамике, общий объем и структура наказуемости, включая ее тенденции, контингент осужденных, его состав и динамика) и частные (практика условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким, изменения вида режима, практика судов при реализации мер, не связанных с лишением свободы, практика применения административного надзора) направления влияния судебной практики на уголовно-исполнительную политику¹.

Таким образом, в построении современной уголовно-исполнительной политики следует делать акцент на всесторонний анализ как положительного, так и отрицательного опыта функционирования европейских пенитенциарных систем и создания долговременных действующих механизмов развития и совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, способных отвратить Россию от вживлению в сферу исполнения уголовных наказаний инородных зарубежных «имплантатов». Данные механизмы должны базироваться на апробированных правовых и научно обоснованных решениях с максимальной точностью прогнозирующих правовые последствия и отражающих ожидания современной уголовно-исполнительной политики России. Особенности реформирование организационных основ уголовно-исполнительной системы России с учетом европейского пенитенциарного опыта будут рассмотрены в следующем параграфе диссертационного исследования.

---

¹ Уткин В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сб. материалов Международной науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 11.

§ 3. Современное реформирование организационных основ уголовно-исполнительной системы России в контексте европейского пенитенциарного опыта

Современная реформа отечественной уголовно-исполнительной системы, отражая влияние на неё европейской пенитенциарной политики и известные образцы функционирования европейских пенитенциарных систем, связана с неудавшейся попыткой¹ перехода от «колонийско-отрядной» к «тюремно-покамерной» модели размещения осужденных. Поскольку уголовно-исполнительная политика базируется на общих принципах и положениях социальной политики государства, вопросы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы, ее реформирования, неразрывно связаны с необходимостью совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного права. Именно эти выводы положены в основу стартовавшего в 2010 году и к настоящему времени существенно трансформированного масштабного реформирования уголовно-исполнительной системы. В первоначальной редакции Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 года, реформирование уголовно-исполнительной системы предполагало, кроме прочего, изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы с фактическим прекращением их коллективного содержания. Однако, как справедливо отмечают Ю.В. Голик и А.И. Коробеев «разработка, и реализация упомянутой Концепции прошла в классических русских традициях, когда «уголовно-исполнительная телега» оказалась впереди «уголовно-правовой лошади»»².

В указанной Концепции в редакции от 23 сентября 2015 года, а также Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025)», утвержденной распоряжением Правительства Российской

---

¹ Об этом см.: Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект : учебное пособие / под общ. ред. А.А. Реймера. М., Рязань: Академия ФСИН России, 2009. С. 4–58.

² Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica. 2014. Т. ХСVII. № 12. С. 1407.

Федерации от 23 декабря 2016 года № 2808-р, уже поставлены иные цели и, в частности говорится, о совершенствовании деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития. Однако совершенно правы те исследователи, которые указывают, что на «процесс реформирования уголовно-исполнительной системы и подведения её под международные стандарты» влияет «экономическая нестабильность в российском государстве и политика сокращения расходов»¹. Как представляется, следует в рассматриваемые программно-целевые документы вводить узловые положения об экономической рентабельности реформы уголовно-исполнительной системы и её эффективности. В этом плане большое подспорье имеет обращение к факторной оценке эффективности пенитенциарных систем, которая была рассмотрена в четвертой главе диссертационного исследования.

Дальнейший анализ проявлений концепции «контроля» (задаваемых более общим явлением интеграции правовых систем, в которую вовлечена и славянская правовая система) в реформе отечественной уголовно-исполнительной системы необходимо проводить через призму основных пунктов:

1. Построение функциональных основ исправительного воздействия на основе системы стимулирующего и индивидуального воздействия на осужденного, направленного на полную адаптацию бывшего преступника для созидательного существования путем предоставления возможности трудоустройства, помощи в восстановлении социально-полезных связей.

2. Строгое соблюдение принципа отдельного содержания лиц с различными степенями общественной опасности (дифференциации осужденных). Реализация данного принципа не только путем классификации осужденных при назначении вида исправительного учреждения, но и в процессе исполнения наказания путем расширения видов режима отбывания наказания.

3. Постепенное возрастание полиструктурности и мультирежимности исправительных учреждений в противовес расширению практики применения тю-

---

¹ См.: Ёркина Т.Н. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: цель. Основные направления развития, современное состояние // Современное общество и власть. 2016. № 4 (10). С. 134-135.

ремного режима содержания осужденных (как правило, по 4 человека в камере). Так, в течение 2013–2016 годов планировалась реорганизация действующих исправительных колоний под тюрьмы и строительство новых тюрем для содержания до 300 (по некоторым данным – до 500) тысяч осужденных. Как справедливо отмечал В.И. Селиверстов «согласно предварительным расчетам для содержания осужденных к лишению свободы потребуется открыть 246 тюрем общего режима, в том числе 58 тюрем для женщин, 161 тюрьму усиленного режима и 21 тюрьму особого режима, всего 428 тюрем»¹. Хотя на 1 января 2018 года в России насчитывалось только 8 тюрем, в которых содержалось всего 1429 осужденных².

4. Оптимизация системы колоний-поселений с высоким качеством профессионального обучения и подготовки. Данные колонии-поселения должны выполнять роль «социальных фильтров», выпускающих людей адаптированных к выполнению физического труда, требующего определенного уровня профессиональной подготовки. Причем в данном виде исправительного учреждения предполагалось создание полусвободного режима, что позволило бы вывести их за пределы собственно мест лишения свободы. Однако, по достаточно обоснованному мнению В.Б. Малинина, возможно приведет к криминализации близлежащих территорий и росту пенитенциарной преступности³. Новую систему колоний-поселений предлагалось создать по примеру открытых и полуоткрытых тюрем, функционирующих в ряде европейских стран, относящихся, в частности, к скандинавскому, англо-ирландскому, голландскому и германскому типам европейских пенитенциарных систем, а также на основе рекомендаций Европейских тюремных правил 2006 года, что, безусловно, привело бы к появлению такого «гибрида», который не был бы похож не на одну модель рассматриваемых учреждений, функ-

---

¹ Селиверстов В.И. Основные направления эффективности научных исследований в свете реформирования уголовно-исполнительной системы РФ // Российский криминологический взгляд. 2011. № 1. С. 52.

² Федеральная служба исполнения наказаний. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

³ См.: Малинин В.Б. Поиск оптимальной модели уголовно-исполнительной системы // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая- 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 489-490.

ционирующих в рамках указанных выше пенитенциарных типов,¹ а также не гармонировал бы с особенностями славянской пенитенциарной системы. Однако в настоящее время обнаруживаются поводы для трансформации колоний-поселений. В этом плане можно отметить предложение Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированное в ответ на постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и № 15162/05), о том, что «законодатель правомочен внести в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство изменения, в соответствии с которыми отбывание наказания в колониях-поселениях лицами, осужденными к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицами, осужденными к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшими лишение свободы, – как разновидность режима лишения свободы в смысле статьи 56 УК Российской Федерации – было бы трансформировано в отдельный вид уголовного наказания»². Таким образом, взаимодействие «правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия»³.

Представляется необходимым изложить некоторые более развернутые и комплексные конструктивные замечания относительно вышеобозначенных пунктов.

Проведение концептуальных преобразований в уголовно-исполнительной системе должно быть тесным образом связано с совершенствованием ряда уголовно-правовых институтов. Так, внедрение идеи стимулирования законопослушного поведения и исправления осужденного реализуется посредством предоставления осужденным условно-досрочного освобождения. Однако практика предо-

---

¹ См.: Хуторская Н.Б. Исполнение наказания в виде лишения свободы в учреждениях открытого и полуоткрытого типа (зарубежный опыт) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3. С. 195-205.

² По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480.

³ Там же.

ставления такого освобождения носит формальный характер и зависит от отсутствия или наличия у осужденного дисциплинарных взысканий. Предупредительного эффекта в отношении конкретного осужденного такая практика практически не имеет, поскольку лицо, отбывающее наказание, лишь «мимикрирует» под стандарты дисциплины, понимая, что за один год до возможного условно-досрочного освобождения нарушать правила поведения нецелесообразно. В связи с этим В.С. Овчинский справедливо отмечает, что широкая практика условно-досрочного освобождения порождает так называемые «встречные потоки»: с одной стороны, досрочно освобожденные попадают в обстановку растущей безработицы и безденежья, с другой – данные лица, вновь совершив преступления по причинам неудовлетворительного социального положения, возвращаются в места лишения свободы.¹ По мнению В.С.Овчинского, «в складывающейся кризисной ситуации надо говорить не о "гуманизации наказания", а об "экономии репрессии". Это не замена слов. Это – разнопорядковые явления»².

В связи с этим необходимо разработать не просто степени исправления (например, «твердо встал на путь исправления»), но и иные критерии условно-досрочного освобождения осужденного (например, успехи в профессиональной подготовке, общественной работе) и избавиться от завышенных формальных требований законодателя к минимальным срокам отбытия наказания, необходимым для предоставления условно-досрочного освобождения. Как представляется, для объективности оценки исправления осужденного и с учетом системного анализа социальных явлений и процессов необходимо отказаться от оценки каждого осужденного в отдельности и прибегнуть к конкурсной процедуре отбора кандидатов на условно-досрочное освобождение, методика³ которой представлена в

---

1 См.: Овчинский В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С.Дагеля / науч. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. С. 152.

2 Там же. С. 153.

³ В основе данной методики лежит закон психофизики Вебера-Фехнера (Липпс Г.Ф. Основы психофизики: пер. с нем. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2012. С. 28-33; Чукова Ю.П. О судьбе закона // Знание-сила. 2011. № 6. С. 45-51), метод анализа иерархий Томаса Саати (Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. С. 22-25) и мультипликативный метод анализа иерархий, разработанный Ф.А. Лутсмой (Lootsma F. A. Scale Sensitivity in the Multiplicative AHP and SMART //

приложении № 2. Преимущества конкурсного выбора кандидатуры осужденного на основании системы критериев оценки и сравнения заявлений, по сравнению с рассмотрением заявления осужденного безотносительно к остальной массе осужденных очевидно, поскольку в этом случае учитываются общие для всех осужденных конкретного исправительного учреждения возможности реализации их субъективных прав и законных интересов. Необходимо соблюдать общие требования к критериям¹: 1) соответствие цели исправления; 2) чувствительность к изменению индивидуальных параметров исполнения уголовного наказания в отношении конкретного осужденного; 3) наличие ясной и однозначно воспринимаемой трактовки; 4) достаточно легкая оценка реализации позиций, заложенных в конкретном критерии. Также следует придерживаться функционально-содержательным требованиям, предъявляемым к критериям: 1) полнота набора критериев (набор критериев должен полностью охватывать цель отбывания лишения свободы); 2) противоречивость критериев между собой (любой отдельно взятый критерий из перечня критериев не должен перекрывать остальные критерии).

Идея стимулирующего воздействия, которая некоторое время назад была крайне популярна в виде так называемых «социальных лифтов», предполагает расширение различных видов режимов при исполнении лишения свободы. Вместе с тем уголовно-исполнительное законодательство уже регламентирует прогрессивную систему, которая реализуется в самых различных формах, а именно изменение условий отбывания наказаний в рамках одной исправительной колонии, перевод осужденного из одного вида исправительного учреждения в другой, услов-

---

Journal of Multi-Criteria Decision Analysis. 1993. Vol. 2. P. 88-91, 101-106). Математический анализ основан на соответствующих положениях работы Ю.П. Чуковой (Чукова Ю.П. Закон Вебера - Фехнера (к 150-летию издания книги Г.Т. Фехнера «Элементы психофизики»). М.: ЗАО «МП «Гигиена», 2009. С. 102-106).

¹ В правоприменительной деятельности данные критерии вместе с методикой конкурсной оценки результатов поведения осужденного, дающей возможность представления его к условно-досрочному освобождению, должны быть зафиксированы в соответствующем приказе ФСИН России либо даже (с учетом мультиплицированного характера программы) в приказе МЮ России и отвечать как общим, так и функционально-содержательным требованиям.

но-досрочное освобождение¹. Поэтому проблема заключается не в том, что требуется вводить лишь только различные виды режимов, а в том, что необходимо повышать эффективность применения уже существующей прогрессивной системы исполнения наказания. В этой связи можно говорить, как указывает В.А. Уткин, об «актуальности такого направления уголовно-исполнительной политики, как углубление дальнейшей дифференциации условий отбывания лишения свободы посредством изменения не только вида режима, но и вида самого учреждения»².

Вызывает критику постоянное «правовое лоббирование» принципа классификации (некоторое время назад была крайне популярна идея так называемой «сепарации») осужденных. Изучение европейского пенитенциарного опыта показывает, что в основу отечественной классификации осужденных положены более разнообразные криминологические критерии, нежели чем в законодательстве зарубежных стран. Так, если в славянской пенитенциарной системе в рамках одной социально-демографической группы осужденных с целью недопущения отрицательного влияния друг на друга используются три критерия: рецидив, факт прежнего реального отбывания наказания и категория преступления, то, например, в англо-ирландской только один критерий – риск побега осужденного. Существующая же в некоторых регионах России и других государствах славянского типа практика совместного проживания осужденных, «вставших» на путь исправления, и лиц, не поддающихся нравственному реформированию, имеет место в тех исправительных учреждениях, где такую задачу невозможно или достаточно сложно решить технически, то есть отсутствует достаточное количество площадей.

Особого внимания заслуживает неудавшееся попытка создания новой структуры исправительных учреждений, которая, как представляется, будет являться постоянным быстрее идеологическим, нежели практически значимым реформом развития уголовно-исполнительной системы России. Так, размещение значительной части лиц, осужденных к лишению свободы, в тюрьмах, причем по

---

¹ В частности, см.: Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказания. Мн.: Наука и техника, 1981. С. 37-148; Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Зерцало, 1997. С. 25-129.

² Уткин В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3 (1-4). № 1. С. 62.

несколько сужденных в камере порождает не только проблему достаточного финансирования такой пенитенциарной реорганизации, но и организации профессионального обучения, общественно полезного труда, культурно-массовых мероприятий и психолого-воспитательной работы с осужденными при такой модели их размещения. При этом если, например, в тюрьмах скандинавской, англо-ирландской, голландской, германской пенитенциарных систем широко практикуется принцип творческого труда, формирующий позитивные свойства личности (например, выращивание цветов, художественная лепка, дизайн мебели и т.п.), то в тюрьмах славянского типа, выступающих, по сути, способом усиленного дисциплинарного воздействия на осужденных, используется и, вероятно, будет использоваться как правило монотонный и зачастую неквалифицированный труд. В связи с этим Д.В. Вороненков и Н.И. Полищук отмечают следующее: «Переход на «камерную систему» содержания осужденных практически исключает возможность привлечения их к труду, следовательно, станет экономически еще более ущербным для страны, приведет к проблемам внутрикамерной несовместимости, увеличению межличностных конфликтов»¹. Более того, покамерно-тюремная модель размещения осужденных не обеспечивает полного исключения их отрицательного влияния друг на друга при совместном приеме пищи или досуге, работе в цехах или массовых мероприятиях, а лишь снижает эффект позитивного влияния на осужденного со стороны коллектива, упраздняет идею коллективных форм взаимодействия осужденных (имеется в виду, например, совет коллектива отряда и иные самодеятельные организации осужденных исправительного учреждения²) как вполне приемлемый воспитательный орган и приведет к попранию такого принципа уголовно-исполнительного законодательства, как демократизм, то есть рассмотрение осужденного не только как объект исправительного воздействия, но

---

¹Вороненков Д.Н., Полищук Н.И. Правовые реформы и развитие национальной пенитенциарной системы // Современное право. 2013. № 5. С. 91.

² Вместе с тем, необходимо заметить, что подзаконная правовая база деятельности таких самодеятельных организаций осужденных недостаточно разработана. При этом утратил силу приказ Минюста России от 8 июня 2005 года № 79 «Об утверждении Положения о порядке формирования и деятельности самодеятельных организаций осужденных в исправительном учреждении Федеральной службы исполнения наказаний» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 26.

и как субъекта такого воздействия. В связи с этим приведем слова В.И. Алексеева, который отмечает, что функция изоляции арестантов до 1879 года (в дореформенный период) представляла собой физическое или телесное страдание¹. Затем в условиях реформы «прослеживается явная тенденция индивидуализации наказания заключенных с учетом особенностей личности и социальных обстоятельств, гуманизации обращения, направленной на минимизацию возможных страданий, причиняемых осужденному, особенно при исполнении наказания в виде одиночного заключения»². Следовательно, попытка положить тюремную модель гуманного обращения с осужденными в основу пенитенциарной практики имела место в период русской реформы пенитенциарной системы (начиная с 1879 года). После 1917 года произошло фактическое формирование лагерной модели обращения с осужденными, которая была нацелена на интернирование иностранных граждан и представителей ранее господствующих классов³. Проводится негативно-обличительная критика тюремной политики капиталистических стран со стороны зарождающейся советской пенитенциарной теории. Например, известные советские пенитенциаристы Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский указывают на исключительно классовый характер, отсутствие открытости для публики и реального исправительно-воспитательного эффекта тюремного заключения и «мучительные условия» содержания в тюрьме⁴.

С образованием в апреле 1919 года лагерей принудительных работ идея коллективного труда постепенно стала трансформировать и модель размещения осужденных⁵. Так, «система исполнения уголовного наказания в виде исправительно-трудовых лагерей превратилась со временем в мощный лагерно-

---

1 См.: Алексеев В.И. Тюремный режим в механизме правового регулирования (1879-1917 гг.) // Российский следователь. 2011. № 11. С. 36.

2 Алексеев В.И. Указ. соч. С. 36.

3 См.: Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. С. 274.

4 См.: Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское пенитенциарное право. – М.: Юриздат., 1927. С. 11-13, 20, 28-29, 40, 44-45.

5 При этом, данное отношение к роли труда осужденных в местах лишения свободы имело место и в пенитенциарной науке европейских социалистических государств (в частности, см.: Леленталь С., Вежбицкий П. Исполнение наказания в виде лишения свободы в европейских социалистических государствах / пер. с польского / автор предисловия и отв. ред. Н.А. Стручков. – М.: Юрид. лит., 1978. С. 76-87, 156).

промышленный комплекс, игравший значительную роль в экономической и политической жизни страны»¹. В результате, в советский период прочно укоренилась коллективная модель обращения с осужденными, которая не только закрепила меры исправительно-трудового воздействия, но и постепенно видоизменила психолого-педагогические приемы работы с осужденными. Как отмечает В.А. Уткин с принятием ИТК РСФСР 1924 года «законодательные основы применения мер исправительно-трудового воздействия в полной мере распространяются на всех лишенных свободы. Вместо реформаториев и земледельческих колоний в системе ИТУ создаются трудовые колонии сельскохозяйственного, ремесленного и фабричного типов»². Более того, внедрение прогрессивной системы исполнения лишения свободы потребовало создание «колонийской» системы размещения осужденных, поскольку одним из основных показателей исправления осужденных, необходимый для его перевода из одних условий отбывания наказания в другие, выступал труд осужденных, повсеместная реализация которого в советский период была возможна только в трудовых колониях, исправительно-трудовых лагерях и иных аналогичных исправительных учреждениях. В специальных исследованиях указывается, что основным отличием формирующейся прогрессивной системы от английской выступало отсутствие единого начального одиночного заключения³. Как представляется, это можно объяснить не только экономическими особенностями, состоящими в более высокой стоимости содержания осужденных в тюрьмах, но и нецелесообразностью организации в советский период труда заключенных.

Думается, что самобытность и даже уникальность славянского типа пенитенциарных систем и, в частности, уголовно-исполнительной системы России состоит именно в идее сочетания тюремного заключения и коллективного отбыва-

---

1 Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. – М.: Наука; Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 10.

2 Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. С. 28.

3 См.: Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Городец, 2007. С. 45.

ния уголовного наказания¹. В связи с этой гипотезой можно привести мнение А.И. Зубкова, отмечающего, что «доктрина российской пенитенциарной педагогики как раз и базируется на стимулировании законопослушного поведения, на сочетании коллективных и индивидуальных форм воздействия на личность осужденных, на развитии у них трудовой инициативы и заинтересованности в достижении общих положительных результатов коллектива»². Соответственно, непонимание закономерностей развития отечественной пенитенциарной системы ведет к ощущению неэффективности и нецелесообразности её реформирования. Так, совершенно прав, на наш взгляд, В.И. Горобцов, который в свое время отмечал, что «сегодняшняя ситуация в сфере исполнения уголовных наказаний в нашей стране в значительной степени зависит от стремления во многом копировать западный опыт, стремиться во что бы то ни стало «быть впереди Европы всей». ...Разработчики Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1996 г. излишне увлекались реализацией на уровне отечественного законодательства международно-правовых стандартов и опыта зарубежного законодательства без учета криминальной ситуации в России, исторических и национальных особенностей, предприняв своеобразную попытку «перепрыгнуть» в сфере исполнения уголовных наказаний от «тюремно-гулаговского» состояния мест лишения свободы к образцовым пенитенциарным учреждениям западного варианта»³.

Исследователи вопроса о достоинствах коллективной формы отбывания наказания отмечают коллективистскую культуру россиян, для которой «становится естественным повседневное, тесное общение...поощрение взаимной зависимо-

---

¹ Не случайно специалистами по истории дореволюционной тюремной системы отмечается, что в «тюрьмах царской России основной формой реализации лишения свободы было тюремно-камерное и тюремное каторжное содержание», отражающее индивидуальный и коллективный подход к осужденному (см.: Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917-1925 гг.): учебное пособие. Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990. С. 5).

² Зубков А.И. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 7. Влияние коллективной и индивидуальной форм отбывания лишения свободы выступало предметом анализа и 40 лет назад (см.: Михлин А. С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания: автореф. дис... д.ю.н. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974).

³ Горобцов В.И. Парадоксы отечественной реформы уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7 / отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 115, 117.

сти, чувство «локтя», потребность в идентификации, ожидание помощи. Именно эти особенности коллективистского типа культуры всего общества легли в основу принципа организации исправительной системы России. Реализуя их на практике, основной заботой государства было, наряду с обеспечением безопасности и условий содержания осужденных, направить усилия на воспитательную и психолого-педагогическую работу с ними именно в рамках коллективных форм»¹. При этом уже пятнадцать лет назад Ю.И. Калинин отмечал, что «уголовно-исполнительная система не может измениться сама по себе, в отрыве от общества в целом»².

Не случайно такие видные советские пенитенциаристы как И.В. Шмаров и М.П. Мелентьев, отмечали, что в тюрьмах не могут быть созданы необходимые предпосылки для эффективного применения политико-воспитательной работы с осужденными, их трудового воспитания, общеобразовательного и профессионально-технического обучения. Практически весь период советской истории «Тюрьмы как места лишения свободы сохранялись, но только для осужденных, нуждающихся в особо строгой изоляции»³.

Также известна позиция обличения тюремной модели размещения осужденных с точки зрения эскалации капиталистических отношений, при которой тюрьма, и в частности одиночное заключение, выполняли обеспечительную, но не подлинно исправительную роль успешного роста трудовой эксплуатации, склоняя трудящихся к покорности и извлекая из их труда экономическую выгоду. Так, С.Я. Булатов отмечает, что содержание исправительного воздействия, «принимającego в действительности буржуазной тюрьмы неизбежно форму «донимающего исправления», определяется не теоретическими построениями буржуазных тюремоведов и не либеральными лозунгами идеологов буржуазной тюрьмы, а классовой природой буржуазного государства, объективными закономерностями классовой борьбы. Буржуазное государство, как всякое эксплуататорское государство,

---

¹ Багреева Е.В. Историко-сравнительный анализ психологической практики в пенитенциарных учреждениях скандинавских стран: автореф... к.ю.н. – Рязань: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2006. С. 14.

² Калинин Ю.И. Пенитенциарная система России: прошлое, настоящее, будущее: лекция. Лондон: Кингс Колледж Лондонского университета, 2002. С. 7.

³ Боер В.М., Смирнов Л.Б. Юридическая ответственность и правовая информированность (Особенности пенитенциарной системы). Санкт-Петербург: СПбГУАП, 1997. С. 110.

покоится на системе подавления большинства населения эксплуататорским меньшинством. Исправленным в таком государстве считается только тот преступник, который подавлен настолько, что в нем сломлена воля, притупилось совершенно сознание и понимание своего классового положения, уничтожена способность к сопротивлению... Истязание преступника надо было перенести в глухие камеры тюрьмы. пытки, ломание костей и пускание крови пришлось бы заменить невидной и незаметной «работой», которая ломала бы не кости, а психику заключенного. Буржуазные тюремщики изобрели, а теоретики-тюрьмоведы и законодательство санкционировали различные методы такого верно действующего подавления психики. Наряду с одиночным заключением, правилами молчания и религиозным одурманиванием стали применять обязательное ношение форменной уродливой и унижающей человеческое достоинство арестантской одежды...»¹.

Вместе с тем, смена пенологических ожиданий и влияние на славянский пенитенциарный тип и, в частности, уголовно-исполнительную систему России определенных идеалов европейских пенитенциарных систем привели к перманентному реформированию современной отечественной сферы исполнения уголовных наказаний. Так, если основные предпосылки реформы отечественной уголовно-исполнительной системы, стартовавшей в 1988 году, были обусловлены «перестройкой всех сфер общественной жизни. Важнейшими внешними предпосылками её преобразования явились демократизация, гласность, экономическая, политическая и правовая реформы...рост противоправных действий массового характера, резкое обострение ситуации в местах лишения свободы»², то реформа 2010-2015 годов фактически была связана с переходом от «колониально-отрядной» к «тюремно-покамерной» модели размещения осужденных, которая отражала европейские особенности организации пенитенциарных систем.

---

¹ Булатов С.Я. Лишение свободы в буржуазной уголовной политике // Тюрьма капиталистических стран: сборник статей / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1937. – С. 10-11. Так же см.: Георг Граднауэр. Характеристика карательной системы // Уголовное право и социализм: Сборник статей / перевод под ред. и с предисл. М.Н. Гернета. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 130-136, 151, 154-159.

² Зубарев С.М. Правовое обеспечение реформы уголовно-исполнительной системы: автореф...к.ю.н. М.: Академия управления МВД России, 1999. С. 12-13.

При этом мнения о необходимости перехода к тюремной системе лишения свободы и покамерному размещению осужденных наиболее активно стали высказываться в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, то есть в условиях фактической модернизации правовой системы Российской Федерации и обращения к европейским стандартам в области обращения с осужденными. Так, А.Ф. Сизый настаивал на том, что бы покамерное «содержание осужденных должно стать основным, что поможет исключить случаи глумления и издевательства осужденных друг над другом, защитить их честь и достоинство»¹. Подобной позиции придерживался и В.А. Фелелов². Данные вопросы, по сути, остались нерешенными и по настоящее время: остается задача гармоничного сочетания практики коллективного отбывания наказания и не воплощенной в жизнь по объективным причинам покамерной модели обращения с осужденными.

Думается, что известное отрицательное действие идеи коллективного размещения осужденных можно отчасти минимизировать путем использования системы дортуаров, то есть размещения осужденных по одному или несколько человек в отдельных помещениях, отгороженных друг от друга перегородками, не прилегающими к потолку и полу сантиметров на 15–20. Такое размещение, с одной стороны, обеспечит их физическую безопасность, с другой – создаст чувство психологического комфорта. Это позволит при наименьших финансовых затратах перевести некоторые исправительные колонии в разряд «гибридных» исправительных учреждений с мультирежимными особенностями (с подобной системой размещения осужденных).

Также важно отметить, что ранее планировавшееся перепрофилирование исправительных колоний под тюрьмы различных режимом и соответственно принципиальное изменение формата размещения осужденных не в полной мере учитывало необходимость кардинального пересмотра механизма согласования

---

1 Сизый А.Ф. К вопросу о концепции совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение: материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. С. 63.

2 См. в работе: Маслихин А.В. Лишение свободы: виды, содержание, исполнение // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение: материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. С. 10.

мер организационного характера с мерами исправительного воздействия на осужденного. Ведь покамерное размещение осужденных неизбежно изменило бы подход к работе с осужденными. В условиях «отрядно-колониальной» модели размещения осужденных, свойственной славянской пенитенциарной системе, не исключено персонифицированное обращение с ними с учетом диспозитивности, взаимовыгодности и индивидуального подхода, которые, как отмечают исследователи-пенитенциаристы, отражают изменения, происшедшие в современной уголовно-исполнительной системе¹. Значительную роль в этом должна играть индивидуальная программа обращения с осужденным, которая может основываться на психологических закономерностях и механизмах ресоциализации осужденных при их включении в разноплановые исправительные мероприятия (режимно-поведенческого, социально-правового, образовательного, трудового, психокоррекционного, нравственно-духовного (религиозного) и досугово-бытового и иного характера).

В связи с этим, можно сослаться на Правило 66 Европейских пенитенциарных правил, которое предусматривает процедуру выработки и пересмотра индивидуальных программ исправления и обучения заключенных в соответствии с потребностями индивидуализированного исправительного воздействия на заключенных². Достаточно показателен и ранее рассмотренный опыт функционирования европейских пенитенциарных систем. В содержании рассматриваемой программы, реализация которой должна способствовать более качественной и результативной работе по условно-досрочному освобождению в соответствии с методикой конкурсного отбора (см. приложение № 2), «осевым» моментом должна выступать идея юридической дозволенности, вытекающая из общего смысла исправительного воздействия и воплощающая не только максимально возможное,

---

¹ Богатова О.В., Гачава М.Л. Реформирование уголовно-исполнительной системы: реализация международных стандартов обращения с заключенными // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 17-18.

² Приложение к Рекомендации № R (87)3 (Европейские пенитенциарные правила) Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил: принято Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 1987 года // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. С. 209-263.

желаемое для осужденного лица поведение, но и гарантированность такого поведения со стороны государства.

Также в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы необходимо постулировать усиление концепции «контроля» не только в сфере исполнения уголовных наказаний, но и в области постпенитенциарного воздействия, модель которого в редакции Федерального закона Российской Федерации от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»¹, как представляется, отражает отход пенологической практики от «идеала реабилитации» к концепции «контроля».

Представляется необходимым дальнейшее рассмотрение особенностей реформирования организационных основ уголовно-исполнительной системы России с учетом европейского пенитенциарного опыта осуществить через призму концептуальных основ уголовно-исполнительной политики. Идейным ядром уголовно-исполнительной политики Российской Федерации выступает Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция), принятию которой предшествовало романтическое представление об европейской пенитенциарной системе исполнения уголовных наказаний. В Концепции постулируется, что расширение контактов с пенитенциарными системами иностранных государств, международными неправительственными организациями, научно-исследовательскими, образовательными и научными центрами Организации Объединенных Наций, Совета Европы, Европейского союза, государств – участников Содружества Независимых Государств и стран дальнего зарубежья предполагает изучение и распространение зарубежного опыта в сфере исполнения наказаний и содержания под стражей. Однако данное положение носит крайне декларативный характер, поскольку очевидно, что зарубежный опыт в сфере исполнения наказаний и содержания под стражей может иметь различный по своему содержанию характер и, соответственно, его «распространение» способно оказать как положительное (прогрессирующее), так и отрицательное (регрессирующее) значение для оптимизации отечественной уголовно-

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.

исполнительной системы. Ведь государственные установления, содержащиеся в Концепции, обозначают магистральные и принципиальные направления, формы и методы совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы, ее взаимосвязь с государственными органами и институтами гражданского общества, обеспечивающую функционирование уголовно-исполнительной системы на период до 2020 года. Именно система путей решения поставленных во II разделе данного документа целей и задач выражает сущность Концепции. Соответственно, все положения документа выражают ведущий замысел оптимизации уголовно-исполнительной системы и системно отражают избранный вариант исполнения уголовных наказаний. Следовательно, дальнейшие положения Концепции должны развивать и выражать сформулированные установки. Более того, данные положения материализуют смысл выстроенной системы директив, направленных на достижение поставленных целей и решение закрепленных задач Концепции.

Необходимо поддержать мнение В.Г. Шевелева о том, что «приоритетные направления реформирования заложены в главных принципах, которые лежат в основе. Эти принципы воплощают в себе понятия гуманности, уважения человеческого достоинства, социальной направленности и эффективности управления, что является определяющим для четкого и эффективного функционирования современной пенитенциарной системы»¹. Именно принципы формируют стройность правовых предписаний, содержащихся в концептуальных документах, устанавливающих векторы уголовно-исполнительной политики. При этом, позитивным качеством существующей уголовно-исполнительной политики выступает закрепление и развитие в уголовно-исполнительном законодательстве, в судебной и иной правоприменительной практике конституционных принципов, правил и норм международного пенитенциарного права, и положительного опыта обращения с осужденными в зарубежных (в первую очередь европейских) странах. Более того, реализация по сути либеральной реформы уголовно-исполнительного законодательства требует его точного согласования с уголовно-исполнительной полити-

---

¹ Шевелев В.Г. Современная реформа уголовно-исполнительной системы: предпосылки, содержание, перспективы, проблемы // Юрист Юга России и Закавказья. 2018. № 1. С. 23.

кой. Ведь известный либерализм в сфере обращения с осужденными является во многом результатом влияния европейской пенитенциарной идеологии. Данный тезис подкрепляется и ретроспективными тенденциями функционирования отечественной пенитенциарной системы, изучая которые О.Н. Яковлева и О.И. Мальчук указывают, что при передаче системы мест заключения из ведения Министерства внутренних дел под юрисдикцию Министерства юстиции Российской империи реформаторы исходили из западноевропейского опыта¹. В свою очередь А.В. Быков постулирует, что «правительство в лице Министерства юстиции и Главного тюремного управления не просто старалось демонстрировать свою приверженность к передовым достижениям западноевропейской пенитенциарной науки, одной из первостепенных задач было присоединение России к международному пенитенциарному сообществу»².

В новейшей истории вступление России в Совет Европы и последующая ратификация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод привели к значительным преобразованиям условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, и переводу уголовно-исполнительной системы из ведения Министерства внутренних дел Российской Федерации в компетенцию Министерства юстиции Российской Федерации. В последующем заданное движение уголовно-исполнительной системы и законодательства приобрело инертный и нестабильный характер. После пяти лет существования Концепции происходит отказ от стремления повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и переход к весьма абстрактному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов. Однако в любом случае международное право и европейское право в своем единстве отражают ценность естественно-правового содержания права.

---

¹ См.: Яковлева О.Н., Мальчук О.И. Правовые основы передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции Российской империи в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 11.

² Быков А.В. Значение зарубежного опыта для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4. С. 29.

Сравнительно-правовой анализ европейских пенитенциарных систем позволяет дополнить отечественную уголовно-исполнительную политику рядом обозначенных в предыдущем параграфе диссертационного исследования принципов. Анализ Концепции через призму обозначенных принципов демонстрирует ряд проблемных полей, вскрывающих определенную непоследовательность и противоречивость уголовно-исполнительной политики.

Так, Концепция закрепляет, что в сфере трудовой деятельности осужденных необходима проработка вопроса об исключении обязательности труда осужденных к лишению свободы. Тогда как в соответствии с Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 - 2025 годы)» «обязательное привлечение осужденных к общественно полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства». Подобное разногласие нарушает идею синхронизации действующего уголовно-исполнительного законодательства с естественными и неотчуждаемыми правами, свободами и законными интересами осужденного путем их прямого или косвенного закрепления в уголовно-исполнительных нормах, поскольку не создаются должные предпосылки для формирования правового режима труда осужденных, что не способствует разрешению важнейших концептуальных вопросов производственной деятельности исправительных учреждений, трудовой занятости осужденных и индивидуализации труда как средства исправления.

Как представляется, подраздел «Обеспечение режима и безопасности» не отражает такой принцип как взаимный учет интересов личности, общества и государства. Так, согласно Правилу 3 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 года пенитенциарный режим не должен «усугублять страдания» лиц, изолированных от окружающего мира. В обозначенном подразделе Концепции акцент делается на решение вопросов обеспечения безопасности осужденных через призму режима размещения осужденных в многоместных общежитиях и подходах к раздельному содержанию осужденных, что наталкивает на мысль о повышении значимости интересов безопасности в противовес снижению роли режима как средства исправления

и как правовой конструкции, закрепленной в ст. 82 УИК РФ. Так, предлагается дифференциация условий содержания осужденных, а в целом, соответственно, и режимных требований. Однако не учитывается тенденция роста среди фактов обращений осужденных в Европейский суд по правам человека по поводу неудовлетворительных условий их размещения и содержания, санитарно-бытового и медицинского обслуживания, применения насилия со стороны администрации исправительного учреждения, удельного веса жалоб, связанных с тем, что установленные режимные требования нарушают ряд конституционных прав этих лиц и, что наиболее симптоматично, положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Например, суть решения Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалоба № 11157/04 и № 15162/05) сводилась к тому, что факт нахождения в местах изоляции от общества не может рассматриваться как основание, предусмотренное ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, для лишения осужденных избирательных прав¹. В свою очередь Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «Хорошенко против России» от 30 июня 2015 года (жалоба № 41418/04) пришел к выводу о недопустимости безоговорочного запрета осужденному, отбывающему пожизненное лишение свободы на строгих условиях, длительных свиданий в течение первых десяти лет отбывания наказания, указывая в пункте 148, что «...указанная мера не обеспечивает соблюдения справедливого равновесия между правом заявителя на защиту частной и семейной жизни, с одной стороны, и целями, на которые ссылается государство-ответчик, с другой стороны, а также к выводу о том, что государство-ответчик превысило пределы усмотрения в указанном отношении... Отсюда следует, что имеет место нарушение права заявителя на уважение его личной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции, в результате применения строгих условий в исправительной колонии особого режима в настоящем деле»².

---

¹ European Court of Human Rights. CASE OF ANCHUGOV AND GLADKOV v. RUSSIA. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["ANCHUGOV%20AND%20GLADKOV"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-122260"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

² Постановление ЕСПЧ Хорошенко против России. РосЕвроСуд. URL: <https://roseurosud.org/r/st-8/postanovlenie-espch-khoroshenko-protiv-rossii>.

Необходимо присоединиться к мнению В.А. Уткина, который аргументировано утверждает, что «предметом разбирательства Европейского суда, в отличие от предыдущих дел, стали уже не «вопросы факта», а «вопросы права». Иными словами, прозвучал «тревожный звонок» и законодателю... показательна тенденция к переоценке ряда принципиальных положений отечественного уголовно-исполнительного законодательства в части подходов к определению статуса осужденных и дифференциации режима отбывания наказания»¹. В свою очередь Г. Кликуенноис и С. Снакен, исследуя влияние решений Европейского суда по правам человека на национальное пенитенциарное законодательство государств-членов Совета Европы и основываясь на анализе доктринальных источников, пришли к выводу о том, что «судебные решения получили большое значение и влияние на формирование режима тюремных учреждений... заставили пересмотреть отношение к правам осужденных, легитимность принуждения и внесли свой вклад в улучшение условий содержания, а также безопасности заключенных... возлагаемые на государства позитивные обязательства постепенно ведут к изменениям в юридической, административной, судебной и практической сферах, а также принятию внутреннего национального уголовного и тюремного законодательства, обеспечивающего эффективное соблюдение прав людей, изолированных от общества»².

Как представляется, не обращать внимание на данную ситуацию в концептуальном разрезе сравни занять бездействующую позицию в деле оптимизации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. В связи с чем требуется соответствующий пересмотр отечественных концептуальных основ режима, который в настоящее время продолжает выражать в первую очередь карательные притязания государства к лицу, совершившему преступление. Более того, предлагаемая в Концепции дифференциация условий содержания осужденных с целью

---

¹ Уткин В.А. Режим лишения свободы и правовой статус осужденных: между карой и безопасностью // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 4. С. 27, 28.

² Cliquennois G., Snacken S. European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon? // Crime, Law and Social Change. 2018. V. 70. P. 9, 11. Также см.: Cliquennois G., Herzog-Evans M. European monitoring of Belgian and French penal and prison policies // Crime, Law and Social Change. 2018. V. 70. P. 114-130.

обеспечения выполнения ими установленных правил режима содержания как особое частное правовое установление носит структурно алогичный характер, поскольку такой её элемент как «дифференциация условий содержания осужденных» фактически выступает частью самого режима в исправительных учреждениях и поэтому не может быть направлен на обеспечение непосредственно правил режима содержания. Ведь данные «правила», исходя из смысла ст. 82 УИК РФ, материализуются в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений. Именно установленный порядок исполнения и отбывания лишения свободы, выступая сердцевинной режимом, обеспечивает различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания, но не наоборот.

Важно заметить, что положения Концепции, которая обеспечивает «развитие уголовно-исполнительной системы», не соответствуют принципу целесообразности, поскольку при отказе от первоначального стержневого направления – широкой «тюрьмизации» уголовно-исполнительной системы – данный документ утратил свою «концептуальность». Применительно к сути этого момента В.А. Уткин совершенно точно указывает, что «само понятие «развитие» все же представляется чрезмерно абстрактным, индифферентным и лишенным какого-либо «энергетического» замысла»¹. Соответственно, размываются генеральные установки юридических предписаний, рафинируются представления об обретении уголовно-исполнительной системой и законодательством нового целостного качества, не «прощупываются» целевые показатели (индикаторы) «успешности» действующего акта декларативного характера. Например, одной из задач Концепции как проблемной ситуации на пути достижения поставленных целей выступает «осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного». Вместе с тем, в уголовно-исполнительном законодательстве существует ряд норм, регламентирующих раздельное содержание осужденных в зависимости от тяжести

---

¹ Уткин В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы: предмет, методология, принципы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2. С. 94.

совершенного преступления. В частности, в п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ закреплено, что в колониях-поселениях отбывают наказание в виде лишения свободы лица, впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести. Однако сложно говорить об учете тяжести совершенного преступления уже в процессе отбывания наказания при решении вопросов раздельного содержания осужденных. Ведь «тяжесть совершенного преступления» – категория уголовно-правовая, поэтому в рамках уголовно-исполнительных отношений её значение носит «ретроградный» и в определенной степени уточняющий характер, поскольку исправительное воздействие на осужденного переориентировано на текущих изменениях в его личности. Следовательно, категория «тяжесть совершенного преступления» становится составляющим элементом криминологической характеристики осужденного и утрачивает свою значимость, которой обладала в уголовно-правовых отношениях (в первую очередь при назначении наказания). Учет криминологической характеристики осужденных при осуществлении их раздельного содержания также закреплен в уголовно-исполнительном законодательстве. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 9 УИК РФ, средства исправления осужденных, одним из которых является режим, применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. В данном случае «личность» подвергается всестороннему анализу, включая криминологическую характеристику данной категории. Согласно ч. 1 ст. 117 УИК РФ при применении мер взыскания к осужденному к лишению свободы учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность осужденного. При этом меры взыскания включают и перевод осужденного в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа. Таким образом, в уголовно-исполнительном законодательстве уже заложены правовые средства раздельного содержания осужденных с учетом криминологической характеристики осужденного, а соответствующее положение Концепции более носит «подтверждающий» смысл, нежели содержит правоустанавливающее предписание.

Вызывает критику соответствие Концепции принципу системности, который нарушается в рамках содержания самого документа (внутренний аспект) и при его соотнесении с нормативными правовыми актами (внешний аспект). Так, в рамках внутреннего аспекта можно привести следующую ситуацию. В частности, в подразделе «Социальная и психологическая работа с осужденными. Воспитание и образование осужденных» указывается на адаптацию передового зарубежного опыта психодиагностической и психокоррекционной работы. Однако не ясно почему на необходимость использования данного опыта не указывается, например, в подразделе «Трудовая деятельность, профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных». Ведь применение данных средств исправления, в частности, в европейских пенитенциарных системах имеет глубокие традиции, оригинальные способы преодоления имеющихся проблем¹.

С позиций внешнего аспекта необходимо сослаться на следующий пример. Так, в подразделе «Социальная и психологическая работа с осужденными. Воспитание и образование осужденных» закреплена «разработка новых подходов к формированию самодеятельных организаций осужденных с учетом интересов и потребностей в них самих осужденных, совершенствование правового регулирования их деятельности». Однако наряду с этим концептуальным установлением на основании Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² ст. 111 УИК РФ («Самодеятельные организации осужденных») признана утратившей силу и до сих пор каких-либо конструктивных преобразований в этом направлении не наблюдается. В свою очередь положение о внедрении методов медиации в отношении осужденных так и не получило должной законодательной институционализации.

Также необходимо указать на определенные бреши по реализации в Концепции принципа соотношения юридической силы нормативных и подзаконных

---

¹ В частности, см.: Rogge N., Simper R., Verschelde M., Hall M. An analysis of managerialism and performance in English and Welsh male prisons // European Journal of Operational Research. 2014. Vol. 241. P. 230-234.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

правовых норм. Так, для определения юридической силы и, соответственно, степени социальной потребности непротиворечащий закону подзаконный нормативный правовой акт в первую очередь связан именно с законом. Можно говорить о том, что некоторые положения исследуемого документа вызывают критику, как с точки зрения юридической техники, так и правового содержания. Например, в подразделе «Обеспечение прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей» в целях обеспечения прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, предусматривается законодательное регулирование оснований и порядка предоставления свиданий с родственниками и иными лицами посредством видео-конференц-связи или ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» исходя из возможностей уголовно-исполнительной системы. Однако такая формулировка неприемлема для доктринального акта, который не может содержать конкретных юридических предписаний и тем самым не обладая должной юридической силой осуществлять правовое регулирование соответствующей сферы общественных отношений.

Наконец, обнаруживаются проблемы реализации в Концепции принципа согласованности, что выражается в имеющемся дублировании и противоречиях между национальным и международным правом с точки зрения социально-экономических возможностей реализации соответствующих стандартов. Так, не ясно какой смысл вкладывается в следующее положение: «уголовно-исполнительная система во многом сохранила черты старой пенитенциарной системы, ориентированной на другое общество. Она не учитывает нынешнее состояние экономики, интеграцию Российской Федерации в международное правовое поле, международные стандарты обращения с заключенными», которое закреплено в I Разделе «Общая характеристика и современное состояние уголовно-исполнительной системы». Представляется, что в условиях финансового кризиса и дефицита бюджетных источников финансирования перспективных инвестиционных проектов, включая развитие производственного сектора, реалистичность данного положения можно поставить под сомнение. Так, А.А. Демичев указывает: «очевиден тот факт, что в экономическом плане Россия отстает от ряда европей-

ских стран, и проблема финансирования уголовно-исполнительной системы является весьма острой»¹. Хотя основная проблема состоит в том, что сначала надо определиться с преимущественной моделью отечественной пенитенциарной системы (а здесь мы находимся, по сути, в стадии поиска) и лишь затем осуществлять соответствующий учет, фактически – реализацию международных стандартов обращения с осужденными. При чем важно заметить, что рекомендательные по своей сути положения, в частности Европейских пенитенциарных правил, по причинам не только социально-экономического, но культурно-ментального характера далеко не в полной степени реализуются в западных пенитенциарных системах² и поэтому следует крайне осторожно их интерпретировать в юридических конструкциях уголовно-исполнительного законодательства России.

Как представляется, изложенные критические замечания целесообразно учитывать в процессе подготовки разрабатываемой в настоящее время Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы (2021-2030 гг.) как политико-правового документа, определяющего основные векторы, идеологию развития и реформирования уголовно-исполнительной системы³.

Таким образом, можно констатировать ряд проблем концептуализации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, соответствующие закономерности европейской пенитенциарной идеологии, наличие научных предпосылок дальнейшей оптимизации уголовно-исполнительного законодательства России.

---

¹ Демичев А.А. Европейские пенитенциарные правила и их роль в уголовно-исполнительной политике Российской Федерации // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 2 (8). С. 28.

² В частности, см.: Aebi M.F., Linde A., Delgrande N. Is There a Relationship Between Imprisonment and Crime in Western Europe? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2015. Т. 22. Р. 427-443; Parrott L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system // *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31. No. 2. Р. 148-164; Temperman J. Freedom of Religion or Belief in Prison: A Critical Analysis of the European Court of Human Rights' Jurisprudence // *Oxford Journal of Law and Religion*. 2017. V. 6. I. 1. Р. 51-82.

³ См.: Уткин В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 210-213.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный материал диссертационного исследования, безусловно, не претендует на исчерпывающее описание основ теоретико-прикладного и сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем, но призван обеспечить комплексное понимание основных закономерностей практики обращения с осужденными на европейском континенте с учетом влияния международных пенитенциарных стандартов и правил и активного использования метода сравнительного правоведения. На основании изложенного материала можно сформулировать ряд следующих основных выводов и предложений.

1. Европейскую пенитенциарную систему необходимо рассматривать как единый объект правовой действительности, только в рамках которого сравнительно-правовой интерес представляют теория и практика исполнения уголовных наказаний в отдельных государствах. Более того, пенитенциарный опыт отдельного государства независимо от его типичности по отношению к конкретной правовой семье не может быть представлен в качестве международно-правового опыта.

В правовой доктрине криминального цикла выделены соответствующие теории – уголовно-правовой и криминологической систем современного мира. Доктринальные представления о данных теориях будут неполными без теории пенитенциарных систем. При сравнительно-правовом исследовании пенитенциарной системы под анализ подпадает не только правовой материал, но и правовая доктрина, соответствующая практика, правовые институты и их функции.

2. Явление правовых систем выступает таксономической основой исследования пенитенциарных систем. Правовая система складывается из пяти главных составляющих правовой действительности: 1) позитивного права, то есть институциональной совокупности правовых норм; 2) правовой идеологии, то есть правосознания граждан; 3) юридической (судебной) практики, то есть правоприменительной деятельности; 4) правовых учреждений; 5) выполняемых этими учреждениями функций. На этом основании можно утверждать наличие славянской пра-

вовой семьи, содержание которой обуславливает существование славянской пенитенциарной системы, имеющей технико-юридические и культурно-исторические особенности.

Наблюдаются эволюционные изменения основных параметров правовых систем: 1) происходит культурно-правовое сближение между отдельными странами и, что наиболее симптоматично, между отдельными правовыми системами; 2) каждая из «сближающихся» правовых систем, обладая высокой социально-исторической развитостью, будет сохранять свою «самобытность», коренные ценности и начала каждой из них будут продолжать иметь органически включенные в правовую материю очертания. В этих изменениях будет оставаться непоколебимой зависимость национальной правовой системы от её культурной идеологии и менталитета народа. Вместе с этим фарватер современного развития отечественного права должен находиться в русле универсальной юридической культуры и правосознания граждан, отражать так называемое «право цивилизованных народов».

В европейских пенитенциарных системах обнаруживается наличие соответствующих правовых потребностей, важнейшим условием достижения которых выступает правило так называемой «презумпции идентичности», согласно которому существующие единые правовые потребности для любой правовой либо национальной системы, обеспечиваются (решаются) в какой-то мере единообразно. Наличие подобных потребностей отражает духовно-идеологические, культурно-цивилизационные либо социально-экономические особенности правовой системы и конкретных публично-правовых институтов, но в конечном итоге их удовлетворение воплощается в единообразном результате. Проблема обращения с осужденными всегда реализуется в исправительном воздействии на них и обеспечении их безопасности, содержание которых отражает особенности соответствующей правовой системы.

3. Ретроспективный анализ европейской пенитенциарной системы показал, что начиная с конца XVIII столетия зарождается гуманистическое движение, основывающееся на нравственно-правовых теориях, уважении личности преступни-

ка и смягчении карательных притязаний государства. Произошел кризис идеи традиционно жестокого и нарочито публичного наказания, начинает формироваться современный облик европейской пенитенциарной системы и реализовываться концепция о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия. Известные гуманисты и реформаторы демонстрируют важность архитектурных требований к исправительным учреждениям, обосновывают целесообразность улучшения санитарно-бытовых условий содержания заключенных, использования физического труда осужденных и иных средств исправления, формируют философию одиночного тюремного заключения и режимных требований в местах лишения свободы, включая прогрессивную систему исполнения наказания. В результате, постепенное реформирование европейской пенитенциарной системы начиналось с улучшения условий содержания заключенных, но затем постепенно перерастает в совершенствование средств исправительного воздействия.

Ближайшей целью наказания стала общая превенция, которая при возрастании многофункциональности тюремного заключения стала отражать различные исправительно-воспитательные механизмы воздействия на преступника. Постепенное выдавливание из пенитенциарной сферы издержек и «перегибов» тюремной практики приводило к поэтапному ослаблению превосходства общей превенции над специальным предупреждением.

4. Исследование процесса становления европейских систем тюремного заключения приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества явилось основной формой существующей карательной практики. Данный вывод объяснялся высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способным лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника. Развитие карательной деятельности того или иного государства активизировало философские, социально-

этические, правовые и иные воззрения на эту сферу общественных отношений, что привело к формированию такой отрасли знаний как пенология.

По мере развития европейских тюремных систем в их сердцевине все больше приживалась исправительная идея наказания, вытесняя при этом возмездный и исключительно репрессивно-карательный характер уголовного наказания. Сам процесс институционального роста тюремных систем находится в зависимости от концепции закона и становления гражданской модели общества. Формируются социально-философские требования к их должному функционированию. Однако учение об исправительной идее уголовного наказания в виде тюремного заключения одновременно и нередко вскрывает недостатки и лакуны в организации исполнения данного наказания.

5. В настоящее время национальная модель пенитенциарной системы отражает основные признаки ее пенитенциарной науки, но не равнозначна способу размещения заключенных и буквальному восприятию термина «тюрьма», поскольку это второстепенно по отношению ко всей системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. При этом если способ размещения осужденных в конкретном месте лишения свободы лишь косвенно зависит от экономических и политических факторов, то тюремная система прямо связана с ними. Поэтому характеристика пенитенциарной системы не сводится лишь к структуре соответствующих исправительных учреждений.

Пенитенциарная доктрина и мировоззрение имеют как научную основу, то есть обобщенные результаты теоретических и практически исследований процесса исполнения уголовного наказания и его результатов, так и социальную – особенности представления населения о целесообразности и приемлемости конкретной пенитенциарной практики, имеющей место в конкретном государстве. На этом основании пенитенциарная система отражает совокупность функционально обусловленных и структурно взаимосвязанных элементов (пенитенциарная доктрина и мировоззрение, учреждения и органы, исполняющие наказания, их функции, законодательство, правоприменительная практика) определяющих теоретическое обоснование, правовое регулирование и практическую организацию ис-

полнения уголовных наказаний в условиях преимущественной изоляции осужденного от общества.

6. Современные европейские пенитенциарные системы подвержены более общим закономерностям существования правовых систем, важнейшей из которых является правовая интеграция: она имеет две основных сферы проявления – внешнюю, отражающую диалектическое взаимодействие императивных и диспозитивных начал в праве, публично-правовых и частноправовых юридических конструкций, и внутреннюю, отражающую эталонные преобразования в правовой материи и ценность права. Внутренняя сфера демонстрирует утверждение важности социального статуса личности и ее связи с государством, гарантирующего ролевую значимость каждого осужденного в пенитенциарных отношениях и защиту его прав со стороны соответствующих публичных институтов. Внешняя сфера проявления правовой интеграции предполагает дальнейшее признание и конструктивное осмысление ценности права, его моделей, конструкций и механизмов, выступающих резервами повышения эффективности регулирования процесса исполнения и отбывания наказания, основа которых уже заложена в различных правовых системах.

Каждая из «сближающихся» правовых систем, обладая высокой социально-исторической развитостью, будет сохранять свою «самобытность», коренные ценности и начала каждой из них будут продолжать иметь органически включенные в правовую материю очертания. В этом процессе будет оставаться непоколебимой зависимость национальной правовой системы от культурной идеологии и менталитета народа. Вместе с этим фарватер современного развития отечественного права должен находиться в русле универсальной юридической культуры и правосознания граждан, отражать так называемое «право цивилизованных народов».

7. Сравнительно-правовое исследование европейских пенитенциарных систем неотделимо от правовых позиций международного пенитенциарного права, аккумулирующего общечеловеческие стандарты и принципы обращения с осужденными. Задаваемое процессами правовой интеграции влияние международного

пенитенциарного права на пенитенциарное законодательство России будет приводить к сочетанию интересов личности, общества и государства, а также повышению роли в системе соответствующих отношений культуры прав человека, не только приближать практику исполнения уголовных наказаний к прогрессивным пенитенциарным образцам, но и активизировать поиск национальных интересов и самобытных путей развития пенитенциарного права.

В результате международного сотрудничества, которое преимущественно охватывало европейские государства, и эволюционного развития гуманистических ценностей начинает формироваться международное пенитенциарное право, окончательная институционализация которого происходит на фоне резкого возрастания широкого спектра общих для многих европейских пенитенциарных систем проблем в области исполнения наказаний.

Именно сближение правовых систем позволило обнаружить широкий спектр общих для многих европейских пенитенциарных систем проблем в области исполнения наказаний, детерминировало появление в европейском пенитенциарном праве собственного предмета, обеспечило принятие значительного перечня международно-правовых актов, явившихся источниками пенитенциарного права, ускорило потребность в выработке единых принципов. Данная новая отрасль международного публичного права в свой предмет уже включает не только общественные отношения, возникающие и существующие по поводу исполнения уголовных наказаний, но и общественные отношения, возникающие в связи с исполнением условных наказаний, мер постпенитенциарного воздействия, различных форм некарательного испытания преступника и применения иных средств реабилитационно-социализирующего характера.

8. Выделение классов и типов пенитенциарных систем по различным основаниям позволяет высвечивать не только концептуальные установки государственной пенитенциарной политики, но и социальные представления о целесообразности именно такой организации сферы исполнения уголовных наказаний.

Важное значение для классификации и типологизации пенитенциарных систем имеет географический ареал их расположения, отражающий специфические

объединяющие особенности теории, законодательства и практики обращения с осужденными, характерные для стран определенного региона, в свою очередь обусловленные общими исторически сложившимися воззрениями на причины и меры противодействия преступности, которые отличаются от общеевропейских, но не являются национально-особенными, поскольку свойственны, как правило, нескольким странам одновременно.

Классификация пенитенциарных систем основывается на критериях, которые связаны с одним из элементов пенитенциарной системы либо производных от них: (пенитенциарной доктриной и мировоззрением; структурой и учреждений и органов, исполняющих наказания; организацией их функционирования; соответствующим законодательством; правоприменительной практикой), тогда как при типологизации задействованы все из указанных элементов с допустимым преобладанием одного или двух из них.

Форма размещения и содержания осужденных в местах изоляции от общества позволяет выделить следующие классы европейских пенитенциарных систем: 1) в которых используется «келейно-покамерная» модель размещения осужденных; 2) в которых сочетаются «келейно-покамерная» и «колониально-отрядная» модели размещения осужденных. Также можно выделить классы в зависимости от организации управления и подведомственности пенитенциарной системой.

Сравнительно-статистические сведения с полной наглядностью демонстрируют типичные (схожие) как ретроспективные, так и современные характеристики пенитенциарных систем государств, входящих в соответствующие типы европейских пенитенциарных систем: 1) англо-ирландский; 2) восточно-европейский; 3) германский; 4) голландский; 5) иберийский; 6) прибалтийский; 7) скандинавский (североевропейский); 8) славянский; 9) французский; 10) южно-европейский. Каждый из данных типов находится в состоянии более активной внутренней, нежели внешней, интеграции в решении взаимовыгодных задач обеспечения безопасности и правопорядка, которая выступает логическим продолжением реализации взаимных исторически сложившихся интересов государств, находящихся в

тесных «соседских» отношениях. На этом фоне внешняя интеграция конкретного типа европейских пенитенциарных систем намного более слабая и она зависит от внутренних более тесно связанных потребностей государств соответствующего типа.

Анализ и сопоставление различных типов европейских пенитенциарных систем показывает значительный плюрализм в подходах исправительного воздействия, функционирование конкретных типов пенитенциарных систем в границах «неоклассического» и социологического направлений противодействия преступности.

Научно обоснованная классификация и типологизация европейских пенитенциарных систем способствует адекватной оценке западных моделей в сфере обращения с осужденными. В этом видится системный подход к исследованию европейской пенологии, который оправдан с позиций обнаружения ориентира в разнообразии способов, подходов, форм и учений исправительного воздействия на осужденное лицо, а также отражения специфики права и политики, исторических, культурных, социальных и идеологических основ конкретного общества, особенности менталитета и правосознания граждан государства.

9. Продемонстрировать социальную результативность функционирования пенитенциарной системы конкретного государства либо типа европейской пенитенциарной системы позволяет такой критерий типологизации как эффективность пенитенциарной системы.

Сложность понимания эффективности функционирования пенитенциарной системы сопряжена с обоснованием её критериев и видов. На основе такого критерия как степень эффективности пенитенциарной системы с определенной долей условности можно выделять: 1) высоко эффективный тип пенитенциарной системы; 2) средне эффективный тип пенитенциарной системы; 3) допустимый тип пенитенциарной системы; 4) кризисный тип пенитенциарной системы. Также с учетом особенностей уголовно политики и социально-экономических потребностей общества допустимо выделять: 1) перманентный тип пенитенциарной системы – с постоянным уровнем достаточной эффективности работы исправительных учре-

ждений; 2) спорадический тип пенитенциарной системы – с проявлениями приемлемой для государства и общества результативностью функционирования исправительных учреждений в определенные исторические периоды; 3) конъюнктурный тип пенитенциарной системы – с оценкой эффективности исходя из текущих задач и конкретной модели уголовной политики.

Предлагаемые российскими специалистами факторы эффективности уголовно-исполнительной системы в определенном смысле носят только приемлемый для России характер и при оценке отечественной сферы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в ракурсе общеевропейской пенитенциарной карты неприемлемы.

Постпенитенциарный рецидив не может быть положен в основу оценки эффективности европейских пенитенциарных систем, поскольку использование данного показателя для оценки эффективности функционирования пенитенциарных учреждений допустимо только в рамках одного государства, но значительно осложняется при сопоставительной оценке эффективности пенитенциарных систем нескольких государств, что обусловлено разнообразием понимания категорий «преступление», «рецидив преступления» и «постпенитенциарный рецидив», различной организацией и принципами регистрации преступных посягательств, отсутствием законодательной и уголовно-статистической категории «рецидив» преступления и(или) «судимость» в отдельных странах.

Также невозможно характер и степень исправления осужденных использовать в качестве критерия эффективности функционирования европейских пенитенциарных систем, поскольку данная категория, с одной стороны, не поддается измерению количественно-статистическими методами, с другой – подлежит различной оценке со стороны судебных органов в практике отдельных государств.

10. Поскольку эффективность любого публичного института в процессе сложного мультиплицирования складывается из множества факторов, постольку эффективность функционирования пенитенциарной системы должна оцениваться путем использования нескольких показателей такой эффективности (описатель-

ных (качественных) и количественных индикаторов) при помощи факторного анализа,

Оценку эффективности функционирования пенитенциарной системы необходимо осуществлять на основе следующих факторов: 1) объем ресурсов, затраченных на содержание пенитенциарной системы; 2) общественное одобрение результатов её функционирования (как альтернатива данному фактору – уровень смертей лиц, отбывающих тюремное заключение); 3) факты неправомерного обращения с осужденными (коэффициент жалоб заключенных в Европейский суд по правам человека); 4) соотношение численности заключенных и населения, проживающего в конкретной стране.

Данные факторы носят интегрированный характер, поскольку выступают более емкими и системообразующими единицами по отношению к иным социальным явлениям и процессам (например, коррупционность персонала пенитенциарной системы так или иначе связана со всеми из вышеуказанных факторов, являясь «фоновым» явлением применительно к основным задачам пенитенциарной системы, устойчивость пенитенциарной системы к финансово-экономическим кризисным изменениям, степень её сопряженности с правоохранительными интересами государства). Для оценки своей пенитенциарной системы допустимо использовать намного более обширный набор факторов, поскольку в этом случае показатели эффективности в основном обладают «целевым характером» и тесно связаны с достижением национальных приоритетов по противодействию преступности и поддержанию правопорядка. Однако если задача заключается в сопоставлении всего массива европейских пенитенциарных систем, то такие факторы должны обладать в определенном смысле упрощенным характером.

Индекс эффективности пенитенциарной системы представляет интегральную сумму отобранных показателей (факторов) и их изменений, взятых с соответствующим весом. При этом факторный анализ основывается на стандартизации данных и применении метода главных компонент.

Факторный анализ позволяет значительно повысить научную репрезентативность и познавательную глубину исследования европейских пенитенциарных

систем, предопределяет возможность типологизации европейских пенитенциарных систем по критерию их эффективности, и может быть положен в основу практической обоснованности реализации отдельных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

11. Построенные диаграммы рассеивания позволили с помощью линии тренда с линейными параметрами показать положительную либо отрицательную корреляцию попарно сравниваемых факторов.

К типу европейских пенитенциарных систем с максимальной эффективностью в рамках избранных факторов и с учетом выбора их описания относится скандинавский, затем южно-европейский и голландский типы пенитенциарных систем. Минимальной эффективностью среди представленных обладает славянский и затем прибалтийский типы европейских пенитенциарных систем.

Отдельные типы пенитенциарных систем имеют значительный размах крайних значений обобщенных показателей эффективности (например, южно-европейский тип). Некоторые типы пенитенциарных систем обладают мизерным размахом крайних значений обобщенных показателей эффективности (например, французский тип). Такой размах показывает – на сколько сильно различаются крайние значения показателей эффективности конкретного типа европейской пенитенциарной системы. Минимальный размах демонстрирует высокую степень качественной однородности соответствующего типа пенитенциарной системы; максимальный размах показывает более низкую степень такой однородности.

Высокий уровень эффективности типа пенитенциарной системы не наблюдается ни в одном из типов пенитенциарных систем. Средний – в скандинавском, южно-европейском, голландском, германском, англо-ирландском, иберийском, французском, восточно-европейском, низкий – в прибалтийском и славянском. Если данные по рассматриваемым уровням экстраполировать на пенитенциарные системы отдельных государств, то пенитенциарные системы Сан-Марино, Швеции, Норвегии и Нидерландов можно отнести в группу с высоким уровнем эффективности. В свою очередь пенитенциарные системы Румынии и Черногории можно отнести в группу с низким уровнем эффективности. Типы пенитенциарных

систем, как правило, обладают высокой степенью размаха крайних значений обобщенных показателей эффективности, то есть демонстрируют низкую степень однородности соответствующего типа пенитенциарной системы.

С позиций роли (степени вклада) каждого из четырех показателей (факторов) в формирование обобщенного показателя (фактора) эффективности по каждой стране выявлено, что достаточно высокий коэффициент осужденных, отбывающих лишение свободы, среди остальных показателей максимально сильно «тянет» наше государство к аутсайдерам по эффективности их пенитенциарной системы. В свою очередь относительно низкий коэффициент жалоб осужденных в Европейский суд по правам человека имеет значительное влияние на продвижение России к лидерам государств по степени эффективности их пенитенциарной системы.

12. Общая характеристика европейской пенитенциарной системы показывает предельную модель гуманитарного обращения с осужденными. Отдельные типы европейских пенитенциарных систем по сути выступают структурными моделями такого обращения. На этом основании европейская пенитенциарная система выступает абстрагированной конструкцией, отражающей своеобразие и логику формирования, трансформации и развития пенитенциарной практики в государствах, расположенных в пределах соответствующего географического пространства.

Тип пенитенциарной системы выступает сложной конструкцией, расположенной в таксономическом социальном континууме. Соответствующий тип является особым идеальным объектом, образуемым посредством абстрактного высвечивания одних характеристик пенитенциарной системы, обусловленных заданными критериями типологизации, и нивелирования других. Идеальность типа обеспечивает целесообразность использования многофакторных моделей и тем самым создает основу для широкого применения логико-математических методов и подходов (в частности, факторного анализа эффективности пенитенциарных систем).

Сопоставление российской пенитенциарной системы одновременно со всем массивом европейской неоправданно с методологических и практических позиций, поскольку последняя обладает значительным разнообразием и определенной рафинированностью, наличием соответствующих «очагов» своего проявления, охватывающих определенные группы государств с их типичными чертами пенитенциарной практики. В европейской пенитенциарной действительности отсутствуют универсальные свойства, присущие пенитенциарной системе исключительно каждого государства.

13. Влияние международных пенитенциарных стандартов и образцов зарубежного опыта обращения с осужденными на практику исполнения уголовных наказаний привело к реформированию славянского типа пенитенциарных систем и, в частности, отечественной уголовно-исполнительной системы. Данная реформа олицетворяет отход от так называемого «реабилитационного идеала» к концепции контроля, поскольку усиливает предупредительный потенциал уголовных наказаний и фактически связана с возрастанием полиструктурности и мультирежимности исправительных учреждений. Однако без направленного применения исправительного воздействия, основанного на комплексной реализации всех средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, создания программ индивидуального обращения с осужденными, пересмотра концептуальных основ режима, увеличения в нем удельного веса элементов безопасности результаты такой реформы не будут иметь скорого эффекта.

При этом идея всемерного соблюдения и дальнейшего закрепления прав, свобод и законных интересов осужденных стала выступать непосредственным содержанием деятельности соответствующих субъектов по исполнению уголовных наказаний, тогда как должна быть скрепляющим компонентом правовой оболочки указанной деятельности. Таким образом, произошла неоправданная с методологической точки зрения «подмена понятий» в ущерб собственно исправительной направленности уголовного наказания.

14. Оптимизация моделей обращения с осужденными должна не только отражать унифицированные международные стандарты и правила в области обращения с осужденными, но и посредством правовой интеграции использовать достижения в пенитенциарной сфере отдельных стран и типов пенитенциарных систем, а также «высвечивать» недостатки и, наоборот, показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний. Конкретным инструментарием здесь выступает метод сравнительного правоведения. В отражении результатов использования метода сравнительного правоведения будут понятны самобытные пути развития и отечественного уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительной системы в целом.

В целом сравнительно-правовое исследование в уголовно-исполнительном праве представляет собой самостоятельное научное направление, основывающееся на цивилизационных достижениях пенитенциарной практики, выходящее за рамки позитивно-правового содержания самой отрасли права. Поэтому подобный вид исследования способен обогатить науку уголовно-исполнительного права интеллектуальным содержанием, придать ей методологически заверченный вид и гуманитарную ценность. Сравнительно-правовое исследование европейских пенитенциарных систем должно проводиться в двух культурно-правовых континуумах – историческом и современном и на основе двух подходов – нормативном и функциональном, первый из которых опирается на сопоставление юридических текстов, сходных юридических понятий и категорий, второй – на изучение способа решения в зарубежном праве соответствующих проблем обращения с осужденными, имеющих значение для отечественной уголовно-исполнительной системы.

15. Пенитенциарное законодательство славянского пенитенциарного типа продолжает оставаться значительно формализованным и ущербным с точки зрения процедурных регуляторов, поэтому, регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, оно имеет слабые процессуально-исполнительные механизмы правового регулирования исправительного воздействия. Следовательно, например, такая

концептуальная идея как «неопределенность» приговоров, как в её «чистом», так и «смешанном» виде в настоящее время неприемлема для славянского типа пенитенциарной системы, поскольку для её реализации необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Вместе с тем обращение к другим типам европейских пенитенциарных систем представляет особый интерес в силу того обстоятельства, что именно в этот момент необходимы новые идеи, задающие дальнейший вектор развития пенитенциарных систем.

16. В контексте рассмотрения различных типов пенитенциарных систем, в каждом из которых наблюдаются свои особенности реализации международных стандартов обращения с осужденными, опосредуется настоятельная потребность модернизации общей парадигмы в отношении «потребности отечественной уголовно-исполнительной системы» – «международно-правовые стандарты и зарубежный пенитенциарный опыт». Это может быть решено только путем достижения необходимого уровня концептуализации принимаемых правовых решений, её стратегического обоснования в рамках уголовно-исполнительной политики России. Долговременный механизм реализации ключевых позиций уголовно-исполнительной политики Российской Федерации должен включать: 1) научную социально-экономическую экспертизу, а также по возможности её общественное обсуждение; 2) построение прогноза эффективности используемых правил (стандартов) или моделей; 3) проведение эксперимента по оценке основных результатов реализации международного или европейского опыта в уголовно-исполнительном законодательстве и степени отклонения данных результатов от прогнозируемых показателей.

17. Интеграция европейских пенитенциарных систем усилила центробежные силы по сближению «классической» и «социологической» школ уголовного права, а наметившийся в конце 70-х годов XX столетия отход европейской уголовно-правовой доктрины от «идеала реабилитации» к концепции «контроля» начинает оказывать действенное влияние на принципы отечественной модели

уголовно-правового принуждения. Задачи оптимального сочетания такого влияния с потребностями эффективного предупреждения преступности показывают наличие дисгармонии в законодательной регламентации и практике исполнения уголовных наказаний.

18. Эффективному учету европейского пенитенциарного опыта в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики предшествует его оценка, при осуществлении которой следует иметь в виду, что вследствие многоаспектности, содержательности и изменчивости социальных процессов, в том числе охватывающих исполнение уголовных наказаний, принятие большинства решений в сфере уголовно-исполнительной политики и законодательства сопровождается действием как внутренних – в первую очередь социально-экономических факторов, так и внешних – в основном геополитических и культурологических.

Научная оценка зарубежного пенитенциарного опыта обуславливает потребность познания сущности соответствующих социально-правовых явлений и процессов, что позволяет решить онтологическую, гносеологическую, эвристическую, прогностическую, методологическую, управленческую и практическую задачи такой оценки.

19. Понимая особенности принятия политических и правоприменительных решений в сфере формирования и реализации отечественной уголовно-исполнительной политики способствует решению вопроса о механизме реализации зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике и законодательстве России, который может включать следующие основные элементы: 1) основания учета зарубежного пенитенциарного опыта, отражающие формирование такого воздействия; 2) условия успешного использования опыта функционирования зарубежных пенитенциарных систем, что определяет такого воздействия; 3) формы и 4) пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта. При этом основания строятся на комплексном анализе с использованием методов классификации и типологизации европейских пенитенциарных систем, выявлении их эффективности посредством применения многофакторного подхода, который позволяет выявить системные связи в развитии конкретного типа пенитен-

циарной системы, решить вопрос о принципиальной возможности установления важнейших детерминант их становления, степени устойчивости и дальнейшей трансформации, определить существующие между ними взаимосвязи. В свою очередь научная проработанность выступает первоочередным условием использования зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике, практике и законодательстве. Иные условия необходимо воспринимать с поправкой на экономико-географический уровень жизни населения, региональные и климатические особенности размещения исправительных учреждений, природоресурсные возможности территорий. Их конъюнктура образует систему требований к успешному внедрению европейского пенитенциарного опыта. К формам должны предъявляться требования, связанные, в частности, с плановостью, последовательностью, репрезентативностью проведения соответствующих мероприятий. Именно формы учета должны обеспечивать верификацию принимаемых решений, выступая мерилем их обоснованности. Современные возможности государства и(или) общества по реализации зарубежного пенитенциарного опыта определяют пределы его внедрения в отечественную практику исполнения уголовных наказаний.

20. На основе исследования европейского опыта исполнения уголовных наказаний предлагается дополнить отечественную уголовно-исполнительную политику рядом принципов: 1) синхронизация действующего уголовно-исполнительного законодательства с правами, свободами и законными интересами осужденного путем их прямого или косвенного закрепления в уголовно-исполнительных нормах; 2) взаимный учет интересов личности, общества и государства; 3) целесообразность, исключая приоритет каких-либо политических целей и конъюнктурного правового конформизма в процессе использования европейского пенитенциарного опыта; 4) системность, предполагающая четко определенную временную последовательность издания и реализации как материальных, так и процедурных норм в сфере обращения с осужденным; 5) соотносимость юридической силы нормативных и подзаконных правовых норм; 6) согласованность, позволяющая избежать дублирования и противоречий между националь-

ным и международным правом с точки зрения социально-экономических возможностей реализации соответствующих стандартов. Сквозь призму этих принципов вызывает критику Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Не учитывается тенденция роста среди обращений осужденных в Европейский суд по правам человека жалоб, связанных с тем, что установленные режимные требования нарушают ряд конституционных прав этих лиц и положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Также требуется пересмотр отечественных концептуальных основ режима, который в настоящее время продолжает выражать, в первую очередь, карательные притязания государства к осужденному лицу. Через призму данных принципов представляется возможным учитывать критические замечания при разработке Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы (2021-2030 гг.).

21. В целях более успешного противодействия нарушениям прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обеспечения гармонизации отечественной уголовно-исполнительной системы с европейскими правозащитными моделями, расширения частноправовых начал в регулировании уголовно-исполнительных отношений и сближения с цивилизованными эталонами естественных прав человека представляется институционализировать пенитенциарный суд и Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Российской Федерации, что соответствует не только конституционной идее о приоритете прав человека и потребностям правоприменительного регулирования уголовно-исполнительных отношений, но и общим европейским пенитенциарным тенденциям.

Таким образом, сравнительно-правовое исследование европейских пенитенциарных систем имеет не только большое научно-гносеологическое значение, но и позволяет «высвечивать» практически значимые недостатки и, наоборот, показывать преимущества национальной системы исполнения уголовных наказаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**Нормативные акты и официальные документы***

1. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы): приняты Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию Организации Объединенных Наций 21 мая 2015 года. – URL: http://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_24/resolutions/L6_Rev1/ECN152015_L6Rev1_r_V1503587.pdf.

3. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 года // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 290-311.

4. Приложение к Рекомендации № R (87)3 (Европейские пенитенциарные правила) Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил: приняты Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 1987 года // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 209-263.

5. Конституция Российской Федерации.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации.

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

8. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года №1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

---

* Использованы документы по состоянию на 1 марта 2018 года. Тексты документов: СПС КонсультантПлюс.

9. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 11. – Ст. 1495.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 52. – Ст. 6453.

13. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10 июня 2010 года № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2789.

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

15. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

16. Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025)»: утв. распоряжением Правительства Рос-

сийской Федерации от 23 декабря 2016 года № 2808-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 2 (ч. II). – Ст. 413.

17. Положение об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний: утв. приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2005 года № 259 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 10.

18. Модельный Уголовно-исполнительный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 2 ноября 1996 года № 8-7 // Информационный бюллетень. – 1997. – № 12 (приложение). – СПб. – 109 с.

19. Модельный Уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: принят постановлением на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 года № 7-5 // Информационный бюллетень. – 1996. – № 10 (приложение). – СПб. – 365 с.

20. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 7. – С. 2-6.

21. Об утверждении Положения о порядке формирования и деятельности самодеятельных организаций осужденных в исправительном учреждении Федеральной службы исполнения наказаний: приказ Минюста России от 8 июня 2005 года № 79 (утратил силу) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 26.

Литература на русском языке

22. Айвазян, С.А. Прикладная статистика: классификация и снижение размерности: справочное издание / С.А. Айвазян, В.М. Бухштабер, И.С. Еников, Л.Д. Мешалкин / под ред. С.А. Айвазяна. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 607 с.

23. Алексеев, В.И. Тюремный режим в механизме правового регулирования (1879-1917 гг.) / В.И. Алексеев // Российский следователь. – 2011. – № 11. – С. 36-39.

24. Ананьин, Л.Л. Тюрьмы и заключенные. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом, 1999-1 / Л.Л. Ананьин. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 76 с.

25. Анденес, И. Наказание и предупреждение преступлений / И. Анденес / пер. с англ. В.М. Когана / под ред. Б.С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1979. – 264 с.

26. Андреященко, Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI-XX вв.: историко-юридическое исследование: дис... к.ю.н. / Р.А. Андреященко. – Екатеринбург, 2006. – 180 с.

27. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс / пер. со швед. – М.: Наука, 1996. – 395 с.

28. Ансель, М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / М. Ансель / пер. с франц. Н.С. Лапшиной / под ред. А.А. Пионтковского. – М.: Прогресс, 1970. – 312 с.

29. Антонян, Е.А. Повышение экономической эффективности привлечения осужденных к труду в условиях исправительного учреждения / Е.А. Антонян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2015. – № 2. – С. 80-86.

30. Антонян, Ю.М. К чему приговаривает суд, когда приговаривает к лишению свободы / Ю.М. Антонян // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2005. – № 4. – С. 4-7.

31. Анттила, И. Контроль без репрессивности? / И. Анттила // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. – Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. – С. 97-111.

32. Арановский, К.В. В преддверии сравнительного правоведения / К.В. Арановский // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 58–63.

33. Артемьев, Н.С. Критерии эффективности работы сотрудников уголовно-исполнительной системы по профилактике пенитенциарной преступности / Н.С. Артемьев // Уголовно-исполнительное право. – 2010. – № 1. – С. 40-45.
34. Арчер, П. Английская судебная система / П. Арчер / пер. с англ. Л.А. Ветвинского / под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 268 с.
35. Астемиров, З.А. Исправительные учреждения в зарубежных странах: учебное пособие / З.А. Астемиров. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1972. – 96 с.
36. Бабаян, С.Л. Проблемы совершенствования поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / С.Л. Бабаян // Российский судья. – 2012. – № 9. – С. 9-11.
37. Бавсун, М.В. Целесообразность в уголовном праве: монография / М.В. Бавсун. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – 172 с.
38. Багреева, Е.В. Историко-сравнительный анализ психологической практики в пенитенциарных учреждениях скандинавских стран: автореф... к.ю.н. / Е.В. Багреева. – Рязань: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2006. – 24 с.
39. Багреева, Е.Г. Об организации пенитенциарных систем в международной практике / Е.Г. Багреева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 5. – С. 21-24.
40. Багреева, Е.Г. О специфике деятельности тюремной системы Норвегии / Е.В. Багреева // Российский следователь. – 2012. – № 11. – С. 42-44.
41. Бажанов, О.И. Прогрессивная система исполнения наказания / О.И. Бажанов. – Мн.: Наука и техника, 1981. – 168 с.
42. Байдаков, Г.П. Система основных принципов процесса исправления и перевоспитания осужденных: учебное пособие / Г.П. Байдаков. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – 72 с.

43. Байльдинов, Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества / Е.Т. Байльдинов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 65–68.

44. Балугев, Е.Н. «Пенитенциарная система»: плюрализм подходов к обозначению социально-юридического феномена и средств охраны и защиты законности и правопорядка / Е.Н. Балугев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 111-114.

45. Баранов, Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю.В. Баранов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 275 с.

46. Бахвалов, Н.С., Численные методы / Н.С. Бахвалов, Н.П. Жидков, Г.М. Кобельков. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2004. – 636 с.

47. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария / сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.

48. Белик, В.Н. К вопросу об эффективности общественного контроля в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы / В.Н. Белик // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 5. – С. 95-97.

49. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 415 с.

50. Берви, В.В. Очерк судебного управления в Англии / В.В. Берви // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – № 9 (сентябрь). – С. 63–120.

51. Берекашвили, Л.Ш. Применение статистических методов анализа при оценке оперативной обстановки и результатов деятельности органов внутренних дел / Л.Ш. Берекашвили // Труды Всероссийского научно-исследовательского института МВД СССР. – 1975. – № 35. – С. 3-16.

52. Берман, Г. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Берман / пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 592 с.

53. Беспрозванный, Д.Б. Типы детерминации правовых предписаний / Д.Б. Беспрозванный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2011. – № 2. – С. 141-143.

54. Бехруз, Х.Н. Сравнительное правоведение как самостоятельная юридическая наука и учебная дисциплина / Х.Н. Бехруз // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2007. – № 2. – С. 35-42.

55. Бибик, О.Н. Концепция развития уголовного законодательства РФ как основа для формирования новой модели государственного управления в сфере противодействия преступности / О.Н. Бибик // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). – М.: Проспект, 2012. – С. 14-18.

56. Боботов, С.В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития / С.В. Боботов / отв. ред. А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

57. Бобылев, А.И. Актуальные теоретические проблемы правовой системы общества / А.И. Бобылев, Р.Г. Миннихметов // Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 108-113.

58. Богатова, О.В. Реформирование уголовно-исполнительной системы: реализация международных стандартов обращения с заключенными / О.В. Богатова, М.Л. Гачава // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 1 (38). – С. 15-18.

59. Богдановская, И.Ю. Закон в английском праве / И.Ю. Богдановская / отв. ред. Н.С. Крылова. – М.: Наука, 1987. – 144 с.

60. Богородский, С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века / С.О. Богородский. Т. I. – Киев: Университетская Типография, 1862. – 656 с.

61. Боер, В.М. Юридическая ответственность и правовая информированность (Особенности пенитенциарной системы) / В.М. Боер, Л.Б. Смирнов. – Санкт-Петербург: СПбГУАП, 1997. – 176 с.

62. Боровский, М. История развития пенитенциарной системы в Польше / М. Боровский // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Т. II. – С. 40-43.
63. Булатов, С.Я. Лишение свободы в буржуазной уголовной политике / С.Я. Булатов // Тюрма капиталистических стран: сборник статей / под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1937. – С. 3-44.
64. Бурдо, Е.П. Наказание по общему праву Англии, Уэльса и США (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис... к.ю.н. / Е.П. Бурдо. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – 24 с.
65. Бурцев, А.Н. Пенитенциарная система Германии в XVI - нач. XXI вв. (историко-юридическое исследование): дис... к.ю.н. / А.Н. Бурцев. – Екатеринбург: УГЮА, 2007. – 223 с.
66. Бурый, В.Е. Государственная служба пробации – комплексный подход в организации социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / В.Е. Бурый // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2012. – № 5. – С. 80-87.
67. Быков, А.В. Особенности пенитенциарных систем США, ФРГ, Франции, Великобритании / А.В. Быков // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара, 2014. – С. 30-34.
68. Быков, А.В. Значение зарубежного опыта для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России / А.В. Быков // Актуальные вопросы образования и науки. – 2015. – № 3-4. – С. 28-34.
69. Ван Хук, М. Методология сравнительно-правовых исследований / М. Ван Хук // Правоведение. – 2013. – № 3. – С. 121-147.
70. Васильев, А.И. О критериях оценки степени исправления и перевоспитания / А.И. Васильев // Исправительно-трудовые учреждения. – 1980. – № 13. – С. 24-26.

71. Ведерникова, О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) / О.Н. Ведерникова // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 32-40.

72. Ведерникова, О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: скандинавская уголовно-правовая и криминологическая модель / О.Н. Ведерникова // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 53-61.

73. Ведерникова, О.Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика / О.Н. Ведерникова // Государство и право. – 2004. – № 1. – С. 68-76.

74. Ведерникова, О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании / О.Н. Ведерникова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – 344 с.

75. Виноградов, В.В. Исполнение наказаний и социальная работа в исправительных учреждениях Швейцарии / В.В. Виноградов // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 1. – С. 275-279.

76. Виноградов, П.Г. История правоведения. Курс для историков и юристов. Лекции, читанные в Императорском Московском Университете в осеннем семестре 1908/9 года / П.Г. Виноградов / издание А.Ф. Изюмоа и Н.П. Невзорова. – М.: Типо-Литография Ю. Венер, преемн. О.Фальк, Петровка, Рахмановский пер., д. Грачева, 1908. – 224 с.

77. Витина, М.Д. Система исполнения наказания в Западной Европе / М.Д. Витина // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 2. – С. 183-186.

78. Водолазский, Б.Ф. Психологические особенности личности осужденного / Б.Ф. Водолазский. – Омск: Высшая школа МВД СССР, 1982. – 32 с.

79. Водополов, А.И. Критерии эффективности принимаемых управленческих решений в уголовно-исполнительной системе / А.И. Водопалов // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4. – С. 91-96.

80. Волон, В.Т. Институт пробации как механизм социально-правового воздействия на личность с противоправным поведением / В.Т. Волон,

Я.С. Тейван-Трейновский // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 3. – С. 127-134.

81. Вороненков, Д.Н. Правовые реформы и развитие национальной пенитенциарной системы / Д.Н. Вороненков, Н.И. Полищук // Современное право. – 2013. – № 5. – С. 89-94.

82. Воронин, Ю.А. О некоторых возможностях гармонизации уголовно-правовой политики России и стран Европейского Союза относительно регламентации уголовно-правовых последствий совершения преступлений / Ю.А. Воронин, С.И. Вейберт // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 145-155.

83. Ворошук, В.Б. Система организации функционирования пенитенциарных учреждений полуоткрытого и открытого типа за рубежом / В.Б. Ворошук, В.Н. Летунов // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 3. – С. 172-178.

84. Гаврилов, В.К. вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания / В.К. Гаврилов // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. – С. 33–44.

85. Галкин, М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса / М.Н. Галкин. – Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – 174 с.

86. Гельфанд, И.М. Лекции по линейной алгебре / И.М. Гельфанд. – 5-е изд. – М.: Добросвет, МЦНМО, 1998. – 319 с.

87. Граднауэр, Г. Характеристика карательной системы / Г. Граднауэр // Уголовное право и социализм: сборник статей / перевод под ред. и с предисл. М.Н. Гернета. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – С. 130-180.

88. Гишинский, Я.И. Наказание в системе социального контроля над преступностью / Я.И. Гишинский, А.В. Рабош // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 170-175.

89. Гилязова, О.Г. К вопросу об альтернативных видах исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом / О.Г. Гилязова // Уголовно-исполнительное право. – 2011. – № 1. – С. 11-14.

90. Гиляров, Е.М. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917-1925 гг.): учебное пособие / Е.М. Гиляров, А.В. Михайличенко. – Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990. – 83 с.

91. Глебова, Н.А. Внедрение передового зарубежного опыта и реализация международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России с учетом задач её развития до 2020 г. / Н.А. Глебова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 13. – С. 25-31.

92. Глебова, Н.А. Правоприменительная практика реализации пенитенциарного законодательства Российской Федерации / Н.А. Глебова // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 1(68). – С. 146-149.

93. Гогель, С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований / С.К. Гогель. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. – 646 с.

94. Голик, Ю.В. Реформа после «реформы» / Ю.В. Голик // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 78-85.

95. Голик, Ю.В. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев // Lex Russica. – 2014. – Т. ХСVII. – № 12. – С. 1399-1410.

96. Головкин, Р.Б. Правовые и организационные основы функционирования работных домов в европейских странах и России в XVI-XVIII вв. / Р.Б. Головкин, Н.И. Нарышкина // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3. – С. 143-147.

97. Головкин, Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? / Л.В. Головкин // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 3. – С. 1, 10.

98. Головкин, Л.В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика / Л.В. Головкин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление / Л.В. Головкин. – 2011. – № 5. – С. 29-32.

99. Головкин, Л.В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений / Л.В. Головкин // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 6-34.

100. Голодов, П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты / П.В. Голодов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 14. – С. 81-88.

101. Гольденвейзер, А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения») / А.С. Гольденвейзер / издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельности автора. – Киев: Тип. Р.К. Лубковского, Б.-Владимирская ул., №46, 1911. – 76 с.

102. Горбач, Д.В. Сравнительно-правовой анализ институтов пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него в некоторых зарубежных странах / Д.В. Горбач, Н.Н. Кутаков // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1 (38). – С. 155-159.

103. Горобцов, В.И. Парадоксы отечественной реформы уголовно-исполнительной системы / В.И. Горобцов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 7 / отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – С. 109-119.

104. Горобцов, В.И. Предмет уголовно-исполнительного права: эволюция, современное состояние, перспективы развития: учебное пособие / В.И. Горобцов. – Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1998. – 28 с.

105. Горобцов, В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики: автореф. дис... д.ю.н. / В.И. Горобцов. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1995. – 32 с.

106. Городнянская, В.В. Постпенитенциарный рецидив: монография / В.В. Городнянская / под науч. ред. В.А. Уткина. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 168 с.

107. Гришко, А.Я. Об имплементации законодательства России и зарубежных стран о наказаниях в виде лишения свободы / А.Я. Гришко // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 1 (92). – С. 29-34.

108. Гришко, А.Я. Уголовные наказания в Федеративной Республике Германия: учебное пособие / А.Я. Гришко. – 2-е изд. испр. и доп. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – 35 с.

109. Гришко, А.Я. Развитие уголовно-исполнительной системы: правовое и организационное обеспечение / А.Я. Гришко // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 1. – С.47-50.

110. Громов, В.Г. Некоторые проблемы «советской» системы мест лишения свободы в России / В.Г. Громов, С.О. Данилова // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2011. – № 1. – С. 92-102.

111. Грушин, Ф.В. Влияние правоприменительной практики международных организаций на формирование уголовно-исполнительной политики и законодательства / Ф.В. Грушин // Юридическая мысль. – 2016. – № 2. – С. 115-119.

112. Грушин, Ф.В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации: монография / Ф.В. Грушин / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 208 с.

113. Грушин, Ф.В. Механизм влияния системы факторов на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство / Ф.В. Грушин // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 5. – С. 54-59.

114. Грушин, Ф.В. Правовые факторы формирования уголовно-исполнительной политики и законодательства / Ф.В. Грушин // Правовая культура. – 2017. – № 2. – С. 50-58.

115. Грушин, Ф.В. Система экономических факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства: монография / Ф.В. Грушин / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015. – 186 с.

116. Грушин, Ф.В. Факторы формирования и современные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации / Ф.В. Грушин // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2016. – № 3. – С. 50-58.

117. Гулина, О.Р. Пенитенциарная система Федеративной Республики Германия в современных условиях / О.Р. Гулина // Российский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 136-142.

118. Гусева, С.И. Пенитенциарная система Финляндии / С.И. Гусева // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 1. – С. 181-185.

119. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 2003. – 400 с.

120. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1997. – С. 15-28.

121. Демидова, О.В. Определение целей и принципов уголовно-исполнительной политики с учетом международных стандартов / О.В. Демидова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 5. – С. 25-28.

122. Демичев, А.А. Европейские пенитенциарные правила и их роль в уголовно-исполнительной политике Российской Федерации / А.А. Демичев // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2016. – № 2 (8). – С. 25-29.

123. Демченко, Т.И. Этнический, территориальный и темпоральный аспекты образования славяно-русского народа / Т.И. Демченко // Lex Russica. – 2016. – № 2. – С. 122-146.

124. Денис, Я. Кодификация английского уголовного права / Я. Денис // СССР-Англия: юстиция и сравнительное правоведение: материалы советско-английского симпозиума. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1986. – С. 6-18.

125. Джабадари, И.С. Смертная казнь в связи с правом наказания / И.С. Джабадари. – С.-Петербург: Типография Дома Призрения Малолетних Бедных. Лиг. ул., д. 26, 1896. – 190 с.
126. Дзыбова, С.Г. Теоретические исследования понятия правовой системы / С.Г. Дзыбова // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 54-56.
127. Дикаева, М.С. К вопросам о целях наказания и средствах их достижения / М.С. Дикаева // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 61-66.
128. Дорофеев, Н.К. Историческая эволюция использования труда осужденных в пенитенциарных учреждениях царской России / Н.К. Дорофеев, И.Н. Дорофеев // Историко-экономические исследования. – 2009. – Т. 10. – № 1. – С. 5-13.
129. Дорошенко, И.С. Опыт работы сотрудников в пенитенциарной системе Швейцарской Конфедерации / И.С. Дорошенко // Психология и право. – 2014. – № 1. – С. 50-58.
130. Дриль, Д.А. Исправительное заведение (Reformatory) в Конкорде (шт. Массачузетс) / Д.А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 4 (апрель). – С. 249-258.
131. Дриль, Д.А. О применении основных начал принудительного воспитания к взрослым осужденным / Д.А. Дриль // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – № 7 (сентябрь). – С. 102–136.
132. Егоров, А.В. К истории понятия сравнительного правоведения / А.В. Егоров // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 91–96.
133. Елизаров, А.Б. Исполнение отдельных видов наказаний в Великобритании и Финляндии / А.Б. Елизаров, А.В. Князев // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 4. – С. 175-180.
134. Епифанов, О.С. Понятие и некоторые проблемы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников СНГ / О.С. Епифанов // Уголовно-исполнительное право. – 2007. – № 4. – С. 17-19.

135. Есаков, Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис... д.ю.н. / Г.А. Есаков. – М.: Московская государственная юридическая академия, 2007. – 46 с.

136. Ефимов, М.А. Рецидивная преступность и её предупреждение / М.А. Ефимов, В.А. Шкурко – Минск: Вышэйшая школа, 1977. – 192 с.

137. Ёркина, Т.Н. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: цель. Основные направления развития, современное состояние / Т.Н. Ёркина // Современное общество и власть. – 2016. – № 4 (10). – С. 132-135.

138. Жижиленко, А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств / А.А. Жижиленко. – Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16-18, 1914. – 676 с.

139. Забейворота, А.И. Содружество независимых государств в системе межгосударственных и конституционно-правовых отношений: автореф. дис... д.ю.н. / А.И. Забейворота. – М.: Российский государственный торгово-экономический университет, 2012. – 49 с.

140. Закон Королевства Норвегии «Об исполнении уголовных наказаний»: Закон от 20 января 2004 г. / пер. с англ. Ю.М. Мазуриной. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – 40 с.

141. Закревский, И.П. Пятый Международный пенитенциарный конгресс / И.П. Закревский // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – № 10 (октябрь). – С. 121-149.

142. Захаров, А.А. Теоретико-правовые основы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России: автореф. дис... к.ю.н. / А.А. Захаров. – М.: Юридический институт МВД России, 2002. – 24 с.

143. Зубарев, С.М. Правовое обеспечение реформы уголовно-исполнительной системы: автореф...к.ю.н. / С.М. Забарев. – М.: Академия управления МВД России, 1999. – 24 с.

144. Зубков, А.И. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный

период / А.И. Зубков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2007. – № 1. – С. 4-10.

145. Зубкова, В.И. Исправление осужденных: реалии и ожидание перемен / В.И. Зубова // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 119-125.

146. Зубкова, В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 304 с.

147. Зульфугарзаде, Т.Э. Пенальное наказание: монография / Т.Э. Зульфугарзаде. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 81 с.

148. Иванов, А.А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX веков и формирование личностного подхода в наказании / А.А. Иванов // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 125-133.

149. Иванова, О.А. Об опыте реформирования пенитенциарной системы Латвии / О.А. Иванова // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2014. – № 1. – С. 60-63.

150. Иванова, О.А. Опыт реформ пенитенциарной системы Эстонии / О.А. Иванова // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2014. – № 2. – С. 29-32.

151. Иванова, Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г.М. Иванова. – М.: Наука; Ин-т рос. истории РАН, 2006. – 438 с.

152. Иванюк, О.А. Прецедент: поиск законодательного определения / О.А. Иванюк // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород:

Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 473–480.

153. Игумнова, О.В. Современные тенденции в развитии пенитенциарных систем англоамериканских стран (по материалам американских, британских, канадских, австралийских и ирландских СМИ) / О.В. Игумнова // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 3 (20). – С. 38-46.

154. Йоханссон, Б.Л. Общие сведения о системе исполнения наказаний в Швеции / Б.Л. Йоханссон // Пути взаимодействия пенитенциарных учреждений и некоммерческих организаций в области образования: материалы международной конференции, Санкт-Петербург, п. Репино, 7–10 октября 2004 г. / сост. И.М. Княжева. – СПб.: РОО «Центр женских инициатив», 2004. – С. 29-32.

155. Исмаилов, В.Д. Систематизация института исправления осужденных к лишению свободы / В.Д. Исмаилов // Современное право. – 2013. – № 1. – С. 99-101.

156. История права: Англия и Россия / рук. авт. кол. В. Нерсесянц, У. Батлер. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.

157. Ишигеев, В.С. Наказание и предупреждение преступлений в местах лишения свободы: монография / В.С. Ишигеев, И.В. Кернаджук. – Хабаровск: Дальневосточный институт менеджмента, бизнеса и права, 2003. – 130 с.

158. Кадырова, Н.Н. Система уголовных наказаний в зарубежных государствах / Н.Н. Кадырова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 17. – С. 151-154.

159. Казак, И.Б. Система факторов, оказывающих влияние на эффективность деятельности по обеспечению правопорядка в пенитенциарных учреждениях / И.Б. Казак // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2. – С. 58-64.

160. Казачанская, Е.А. Уголовный кодекс Бельгии 1867 г. и французское уголовное законодательство (основные виды наказаний) / Е.А. Казачанская // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 13 (19). – С. 79-81.

161. Калинин, Ю.И. Пенитенциарная система России: прошлое, настоящее, будущее: лекция / Ю.И. Калинин. – Лондон: Кингс Колледж Лондонского университета, 2002. – 32 с.
162. Кананыкина, Е.С. Правовая система Соединенных Штатов Америки / Е.С. Кананыкина // Международное публичное и частное право. – 2009. – №1 (46). – С. 40–48.
163. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье / пер. с фр. и вступит. статья В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1986. – 352 с.
164. Карнозова, Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа / Л.М. Карнозова. – М.: Р. Валент, 2010. – 480 с.
165. Карцов, А.С. Проблема рецепции в контексте консервативного право-понимания / А.С. Карцов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2008. – Первый выпуск (№ 12). – С. 63-69.
166. Кашуба, Ю.А. Частные исправительные учреждения: миф или направление развития? / Ю.А. Кашуба, А.П. Скиба // Челюки: преступление и наказание. – 2008. – № 4. С. 63-68.
167. Квашиш, В.Е. Преступность в России и зарубежных странах: методологические аспекты сравнительного анализа / В.Е. Квашиш, Н.В. Генрих // Пролог: журнал о праве. – 2013. – № 4. – С. 23-31.
168. Кибальник, А. К чему приведёт «гуманизация» уголовного законодательства? / А. Кибальник // Законность. – 2011. – № 9. – С. 22-25.
169. Кибальник, А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: дис... д.ю.н. / А.Г. Кибальник. – М., 2003. – 427 с.
170. Кийко, Н.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: состояние и перспективы / Н.В. Кийко // Международный пенитенциарный журнал. – 2015. – № 2. – С. 63-65.
171. Кириллов, М.А. Трансформация системы наказаний Нидерландов во второй половине XVI – первой половине XVII века / М.А. Кириллов, Н.И. Нарышкина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4. – С. 81-84.

172. Клейменов, И.М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование): автореф. дис. ... к.ю.н. / И.М. Клейменов. – Омск: Академия МВД России, 2002. – 24 с.

173. Клейменов, И.М. Методология сравнительно-правового исследования / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2011. – № 1. – С. 111-118.

174. Клейменов, М.П. Влияние лидеров криминальной среды на криминологическую ситуацию в местах лишения свободы / М.П. Клейменов // Права осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и международные стандарты исполнения наказания: материалы научно-практического семинара / отв. за вып. А.А. Урусов. – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – С. 5-16.

175. Клейменов, М.П. Криминологическая обстановка в местах лишения свободы / М.П. Клейменов // Постпенитенциарный контроль и проблемы предупреждения рецидивной преступности: мат-лы межвуз. научн.-практ. конф. / отв. за вып. А.А. Урусов. – Омск: Омская академия МВД России, 2008. – С. 3-14.

176. Клейменов, М.П. Понятие уголовно-правовой политики / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 4. – С. 27-29.

177. Ключкова, Ю.А. Конвергенционные правовые системы как результат современной глобализации / Ю.А. Ключкова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 4. – С. 6-10.

178. Козаченко, И.Я. Проблемы соотношения предмета национального и международного уголовного права / И.Я. Козаченко // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина. – СПб.: Издательский Дом СПб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПб. гос. ун-та, 2005. – С. 169–178.

179. Козаченко, И.Я. Проблемы сравнительного правоведения в сфере уголовного права России и Финляндии / И.Я. Козаченко, Я. Койстинен // Российский юридический журнал. – 2010. – № 1. – С. 19-32.

180. Козочкин, И.Д. Современное состояние и проблемы уголовного права США: автореф. дис...д.ю.н. / И.Д. Козочкин. – М.: Российский университет дружбы народов, 2009. – 46 с.

181. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / под науч. ред. Н.В. Щедрина. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – 324 с.

182. Копотун, И.Н. Пенитенциарная система Украины: современное состояние и перспективы развития / И.Н. Копотун // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22-23 нояб. 2012 г.): в 4 т. Т. 1: доклады пленарного заседания. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 65-68.

183. Кораблин, К.К. Пенитенциарные системы зарубежных стран: история и современность: учебное пособие / К.К. Кораблин, С.А. Тимошенко. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2002. – 60 с.

184. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» / А.И. Коробеев // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Международной научно-практической конференции / под редакцией А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Университет МВД России, 2014. – С. 71-81.

185. Коробеев, А.И. Уголовная политика современной России: состояние перспективы / А.И. Коробеев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 247-250.

186. Коровин, А.А. Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций с учетом европейских стандартов и зарубежного опыта исполнения наказаний: автореф. дис... к.ю.н. / А.А. Коровин. – М.: НИИ Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. – 24 с.

187. Коски, М. Организация тюрем в Финляндии / М. Коски, О.В. Дружининская // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 3 (31). – С. 90-96.

188. Кривонос, П.С. Туберкулез в пенитенциарных учреждениях Республики Беларусь / П.С. Кривонос, А.Ф. Гриневич, И.В. Рагулина // Медицинский альянс. – 2015. – № 1. – С. 179-180.
189. Кристи, Н. Пределы наказания / Н. Кристи / пер. с англ. В.М. Когана / под ред. А.М. Яковлева / вступит. ст. А.М. Яковлева, В.М. Когана. – М.: Прогресс, 1985. – 176 с.
190. Кристи, Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / Н. Кристи / под общ. ред. Я.И. Гилинского / пер. с англ. В.М. Когана, Л.И. Альперн (пер. пред. и гл. 12) / под ред. А.М. Яковлева; вступ. ст. А.М. Яковлева и В.М. Когана, пред. Ховада Зера. – СПб.: Алетейя, 2011. – 164 с.
191. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс / пер. с англ. Т.В. Апаровой / под общ. ред. Ф.М. Решетникова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 240 с.
192. Крылов, Б.С. Государственный строй Великобритании / Б.С. Крылов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 82 с.
193. Крымов, А.А. Правовое регулирование организации труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Германии / А.А. Крымов, А.В. Родионов, А.П. Скиба // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1. – С. 41-46.
194. Кубанцев, С.П. Применение probation и досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в США / С.П. Кубанцев // Журнал российского права. – 2006. – №1. – С. 121–132.
195. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрист, 2003. – 352 с.
196. Кури, Х. Эффективность наказания: результаты международных исследований / Х. Кури, О.Ю. Ильченко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2 (26). – С. 240-256.
197. Ландо, А.С. Институт Уполномоченного по правам человека в России и Европ / А.С. Ландо // Российская и европейская правозащитные системы: соот-

ношение и проблемы гармонизации: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 561-568.

198. Лаппи-Сеппала, Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии / Т. Лаппи-Сеппала // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. – Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. – С. 13-48.

199. Лапунин, М.М. Исправление преступника как один из критериев эффективности наказания / М.М. Лапунин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 210-222.

200. Леленталь, С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в европейских социалистических государствах / С. Леленталь, П. Вежбицкий / пер. с польского / автор предисловия и отв. ред. Н.А. Стручков. – М.: Юрид. лит., 1978. – 160 с.

201. Ливанцев, К.Е. История буржуазного государства и права: учебное пособие / К.Е. Ливанцев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 288 с.

202. Липпс, Г.Ф. Основы психофизики / Г.Ф. Липпс / пер. с нем. – Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2012. – 112 с.

203. Лоуэлль, А.Л. Государственный строй Англии / А.Л. Лоуэлль. – В 2-х томах. – Том I / пер с англ. М. Языковой / под ред. и с предисл. О. Кокошкина. – М.: Издание М. и С. Сашабашниковых, 1915. – 514 с.

204. Лукьянова, Е.Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации / Е.Г. Лукьянова // Государство и право. – 2004. – №7. – С. 84–89.

205. Лунеев, В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2004. – № 1. – С. 5-18.

206. Лыков, А.Ю. Мировое государство как будущее международного сообщества: монография / А.Ю. Лыков. – М.: Проспект, 2013. – 248 с.

207. Люблинский, П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке / П.И. Люблинский // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – № 2. – С. 1-36.

208. Люблинский, П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке / П.И. Люблинский // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – № 3. – С. 1-54.

209. Макаренко, Н.И. Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики (уголовно-исполнительный аспект): автореф. дис... к.ю.н. / Н.И. Макаренко. – Челябинск: Государственный университет, 2006. – 28 с.

210. Максимова, М.В. Проблемы использования зарубежного опыта по нейтрализации последствий криминального экстремизма органами внутренних дел: автореф. дис. ... к.ю.н. / М.В. Максимова. – М.: Академия управления МВД России, 2003. – 26 с.

211. Малинин, В.Б. Поиск оптимальной модели уголовно-исполнительной системы / В.Б. Малинин // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая-1 июня 2012 года). – М.: Проспект, 2012. – С. 488-492.

212. Малинин, Ф. VIII Международный пенитенциарный конгресс в Будапеште в 1905 году / Ф. Малинин // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 9. – С. 214-219 (хроника).

213. Малиновский, А. Система международного уголовного права / А. Малиновский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 1. – С. 111-116.

214. Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А.А. Малиновский. – М.: Международные отношения, 2002. – 376 с.

215. Малкин, Д.А. Психиатрические ресурсы и принципы лечения заключенных с психическими расстройствами в зарубежных странах / Д.А. Малкин // Психическое здоровье. – 2010. – Т. 8. – № 5 (48). – С. 58-68.

216. Малько, А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования / А.В. Малько, А.В. Трофимов // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 5-13.

217. Мальцев, В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве: монография / В.В. Мальцев. – Волгоград: Академия МВД России, 2003. – 212 с.

218. Марцев, А.И., Общее предупреждение преступлений: (Проблемы и перспективы): монография / А.И. Марцев, С.В. Максимов, В.И. Морозов, А.А. Нечепуренко. – Омск: Высшая школа милиции МВД РФ. 1993. – 206 с.

219. Марченко, М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2001. – 560 с.

220. Маршавелски, А. Реформа Общей части и системы санкций в Новом Уголовном законе Хорватии / А. Маршавелски // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т. 1. – С. 268-273.

221. Маслихин, А.В. Лишение свободы: виды, содержание, исполнение / А.В. Маслихин // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение: материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. – Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. – С. 3-15.

222. Международное право и национальное законодательство. – М.: Инст-т законодательства и сравнит. Правоведения при Правительстве Российской Федерации, Эксимо, 2009. – 704 с.

223. Мелентьев, М.П. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки: лекция / М.П. Мелентьев. – Рязань: РИПЭ Минюста РФ, 2000. – 49 с.

224. Мешко, Г. Очерки истории пенологии и уголовно-правовых исследований в Словении / Г. Мешко, Р. Хацин // Международный пенитенциарный журнал. – 2015. – № 3. – С. 42-45.

225. Милинчук, В.В. Проблемы и перспективы совершенствования механизмов имплементации международных инструментов в области предупреждения преступности и борьбы с ней / В.В. Милинчук // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 40–52.

226. Милюков, С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография / С.Ф. Милюков. – СПб: СПБИНВЭСЭП, 2000. – 279 с.

227. Миттермайер, К.Ю. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке / К.Ю. Миттермайер / издание Унковского. – М.: Типография Грачева и комп., 1864. – 446 с.

228. Михлин, А.С. Гуманизация уголовно-исполнительного законодательства в свете Конституции Российской Федерации / А.С. Михлин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2005. – № 5. – С. 2-8.

229. Михлин, А.С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания: автореф. дис... д.ю.н. / А.С. Михлин. – М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. – 31 с.

230. Михлин, А.С. Принцип гуманизма и его реальное воплощение в будущем уголовно-исполнительном законодательстве / А.С. Михлин // Правовые и организационные основы исполнения уголовных наказаний: труды Академии / отв. ред. А.Е. Наташев. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1991. – С. 61-74.

231. Мясина, Ю.П. Особенности исполнения уголовного наказания в зарубежных странах / Ю.П. Мясина, Д.Б. Казанцева // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 45. – С. 182-188.

232. Нарышкина, Н.И. К вопросу о трактовке термина «тюрьма» и о видах тюрем, существовавших в России в XI-XIX веках / Н.И. Нарышкина // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2(77). – С. 56-59.

233. Наумов, А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. / А.В. Наумов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 50-58.

234. Некишев, В.Л. Концепция национальной безопасности: уголовно-исполнительный аспект / В.Л. Некишев, В.М. Морозов // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 1. – С. 59-62.

235. Неукротимая, Т.И. Зарубежный опыт участия общественности в процессе исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы / Т.И. Неукротимая // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4. – С. 210-212.

236. Нефедов, Б.И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований: автореф. дис... д.ю.н. / Б.И. Нефедов. – М., 2011. – 64 с.

237. Нечепуренко, А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... д.ю.н. / А.А. Нечепуренко. – Омск: Академия МВД России, 2009. – 44 с.

238. Нигматуллин, Р.В. К вопросу становления международного сотрудничества государств по борьбе с преступностью / Р.В. Нигматуллин // История государства и права. – 2005. – №8. – С. 14–19.

239. Николюк, В.А. Уголовное наказание. Поиск истины / В.А. Николюк. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2000. – 88 с.

240. Новиков, Е.Е. Проблемы становления и развития регулирования размещения осужденных в местах лишения свободы в период формирования и реформирования пенитенциарной системы царской России / Е.Е. Новиков // Уголовно-исполнительное право. – 2010. – № 1. – С. 31-34.

241. Ной, И.С. О пределах кары в лишении свободы / И.С. Ной // Проблемы развития советского исправительного законодательства. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1961. – С. 49-71.

242. Ной, И.С. Теоретические вопросы лишения свободы / И.С. Ной. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1965. – 168 с.

243. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. – М.: Юриспруденция, 2017. – 328 с.

244. Овсепян, Л.Г. Охрана безопасности флоры и фауны по уголовному законодательству Республики Армения и России / Л.Г. Овсепян / отв. ред. А.И. Чучаев. – Владимир, 2008. – 199 с.

245. Овчинников, С.Н. О некоторых показателях оценки современной уголовной и уголовно-исполнительной политики стран Европы / С.Н. Овчинников // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил): сборник материалов международной научно-практической конференции. – В 2-х ч. / под общ. ред. П.В. Голодова. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2017. – С. 216-221.

246. Овчинников, С.Н. Современная пенитенциарная модель Австрии: сравнительно-правовой анализ / С.Н. Овчинников // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 4. – С. 21-22.

247. Овчинский, В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса / В.С. Рвчинский // Уголовная политика и право в эпоху перемен: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – С. 149–161.

248. Оганесян, С.М. Пенитенциарная система государства: историко-теоретический и правовой анализ: автореф. дис... д.ю.н. / С.М. Оганесян. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – 47 с.

249. Оксамытный, В.В. Система уголовных наказаний в Англии / В.В. Оксамытный. – Киев: Наукова думка, 1977. – 144 с.

250. Олькова, О.А. Криминологический и уголовно-правовой сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский периоды: автореф. дис... к.ю.н. / О.А. Олькова. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2015. – 24 с.

251. Ольховик, Н.В. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. – 160 с.

252. Казак, Б.Б. Организация воспитательно-профилактической работы с осужденными, отбывающими наказания, не связанные с лишением свободы: учебное пособие / Б.Б. Казак, Е.О. Ананьева, Н.П. Белая, С.А. Дьячковский,

В.Е. Матвеевко, А.Н. Пастушеня, В.В. Сергеева, И.Н. Смирнова / под общ. ред. С.Н. Пономарева. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. – 253 с.

253. Орел, Ю.В. Развитие законодательства Украины об уголовно-правовой охране нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы в середине XVII века / Ю.В. Орел // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 1. – С. 114-119.

254. Осакке, К. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира / К. Осакке // Государство и право. – 2001. – №4. – С. 12–22.

255. Панарина, Н.М. Особенности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы по уголовному законодательству зарубежных стран / Н.М. Панарина // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – В 2-х томах. – Т. 2. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016. – С. 484-487.

256. Пенитенциарная система Франции (статистические данные по состоянию на январь 2008 г.): обзор / пер. с фр. М.В. Грошевой. – Рязань: Академия управления ФСИН России, 2010. – 28 с.

257. Первозванский, В. Реализация европейских стандартов в деятельности исправительных учреждений УИС России / В. Первозванский, Н. Хуторская // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2009. – № 11. – С. 16-20.

258. Пергатая, А.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: дис... к. ю. н. / А.А. Пергатая. – Красноярск: Государственный университет, 1999. – 180 с.

259. Перминов, О.Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики / О.Г. Перминов // Следователь. – 2012. – № 6(170). – С. 6-22.

260. Пертли, Л.Ф. Понятие и назначение условий содержания лиц, лишенных свободы: историко-правовой аспект / Л.Ф. Пертли // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 1(76). – С. 27-29.

261. Погодин, Е.М. Принципы оценки эффективности деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы / Е.М. Погодин // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 4. – С. 13-16.

262. Подготовка сотрудников пенитенциарных учреждений в некоторых скандинавских странах: аналит. обзор / пер. с англ. М. В. Стыкалиной. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – 47 с.

263. Поздняков, В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии (историко-сравнительный анализ): монография / В.М. Поздняков. – М.: Академия управления МВД России, 2000. – 149 с.

264. Поздняков, В. Еще раз о критериях / В. Поздняков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2005. – № 2. – С. 34-36.

265. Поздняков, В. Критерии оценки исправления осужденного: какими им быть? / В. Поздняков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2003. – № 8. – С. 42-45.

266. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права (Общая часть уголовного права) / С.В. Познышев. – М.: Изд-е А.А. Карцева, 1912. – 665 с.

267. Полубинская, С.В. Цели уголовного наказания / С.В. Полубинская / отв. ред. И.И. Карпец. – М.: Наука, 1990. – 142 с.

268. Пржевальский, В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание / В.В. Пржевальский // Сборник правоведения и общественных знаний: труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. – Т. 6. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. – С. 70–127.

269. Радченко, Е.П. Международный опыт формирования и функционирования систем частных тюрем / Е.П. Радченко // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). – 2013. – № 2. – С. 26.

270. Радченко, Е.П. Социально-экономические предпосылки формирования государственно-частного партнерства в российской пенитенциарной системе /

Е.П. Радченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 3. – С. 110-112.

271. Разогреева, А. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация / А. Разогреева, М. Миньков // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 47-51.

272. Рахманова, Е.Н. Гармонизация и унификация уголовного законодательства в глобализующемся мире / Е.Н. Рахманова // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 23-28.

273. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери / В 3 т. Том 3. Новое время / пер. С. Мальцевой / науч. ред. Э. Соколова. – СПб.: Петрополис, 1996. – 736 с.

274. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект: учебное пособие / под общ. ред. А.А. Реймера. – М., Рязань: Академия ФСИН России, 2009. – 72 с.

275. Ривман, Д.В. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки / Д.В. Ривман, Л.Б. Смирнов // Предпринимательство в России: опыт, проблемы, уроки: материалы межрегиональной научно-практической конференции (19 апреля 2001 года). – Часть II. – Санкт-Петербург: Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2001. – С. 41-52.

276. Родионов, А.В. Организация труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Франции / А.В. Родионов, А.П. Скиба, Г.М. Калашников, Е.А. Буранова // Вестник СевКавГТИ. – 2016. – Вып. 3 (26). – С. 69-71.

277. Ромашов, Р.А. Модернизация уголовно-исполнительной системы России: тернистый путь к тюремной системе с «человеческим лицом» / Р.А. Ромашов // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.): в 4 т. – Т. 1: Доклады пленарного заседания. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 52-57.

278. Ромашов, Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации / Р.А. Ромашов // Законодательная дефини-

ция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 101-117.

279. Рубаник, В.Е. Проблемы сравнительно-правового исследования становления и эволюции российской государственности / В.Е. Рубаник // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 21-23.

280. Саати, Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати. – М.: Радио и связь, 1993. – 278 с.

281. Сабо, И. Теоретические проблемы сравнительного правоведения / И. Сабо // Сравнительное правоведение: сборник статей / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1978. – С. 54–75.

282. Савенок, А.Л. Уголовное право в контексте парадигмального понимания истории / А.Л. Савенок // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24-25 января 2013 г.). – М.: Проспект, 2013. – С. 53-56.

283. Саидов, А.Х. Сравнительное гражданское право как наука и учебная дисциплина / А.Х. Саидов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2007. – №1. – С. 52–61.

284. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / А.Х. Саидов / под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.

285. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение и законотворчество / А.Х. Саидов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – № 1. – С. 16–22.

286. Саломатин, А.Ю. Гуманизация уголовной политики в контексте модернизации права в Западной Европе и США (конец XVIII–XIX вв.) / А.Ю. Саломатин, Н.В. Долженкова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 2. – С. 149–154.

287. Сальников, В.П. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России / В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.

288. Сафронов, А.А. Правовая культура личности в механизме устойчивого развития российского государства (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ... к.ю.н. / А.А. Сафронов. – Ростов-на-Дону: Юридический институт МВД России, 2005. – 28 с.

289. Селиверстов, В.И. Изменения в уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительном законодательстве в сфере исполнения лишения свободы / В.И. Селиверстов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2016. – № 2 (20). – С. 69-81.

290. Селиверстов, В.И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ / В.И. Селиверстов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2016. – № 1 (33). – С. 90-98.

291. Селиверстов, В.И. Уголовно-исполнительная политика начала XXI века / В.И. Селиверстов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 58-61.

292. Селиверстов, В.И. Уголовно-исполнительная политика: современное состояние и направления развития / В.И. Селиверстов // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.). – В 4 т. – Т. 1: Доклады пленарного заседания. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 48-52

293. Селиверстов, В.И. Концепция развития уголовно-исполнительной системы должна быть изменена / В.И. Селиверстов // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича

Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 159-167.

294. Селиверстов, В.И. Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе / В.И. Селиверстов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 5. – С. 16-20.

295. Селиверстов, В.И. Основные направления эффективности научных исследований в свете реформирования уголовно-исполнительной системы РФ / В.Селиверстов // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 1. – С. 51-56.

296. Сенатова, Е.В. Действие уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в пространстве и во времени: автореф. дис. ... к.ю.н. / Е.В. Сенатова. – Рязань Академия права и управления Минюста России, 2003. – 28 с.

297. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям / Н.Д. Сергеевский / предисл. автора. – СПб.: Типография Х.Ш. Гельперн, 1890. – 434 с.

298. Сердюк А.Л. «Зеленые стандарты» и пенитенциарная система США / А.Л. Сердюк // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2015. – № 1. – С. 65-67.

299. Серебренникова, А.В. Уголовно-исполнительное право Баварии: общая характеристика / А.В. Серебренникова // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 175-182.

300. Сереброва, С.О. О необходимости законодательного закрепления дефиниции «правовая система» / С.О. Сереброва // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского,

Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 383-397.

301. Сизый, А.Ф. Институт установления степеней исправления осужденных как эффективный способ достижения целей уголовного наказания / А.Ф. Сизый // Закон и право. – 2005. – №5. – С. 74-77.

302. Сизый, А.Ф. К вопросу о концепции совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства / А.Ф. Сизый // Лишение свободы: виды, содержание, исполнение: материалы заседания координационного бюро ВНИИ МВД СССР по исправительно-трудовому праву. – Рязань: РВШ МВД РСФСР, 1991. – С. 62-66.

303. Сизый, А.Ф. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: монография / А.Ф. Сизый, А.А. Синичкин. – Чебоксары: Изд-ль В.С. Шипилевский, 2005. – 246 с.

304. Синичкин, А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: автореф. дисс... к.ю.н. / А.А. Синичкин. – Казань, 2003. – 22 с.

305. Синюков, В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 672 с.

306. Скобелин, С.Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века / С.Ю. Скобелин // Lex Russica. – 2016. – № 4. – С. 124-137.

307. Скобелин, С.Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания / С.Ю. Скобелин // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 64-68.

308. Скрыль, С.В. Оценка эффективности охранных функций объектов уголовно-исполнительной системы / С.В. Скрыль, О.В. Исаев // Автоматизированные информационные и электроэнергетические системы: материалы II Межвузовской научно-практической конференции. – Краснодар: КубГТУ, 2012. – С. 280-285.

309. Слепцов, И.В. Пенитенциарная система Франции (краткий обзор) / И.В. Слепцов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 2. – С. 39-42.

310. Смирнов, Л.Б. Проблемы «наказательной» и уголовно-исполнительной политики в эпоху постмодерна и глобализации / Л.Б. Смирнов // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 251-257.

311. Смирнов, Л.Б. Актуальные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики России в условиях криминализации общества и международной глобализации / Л.Б. Смирнов // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). – М.: Проспект, 2012. – С. 522-529.

312. Смирнов, Л.Б. Особенности и проблемы развития пенитенциарной модели России / Л.Б. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 2 (31). – С. 110-115.

313. Смирнова, И.Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: автореф. дис... д.ю.н. / И.Н. Смирнов. – Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2011. – 46 с.

314. Соколова, О.В. Приватизация или публично-частное партнерство в системе исполнения наказаний: зарубежный опыт и перспективы российской пенитенциарной практики / О.В. Соколова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 2. – С. 18-21.

315. Социальная антропология права современного общества: монография / под ред. И.Л. Честнова. – СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. – 248 с.

316. Сравнительное правоведение: концептуальные подходы // Журнал российского права. – 2009. – № 5. – С. 142-151.

317. Стёпкин, Е.Ю. К вопросу о юридической силе норм международного права в российском праве / Е.Ю. Стёпкин // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – №1 (9). – С. 31-35.

318. Стручков, Н.А. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне: учебное пособие / Н.А. Стручков, О.И. Бажанов, И.Б. Ускова. – Рязань, 1977. – 66 с.

319. Субботин, А.Л. Классификация / А.Л. Субботин. – М.: ИФ РАН, 2001. – 94 с.

320. Тарбагаев, А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части: учебное пособие / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: Государственный ун-т, 2000. – 135 с.

321. Телегин, А.А. Методологические и организационно-правовые основы науки уголовно-исполнительного права: автореф. дис... д.ю.н. / А.А. Телегин. – М.: Академия управления МВД России, 2005. – 56 с.

322. Тепляшин, П.В. Исполнение уголовных наказаний в зарубежных странах: учебное пособие / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. – 120 с.

323. Тепляшин, П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения: монография / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2005. – 219 с.

324. Тепляшин, П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению / П.В. Тепляшин // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Том 2. – № 4. – С. 37-44.

325. Тепляшин, П.В. Современное тюремное право Англии: монография / П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. – 124 с.

326. Тепляшин, П. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Англии и Уэльсе / П. Тепляшин // Уголовное право. – 2004. – №3. – С. 64-65.

327. Тепляшин, П.В. Перспективы институционализации Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Российской Федерации / П.В. Тепляшин // Российская юстиция. – 2013. – № 1. – С. 65-66.

328. Тепляшин, П.В. Становление и развитие теории специального предупреждения (частной превенции) преступности в контексте социально-правовой гармонизации тюремного заключения / П.В. Тепляшин //

Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2007. – №3-4 (2). – С. 10-14.

329. Тепляшин, П.В. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе / П.В. Тепляшин // Человек: преступление и наказание (научный журнал). – 2004. – №4 (48). – С. 84–90.

330. Терехин, В.И. О системной оценке результативности и эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы / В.И. Терехин, Д.В. Харюшин // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 1. – С. 15-18.

331. Терехин, В.И. К вопросу о миссии, целях и критериях эффективности уголовно-исполнительной системы / В.И. Терехин, В.В. Чернышов // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 3. – С. 48-52.

332. Тимофеева, Е.А. Правовая подготовка сотрудников пенитенциарной системы: историко-педагогический анализ отечественного и зарубежного опыта: монография / Е.А. Тимофеева. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. – 206 с.

333. Тимофеева, Е.А. Состояние и особенности профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарной системы скандинавских стран / Е.А. Тимофеева // Самарский юридический институт ФСИН России. – 2015. – № 1. – С. 88-104.

334. Титов, Н.И. О критериях исправления и перевоспитания осужденных / Н.И. Титов // Правоведение. 1965. № 4. С. 100-107.

335. Тихомиров, Ю.А. Динамика правовых систем в условиях интеграции государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 4. – С. 706-713.

336. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма, 1996. – 432 с.

337. Тищенко, Н.В. Представления о пенитенциарной системе и осужденных в отечественной культуре / Н.В. Тищенко // Юрист-Правоведъ. – 2010. – № 2. – С. 24-27.

338. Ткачевский, Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю.М. Ткачевский. – М.: Зерцало, 1997. – 144 с.

339. Толстик, В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России / В.А. Толстик // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 67–77.

340. Торнудд, П. К реалистичным целям уголовной политики / П. Торнудд // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. – Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. – С. 112-130.

341. Тохова, Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений / Е.А. Тохова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 4. – С. 30-36.

342. Трайнин, А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / А.Н. Трайнин / ред. и предисл. А.Я. Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1935. – 102 с.

343. Третьякова, О.Д. Юридическая конвергенция: автореф. дис... д.ю.н. / О.Д. Третьякова. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. – 45 с.

344. Трунцевский, Ю.В. Международное пенитенциарное право как отрасль международного права / Ю.В. Трунцевский // Московский журнал международного права. – 1999. – №1. – С. 28–38.

345. Туманов, Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюремоведения в капиталистических странах: лекция / Г.А. Туманов. – М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1965. – 32 с.

346. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование: монография / кол. авт.; отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. – 272 с.

347. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практический комментарий. – М.: Проспект, 2010. – 280 с.

348. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 720 с.

349. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 571 с.

350. Укерманн, Й. О реформировании уголовно-исполнительной системы Норвегии / Й. Укерманн // Обеспечение процесса реформирования исполнения наказаний в Российской Федерации: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Рязань, 29-30 октября 2009 г.) / под общ. ред. А.А. Реймера. – 2-е изд., доп. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – С. 12-14.

351. Уолкер, Р. Английская судебная система / пер. с англ. Т.В. Апаровой / отв. ред. Решетников. – М.: Юридическая литература, 1980. – 632 с.

352. Упоров, И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы: учебное пособие / И.В. Упоров / под ред. М.П. Мелентьева. – Рязань: Рязанский институт права и экономики МВД России, 1998. – 96 с.

353. Управление органами, исполняющими наказания: методические разработки и материалы к курсу / под ред. Г.А. Туманова. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 385 с.

354. Усеев, Р.З. Перспективы развития системы гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы / Р.З. Усеев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 4 (179). – С. 30-35.

355. Усс, А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: монография / А.В. Усс. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1993. – 256 с.

356. Уткин, В.А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2. – С. 7-11.

357. Уткин, В.А. Зарубежный пенитенциарный опыт как фактор реформирования уголовно-исполнительной системы / В.А. Уткин // Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы: тезисы выступлений участников Междунар. науч.-практ. конф. (28-29 окт. 2004 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2004. – С. 84-88.

358. Уткин, В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы: предмет, методология, принципы / В.А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2. – С. 91-100.

359. Уткин, В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт / В.А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 210-214.

360. Уткин, В.А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия / В.А. Уткин // Уголовная юстиция. – 2016. – № 2. – С. 89-96.

361. Уткин, В.А. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций и смена уголовно-исполнительных парадигм / В.А. Уткин // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 1. – С. 67-70.

362. Уткин, В.А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 1. – С. 14-18.

363. Уткин, В.А. Режим лишения свободы: между карой и безопасностью / В.А. Уткин // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. – Ч. 66 (изд. доп. и перераб.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – С. 53-55.

364. Уткин, В.А. Режим лишения свободы и правовой статус осужденных: между карой и безопасностью / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 4. – С. 26-29.

365. Уткин, В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика / В.А. Уткин // Международный пенитенциарный журнал. – 2017. – Т. 3 (1-4). – № 1. – С. 60-63.

366. Уткин, В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сб. материалов Международной науч.-практ. конф. – В 2 т. – Т. 1. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016. – С. 9-14.

367. Уткин, В.А. Международное уголовно-исполнительное право: к концепции формирования / В.А. Уткин // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. – Ч. 9 / под ред. С.А. Елисеева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – С. 151-153.

368. Уткин, В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы / В.А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 4 (21). – С. 9-18.

369. Уткин, В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В.А. Уткин. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 190 с.

370. Уткин, В.А. Уголовное право и перспективы уголовно-исполнительного законодательства / В.А. Уткин // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 486-491.

371. Фалиев, Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения / Н.И. Фалиев. – М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. – 108 с.

372. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – В 2 ч. Часть 2 / пер. Л.В. Гольденвейзера, Г.Я. Зака, Н.А. Зак, О.В. Познышевой, В.П. Поливанова с 5-го французского издания 1905 г. / под ред. С.В. Познышева. – М.: Тип. М. Саблина, 1908. – 592 с.

373. Фефелов, В.А. Социально-правовая востребованность цивилизации уголовно-исполнительного права Российской Федерации: учебное пособие / В.А. Фефелов. – Уфа: Высшая школа МВД России, 1993. – 162 с.

374. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 214 с.

375. Филимонов, О.В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России / О.В. Филимонов // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю.И. Калинина / под науч. ред. В.И. Селиверстова и В.А. Уткина. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 19-35.

376. Филимонов, О.В. Решение проблемы структуры уголовно-исполнительной системы как условие кодификации уголовно-исполнительного законодательства / О.В. Филимонов // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 491-496.

377. Фримен, Д. Политика вынесения приговоров в английском праве и практике / Д. Фримен // СССР-Англия: юстиция и сравнительное правоведение: материалы советско-английского симпозиума. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1986. – С. 27–37.

378. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко / пер. с фр. В.Наумова / под ред. И.Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

379. Халабуденко, О.А. Вопросы методологии сравнительного правоведения: от функционализма к конструкции и деконструкции / О.А. Халабуденко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – № 4 (41). – С. 653-663.

380. Хатунов, С.Ю. Ранняя стадия уголовно-правового регулирования в средневековой Англии / С.Ю. Хатунов // История государства и права. – 2003. – №2. – С. 53–59.

381. Хаустов, В.В. Анализ методов оценки эффективности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы / В.В. Хаустов // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 1. – С. 40-43.

382. Хижняк, В.И. Реализация международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной политике: автореф. дис... к.ю.н. / В.И. Хижняк. – Ростов-на-Дону: Юридический институт МВД России, 2004. – 26 с.

383. Хуторская, Н.Б. Исполнение наказания в виде лишения свободы в учреждениях открытого и полуоткрытого типа (зарубежный опыт) / Н.Б. Хуторская // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 3. – С. 195-205.

384. Цаплин, И.С. Правовые и организационные основы охраны исправительных учреждений Минюста России: автореф. дис. ... к.ю.н. / И.С. Цаплин. – Москва: Академия управления МВД России, 2003. – 26 с.

385. Цена преступности (методология её определения): монография / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 216 с.

386. Черноков, А.Э. Введение в сравнительное правоведение: учебное пособие / А.Э. Черноков. – М.: Знание, 2004. – 207 с.

387. Чернявский, А.Г. Перспективы интеграции и гармонизации российской и европейской правовых систем / А.Г. Чернявский // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2003. – С. 202-220.

388. Чирикин, В.А. Международное сотрудничество правоохранительных органов России по борьбе с преступностью (1861–1917 гг.): дис. ... к.ю.н. / В.А. Чирикин. – М.: Академия управления МВД России, 1999. – 178 с.

389. Чириков, А.Г. Эффективность педагогической деятельности начальников отрядов исправительных учреждений / А.Г. Чириков, Н.Н. Ивашко // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 2 (27). – С. 184-189.

390. Чорный, В.Н. Исполнение наказаний в Финляндии и подготовка персонала для пенитенциарной системы: учебное пособие / В.Н. Чорный. – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – 39 с.

391. Чубинский, М.П. Курс уголовной политики / М.П. Чубинский. – Ярославль: Типография губернского правления, 1909. – 446 с.

392. Чукова, Ю.П. Закон Вебера - Фехнера (к 150-летию издания книги Г.Т. Фехнера «Элементы психофизики») / Ю.П. Чукова. – М.: ЗАО «МП «Гигиена», 2009. – 144 с.

393. Чукова, Ю.П. О судьбе закона / Ю.П. Чукова // Знание-сила. – 2011. – № 6. – С. 45-51.

394. Шевелев, В.Г. Современная реформа уголовно-исполнительной системы: предпосылки, содержание, перспективы, проблемы / В.Г. Шевелев // Юрист Юга России и Закавказья. – 2018. – № 1. – С. 20-23.

395. Шериф Бассиуни, М. Философия и принципы международного уголовного правос / М. Шериф Бфссиуни // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – №1. – С. 99-110.

396. Шипунова, Т.В. Аутопойесис пенитенциарной системы / Т.В. Шипунова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2002. – №3 (4). – С. 152-156.

397. Ширвиндт, Е.Г. Советское пенитенциарное право / Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский. – М.: Юриздат., 1927. – 276 с.

398. Шишканова, И.А. Сравнительное правоведение в диссертационных исследованиях (на примере уголовно-исполнительной тематики) / И.А. Шишканова // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 1. – С. 73-76.

399. Шмаров, И.В. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений / И.В. Шмаров, Ф.Т. Кузнецов, П.Е. Подымов. – М.: Юридическая литература, 1968. – 184 с.

400. Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учебное пособие / Н.В. Щедрин. – Красноярск: Государственный университет, 1999. – 58 с.

401. Щербаков, А.В. Безопасность уголовно-исполнительной системы: основные понятия и сущность / А.В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 4. – С. 539-543.

402. Щербаков, А.В. Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в российских

условиях / А.В. Щербаков, А.Б. Налдеев // Молодой ученый. – 2015. – № 2. – С. 393-396.

403. Щербенко, Л.Р. Тюремь в Англии / Л.Р. Щербенко // Наука и практика. – 2011. – № 3(48). – С. 215-217.

404. Яковлева, О.Н. Правовые основы передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции Российской империи в конце XIX в. / О.Н. Яковлева, О.И. Мальчук // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 25. – С. 11-32.

405. Ясавеев, И.Г. Финский опыт сокращения числа заключенных и его значение для России / И.Г. Ясавеев // Общество и человек. – 2013. – № 2. – С. 18-23.

Литература на английском языке

406. Aas, K.F. Bordered penalty: Precarious membership and abnormal justice / K.F. Aas // Punishment & Society. – 2014. – Vol. – 16(5). – P. 520-441.

407. Abbing, H.R. Prisoners right to healthcare, a European perspective / H.R. Abbing // European Journal of Health Law. – 2013. – V. 20. – I. 1. – P. 5-19.

408. Aebi, M.F. Council of Europe Annual Penal Statistics. Space I – Prison Populations. Survey 2013 / M.F. Aebi, N. Delgrande. – Strasbourg-Lausanne: University of Lausanne, 2014. – 193 p.

409. Aebi, M.F. Foreign prisoners in Europe: some critical remarks on available data for 1989 to 2006 / M.F. Aebi, N. Delgrande // Deviance et societe. – T. 33. – 2009. – P. 475-499.

410. Aebi, M.F. Is There a Relationship Between Imprisonment and Crime in Western Europe? / M.F. Aebi, A. Linde, N. Delgrande // European Journal on Criminal Policy and Research. - 2015. – T. 22. – P. 425-446.

411. Alonso, J.M. How Privatization Affects Public Service Quality: An Empirical Analysis of Prisons in England and Wales, 1998-2012 / J.M. Alonso, R. Andrews // International Public Management Journal. – 2015. – V. 0. – No. 0. – P. 1-29.

412. Ambrožl, M. Conditional Release (Parole) in Slovenia: Problems and Possible Solutions / M. Ambrožl, K.Š. Stubbs // *The Prison Journal*. – 2011. – V 91. – No 4. – P. 467-488.

413. Ashton, J. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment / J. Ashton, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford: University Press, 2001. – 200 p.

414. Ashworth, A. Principles of Criminal Law / A. Ashworth. / 3rd ed. – New York·Oxford: University Press, 1999. – 534 p.

415. Baechtold, A. Brennpunkt Strafvollzug Regards sur la prison / A. Baechtold, A. Senn. – Bern: Grafisches Unternehmen, 2002. – 446 p.

416. Bailey, H. Syphilis, hepatitis C and HIV in Eastern Europe / H. Bailey, A. Turkova, C. Thorne // *Current Opinion in Infectious Diseases*. – 2017. – V. 30. – I. 1. – P. 93-100.

417. Barnoux, M. The specific needs of foreign national prisoners and the threat to their mental health from being imprisoned in a foreign country / M. Barnoux, J. Wood // *Aggression and violent behavior*. – 2013. – T. 18. – P. 240-246.

418. Barton, A. Show me the prison! The development of prison tourism in the UK / A. Barton, A. Brown // *Crime Media Culture*. – 2015. – Vol. 11 (3). – P. 237-258.

419. Been, P. Punishment. A Philosophical and Criminological Inquiry / P. Been. – Oxford: Martin Robertson, 1981. – 216 p.

420. Bentham, J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (reprint) / J. Bentham. – Oxford: At the Clarendon Press, 1823. – 378 p.

421. Billstedt, E. Neurodevelopmental disorders in young violent offenders: Overlap and background characteristics / E. Billstedt, H. Anckarsäter, M. Wallinius, B. Hofvander // *Psychiatry Research*. – 2017. – V. 252. – P. 234-241.

422. Boduszek, D. Development and validation of a Measure of Criminal Social Identity within a sample of Polish recidivistic prisoners / D. Boduszek, G. Adamson, M. Shevlin, P. Hyland // *Criminal Behaviour and Mental Health*. – 2012. – Vol. 22. – P. 315-324.

423. Bosworth, M. Penal humanitarianism? Sovereign power in an era of mass migration / M. Bosworth // *New Criminal Law Review*. – 2017. – V. 20. – I. 1. – P. 39-65.
424. Branch-Johnson, W. *The English Prison Hulks* / W. Branch-Johnson. – London: Christopher Johnson, 1957. – 206 p.
425. Brownlee, I. *Community Punishment. A Critical Introduction* / I. Brownlee. – London and New York: Longman, 1998. – 222 p.
426. Burkhardt, B.C. Judicial Intervention into Prisons: Comparing Private and Public Prisons from 1990 to 2005 / B.C. Burkhardt, A. Jones // *Justice System Journal*. – 2016. – V. 37. – No. – 1. P. 39-52.
427. Canton, R. *Probation: working with offender* / R. Canton. – New York: Oxon, 2011. – 264 p.
428. Cavadino, M. *The Penal System. An Introduction* / M. Cavadino, J. Dignan. – 3rd ed. – London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. – 405 p.
429. Cavadino, M. *Criminal Justice 2000: Strategies for a new century* / M. Cavadino. – Winchester: Waterside Press 1999. – 346 p.
430. Cavadino, M. *The Penal System. An Introduction* / M. Cavadino, J. Dignan. – 3rd ed. – London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. – 405 p.
431. Cavadino, M. *The Penal System. An Introduction* / M. Cavadino, J. Dignan. – 3rd ed. – London: SAGE Publications Ltd, 2013. – 386 p.
432. Cid, J. Revoking early conditional release measures in Spain / J. Cid, B. Tébar // *European Journal of Probation University of Bucharest*. – 2012. – Vol. 4. – № 1. – P. 112-124.
433. Cliquennois, G. European monitoring of Belgian and French penal and prison policies / G. Cliquennois, M. Herzog-Evans // *Crime, Law and Social Change*. – 2018. – V. 70. – P. 113-134.

434. Cliquennois, G. European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon? / G. Cliquennois, S. Snacken // *Crime, Law and Social Change*. – 2018. – V. 70. – P. 1-18.

435. *Controlling Crime* / edited by E. McLaughlin, J. Muncie. – 2nd ed. – London Thousand Oaks·New Delhi: SAGE Publications; The Open University, 2001. – 362 p.

436. Cornil, P. John Howard, European Penal Reformer / P. Cornil // *Changing Concepts of Crime and its Treatment* / edited by H.J. Klare. – Oxford: Pergamon Press, 1966. – P. 177-183.

437. Costa, J.P. A matter of degree: A justice framework for penal legitimacy / J.P. Costa // *Punishment & Society*. – 2016. – Vol. 18(4). – P. 389-399.

438. Craig, P. *EU Law. Text, Cases and Materials* / P. Craig, Gráinne de Burca. – 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2002. – 1242 p.

439. Croft, M. Prevalence of chronic non-cancer pain in a UK prison environment / M. Croft, R. Mayhew // *British Journal of Pain*. – 2015. – Vol. 9(2). – P. 96-108.

440. Czerniawski, G. A race to the bottom – prison education and the English and Welsh policy context / G. Czerniawski // *Journal of Education Policy*. – 2016. – Vol. 31. – No. 2. – P. 198-212.

441. *Democracy and Rule of Law in the European Union* / edited by Flora A.N.J. Goudappel. Rotterdam: Published by t.m.c. assen press, 2016. – 232 p.

442. Dixon, H. *London Prisons: with an Account of the More Distinguished Persons who have been Confined in Them* / H. Dixon. – London: Jackson and Walford, 1850. – 426 p.

443. Dooley, B.D. The effect of prison gang membership on recidivism / B.D. Dooley, A. Seals, D. Skarbek // *Journal of Criminal Justice*. – 2014. – V. 42. – P. 267-275.

444. Drake, D.H. The Globalization of Supermax Prisons / D.H. Drake, I.R. Jeffrey // *Critical Criminology*. – T. 22. – 2012. – P. 459-461.

445. Duff, A. *Punishment: a socio-legal reader* / A. Duff, D. Garland. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 350 p.

446. Dünkel, F. European penology: The rise and fall of prison population rates in Europe in times of migrant crises and terrorism / F. Dünkel // *European Journal of Criminology*. – 2017. – Vol. 14(6). – P. 629-653.

447. Easton, S. Protecting Prisoners: The Impact of International Human Rights Law on the Treatment of Prisoners in the United Kingdom / S. Easton // *The Prison Journal*. – 2013. – № 93(4). – P. 475-492.

448. Enforcing European Community Rules: criminal proceedings, administrative procedures and harmonization / edited by C. Harding and B. Swart. – Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Dartmouth, 1996. – 200 p.

449. Ewing, A.C. The Morality of Punishment with some Suggestions for a General Theory of Ethics / with a Foreword by W.D. Ross. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., 1929. – 234 p.

450. Fazel, S. A Systematic Review of Criminal Recidivism Rates Worldwide: Current Difficulties and Recommendations for Best Practice / S. Fazel, A. Wolf // *PLOS one*. – 2015. – V. 10. – P. 1-8.

451. Fitzgerald, M. *British Prisons* / M. Fitzgerald, J. Sim. – 2nd ed. – Oxford: Basil Blackwell, 1982. – 182 p.

452. Flander, B. Penal and Prison Policy on the “Sunny Side of the Alps”: The Swan Song of Slovenian Exceptionalism? / B. Flander, G. Meško // *European Journal on Criminal Policy and Research*. – 2016. January. – P. 1-27.

453. Fox, L.W. *The English Prison and Borstal Systems* / L.W. Fox. – London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. – 480 p.

454. Gallagher, B. National Human Research Ethics: A Preliminary Comparative Case Study of Germany, Great Britain, Romania, and Sweden / B. Gallagher, A.H. Berman, J. Bieganski, A.D. Jones, L. Foca, B. Raikes, J. Schiratzki, M. Urban, S. Ullman // *Ethics & Behavior*. – November 2015. – P. 1-21.

455. Garland, B. Decarceration and its possible effects on inmates, staff, and communities / B. Garland, N. Hogan, E. Wodahl, A. Hass, M.K. Stohr, E. Lambert // *Punishment & Society*. – 2014. – Vol. 16(4). – P. 448-473.

456. Garland, D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions / D. Garland // *Punishment & Society*. – 2014. – Vol. 16(4). – P. 365-384.
457. Garland, D. *Punishment and Modern Society. A Study in Social Theory* (reprint) / D. Garland. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – 312 p.
458. Gavrielides, T. Reconciling the Notions of Restorative Justice and Imprisonment / T. Gavrielides // *The Prison Journal*. – 2014. – V. 94. – No. 4. – P. 479-505.
459. Gojkovic, D. Prison Reform in Serbia / D. Gojkovic, C. Brooker, S. Owen // *International Journal of Mental Health*. – 2010. – V. 39. – No. 3. – P. 61-67.
460. Gori, A. Hepatitis B, C and D virus genotypes detected in HBsAg- or anti-HCV-positive people from the Republic of Moldova / A. Gori, S. Gheorgita C. Spinu, I. Pinzaru, A. Halacu, O. Sajen, L. Suveica, A. Sausy, C.P. Muller, J.M. Hübschen // *Archives of Virology*. – 2018. – V. 163. – I. 2. – P. 431-438.
461. Grant, S. Constructing the durable penal agent: tracing the development of habitus within English probation officers and Scottish criminal justice social workers / S. Grant // *British Journal of Criminology*. – 2016. – № 56. – P. 750-768.
462. Grünhut, M. *Penal Reform. A comparative study* / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – 486 p.
463. *Handbook of Probation* / edited by L. Gelsthorpe, R. Morgan. – Oregon: Willam Publishing, 2007. – 626 p.
464. Handtke, V. The collision of care and punishment: Ageing prisoners' view on compassionate release / V. Handtke, W. Bretschneider, B. Elger, T. Wangmo // *Punishment & Society*. – 2017. – Vol. 19 (1). – P. 5-22.
465. Handtke, V. The collision of care and punishment: Ageing prisoners' view on compassionate release / V. Handtke, W. Bretschneider, B. Elger, T. Wangmo // *Punishment and Society*. – 2017. – V. 19. – I. 1. – P. 5-22.
466. Handtke, V. Ageing Prisoners' Views on Death and Dying: Contemplating End-of-Life in Prison / V. Handtke, T. Wangmo // *Bioethical Inquiry*. – 2014. – V. 11. – P. 373-386.

467. Haney, L. Prisons of the past: Penal nationalism and the politics of punishment in Central Europe / L., Haney // *Punishment and Society*. – 2016. – V. 18. – I. 3. – P. 346-368.

468. Hansen, G.V. «Fathers in Prison» program may create a basis for distance among Norwegian prisoners / G.V. Hansen // *Journal of Offender Rehabilitation*. – 2017. – V. 56. – I. 3. – P. 173-187.

469. Harizanova, S.N. Professional burnout syndrome among correctional facility officers / S.N. Harizanova, T.H. Tarnovska // *Folia Med (Plovdiv)*. – 2013. – V. 55. – I. 2. – P. 73-79.

470. Heath, J. *Eighteenth Century Penal Theory* / J. Heath. – Oxford: University Press, 1963. – 288 p.

471. Hitchens, P. *History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England* / P. Hitchens. – London: Atlantic Books, 2003. – 316 p.

472. Højdahl, T. «A bridge to change»: Experiences of participation in «VINN» – a motivational program for convicted women. A qualitative study / T. Højdahl, J.H. Magnus, E. Langeland // *EuroVista*. – 2014. – V. 3. – No. 2. – P. 81-96.

473. Hood, R. *Parole in Transition. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System. Phase One. Establishing the Base-Lane. Occasional Paper № 13* / R. Hood, S. Shute. – Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1994. – 90 p.

474. Howard, J. *The State of the Prisons* / R. Hood, S. Shute. – London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. – 306 p.

475. Hoxha, R. Establishment and development of Kosovo Correctional Service during 1999-2013 / R.Hoxha // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2014. – Vol 5. – No 19. – P. 505-508.

476. Hudson, B. *Understanding Justice* / B. Hudson. – Buckingham: Open University Press, 1996. – 175 p.

477. Illescas, S.R. Crime and Justice Reinvestment in Europe: Possibilities and Challenges / S.R. Illescas, N. Frerich // *Victims & Offenders*. – 2014. – T. 9. – P. 13-49.

478. Izenberg, J.M. High rates of police detention among recently released HIV-infected prisoners in Ukraine: Implications for health outcomes / J.M. Izenberg, C. Bachireddy, M. Soule, T. Kiriazova, S. Dvoryak, F.L. Altice // *Drug and Alcohol Dependence*. – 2013. – V. 133. – P. 154-160.

479. Jaka, D. Prison health in transitional Albania / D. Jaka, E. Roshi, G. Burazeri // *Medicinski arhiv*. – February 2014. – V. 68. – I. 3. – P. 188-190.

480. Kivimets, K. HIV testing and counselling in Estonian prisons, 2012 to 2013: aims, processes and impacts / K. Kivimets, A. Uusküla // *Eurosurveillance*. – 2014. – V. 19. – I. 47. – P. 31-37.

481. Knauer, F. Preventive detention for Germans only? A criminological study on prison inmates in preventive detention / F. Knauer // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. – 2015. – V. 98. – I. 5. – P. 464-474.

482. Krebs, A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany / A. Krebs // *Prisons Past and Future* / edited by J.C. Freeman. – London: Heinemann, 1978. – P. 42-43.

483. Lasocik, Z. Polish prison experiment in Szczypiorno / Z. Lasocik // *International Review of Law, Computers & Technology*. – V. 25. – No. 1-2. – March–July 2011. – P. 61-67.

484. Livingstone, S. *Prison Law: Text and Materials* (reprint) / S. Livingstone, T. Owen. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 434 p.

485. Lootsma, F.A. Scale Sensitivity in the Multiplicative AHP and SMART / F.A. Lootsma // *Journal of Multi-Criteria Decision Analysis*. – 1993. – Vol. 2. – P. 87-110.

486. Lupu, A. Deaths in custody in Romania. A synthetic study / A. Lupu, V. Panaitescu, M. Rosu, L. Stefan // *Romanian Society of Legal Medicine*. – 2012. – V. XX. – No 1. – P. 37-40.

487. MacDonald, M. Women prisoners, mental health, violence and abuse / M. MacDonald // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 2013. – V. 36. – I. 3-4. – P. 293-303.

488. Manchester, A.H. *A Modern Legal History of England and Wales 1750-1950* / A.H. Manchester. – London: Butterworths, 1980. – 420 p.

489. Mansoor, M. *A Critical Review on Role of Prison Environment on Stress and Psychiatric Problems among Prisoners* / M. Mansoor, S. Khalid Perwez, T. Swamy, H. Ramaseshan // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol 6. – No 1. – P. 218-223.

490. Martin, J. *The English Legal System* / J. Martin. – 3rd ed. – London: Hodder&Stoughton, 2002. – 298 p.

491. McLynn, F. *Crime and Punishment in Eighteenth-century England* / F. McLynn. – London and New York: Routledge, 1989. – 392 p.

492. McNeill, F. *Social Solidarity, penal evolution and probation* / F. McNeill, M. Dawson // *British Journal of Criminology*. – 2014. – № 54. – P. 892-907.

493. *Memories of the Life of Sir Samuel Romilly, written by himself; with a selection from his Correspondence / edited by his sons. – In Three Volumes. – Vol I. – 2nd ed. – London: John Murray, Albemarle Street., 1840. – 456 p.*

494. Meško, G. *A Concise Overview of Penology and Penal Practice in Slovenia: The Unchanged Capacity, New Standards, and Prison Overcrowding* / G. Meško, C. Fields, T. Smole // *The Prison Journal*. – 2011. – V 91. – No 4. – P. 398-424.

495. Moran, D. *Between outside and inside? Prison visiting rooms as luminal carceral spaces* / D. Moran // *GeoJournal*. – 2013. – V. 78. – P. 339-351.

496. Moran, D. *Privacy in penal space: Women's imprisonment in Russia* / D. Moran, J. Pallot, L. Piacentini // *Geoforum*. – 2013. – V. 47. – P. 138-146.

497. Moreira, J.-A. *Higher Education Distance Learning and e-Learning in Prisons in Portugal* / J.-A. Moreira, A. Reis-Monteiro, A. Machado // *Media Education Research Journal*. – 2017. – n. 51. – v. XXV. – P. 39-49.

498. Nellis, M. *Understanding the electronic monitoring of offenders in Europe: expansion, regulation and prospects* / M. Nellis // *Crime, Law and Social Change*. – 2014. – V. 62. – I. 4. – P. 489-510.

499. Pakes, F. Crimmigration and the prison: Comparing trends in prison policy and practice in England & Wales and Norway / F. Pakes, K. Holt // *European Journal of Criminology*. – 2017. – V. 14. – I. 1. – P. 63-77.

500. Paley, W. *The Principles of Moral and Political Philosophy* / W. Paley. – 16th ed. – In Two Volumes. – Vol. I. – London: Printed for R. Faulder, New Bond-Street, 1806. – 422 p.

501. Pallot, J. The Management of Prisoners' Children in the Russian Federation / J. Pallot, E. Katz // *Howard Journal of Criminal Justice*. – 2014. – V. 53. – I. 3. – P. 237-254.

502. Pallot, J. *Gender, Geography and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia* / J. Pallot, L. Piacentini. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 330 p.

503. Pallot, J. Patriotic discourses in Russia's penal peripheries: Remembering the Mordovian Gulag / J. Pallot, L. Piacentini, D. Moran // *Europe-Asia Studies*. – 2010. – № 62 (1). – P. 1-33.

504. Palmateer, N.E. Review and meta-analysis of the association between self-reported sharing of needles/syringes and hepatitis C virus prevalence and incidence among people who inject drugs in Europe / N.E. Palmateer, S.J. Hutchinson, H. Innes, C. Schnier, O. Wu, D.J. Goldberg, M. Hickman // *International Journal of Drug Policy*. – 2013. – V. 24. – P. 85-100.

505. Parrott, L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system / L. Parrott // *Post-Soviet Affairs*. – 2015. – Vol. 31. – No. 2. – P. 136-175.

506. Parti, K. Sex offenders in Hungary: Law, treatment, and statistics / K. Parti, J. Szabó, G. Virág // *Monatsschrift fur Kriminologie und Strafrechtsreform*. – February 2014. – V. 97. – I. 1. – P. 57-69.

507. Pettigrew, M. Whole of Life Tariffs in the Shadow of Europe: Penological Foundations and Political Popularity / M. Pettigrew // *The Howard Journal*. – July 2015. – V. 54. – No 3. – P. 292-306.

508. Piacentini, L. Carceral framing of human rights in Russian prisons / L. Piacentini, E. Katz // *Punishment & Society*. – 2017. – Vol. 19 (2). – P. 221-239.

509. Piacentini, L. «In exile imprisonment» in Russia / L. Piacentini, J. Pallot // *British Journal of Criminology*. – 2014. – № 54. – P. 20-37.

510. Piacentini, L. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia / L. Piacentini, G. Slade // *Theoretical Criminology*. – 2015. – V. 19 (2). – P. 179-197.

511. Polonsky, M. Accessing methadone within Moldovan prisons: Prejudice and myths amplified by peers / M. Polonsky, L. Azbel, J.A. Wickersham, R. Marcus, S. Doltu, E. Grishaev, S. Dvoryak, F.L. Altice // *International Journal of Drug Policy*. – 2016. – V. 29. – P. 91-95.

512. Polonsky, M. Challenges to implementing opioid substitution therapy in Ukrainian prisons: Personnel attitudes toward addiction, treatment, and people with HIV/AIDS / M. Polonsky, L. Azbel, J.A. Wickersham, F.S. Taxman, E. Grishaev, S. Dvoryak, F.L. Altice // *Drug and Alcohol Dependence*. – 2015. – V. 148. – P. 47-55.

513. Pratt, J. Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess / J. Pratt // *British Journal of Criminology*. – 2008. – № 48. – P. 275-292.

514. *Punishment in Europe: A Critical Anatomy of Penal Systems (Palgrave Studies in Prisons and Penology)* / by Vincenzo Ruggiero, Mick Ryan. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 328 p.

515. Rabe, K. Prison structure, inmate mortality and suicide risk in Europe / K. Rabe // *International Journal of Law and Psychiatry*. – T. 35. – 2012. – P. 222-230.

516. Read, M. Preventing suicide in lesbian, gay, bisexual, and transgender prisoners: A critique of U.K. policy / M. Read, N. McCrae // *Journal of Forensic Nursing*. – 2016. – V. 12. – I. 1. – P. 13-18.

517. Retish, A.B. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia / A.B. Retish // *Historical Research*. – 2017. – V. 90. – I. 247. – P. 134-150.

518. Richardson, G. *Law, Process and Custody: Prisoners and Patients* / G. Richardson. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1993. – 342 p.

519. Rogge, N. An analysis of managerialism and performance in English and Welsh male prisons / N. Rogge, R. Simper, M. Verschelde, M. Hall // *European Journal of Operational Research*. – 2014. – Vol. – 241. – P. 224-235.
520. Rosecker, A. Hungarian «Jailhouse Rock»: Incidence and Morbidity of Vaseline Self-Injection of the Penis / A. Rosecker, N. Bordás, L. Pajor, Z. Bajory // *Journal of Sexual Medicine*. – February 2013. – V. 10. – I. 2. – P. 509-515.
521. Sanders, A. *Criminal Justice* / A. Sanders, R. Young, M. Burton. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 818 p.
522. Sarang, A. Prisons as a source of tuberculosis in Russia / A. Sarang, L. Platt, I. Vyshemirskaya, T. Rhodes // *International Journal of Prisoner Health*. – 2016. – V. 12. – I. 1. – P. 45-56.
523. Schinkel, M. Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners / M. Schinkel // *Punishment & Society*. – 2014. – Vol. 16(5). – P. 578-597.
524. Scott, D. *Penology* / D. Scott. – London: SAGE Publications Ltd, 2008. – 228 p.
525. Scraton, P. Bearing Witness to the ‘Pain of Others’: Researching Power, Violence and Resistance in a Women’s Prison / P. Scraton // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. – 2016. – № 5 (1). – P. 5-20.
526. Skrahina, A. Multidrug-resistant tuberculosis in Belarus: the size of the problem and associated risk factors / A. Skrahina, H. Hurevich, A. Zalutskaya, E. Sahalchyk, A. Astrauko, S. Hoffner, V. Rusovich, A. Dadu, P. de Colombani, M. Dara, W. van Gemerte, M. Zignole // *Bull World Health Organ*. – 2013. – V. 91. – P. 36-45.
527. Stöver, H. Substitution treatment in European prisons: A study of policies and practices in 18 European countries / H. Stöver, J. Casselman, L. Hennebel // *International Journal of Prisoner Health*. – 2006. – V. 2. – I. 1. – P. 3-12.
528. Temperman, J. Freedom of Religion or Belief in Prison: A Critical Analysis of the European Court of Human Rights’ Jurisprudence / J. Temperman // *Oxford Journal of Law and Religion*. – 2017. – V. 6. – I. 1. – P. 48-92.

529. The Encyclopædia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. – 11th ed. – In XXVIII Volumes. – V. XX. – Cambridge: University Press, 1911. – 980 p.

530. The Oxford Handbook of Criminology / edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – 1228 p.

531. The Oxford Handbook of Criminology / edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 5th ed. – Oxford: University Press, 2012. – 1032 p.

532. The Swedish judicial system – a brief presentation. REGERING-SKANSLIET. Ministry of Justice. – Stockholm: NRS Tryckeri. 2006. – 24 p.

533. Vanhooren, S. Profiles of meaning and search for meaning among prisoners / S. Vanhooren, M. Leijssen, J. Dezutter // The Journal of Positive Psychology. – 2016. – Vol. 11. – No. 6. – P. 622-633.

534. Verdot, C. Monitoring systems and national surveys on prison health in France and abroad / C. Verdot, E. Godin-Blandeau, I. Grémy, A.-E. Develay // European Journal of Public Health. – 2014. – Vol. 25. – No. 1. – P. 167-172.

535. Vilibic-Cavlek, T. Epidemiology of hepatitis C in Croatia in the European context / T. Vilibic-Cavlek, J. Kucinar, B. Kaic, M. Vilibic, N. Pandak, L. Barbic, V. Stevanovic, J. Vranes // World Journal Gastroenterology. – 2015. – V. 21. – I. 32. – P. 9476-9493.

536. Volker, B. Changes in the social networks of prisoners: A comparison of their networks before and after imprisonment / B. Volker, R. De Cuyper, G. Mollenhorst, A. Dirkzwager, P. van der Laan, P. Nieuwbeerta // Social Networks. – 2016. – V. 47. – P. 47-58.

537. Walmsley, R. European Imprisonment Levels 1005-2005 / R. Walmsley // International Key Issues in Crime Prevention and Criminal Justice. Papers in celebration of 25 years of HEUNI. – Helsinki, 2006. – P. 159-167.

538. Walsh, A. Criminological Theory: Assessing Philosophical Assumptions / A. Walsh. – London and New York: Routledge, 2014. – 216 p.

539. Walsh, E. Undertaking action research in prison: Developing the Older prisoner Health and Social Care Assessment and Plan / E. Walsh, K. Forsyth, J. Senior, K. O'Hara, J. Shaw // *Action Research*. – 2014. – V. 12(2). – P. 136-150.

540. Welch, M. Political imprisonment and the sanctity of death: performing heritage in «Troubled» Ireland / M. Welch // *International Journal of Heritage Studies*. – 2016. – Vol. 22. – No. 9. – P. 664-678.

541. Whitfield, D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders / D. Whitfield. – London: Waterside Press, 1997. – 144 p.

542. Wines, F.H. Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary / F.H. Wines. – London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. – 340 p.

543. Worrall, A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice / A. Worrall. – London and New York: Longman, 1997. – 170 p.

544. Wortley, R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions / R. Wortley. – Cambridge: University Press, 2002. – 254 p.

545. Zahars, V. Security implementation facets: peculiarities of execution of the sentence of imprisonment in respect of convicted minors / V. Zahars, M. Stivrenieks // *Journal of Security and Sustainability Issues*. – 2015. – V. 4. – №. 3. – P. 221-231.

546. Zorc-Maver, D. Criminality of women in Slovenia / D. Zorc-Maver, N. Zrim-Martinjak // *Aggression and Violent Behavior*. – 2013. – T. 18. – P. 147-151.

547. Zurhold, H. Prevalence of Problem Gambling Among the Prison Population in Hamburg, Germany / H. Zurhold, U. Verthein, J. Kalke // *Journal of Gambling Studies*. – T. 30. – 2014. – P. 309-319.

548. Zybert, E.B. Prison Libraries in Poland: Partners in Rehabilitation, Culture, and Education / E.B. Zybert // *Library Trends*. – 2011. – V. 59. – No 3. – P. 409-426.

Материалы правоприменительной и судебной практики

549. Постановление ЕСПЧ Хорошенко против России. РосЕвроСуд. – URL: <https://roseurosud.org/r/st-8/postanovlenie-espch-khoroshenko-protiv-rossii>.

550. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда

по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

551. European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT). Public statement concerning Bulgaria. CPT/Inf (2015) 17. Strasbourg, 26 March 2015. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bgr/2015-17-inf-eng.pdf>.

552. European Court of Human Rights. CASE OF ANCHUGOV AND GLADKOV v. RUSSIA. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["ANCHUGOV%20AND%20GLADKOV"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-122260"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

553. Rapport au Gouvernement de l'Andorre relatif à la visite effectuée en Andorre par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 28 novembre au 1er décembre 2011. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/and/2012-28-inf-fra.pdf>.

554. Rapport au Gouvernement de la Principauté de Monaco relatif à la visite effectuée à Monaco par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 27 au 30 novembre 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mco/2013-39-inf-fra.htm>.

555. Rapport au Gouvernement de la Principauté de Monaco relatif à la visite effectuée à Monaco par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 27 au 30 novembre 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mco/2013-39-inf-fra.pdf>.

556. Rapport au Gouvernement de la République française relatif à la visite effectuée en France par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 28 novembre au 10 décembre

2010. – URL: http://www.cpt.coe.int/documents/fra/2012-13-inf-fra.htm#_Toc299713170.

557. Rapport au Gouvernement de Saint-Marin relatif à la visite effectuée à Saint-Marin par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 29 janvier au 1er février 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/smr/2014-33-inf-fra.pdf>.

558. Rapport au Gouvernement du Grand-Duché de Luxembourg relatif à la visite effectuée au Luxembourg par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 28 janvier au 2 février 2015. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lux/2015-30-inf-fra.pdf>.

559. Rapport au Gouvernement du Grand-Duché de Luxembourg relatif à la visite effectuée au Luxembourg par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 22 au 27 avril 2009. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lux/2010-31-inf-fra.pdf>.

560. Rapport au Gouvernement du Grand-Duché de Luxembourg relatif à la visite effectuée au Luxembourg par le Comité européen pour la prévention de la torture et des peines ou traitements inhumains ou dégradants (CPT) du 2 au 7 février 2003. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lux/2004-12-inf-fra.pdf>.

561. Report to the Albanian Government on the visit to Albania carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 4 to 14 February 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/alb/2016-06-inf-eng.pdf>.

562. Report to the Austrian Government on the visit to Austria carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 15 to 25 February 2009. – URL: <http://www.cpt.coe.int/en/states/aut.htm>.

563. Report to the Bulgarian Government on the visit to Bulgaria carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 20 February 2015. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bgr/2015-36-inf-eng.pdf>.

564. Report to the Croatian Government on the visit to Croatia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 19 to 27 September 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/hrv/2014-09-inf-eng.pdf>.

565. Report to the Czech Government on the visit to the Czech Republic carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 1 to 10 April 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cze/2015-18-inf-eng.pdf>.

566. Report to the Danish Government on the visit to Denmark carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 4 to 13 February 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/dnk/2014-25-inf-eng.pdf>.

567. Report to the Estonian Government on the visit to Estonia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 30 May to 6 June 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/est/2014-01-inf-eng.pdf>.

568. Report to the Finnish Government on the visit to Finland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 22 September to 2 October 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/fin/2015-25-inf-eng.pdf>.

569. Report to the Finnish Government on the visit to Finland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 7 to 17 June 1998. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/fin/1999-09-inf-eng.pdf>.

570. Report to the Finnish Government on the visit to Finland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 10 to 20 May 1998. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/fin/1993-08-inf-eng.pdf>.

571. Report to the German Government on the visit to Germany carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading

Treatment or Punishment (CPT) from 25 November to 7 December 2010. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/deu/2012-06-inf-eng.pdf>.

572. Report to the German Government on the visit to Germany carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 25 November to 2 December 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/deu/2014-23-inf-eng.pdf>.

573. Report to the Government Iceland on the visit to Iceland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 18 to 24 September 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/isl/2013-38-inf-eng.pdf>.

574. Report to the Government Ireland on the visit to Ireland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 16 to 26 September 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/irl/2015-38-inf-eng.pdf>.

575. Report to the Government of Belgium and the Netherlands on the visit to Tilburg Prison carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 9 to 18 June 2009. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bel/2012-19-inf-eng.pdf>.

576. Report to the Government of Bosnia and Herzegovina on the visit to Bosnia and Herzegovina carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 29 September to 9 October 2015. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/bih/2016-17-inf-eng.pdf>.

577. Report to the Government of Cyprus on the visit to Cyprus carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 19 May 2008. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cyp/2012-34-inf-eng.pdf>.

578. Report to the Government of Cyprus on the visit to Cyprus carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 23 September to 1 October 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cyp/2014-31-inf-eng.pdf>.

579. Report to the Government of Montenegro on the visit to Montenegro carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 20 February 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mne/2014-16-inf-eng.pdf>.

580. Report to the Government of Serbia on the visit to Serbia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 26 May to 5 June 2015. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/srb/2016-21-inf-eng.pdf>.

581. Report to the Government of the Netherlands on the visit to the Caribbean part of the Kingdom of the Netherlands carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 22 May 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nld/2015-27-inf-eng.pdf>.

582. Report to the Government of the Netherlands on the visit to the Netherlands carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 10 to 21 October 2011. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nld/2012-21-inf-eng.pdf>.

583. Report to the Government of the Principality of Liechtenstein on the visit to Liechtenstein carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 5 to 9 February 2007. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lie/2008-20-inf-eng.pdf>.

584. Report to the Government of the Republic of Moldova on the visit to the Republic of Moldova carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 14 to 25 September 2015. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806975da>.

585. Report to the Government of the Slovak Republic on the visit to the Slovak Republic carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 24 March to 2 April 2009. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/svk/2010-01-inf-eng.pdf>.

586. Report to the Government of the Slovak Republic on the visit to the Slovak Republic carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 24 September to 3 October 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/svk/2014-29-inf-eng.pdf>.

587. Report to the Government of the United Kingdom on the visit to Gibraltar carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 17 November 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/gbr/2015-40-inf-eng.pdf>.

588. Report to the Greek Government on the visit to Greece carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 14 to 23 April 2015. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/grc/2016-04-inf-eng.pdf>.

589. Report to the Greek Government on the visits to Greece carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 18 April and 19 to 25 July 2016. – URL: <https://www.coe.int/en/web/cpt/greece>.

590. Report to the Hungarian Government on the visit to Hungary carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 3 to 12 April 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/hun/2014-13-inf-eng.pdf>.

591. Report to the Italian Government on the visit to Italy carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 25 May 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ita/2013-32-inf-eng.pdf>.

592. Report to the Latvian Government on the visit to Latvia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 17 September 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lva/2014-05-inf-eng.pdf>.

593. Report to the Lithuanian Government on the visit to Lithuania carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading

Treatment or Punishment (CPT) from 27 November to 4 December 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ltu/2014-18-inf-eng.pdf>.

594. Report to the Maltese Government on the visit to Malta carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 26 to 30 September 2011. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/mlt/2013-12-inf-eng.pdf>.

595. Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 18 to 27 May 2011. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2011-33-inf-eng.pdf>.

596. Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 3 to 10 October 2005. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2006-14-inf-eng.pdf>.

597. Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 23 September 1999. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2000-15-inf-eng.pdf>.

598. Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 17 to 21 March 1997. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/1997-11-inf-eng.pdf>.

599. Report to the Norwegian Government on the visit to Norway carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 27 June to 6 July 1993. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/1994-11-inf-eng.pdf>.

600. Report to the Polish Government on the visit to Poland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 5 to 17 June 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/pol/2014-21-inf-eng.pdf>.

601. Report to the Portuguese Government on the visit to Portugal carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 13 to 17 May 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/prt/2013-35-inf-eng.pdf>.

602. Report to the Slovenian Government on the visit to Slovenia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 31 January to 6 February 2012. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/svn/2013-16-inf-eng.pdf>.

603. Report to the Slovenian Government on the visit to Slovenia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 28 March to 4 April 2017. – URL: <https://rm.coe.int/pdf/168074adf9>.

604. Report to the Spanish Government on the visit to Spain carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 14 to 18 July 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/esp/2015-19-inf-eng.pdf>.

605. Report to the Swedish Government on the visit to Sweden carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 9 to 18 June 2009. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/swe/2009-34-inf-eng.pdf>.

606. Report to the Ukrainian Government on the visit to Ukraine carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 9 to 16 September 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ukr/2015-21-inf-eng.pdf>.

607. Report to the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (UNMIK) on the visit to Kosovo carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 15 to 22 April 2015. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/kosovo/2015-04-28-eng.htm>.

608. Response of the Czech Government to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to the Czech Republic from 1 to 10 April 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/cze/2015-29-inf-eng.pdf>.

609. Response of the Government of San Marino to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to San Marino from 8 to 11 February 2005. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/smr/2008-10-inf-eng.pdf>.

610. Response of the Government of San Marino to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to San Marino from 29 January to 1 February 2013. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/smr/2014-34-inf-eng.pdf>.

611. Response of the Government of the Netherlands to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to the Caribbean part of the Kingdom of the Netherlands from 12 to 22 May 2014. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nld/2015-28-inf-eng.pdf>.

612. Response of the Norwegian Government to the report of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) on its visit to Norway from 18 to 27 May 2011. – URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/nor/2012-20-inf-eng.pdf>.

613. Заключительные замечания Комитета по правам человека: Кипр, 30 апреля 2015, CCPR/C/CYR/4. – URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/CYP/CO/4&Lang=En.

614. Заключительные замечания Комитета против пыток: Германия, 12 декабря 2011, CAT/C/DEU/CO/5. – URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4f1d60192.html>.

615. Заключительные замечания Комитета против пыток: Франция, 20 мая 2010, CAT/C/FRA/4-6. – URL:

http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT/C/FRA/CO/4-6&Lang=En.

616. Комитет по правам человека. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Франции (CCPR/C/FRA/5). 17 августа 2015 г. – URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/182/67/PDF/G1518267.pdf?OpenElement>.

617. Комитет против пыток. Рассмотрение второго периодического доклада Республики Сербия по осуществлению Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Женева, 29-30 апреля 2015. – URL: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CAT/Shared%20Documents/SRB/INT_CAT_STA_SRB_20332_E.pdf.

618. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Эстония (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Estonia). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220486.pdf>.

619. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2014: Латвия (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Latvia). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236754.pdf>.

620. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Литва (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Lithuania). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220511.pdf>.

621. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2015: Беларусь (U.S. Department of State. Human Rights Report 2015: Belarus). – URL: <http://photos.state.gov/libraries/belarus/1320868/PDF/BELARUS-HRR-2015%20RUS%20FINAL.pdf>.

622. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Албания (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Albania). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220457.pdf>.

623. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Косово (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013:

- Kosovo). – URL: http://www.state.gov/libraries/kosovo/312585/pdf/hrr_kosovo_2013_serbian.pdf.
624. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Македония (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Macedonia). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220516.pdf>.
625. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Romania (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Romania). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220533.pdf>.
626. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Лихтенштейн (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Liechtenstein). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220510.pdf>.
627. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Швейцария (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Switzerland). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220549.pdf>.
628. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2009: Люксембург (US State Department Human Rights Country Report 2009: Luxembourg). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/160200.pdf/>.
629. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Португалия (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Portugal). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220531.pdf>.
630. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Испания (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Spain). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220546.pdf>.
631. Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2014: Италия (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Italy). – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236750.pdf>.
632. Объединенные нации прав человека. Управление Верховного комиссара. – URL:

http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=NLD&Lang=RU.

633. Организация Объединенных Наций. Комитет по правам человека. Заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Португалии, принятые Комитетом на его 106-й сессии (15 октября – 2 ноября 2012 года). – URL:

http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/PRT/CO/4&Lang=En.

634. Отчеты Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания по результатам посещения Лихтенштейна. – URL: <http://www.cpt.coe.int/en/states/lie.htm>.

635. Резюме, подготовленное Управлением Верховного комиссара по правам человека в соответствии с пунктом 15 с) приложения к резолюции 5/1 Совета по правам человека и пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета: Испания. Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Испания, 22 января 2015, A/HRC/WG.6/21/ESP/3. – URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/54c0e26d4.html>.

636. Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Ирландия, 18 июля 2016, A/HRC/33/17. – URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/57cd6c8d4.html>.

637. Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Бельгия, 11 июля 2011, A/HRC/18/3. – URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4e72e1832.html>.

638. Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Люксембург, 25 марта 2013, A/HRC/23/10. – URL: <http://www.refworld.org.ru/country,,,LUX,,,51b83e384,0.html>.

639. Совет по правам человека. Доклад рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Португалия, 7 июля 2014, A/HRC/27/7. – URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/53eb20264.html>.

640. Совет по правам человека. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору: Андорра, 15 июля 2015, A/HRC/30/9. – URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/55f6ce714.html>.

641. Совет по правам человека. Резюме, подготовленное Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека в соответствии с пунктом 15 с) приложения к резолюции 5/1 и пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека: Италия, 4 августа 2014, A/HRC/WG.6/20/ITA/3. – URL: <http://www.refworld.org.ru/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?page=search&docid=55b741984&skip=0&query=тюрьмах&coi=ITA>.

Электронные источники

642. 21st Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services. – URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/PRISONS/Conference_21_files/Draft%20Programme_%20Bil_CDPPS_latest%20version.pdf.

643. AIDS Journal. СПИД в тюрьмах Франции. – URL: http://www.aidsjournal.ru/journal/74_14.html.

644. Amnesty International 2016/2017. Права человека в мире. – URL: <https://amnesty.org.ru/pdf/AIR201617RUS.pdf>.

645. Amnesty International. – URL: <http://amnesty.org.ru/node/247/>.

646. Biographies of Penal Reform International Board Members, July 2013. – URL: <http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/02/Board-member-biographies-July-20131.pdf>.

647. Biographies of Penal Reform International Board Members, July 2013. – URL: <http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/02/Board-member-biographies-July-20131.pdf>.

648. Bulgarian Helsinki Committee. Independent non-governmental organisation for the protection of human rights. – URL: <http://www.bghelsinki.org/en/rights/prisons-and/>.

649. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – URL: http://www.bmfv.de/DE/Startseite/Startseite_node.html.

650. Centre for Crime and Justice Studies. Prison conditions in Latvia. – URL: <http://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/Prison%20conditions%20in%20Latvia.pdf>.

651. Centro Penitenciario Madrid VI. – URL: <http://www.abc.es/especiales/carceles-presos-famosos/cp-madrid-6.asp>.

652. Children of Prisoners Europe. – URL: <http://childrenofprisoners.eu/>.

653. Code de procédure pénale. Version consolidée au 13 décembre 2015. – URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=1040BB9418A46E51E32D9CB294A65047.tpdila16v_1?idSectionTA=LEGISCTA000006166189&cidTexte=LEGITEXT000006071154&dateTexte=20151216.

654. Convictus Ukraine. All-Ukrainian Charitable Organization. В Харькове прошёл семинар по обсуждению программ ресоциализации лиц, освобождённых из мест лишения свободы, и методов probation. – URL: <http://convictus.org.ua/en/node/809>.

655. Council of Europe Annual Penal Statistics: Space I - 2012 / Marcelo F. Aebi, Natalia Delgrande. Switzerland: University of Lausanne, 2014. – URL: <http://www.statewatch.org/news/2014/apr/coe-space-i-april-2014.pdf>.

656. Council of Europe anti-torture Committee visits Romania. A delegation of the Council of Europe's Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) carried out a periodic visit to Romania from 7 to 19 February 2018. – URL: <https://www.coe.int/en/web/cpt/-/council-of-europe-anti-torture-committee-visits-romania>.

657. Council of Europe. Conferences of Directors of Prison and Probation Services. – URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/Directors_en.asp.

658. Council of Europe. Conferences of Directors of Prison and Probation Services. 20th Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services. – URL:

http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/PRISONS/Conference_20_files/CDPPS_Programme%20E%20Bucharest%2007.04.15.pdf

659. Cretenot, M. Prison conditions in France. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union / M. Cretenot, B. Liaras. – URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinFrance.pdf>.

660. Cyprus looks to a public-private partnership to build a new prison. – URL: <http://www.balkans.com/open-news.php?uniquenumber=194601>.

661. Cyprus Prisons Department. – URL: http://www.cyprusnet.com/article_cyprus-prisons-department.

662. Department of Justice. Northern Ireland Prison Service: Prison rules. The Prison and Young Offenders Centre Rules (Northern Ireland) 1995 amended. – URL: <https://www.justice-ni.gov.uk/publications/northern-ireland-prison-service-prison-rules>.

663. Dores A.P., Pontes N., Loureiro R. Prison conditions in Portugal. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. – URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditioninPortugal.pdf>.

664. Drugs, crime and decriminalisation. Lisbon prison visit. – URL: <https://jmagson2013wcmr.wordpress.com/2013/10/16/lisbon-prison-visit/>.

665. E-News. В Швеции преступники вместо тюрьмы смогут пойти в... монастырь. – URL: <http://e-news.com.ua/show/146572.html>.

666. EURALIUS IV. Consolidation of the Justice System in Albania. – URL: <http://euralius.eu/en/about-us/what-we-do>.

667. EUROMAG Всё о Европе. Брейвик создаст партию. – URL: <http://www.euromag.ru/norway/39161.html>.

668. European Centre for Disease Prevention and Control (ECDC) and World Health Organization Regional Office for Europe. HIV/AIDS Surveillance in Europe 2011. Stockholm: ECDC. 2012. – URL: <http://www.ecdc.europa.eu/en/publications/Publications/20121130-Annual-HIV-Surveillance-Report.pdf>.

669. European Commission. Justice. Daphne III. – URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/programme/daphne-programme/index_en.htm.

670. European Commission. Justice. Study on the functioning of judicial systems in the EU Member States. Facts and figures from the CEPEJ questionnaires 2010-2012-2013. – URL: http://ec.europa.eu/justice/effective-justice/files/cepj_study_scoreboard_2015_en.pdf.

671. European Commission. Statement by Neven Mimica, Vice-President of the EC, on the case of Ildar Dadin, prisoner of conscience in Russia, extracts from the plenary session of the EP. – URL: <http://ec.europa.eu/avservices/video/player.cfm?sitelang=en&ref=I129521&videolang=EN>.

672. European Court of Human Rights. CASE OF VINTER AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122664>.

673. European Court of Human Rights. Country profile: Russia. – URL: http://www.echr.coe.int/Documents/CP_Russia_RUS.pdf.

674. European Justice. Rights of defendants in criminal proceedings – Slovenia. – URL: https://e-justice.europa.eu/content_rights_of_defendants_in_criminal_proceedings_-169-si-en.do?member=1.

675. European Monitoring Centre on Drugs and Drug Addiction. Prisons and drugs in Europe: the problem and responses. – URL: <http://www.emcdda.europa.eu/publications/selected-issues/prison>.

676. European Monitoring Centre on Drugs and Drug Addiction. Statistical bulletin 2013. – URL: <http://www.emcdda.europa.eu/stats13/duptab2b>.

677. European Prison Services. – URL: <http://www.euopris.org/expert-groups/expert-groupsfamily-relations/>.

678. Fortune. Spain has an empty prison problem. – URL: <http://fortune.com/2014/12/02/spain-empty-prison-problem/>.

679. G4S United Kingdom. Custodial and detention services. – URL: <http://www.g4s.uk.com/en-GB/What%20we%20do/Services/Care%20and%20justice%20services/Custodial%20Services/>.

680. GOV.UK. HM Prison Service. – URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/hm-prison-service>.
681. GOV.UK. HM Prison Service. Oral statement to Parliament. Prison reform. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prison-reform>.
682. Heard C. Alternatives to imprisonment in Europe. Centre for Crime and Justice Studies. – URL: <https://www.crimeandjustice.org.uk/resources/alternatives-imprisonment-europe>.
683. HMP Oakwood. – URL: <http://hmpoakwood.co.uk/>.
684. Human Rights Watch. Prison conditions in Romania. – URL: <http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/ROMANIA926.PDF>.
685. Innovative prison systems. Prison Services from Romania and Bulgaria sign cooperation agreement. – URL: <http://www.prisonssystems.eu/index.php/14-english/news/103-prison-services-from-romania-and-bulgaria-sign-cooperation-agreement>.
686. International Association of Penal Law. List of National Groups. – URL: <http://www.penal.org/en/list-national-groups>.
687. International Corrections and Prisons Association. Romanian National Folklore Festival for Prisoners – 2nd Edition. – URL: <http://icpa.ca/romanian-national-folklore-festival-for-prisoners-2nd-edition/>.
688. International Penal and Penitentiary Foundation. Publications. Jacek Pomiankiewicz. Prisoners doing life sentences in Polish prisons. – URL: <http://www.internationalpenalandpenitentiaryfoundation.org/Site/documents/popowo/21.%20Popowo%20-%20Jacek%20Pomiankiewicz.pdf>.
689. Internationale Rechtliche Zusammenarbeit e.v. (IRZ). Albania – annual report 2015. – URL: <http://www.irz.de/en/albania/18-albanien-laenderbericht/855-albania-annual-report-2015>.
690. Irish Penal Reform Trust (IPRT). Why Penal Reform? – URL: <http://www.iprt.ie/why-penal-reform>.

691. Irish Prison Service. Annual Report 2015. – URL: http://www.irishprisons.ie/wp-content/uploads/documents_pdf/12232-Irish-Prison-Service-AnnualReport2015-v7-2.pdf.

692. Juridicas N. Ley Orgánica 1/1979, de 26 de septiembre, General Penitenciaria / N. Juridicas. – URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/lo1-1979.tp.html.

693. JVA Hagen. Penitentiary Hagen, Nordrhein-Westfalen. – URL: <https://www.1a-jva.de/en/nordrhein-westfalen/jva-hagen.html>.

694. JVA Leipzig with hospital. Penitentiary Leipzig with hospital, Sachsen. – URL: <https://www.1a-jva.de/en/sachsen/jva-leipzig-with-hospital.html>.

695. JVA Schwäbisch-Gmünd. Penitentiary Schwäbisch-Gmünd, Baden-Württemberg. – URL: <https://www.1a-jva.de/en/baden-wuerttemberg/jva-schwaebisch-gmuend.html>.

696. Kamenska, A. Prison conditions in Latvia. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union / A. Kamenska, I. Pūce, K. Laganovska. – URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinLatvia.pdf>.

697. Koulouris, N.K. Prison conditions in Greece. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union / N.K. Koulouris, W. Aloskofis. – URL: http://www.prisonobservatory.org/index.php?option=com_content&view=article&id=14&Itemid=118#FOREIGN_NATIONALS.

698. Legalans. Всеукраинский юридический портал. Уголовную юстицию по делам несовершеннолетних реформируют. – URL: <http://legalans.com/articles/news/1996-ugolovnyu-yusticiyu-po-delam-nesovershennoletnih-reformiruyut.html>.

699. Legislation.gov.uk. Prison Act (Northern Ireland) 1953. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/apni/1953/18>.

700. Legislationline. Criminal Code of Bosnia and Herzegovina (2003, amended 2015) (English version). – URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/40>.

701. Legislationline. Criminal Code of the Kingdom of Belgium (1867, as of 2010). – URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>.

702. Legislationline. Criminal Code of the Kingdom of Spain (1995, as of 2011) (English version). – URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/2>.

703. Legislationline. Criminal Code of the Republic of Hungary (2012) (English version). – URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/25>.

704. Legislationline. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. Spain. Constitution of the Kingdom of Spain (1978) (English version). – URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/constitutions/country/2>.

705. Legislationline. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. Portugal. Criminal Code of Portugal (2006) (English version). – URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/9>.

706. Legislationline. United Kingdom Prison Service (in progress). The Prison Rules (1999). – URL: <http://legislationline.org/en/topics/country/53/topic/13>.

707. London Shakespeare Workout (LSW). – URL: <http://www.lswproductions.co.uk/theirvoicereport.htm>.

708. Luxemburg Wort. New Luxembourg prison gets green light. – URL: <http://www.wort.lu/en/politics/chamber-of-deputies-new-luxembourg-prison-gets-green-light-53a307b2b9b3988708039731>.

709. Mapping the Gulag. Russia's prison system from the 1930s to the present. The number of prisoners in colonies of different types per 100,000 population. – URL: <http://www.gulagmaps.org/maps/map.php?series=5&map=ratio>.

710. Marietti, S. Prison conditions in Italy. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union / S. Marietti. – URL: http://www.prisonobservatory.org/upload/Italy_Peniten.pdf.

711. Northern Ireland Assembly. Official Report (Hansard). Committee for Justice. – URL: <http://www.niassembly.gov.uk/assembly-business/official->

report/committee-minutes-of-evidence/session-2014-2015/october-2014/prison-service-reform-and-management-of-drugs-misuse-northern-ireland-prison-service/.

712. Observatory on the Penal System and Human Rights (OSPDH). – URL: <http://www.ub.edu/ospdh/>.

713. Ocana, M.A. Prison conditions in Spain. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union / M.A. Ocana. – URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinSpain.pdf>.

714. Penal Reform International. – URL: <http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2014/02/Information-Brochure-English.pdf>.

715. Presentation Italian prison system. – URL: http://www.lpps.eu/pdf/italian_prison_system.pdf.

716. Prisiones. Centro Penitenciario de Aranjuez - Madrid VI. – URL: http://www.prisiones.info/centro_penitenciario/madrid/aranjuez_madrid_VI.html.

717. Prison Fellowship International. Leadership. – URL: <https://pfi.org/who-we-are/leadership/>.

718. Prison policy, prison regime and prisoners' rights in the Netherlands under the 1998: Penitentiary Principles Act. – URL: http://www.internationalpenalandpenitentiaryfoundation.org/Site/documents/Stavern/23_Stavern_Report%20Netherlands.pdf.

719. Prison populations in Europe-looking at the numbers. – URL: <http://www.thefreelibrary.com/Prison+populations+in+Europe--looking+at+the+numbers.-a0166693437>.

720. Rights International Spain: Balanç 2015 sobre DDHH a Espanya. – URL: <http://www.rightsinternationalspain.org/uploads/publicacion/9923b4f958c3e6164a0ad5e8130ba0de71bf15e7.pdf>.

721. Scottish Government. HM Chief Inspector of Prisons for Scotland Annual Report 2013-2014. – URL: <http://www.gov.scot/Resource/0045/00454059.pdf>.

722. Scottish Partnership for Palliative Care. A vision for the future of Palliative and End of Life Care. – URL:

<https://www.palliativecarescotland.org.uk/content/publications/Adrienne-Betteley-and-Diana-Hekerem-presentation.pdf>.

723. Scottish Prison Service. The Prisons and Young Offenders Institutions (SCOTLAND) Rules 2011. – URL: <http://www.sps.gov.uk/Corporate/Information/PrisonRulesandDirections.aspx>.

724. Serco Grope plc. Custodial Services. – URL: <https://www.serco.com/markets/homeaffairs/custodial>.

725. Sodexo. Quality of life services. Prisons in our portfolio. – URL: <http://uk.sodexo.com/home/services/on-site-services/justice-services/prisons-in-our-portfolio.html>.

726. Spain's 'ghost prisons' hit by funding shortfall. – URL: <http://www.thelocal.es/20141112/spains-ghost-prisons-hit-by-funding-shortfall>.

727. StirilePRO. Prima inchisoare privata din Romania va fi si una mobile. – URL: <http://stirileprotv.ro/stiri/actualitate/prima-inchisoare-privata-din-romania-va-fi-si-una-mobila.html>.

728. STRONG – Capacity building for female prisoners with a history of violence and abuse. – URL: <http://www.heuni.fi/en/index/researchareas/prison/strong-capacitybuildingforfemaleprisonerswithahistoryofviolenceandabuse.html>.

729. STRONG – Capacity building of female prisoners with a history of violence and abuse – Resource Material – WIAD - Scientific Institute of the Medical Association of German Doctors, Bonn, Germany. Project Manager: Dr Caren Weilandt, 2013. – URL: http://philipus.de/daphne-strong.eu/DOCS/final_material/resource_material_UK.pdf.

730. Subramanian, R. Sentencing and Prison Practices in Germany and the Netherlands: Implications for the United States. OCTOBER 2013 / R. Subramanian, A. Shames. URL: <http://www.vera.org/sites/default/files/resources/downloads/european-american-prison-report-v2.pdf>.

731. System of punishment in Sweden: basics of criminal policy. – URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2013/04/41/>.

732. The European Institute for Crime Prevention and Control, affiliated with the United Nations (HEUNI). Morag MacDonald. A Comparative Report of Health Care Provisions in Prisons in Poland, Hungary and the Czech Republic. – URL: <http://www.heuni.fi/material/attachments/heuni/papers/6Ktkk96b1/HP19Painoon2.pdf>.

733. The execution of sentences and measures in Switzerland: An overview of the system and execution of sentences and measures in Switzerland for adults and juveniles. – Federal Department of Justice and Police FDJ. – URL: <http://www.ejpd.admin.ch/ejpd/en/home.html>.

734. The execution of sentences and measures in Switzerland: An overview of the system and execution of sentences and measures in Switzerland for adults and juveniles. – Federal Department of Justice and Police FDJ (Уголовный кодекс Швейцарии). – URL: <https://www.bj.admin.ch/dam/data/bj/sicherheit/smv/dokumentation/smv-ch-e.pdf>

735. The execution of sentences and measures in Switzerland: An overview of the system and execution of sentences and measures in Switzerland for adults and juveniles (Статистика по исправительным учреждениям Швейцарии). – Federal Department of Justice and Police FDJ. – URL: <https://www.bj.admin.ch/dam/data/bj/sicherheit/smv/dokumentation/smv-ch-e.pdf>.

736. The Swedish prison system. – URL: http://www.internationalpenalandpenitentiaryfoundation.org/Site/documents/Stavern/29_Stavern_Report%20Sweden.pdf.

737. The Telegraph. News. Queen's Speech: the key points. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/05/18/what-to-expect-from-the-queens-speech>.

738. Theguardian. Prison staff shortages approaching tipping point, says top governor. URL: <http://www.theguardian.com/society/2014/oct/14/prison-staff-shortages-governor>.

739. United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI). Prison and drug use: management, costs and criteria Enhancing prevention and treatment and promoting alternative measures. – URL: http://www.unicri.it/news/article/2015-09-23_.

740. VISITCOPENHAGEN. The official Website. – URL: <http://www.visitcopenhagen.com/copenhagen/vestre-prison-gdk663227>.

741. VLADA REPUBLIKE HRVATSKJE. Об исполнении наказаний в виде тюремного заключения. – URL: <http://www.digured.hr/cadial/searchdoc.php?action=search&lang=hr&query=zatvor&search-Text=on&searchTitle=on&resultdetails=basic&bid=COkeDZd2DQ7G9WVgOD4utg%3d%3d&annotate=on>.

742. Vocational training In Prison. The National Administration of the Penitentiary in Romania. – URL: <http://vip-project.tk/sites/default/files/vip/Romania%20prison%20systems.pdf>.

743. World Health Organization. Health in prisons. A WHO guide to the essentials in prison health. – URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0009/99018/E90174.pdf.

744. World Health Organization. Regional office for Europe. – URL: <http://www.euro.who.int/en/countries/malta>.

745. Администрация тюремной и судебной службы Словакии. Статистика. – URL: http://www.zvjs.sk/index.php?po%E8ty_obvinen%FDch_a_ods%FAden%FDch.

746. Альперн, Л. Тюрмы в Италии / Л. Альперн. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Tyur-my-v-Italii>.

747. Венгерская тюремная служба. – URL: <http://www.bvor.hu>.

748. Географический справочник «О странах». – URL: http://ostranah.ru/_lists/life_expectancy.phd.

749. Главное управление тюрем Албании. – URL: <http://www.dpbsh.gov.al>.

750. Годовой отчет Конференции кантональных директоров, социальных и общественных директоров (SODK). 2013. – URL: http://www.sodk.ch/fileadmin/user_upload/Ueber_die_SODK/Plenarversammlung/JaKo_2013/2013.07.04_SODK_JB12_D_WEB.pdf.

751. Государственное управление по исполнению уголовных наказаний Черногории. – URL: <http://www.ziks.me/>.

752. Департамент тюрем при Министерстве юстиции Литовской республики. – URL: <http://www.kaldep.lt/ru/departament-penitenciarnych-utchrezdenii/html>.

753. Департамент юстиции Северной Ирландии. – URL: <https://www.justice-ni.gov.uk/topics/prisons>.

754. Договор от 4 июня 1982 года между Княжеством Лихтенштейн и Австрийской Республикой на размещение заключенных. – URL: https://www.gesetze.li/get_pdf.jsp?PDF=1983039.pdf.

755. Закон «Об аресте и передаче лиц между странами Северной Европы». – URL: <http://www.althingi.is/lagas/nuna/2010012.html>.

756. Закон Австрийской Республики об исполнении наказания в виде лишения свободы и иных мер, связанных с изоляцией осужденных. – URL: https://www.justiz.gv.at/web2013/file/8ab4ac8322985dd501229ce2e2d80091.de.0/broschuere_oesterr_justiz_en_download.pdf.

757. Закон Исландии «Об исполнении приговоров». – URL: <http://www.fangelsi.is/media/stofnunin/Execution-of-Sentences-Act-No.-49-of-17-May-2005.pdf>.

758. Закон Исландии «Об исполнении приговоров». – URL: <http://www.fangelsi.is/media/stofnunin/Execution-of-Sentences-Act-No.-49-of-17-May-2005.pdf>.

759. Закон кантона Цюрих об Управлении Юстиции и Внутренних дел. – URL: [http://www2.zhlex.zh.ch/appl/zhlex_r.nsf/0/F616C77BBA988FCFC1257D160029AF6E/\\$file/172.110.1_16.9.09_86.pdf](http://www2.zhlex.zh.ch/appl/zhlex_r.nsf/0/F616C77BBA988FCFC1257D160029AF6E/$file/172.110.1_16.9.09_86.pdf).

760. Закон Королевства Норвегии «Об исполнении уголовных наказаний». – URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2001-05-18-21>.

761. Закон Мальты о тюрьмах. – URL: <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lom&itemid=8753&l=1>.

762. Закон Франции «О тюрьмах». – URL: http://translate.google.com/translate?depth=2&hl=ru&ie=UTF8&nv=1&prev=_t&rurl=translate.google.com&sl=fr&tl=ru&u=http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do%3FcidTexte%3DJORFTEXT000021312171%26categorieLien%3Did.

763. Закон Черногории «Об исполнении уголовных наказаний». – URL: <http://www.hracion.org/wp-content/uploads/Zakon-o-izvrseju-krivicnih-sankcija.pdf>.

764. Закония. В Венгрии заключенные отправляются на заработки в «летнюю тюрьму». – URL: <http://www.zakonia.ru/news/72/80373>.

765. Закония. Как организуется труд заключенных во Франции. – URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/53017>.

766. Законодательство стран СНГ. Закон Республики Молдова от 17 декабря 1996 года №1036-XIII «О пенитенциарной системе». – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3483.

767. Законодательство стран СНГ. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24 декабря 2004 года №443-XV. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7708.

768. Законодательство стран СНГ. Постановление Правительства Республики Молдова от 26 мая 2006 года № 583 «Об утверждении Устава отбывания наказания заключенными». – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=13201.

769. Исправительные программы в тюрьмах Исландии. – URL: <http://www.fangelsi.is/media/greinar/Ad-afplanun-lokinni.pdf>.

770. Канцелярия Канцлера юстиции Эстонии. – URL: <http://oiguskantsler.ee/ru/mesta-lisheniya-svobody-v-estonii>.

771. Княжество Андорра. – URL: http://www.andorramania.com/constit_gb.htm.

772. Косовская исправительная служба. – URL: <http://www.md-ks.net/>.

773. КРЕМЕНЧУГ. online. Сотрудники Кременчугской воспитательной колонии приняли участие в семинаре. – URL:

<https://kremenchug.ua/news/kaleidoscope/33367-sotrudniki-kremenchugskoy-vospitatelnoy-kolonii-prinyali-uchastie-v-seminare.html>.

774. Международный Центр тюремных исследований (International Centre for Prison Studies). World Prison Brief. Belgium. – URL: <http://www.prisonstudies.org/country/belgium>.

775. Международный Центр тюремных исследований (International Centre for Prison Studies). Spain. – URL: <http://www.prisonstudies.org/country/spain>.

776. Министерство Правосудия Республики Словения. Тюремная администрация. Органы приведения в исполнение приговоров. – URL: http://www.mp.gov.si/si/o_ministrstvu/ursiks_organ_v_sestavi/izvrsevanje_kazenskih_sankcij/.

777. Министерство правосудия Хорватии. Тюремная администрация. – URL: <https://pravosudje.gov.hr/zatvorski-sustav/6150>.

778. Министерство юстиции Албании. Правовые документы. – URL: <http://www.drejtesia.gov.al/al/program/shteti-i-se-drejt-es-dhe-demokratizimi-I-shoqerise&usg=ALkJrhvhvxCs4Y0oHaMpy1hkSGXecPhKSA>.

779. Министерство юстиции Российской Федерации. Промежуточный отчет/План дальнейших действий по исполнению «пилотного» постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России» (вынесено 10 января 2012 г., вступило в силу 10 апреля 2012 г.). – URL: <http://minjust.ru/ru/node/4791>.

780. Министерство юстиции Черногории. – URL: <http://www.pravda.gov.me/biblioteka/pravilnici?pagerIndex=1>.

781. Министерство юстиции, доступности правосудия и прав человека Греции. Пенитенциарная система. – URL: <http://www.ministryofjustice.gr/site/en/PenitentiarybrSystem/PreventionandControlofCrime.aspx>

782. На соответствующие полномочия кантонов указывается в п. 1 ст. 372, ст. 377, ст. 378 УК Швейцарии (Switzerland Criminal Code). Швейцарский уголов-

ный кодекс от 21 декабря 1937 года (с поправками на 1 января 2015 года). – URL: <https://www.admin.ch/ch/e/rs/3/311.0.en.pdf>.

783. Общественное объединение «Наблюдение за местами лишения свободы». – URL: <http://www.azpenalreform.az/ru/library/stats/europe/>.

784. Отдел по исполнению уголовных наказаний Боснии и Герцеговины. – URL: <http://www.fmp.gov.ba>.

785. Официальный сайт Агентства уголовных санкций Финляндии. Руководство для заключенных. – URL: http://rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/vanki-jataraajaoppaat/9AwfHtAF/PELSON_VANKIOPAS_2014_venaja.pdf.

786. Официальный сайт Агентства уголовных санкций Финляндии. Трудовая деятельность. – URL: <http://www.rikosseuraamus.fi/en/index/enforcement/activities/workactivity.html>.

787. Официальный сайт Администрации тюремной и судебной службы Словакии. Новости. – URL: <http://www.zvjs.sk/index.php?news=1300>.

788. Официальный сайт Генеральной дирекции реинтеграции и тюрем Португалии. – URL: <http://www.dgsp.mj.pt/>.

789. Официальный сайт Генеральной дирекции тюремной администрации Испании. – URL: <http://www.institucionpenitenciaria.es/>.

790. Официальный сайт Генеральной дирекции тюремной администрации Испании. Тюрьмы. – URL: <http://www.institucionpenitenciaria.es/web/portal/idioma/en/centrosPenitenciarios>.

791. Официальный сайт Государственного Секретариата внутренних дел и юстиции Республики Сан-Марино. – URL: <http://www.interni.segreteria.sm/online/home/istituzioni>.

792. Официальный сайт Государственной администрации тюрем и probationи Министерства внутренних дел Исландии. – URL: <http://eng.innanrikisraduneyti.is/ministry/Institutions/>.

793. Официальный сайт Государственной пенитенциарной службы Украины. Карта. – URL: <http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/uk/map>.

794. Официальный сайт Государственной пенитенциарной службы Украины. Уголовно-исполнительный кодекс Украины. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1129-15?test=4/UMfPEGznhhX9Y.Zilv8WBaHdlq.sFggkRbI1c>.

795. Официальный сайт государственной тюрьмы Kragshovhede. – URL: <http://www.kragshovhede.dk/Praktisk-information-3565.aspx>.

796. Официальный сайт Департамента исправительных учреждений Министерства юстиции и общественной безопасности Норвегии. – URL: <http://www.regjeringen.no/en/dep/jd.html?id=463>

797. Официальный сайт Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Молдавии. – URL: <http://www.penitenciar.gov.md/ro/statistica>.

798. Официальный сайт Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Италии. – URL: <http://www.giustizia.it/giustizia/>.

799. Официальный сайт Департамента тюрем при Министерстве юстиции Дании. – URL: <http://www.kriminalforsorgen.dk/Serving-a-prison-sentence-687.aspx>.

800. Официальный сайт Департамента юстиции Каталонии. – URL: <http://justicia.gencat.cat/ca/inici/>.

801. Официальный сайт Департамента юстиции Каталонии. Пенитенциарные центры. – URL: http://justicia.gencat.cat/ca/ambits/reinsercio_i_serveis_penitenciaris/serveis_penitenciaris/els_centres_penitenciaris/.

802. Официальный сайт исправительного учреждения «Коррадио». – URL: <https://homeaffairs.gov.mt/en/MHAS-Departments/Corradino-Correctiona>.

803. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Структура уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. – URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=3491>.

804. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Международное сотрудничество. – URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=221863>.

805. Официальный сайт Министерства юстиции Бельгии. – URL: http://justice.belgium.be/fr/nouvelles/communiqués_de_presse/news_pers_2015-05-04.jsp?referer=tcm:421-266605-64.

806. Официальный сайт Министерства юстиции Бельгии. – URL: http://justice.belgium.be/fr/themes_et_dossiers/prisons/prisons_belges/prisons/.

807. Официальный сайт Министерства юстиции и внутренних дел Мальты. – URL: <http://www.mjha.gov.mt>.

808. Официальный сайт Министерства юстиции и общественного порядка Республики Кипр. – URL: http://www.mjpo.gov.cy/mjpo/mjpo.nsf/page25_en/page25_en?OpenDocument.

809. Официальный сайт Министерства юстиции Люксембурга. – URL: <http://www.mj.public.lu/index.html>.

810. Официальный сайт Министерства юстиции Люксембурга. Отчеты о деятельности Министерства юстиции. – URL: http://www.mj.public.lu/chiffres_cles/index.html.

811. Официальный сайт Министерства юстиции Финляндии. – URL: <http://www.oikeusministerio.fi/en/>.

812. Официальный сайт Министерства юстиции Франции. – URL: <http://www.annuaire.justice.gouv.fr/etablissements-penitentiaires-10113/>.

813. Официальный сайт Национального агентства исправительных учреждений Нидерландов. – URL: <http://www.gevangenis.nl>.

814. Официальный сайт Национальной полиции Лихтенштейна. – URL: www.landespolizei.li.

815. Официальный сайт Национальной тюремной и пенитенциарной администрации Министерства юстиции Исландии. – URL: <http://www.fangelsi.is>.

816. Официальный сайт пенитенциарного учреждения Лихтенштейна (Landesgefängnis Fürstentum Liechtenstein). – URL: <http://www.xn--gefängnis-2za.li/default.aspx>.

817. Официальный сайт Пенитенциарной полиции Италии. – URL: <http://www.polizia-penitenziaria.it/>.

818. Официальный сайт правительства Андорры. – URL: <http://www.govern.ad/ministeri-de-justicia-i-interior>.

819. Официальный сайт Правительства Лихтенштейна. – URL: <http://www.llv.li>.

820. Официальный сайт Правительства Монако. – URL: <http://cloud.gouv.mc/Dataweb/Jourmon.nsf/56ae81d1d4180496c12568ce002f290a/369cd28f8e652c9dc1257a550051e2ad!OpenDocument>.

821. Официальный сайт Правительства Монако. Закона Монако «Об организации тюремной администрации и предварительного заключения». – URL: <http://www.legimonaco.mc/305/legismclois.nsf/ViewTNC/AAC0BF1E74F19CC3C1257A240031CA9D!OpenDocument>.

822. Официальный сайт правительства Португалии. – URL: <http://www.portugal.gov.pt/en/the-ministries/ministry-of-justice.aspx>.

823. Пенитенциарная система Словакии. – URL: <http://platformarb.com/penitenciarnaya-slovakiya/>.

824. Пенитенциарная система Швейцарии. – URL: <http://www.ejpd.admin.ch/ejpd/en/home.html>.

825. Пенитенциарная система Швеции. – URL: <http://www.azpenalreform.az/ru/library/stats/116-rabota-sistemy-penitenciarnykh.html>.

826. Пенитенциарная служба Австрии. – URL: <https://www.justiz.gv.at/web2013/html/default/2c94848642ec5e0d0143e7f4ec274524.de.html>.

827. Подборка, подготовленная Управлением Верховного комиссара по правам человека в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека: Германия, 2013. – URL: <http://www.refworld.org.ru/country,COI,,,DEU,,52319bc34,0.html>.

828. Программа развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году. – URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843>.

829. Российское национальное отделение Международной ассоциации уголовного права. – URL: <http://aidp-russia.ru/>.

830. Русский очевидец. Эта «сладкая» тюремная жизнь. – URL: <http://rusoch.fr/lang/ru/tour/eta-sladkaya-tyuremnaya-zhizn-cette-douce-vie-carcerale.html>.

831. Сайт «GEOVECTOR.RU». – URL: http://geovector.ru/p/geo_51703.html.

832. Сайт Академии Норвегии подготовки тюремного персонала KRUS. – URL: <http://www.krus.no/en/Prison-School/Frequently-Asked-Questions/>.

833. Служба тюремного заключения и пробации (Kriminalvården) Швеции. – URL: <https://www.kriminalvarden.se/swedish-prison-and-probation-service/prison/security-and-classification>.

834. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы». – URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/946/>.

835. Турчина, М.О. Пенитенциарные системы: сравнительный анализ организационно-правовых форм. Позиция международных организаций. Пенитенциарная система, управляемая министерством юстиции / М.О. Турчина. – URL: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Pravo/72831.doc.htm.

836. Тюремная служба Ирландии. – URL: <http://www.irishprisons.ie>.

837. Тюремная служба Польши. Европейские партнеры Тюремной службы. – URL: <http://www.sw.gov.pl/pl/o-sluzbie-wieziennej/wspolpraca-miedzynarodowa>.

838. Тюремная служба Польши. Закон о Тюремной службе. – URL: <http://www.sw.gov.pl/Data/Files/kunickim/dopobrania/ustawa-z-dnia-9-kwietnia-2010--o-sluzbie-wieziennej---lj.pdf>

839. Тюремная служба Чешской Республики. Организация и структура. – URL: <http://www.vscr.cz/generalni-reditelstvi-19/o-nas/organizacni-struktura-2>

840. Тюремная служба Шотландии. Тюрмы. – URL: <http://www.sps.gov.uk/Corporate/Prisons/Prisons.aspx>.

841. Тюремная служба Эстонии. – URL: <http://www.vangla.ee/ru>.
842. Тюремные правила исландских тюрем (Reglur fangelsa nr. 54/2012 10. janúar 2012). – URL: <http://www.fangelsi.is/fangelsismalastofnun-rikisins/log-reglugerdir/>.
843. Тюрьма и воля. Центр содействия реформе уголовного правосудия. Кароли Бард. Альтернативные меры уголовного наказания. – URL: <http://www.prison.org/lib/comments/bard001.htm>.
844. Тюрьмы Бельгии. – URL: <http://translate.google.com/translate?hl=auto&tl=ru&u=http://just.fgov.be/>.
845. Тюрьмы Италии. – URL: <http://www.tyurma.com/tyurma-zarubezhom/tyurma-v-italii>.
846. Уголовный кодекс Мальты. – URL: <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lom&itemid=857>.
847. Уголовный кодекс Сан-Марино. – URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1253084&subID=100116531,100116532#text>.
848. Уголовный кодекс Швеции. – URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii.asp.
849. Управление пенитенциарных учреждений Румынии. Законодательство. – URL: <http://www.anp.gov.ro/legislatie>.
850. Управление пенитенциарных учреждений Румынии. Категории исправительных учреждений. – URL: <http://www.anp.gov.ro/en/web/anp/acasa>.
851. Управление по исполнению наказаний Македонии. Компетенция. – URL: http://www.pravda.gov.mk/organizacija_detail3.asp?lang=mak&id=5.
852. Управление по исполнению уголовных наказаний Сербии. Учреждения исполнения уголовных наказаний. – URL: <http://www.uiks.mpravde.gov.rs/cr/articles/ustanove-za-izvršenje-krivicnih-sankcija/>.

853. Федеральная служба исполнения наказаний. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. – URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

854. Федеральное статистическое бюро. – URL: http://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&hl=ru&prev=search&rurl=translate.google.ru&sl=de&u=http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/19/03/05/key/ueberblick/wichtigsten_zahlen.html&usg=ALkJrhgyhngbEo4SXu_lsqGtwupWrWetwA.

855. Центральный совет Бельгии по надзору в сфере тюрем. – URL: <http://translate.google.com/translate?hl=auto&tl=ru&u=http://just.fgov.be/>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

практических работников

Для достижения поставленных целей и задач диссертационного исследования в период с января по март 2018 года по заранее подготовленной анкете было проведено анкетирование 420 сотрудников территориальных органов ФСИН России, расположенных в 38 субъектах Российской Федерации.

Изложенные в анкетах вопросы отражали рабочие гипотезы диссертационного исследования и были посвящены: перспективам и целесообразности реаллизации зарубежного (европейского) опыта обращения с осужденными в отечественной практике исполнения уголовных наказаний, вопросам исправительного воздействия на осужденных..

Результаты анкетирования приводятся в процентном соотношении, цифры округлены до целых единиц. При ответах на некоторые вопросы респонденты давали несколько ответов, поэтому совокупные показатели вопроса не всегда могут образовывать 100 %. Для удобства восприятия результатов анкетирования в данном приложении ответы на вопросы распределены по порядку – от наибольшего процента ответов на вопрос к наименьшему.

1. Необходимо ли учитывать в процессе оптимизации отечественной уголовно-исполнительной системы практику функционирования пенитенциарных (исправительных) учреждений европейских государств?

- 1.1. да, необходимо .....54 %;
- 1.2. нет необходимости ..... 38 %;
- 1.3. затрудняюсь ответить ..... 8 %.

2. Какие, на ваш взгляд, причины в большей степени препятствуют реализации и снижают качество реализации международных стандартов обращения с

осужденными в отечественной практике исполнения уголовных наказаний (выберите не более чем четыре предложенных варианта ответов):

2.1. слабое финансирование, не позволяющее повышать качество жилищно-бытовых, медико-санитарных, организационно-технических, исправительно-воспитательных условий содержания осужденных . . . . . 56 %;

2.2. проблемы применения средств исправления осужденных . . . . . 45 %;

2.3. несоответствие таких стандартов социально-экономической ситуации в стране, что не позволяет значительно улучшать условия содержания осужденных в исправительных учреждениях . . . . . 42 %;

2.4. содержание большинства осужденных осуществляется в исправительных колониях, поэтому остается высокой вероятность негативного влияния на них криминальной субкультуры, что не дает возможности реализовать гуманные и демократичные методы обращения с осужденными . . . . . 18 %;

2.5 содержание большинства осужденных осуществляется в исправительных колониях, тогда как международные пенитенциарные стандарты в основном направлены на тюремную модель содержания заключенных . . . . . 16 %;

2.6. недостатки отечественного законодательства, приводящие к противоречиям с международными пенитенциарными (тюремными) стандартами . 13 %;

2.7. низкий профессионализм сотрудников исправительных учреждений, не способствующий эффективной реализации международных стандартов и правил обращения с осужденными . . . . . 3 %;

2.8. иное (обобщены ответы, вписанные самими сотрудниками):

2.8.1. нежелание государства их внедрять в практику исполнения уголовных наказаний . . . . . 6 %;

2.8.2. падение престижа профессиональной уголовно-исполнительной деятельности и низкая заработная плата . . . . . 8 %;

2.9. затрудняются ответить . . . . . 3 %.

3. Насколько целесообразно применять результаты исследования зарубежного права для оптимизации отечественного уголовно-исполнительного законодательства?

- 3.1. можно считать целесообразным, если это не противоречит отечественным традициям в сфере исполнения уголовных наказаний . . . . . 52 %;
- 3.2. целесообразно в любом случае . . . . . 20 %;
- 3.3. нецелесообразно . . . . . 18 %;
- 3.4. затрудняются ответить . . . . . 10 %.

4. Как вы считаете, приемлемо ли среди осужденных, отбывающих лишение свободы и претендующих на условно-досрочное освобождение, проводить конкурсный отбор, по результатам которого готовить представление в суд на тех осужденных, которые в наибольшей степени достойны быть условно-досрочно освобожденными?

- 4.1. это неприемлемо. . . . . 48 %;
- 4.2. да, это приемлемо . . . . . 34 %;
- 4.3. затрудняются ответить . . . . . 18 %.

5. Насколько целесообразно построение прогноза эффективности использования европейского опыта обращения с осужденными в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве?

- 5.2. необходимо для дальнейшей оценки результатов его применения . . . . . 52 %;
- 5.1. имеет значение для планирования реформы уголовно-исполнительной системы . . . . . 30 %;
- 5.3. имеет значение для повышения качества уголовно-исполнительного законодательства . . . . . 12 %;
- 5.4. затрудняюсь ответить . . . . . 6 %.

6. Есть ли необходимость проведения эксперимента (возможно достигающего по времени нескольких лет) по оценке основных результатов реализации европейского пенитенциарного опыта (например в части реализации тюремного режима содержания осужденных) в уголовно-исполнительном законодательстве и(или) организации деятельности исправительных учреждений?

- 6.1. да, есть необходимость . . . . . 78 %;
- 6.2. затрудняюсь ответить . . . . . 13 %;
- 6.3. нет необходимости . . . . . 9 %.

7. Как вы относитесь к перспективе создания частных тюрем (исправительных учреждений, контролируемых ФСИН России, но обслуживаемых частными подрядчиками (операторами))?

- 7.1. отрицательно . . . . . 79 %;
- 7.2. это возможно реализовать, но при условии существенного повышения гарантий и механизмов соблюдения прав осужденных с активным привлечением институтов гражданского общества (общественного контроля) . . . 19 %;
- 7.3. затрудняюсь ответить . . . . . 2 %.

8. Какие из обозначенных требований должны в первую очередь выступать условиями использования европейского опыта обращения с осужденными в оптимизации уголовно-исполнительного законодательства и всей системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания (выберите не более чем четыре предложенных варианта ответов)?

- 8.1. должная степень научной проработанности данного опыта . . . . .68 %;
- 8.2. должное правовое сопровождение использования данного опыта 59 %;
- 8.3. создание организационно-технических возможностей для этого (включая кадровую подготовку, техническое оснащение, медико-реабилитационную работу и др.) . . . . . 54 %;
- 8.4. криминологические особенности преступности . . . . . 45 %;

- 8.5. надлежащее финансирование соответствующих мероприятий (достаточность экономических ресурсов) ..... 34 %;
- 8.6. достаточная степень развитости демократических институтов и государственно-частного партнерства в сфере гарантирования и защиты прав человека .....27 %;
- 8.7. приемлемость такого опыта для сознания граждан .....18 %;
- 8.8. отсутствие противоречий с исторически сложившимися традициями и закономерностями развития отечественного законодательства .....12 %.

МЕТОДИКА КОНКУРСНОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО, ДАЮЩАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕГО К УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ

В целях наглядности и придания максимальной аргументированности соответствующих выводов и предложений, изложенных в диссертационном исследовании, разработана методика конкурсной процедуры отбора осужденных – кандидатов на условно-досрочное освобождение (далее – методика). Данная методика может быть применима в работе реформированной системы исправительных учреждений и в первую очередь нацелена на применение в тюрьмах и колониях поселениях.

Данная методика может выступать заключительным этапом реализации индивидуальной программы отбывания осужденными лишения свободы либо применяться безотносительно к указанной программе. При этом, индивидуальная программа отбывания лишения свободы – комплексный документ содержащий перечень мероприятий социально-бытового, медико-физиологического, психологического, образовательного, профессионально-трудового, социально-адаптационного, профилактического характера, что показывает её мультиплицированность, направленных на устранение причин и условий способствующих совершению осужденным преступлений, всестороннее позитивное развитие личности, его эффективное исправление и успешную социальную адаптацию лица после освобождения. Цель программы – достижение максимального исправительного эффекта уголовного наказания в виде лишения свободы. Задачи программы: 1) выявить при каких условиях исправление осужденного является наиболее прогрессивным и эффективным; 2) способствовать наиболее эффективному исправлению осужденного; 2) выявить, при наличии каких условий (показателей) осужденный может получить условно-досрочное освобождение.

Методика выбора приоритетного заявления при конкурсной оценке результатов поведения осужденного, дающая возможность представления его к условно-

досрочному освобождению, разработана на основе многокритериального подхода к анализу сложных проблем с использованием психофизического закона Вебера-Фехнера, метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий. Методика позволяет осуществлять выбор приоритетного заявления осужденного путем экспертной оценки превосходства одного критерия иерархии над другим и перехода от вербальных сравнений к числовым измерениям на основе критериально расположенных предположений о поведении осужденного.

Методика основывается на многокритериальном подходе, который обладает рядом следующих преимуществ по сравнению с однокритериальным подходом: 1) обеспечивает объективность анализа и оценок; 2) дает возможность количественной оценки качественных различий в сравниваемых вариантах оптимизируемой системы; 3) позволяет косвенно оценить труднооцениваемые и второстепенные факторы; 4) результаты расчетов даются в удобном аналитическом виде. В процессе оценки заявлений задействованы качественные различия в параметрах поведения осужденного, которые могут быть учтены только с помощью многокритериальной оптимизации – совокупности методов, направленных на определение эффективных значений переменных в условиях, когда заранее неизвестна глобальная целевая функция (преимущества конкретного осужденного), а поведение системы определяется сложной по структуре целью (исправление осужденного), которая распадается на существенные подцели, описываемые числовыми функциями.

Многокритериальный подход позволяет построить модель сравнения заявлений осужденных по нескольким критериям. Научное обоснование выбора метода сравнения критериев и метода оценки и сопоставления заявлений осужденных приводит в необходимости построения иерархии распределения заявлений по приоритетам, влияющим на их отбор в соответствии с целями, закрепленными уголовно-исполнительным законодательством в ч. 1 ст. 1 УИК РФ. При построении указанной иерархии сначала группируются элементы (в рамках конкретных критериев), влияющие на выбор заявления, на основе информации о свойствах этих элементов. Свойства групп рассматриваются в качестве следующего уровня

системы до тех пор, пока не будет достигнут верхний элемент, который является целью выбора заявления-победителя на конкурсе.

Приблизительные критерии (в пунктах 4-7, 9 приведены также элементы этих критериев) исправления осужденных, по которым производится оценка его исправления:

1. Соблюдение установленного режима содержания:
  - выполнение требований администрации исправительного учреждения;
  - успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ.
2. Отсутствие дисциплинарных взысканий.
3. Наличие мер поощрения.
4. Отношение к труду:
  - добросовестность;
  - инициатива.
5. Отношение к обучению и повышению своего образовательного уровня:
  - добросовестность;
  - инициатива.
6. Поведение в коллективе:
  - толерантное отношение к другим осужденным;
  - оказание администрации помощи в налаживании дисциплины.
7. Нравственные качества:
  - осознание своей вины;
  - закрепление имеющихся положительных нравственных качеств;
  - формирование нравственных привычек и убеждений;
8. Добровольное досрочное погашение материального ущерба либо гражданского иска.
9. Социально-полезные связи:
  - стремление заблаговременно решить вопросы о трудоустройстве и бытовом устройстве после освобождения;
  - забота о родителях, семье и детях.

10. Участие в общественной жизни и творческих мероприятиях.

Оценка относительной важности одного сравниваемого критерия (включая элементы по некоторым критериям) по сравнению с другим осуществляется с помощью психофизического закона Вебера-Фехнера, состоящего в аргументации постоянства относительной величины приращения раздражителя, вызывающего ощущение едва заметного различия, и постулатами о том, что: 1) едва заметный прирост ощущения является величиной постоянной и его можно применять (использовать) как единицу измерения ощущения (чтобы два сигнала можно было отличить друг от друга, разница между ними (величина дифференциального порога) должна быть пропорциональна величине меньшего сигнала); 2) возрастание порядкового числа ощущений пропорционально логарифму измерительного числа соответствующего раздражения (возрастание силы раздражения в геометрической прогрессии соответствует росту ощущения в арифметической прогрессии).

В соответствии с этим законом порядковый номер ощущений возрастает пропорционально логарифму порядкового номера соответствующего раздражителя, что приводит к тому, что с увеличением интенсивности раздражителя величина его ощущения растет не так быстро как сам раздражитель. Закон психофизики использован в методике конкурсной оценки результатов поведения лиц, отбывающих лишение свободы, в процессе выбора шкал сравнения критериев и заявлений осужденных между собой.

Для перевода процесса использования закон Вебера-Фехнера в числовое измерение (математический вид) в целях выбора шкалы сравнения критериев используется метод анализа иерархий Томаса Саати, в целях выбора шкалы сравнения заявлений осужденных – мультипликативный метод анализа иерархий, разработанный Ф.А. Лутсмой.

Согласно метода анализа иерархий (англ. АНР – analytical hierarchy process) в первую очередь осуществляется переход от вербальных сравнений к числам, что задается соответствующей шкалой с прогрессией в 2 шага (таблица А).

Шкала выявления относительной важности
критериев исправления осужденных
(для парного сравнения критериев)

Количественное выражение	Выражение относительной важности
8	Абсолютное превосходство
6	Значительное превосходство
4	Сильное превосходство
2	Умеренное превосходство
0	Равная важность
-2	Умеренная подчиненность
-4	Сильная подчиненность
-6	Значительная подчиненность
-8	Абсолютная подчиненность

После того, как эксперты (соответствующие должностные лица, участвующие в общей процедуре рассмотрения заявления осужденного о предоставлении ему условно-досрочного освобождения) проведут процедуру сравнения по анкетам, отражающим шкалу выявления относительной важности по всем критериям исправления осужденных, осуществляется перевод результатов в количественный вид с помощью геометрической шкалы при сравнении заявлений а и b по некоторому критерию k.

Методологической основой мультипликативного метода анализа иерархий выступает тезис о пропорциональности субъективного расстояния между двумя стимулами величине стимула. Если эксперт определяет отношения двух элементов (критериев) соответствующего уровня иерархии, то вместо суммирования значений, полученных из сравнений, более рационально перемножать такие отношения. В расчете участвуют именно отношения сравниваемых элементов (критериев), а не абсолютные значения (что показывает нецелесообразность использования балльной шкалы сравнения осужденных по соответствующим критериям).

При проведении сравнения заявлений осужденных по критерию соблюдения установленного режима содержания устанавливается минимальное ($R_{\min}$) и максимальное ($R_{\max}$) значения диапазона соблюдения режима. Деление этого диапазона на M равных интервалов с порядковыми номерами j ($j = 0, 1, 2, \dots, M$), определяющих существенные для эксперта различия в соблюдении осужденными установленного режима содержания, отражается следующей формулой:

$$R_j - R_{j-1} = \rho R_{j-1}$$

где R_j, R_{j-1} – субъективные восприятия экспертом различных диапазонов соблюдения установленного режима содержания; ρ – некоторая постоянная.

Затем осуществляется ряд следующих мероприятий:

1) переход от матрицы парных сравнений, выполненной с использованием геометрической шкалы, к матрице относительной важности заявлений;

2) определение баллов, отражающих сравнительные оценки важности заявления a по сравнению с альтернативой b (из N оцениваемых заявлений);

3) поиск коэффициентов важности заявлений осужденных ω_i ($i = 1, 2, \dots, N$), для чего сначала определяется среднее геометрическое значений в каждой строке матрицы субъективной важности заявлений. Потом полученные значения нормируются посредством равенства:

$$\sum_{i=1}^N \omega_i = 1;$$

4) обнаружить ценность каждого заявления с помощью мультипликативной формулы:

$$p_i = \sum_{k=1}^K \omega_{ik}^{z_k},$$

где p_i – приоритет i -го заявления, показывающий образный вклад конкретного заявления в достижение общей исправительной цели, $k = 1, 2, \dots, K$ – порядковый номер критерия; z_k – вес k -го критерия.

Методика сравнения и выбора заявлений осужденных по всем критериям включает ряд следующих фаз:

1) распределение заявлений в соответствии с их приоритетами (преимуществами) по каждому критерию;

2) определение весов критериев z_k ($k = 1, 2, \dots, K$) и вычисление приоритетов (преимуществ) заявлений осужденных на основании мультипликативного метода анализа иерархий. При этом для каждой из полученных матриц парных сравнений заявлений рассчитывается значение f , отражающее степень превосходства одного критерия (в рамках заявления одного осужденного) над другим критерием (в рамках заявления другого осужденного) в соответствии со шкалой сравнения заявлений.

3) вычисление коэффициентов важности заявлений осужденных ω_{ik} по k -му критерию (коэффициенты важности заявлений, отражающие вклад i -го заявления в образное достижение исправительной цели);

4) взвешивание по весам критериев полученных в результате решения коэффициентов важности заявлений;

5) определение окончательных приоритетов заявлений в соответствии с построенной логистической иерархией.

В целях обеспечения быстроты расчетов и получения возможности графического отображения результатов применения метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий целесообразно использовать несколько экспертно-аналитических систем для персональных компьютеров – Expert Decide, MPRIORITY 1.0 и Expert Solution 1.0, а также (с учетом самостоятельного ввода соответствующих формул) процессор электронных таблиц Microsoft Excel.

Демонстрация многокритериального подхода «в действии»: пример его использования применительно к смоделированной ситуации рассмотрения заявлений осужденных С., П. и И. Доступность восприятия и наглядность применения многокритериального подхода приводят к целесообразности оценки осужденных только по четырем критериям, в рамках которых эксперту предлагается заполнить анкеты по каждому из осужденных (таблица Б). В рамках данной анкеты эксперт отвечает на вопрос: «Насколько один рассматриваемый критерий является более важным по сравнению с другим?».

**Анкета выявления относительной важности
критериев исправления осужденных**

<i>Код анкеты:</i>		<i>Эксперт:</i>				<i>Осужденный:</i>				<i>Дата заполнения:</i>
Критерии	Превосходство критерия, записанного слева над критерием, записанным справа				Равная важность критериев	Превосходство критерия, записанного справа над критерием, записанным слева				Критерии
	Абсолютное	Значительное	Сильное	Умеренное		Умеренное	Сильное	Значительное	Абсолютное	
Успешное прохождение антинарк. и иных лечебных либо реабилитационных программ				V						Отсутствие дисциплинарных взысканий
Успешное прохождение антинарк. и иных лечебных либо реабилитационных программ						V				Наличие мер поощрения
Успешное прохождение антинарк. и иных лечебных либо реабилитационных программ							V			Доброе отношение к труду
Отсутствие дисциплинарных взысканий						V				Наличие мер поощрения
Отсутствие дисциплинарных взысканий								V		Доброе отношение к труду
Наличие мер поощрения						V				Доброе отношение к труду

Результаты анкеты уточняются в процессе составления матрицы парных сравнений критериев с использованием геометрической шкалы, отражающей так называемый вектор приоритетов (таблица В). Парные сравнения критериев исправления осужденных показывают степень образного влияния соответствующих критериев на исправление осужденных. При этом сложные математические вычисления на основе многокритериального подхода с использованием метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий следует осуществить с помощью одной из вышеуказанных экспертно-аналитических компьютерных систем (программ).

Таблица В

Матрица парных сравнений критериев исправления осужденных

Критерий, превосходство которого выявляется	Критерий, по отношению к которому проводятся сравнения			
	Успешное прохождение антинарк. и иных лечебных либо реабилитационных программ	Отсутствие дисциплинарных взысканий	Наличие мер поощрения	Добросовестное отношение к труду
Успешное прохождение антинарк. и иных лечебных либо реабилитационных программ	1	3	1/3	1/5
Отсутствие дисциплинарных взысканий	1/3	1	1/3	1/7
Наличие мер поощрения	3	3	1	1/3
Добросовестное отношение к труду	5	7	3	1

Отношение согласованности (индекса) матрицы экспертных суждений равняется 3,71 %, которое используется для расчета весов критериев (таблица Г). При этом важно учитывать, что если данное отношение превышает 10 %, то это быстрее всего свидетельствует о несогласованности суждений экспертов и высокой вероятности их работы «наугад». В рамках данной анкеты эксперт отвечает на вопрос: «Насколько один осужденный превосходит другого по критерию добросовестного отношения к труду?», поскольку матрица парных сравнений критериев

исправления осужденных показала очевидное преимущество именно этого критерия.

Таблица Г

Анкета для выявления степени превосходства заявлений
по критерию добросовестного отношения к труду

<i>Код анкеты:</i>		<i>Эксперт:</i>			<i>Дата заполнения:</i>			
Заявление, превосходство которой выявляется	Превосходство заявления, указанного слева, над заявлением, указанным справа			Равенство заявлений	Превосходство заявления, указанного справа, над заявлением, указанным слева			Заявление, по отношению к которой проводится сравнения
	Значительное	Сильное	Умеренное		Значительное	Сильное	Умеренное	
Заявление осужденного С.			V					Заявление осужденного П.
Заявление осужденного С.		V						Заявление осужденного И.
Заявление осужденного П.			V					Заявление осужденного И.

Результаты анкеты уточняются в процессе составления матрицы парных сравнений заявлений осужденных (таблица Д).

Таблица Д

Матрица парных сравнений степени превосходства заявлений
по критерию добросовестного отношения к труду

Заявление, приоритет которой определяется	Заявление, по отношению к которой проводятся сравнения		
	Заявление осужденного С.	Заявление осужденного П.	Заявление осужденного И.
Заявление осужденного С.	0	2	4
Заявление осужденного П.	-2	0	2
Заявление осужденного И.	-4	-2	0

В таблице Е приведены как расчеты степени превосходства одного сравниваемого заявления над другим заявлением, так и полученные приоритеты заявлений по критерию добросовестного отношения к труду. В случае, если дополнительный интерес вызывают степень превосходства и приоритеты по другим критери-

ям, то по ним осуществляются аналогичные расчеты.

Таблица Е

Расчет приоритетов заявлений
по критерию добросовестного отношения к труду

Заявление, приоритет которой определяется	Заявление, по отношению к которой проводятся сравнения			Приоритеты
	Заявление осужденного С.	Заявление осужденного П.	Заявление осужденного И.	
Заявление осужденного С.	$f_{11} = e^0$	$f_{12} = e^2$	$f_{13} = e^4$	0,867
Заявление осужденного П.	$f_{21} = e^{-2}$	$f_{22} = e^0$	$f_{23} = e^2$	0,117
Заявление осужденного И.	$f_{31} = e^{-4}$	$f_{32} = e^{-2}$	$f_{33} = e^0$	0,016

Вычисленные значения приоритетов критериев приобрели следующие веса (в процентах): успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ (12,07 %); отсутствие дисциплинарных взысканий (6,41 %); наличие мер поощрения (23,75 %); добросовестное отношение к труду (57,77 %). В результате, в таблице Ж продемонстрированы численные значения приоритетов альтернатив относительно критериев оценки для принятия решения о рекомендации к условно-досрочному освобождению конкретного осужденного.

Таблица Ж

Веса критериев и приоритеты заявлений осужденных

Успешное прохождение антинарк. и иных лечебных либо реабилитационных программ	Отсутствие дисциплинарных взысканий	Наличие мер поощрения	Добросовестное отношение к труду
12,07 %	6,41 %	23,75 %	57,77 %
↓	↓	↓	↓
↓	↓	↓	↓
Заявление осужденного С.	Заявление осужденного П.	Заявление осужденного И.	
43,5 %	28,4 %	28,1 %	

Проведенный анализ и вычисления демонстрируют наибольший приоритет заявления осужденного С., поэтому применительно к смоделированной ситуации рекомендуется выбрать кандидатуру именно данного осужденного для ходатайства перед судом о предоставлении ему условно-досрочного освобождения. При

этом остальные осужденные могут быть проинформированы о том, какие на определенный момент времени критерии и заявления имеют приоритеты.

В случае если экспертами выступает несколько человек (что и рекомендуется для повышения объективности оценки), то окончательный расчет по каждому отдельно взятому осужденному (в примере – С., П., И.) выполняется с помощью среднегеометрического усреднения заключительных данных, полученных соответствующим экспертом. При этом расчеты по суждениям нескольких экспертов рекомендуется проводить путем усреднения оценок суждений эксперта по каждому критерию.

Разработанная методика отбора приоритетного заявления осужденного основана на сочетании традиционного и мультипликативного метода анализа иерархий и позволяет оценивать заявления по соответствующим критериям, количество которых может меняться. Иерархия распределения заявлений по приоритетам формируется на основании группировки критериев, влияющих на выбор заявления, в соответствии с целями уголовно-исполнительного законодательства. Разработанная методика вносит свой вклад в систематизацию института исправления осужденного, отражая алгоритм многосторонней оценки, позволяющий выявить заявление осужденного, поведение которого наиболее полно отвечает требованиям к условно-досрочному освобождению.